СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИКА

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН

ТАМ

«ТОРОК КРЫС»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Гигантский город – замкнутый мир для всех его обитателей. Город невозможно покинуть, поскольку никто не знает, где проходит его граница. Всем заправляет Инфор – главный компьютер, созданный когда-то для обеспечения нужд горожан, но со временем ставший полновластным хозяином Города, управляющим жизнями людей по своему разумению. Созданные им условия настолько идеальны, что людям нет ни малейшей надобности выходить из своих квартир: даже в гости они «ходят» по видеомониторам, создающим полную иллюзию присутствия. Но вот находится один писатель, который сначала из чистого любопытства выходит на улицу, а затем, всерьез заинтригованный, решает найти, где кончается Город. Компьютер начинает мстить…

- Алексей Калугин
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Эпилог

Алексей Калугин
Там (Город крыс)

Пролог

Вам бы здесь побывать…

(Роджер Уотерс)

Каждый день в урочное время, неизменно одно и то же, на улицах Города гаснет свет и включается ночное освещение. Ночь длится ровно 8 часов – с 11 вечера до 7 утра. В 7.05 прекращается утренний дождь, поливающий газоны и смывающий пыль с мостовых, и на улицы Города выезжают большие, плоские, как будто придавленные к земле оранжевые прямоугольники уборочных машин, а на газоны, стрекоча ножами, выбегают похожие на гигантских серых жуков газонокосилки.

Строго установленный порядок нерушим. Одно и то же, с точностью великолепно отлаженного механизма, происходит по всему Городу, на всех семи его уровнях, каждый из которых разделен на пять линий, пересеченных 92 улицами. Вывозится на переработку мусор, стеллажи магазинов пополняются пользующимися спросом товарами, вдоль линий, строго в соответствии с расписанием, бегают сдвоенные серебристые вагончики монорельса, пассажирские лифты и грузовые подъемники осуществляют связь между уровнями.

Связь, управление и контроль обеспечиваются системой инфора, опутывающей своей сетью весь Город.

Город подобен огромному организму, который жив до тех пор, пока все его органы исправно осуществляют свои функции.

Охотник притаился на углу улицы. На нем облегающее черное трико. Лоб пересекает широкая полоса алой материи.

Охотник сидит на корточках. На коленях его лежит остро заточенный с одного конца металлический прут метровой длины.

Охотник терпеливо ждет. У него нет ни малейшего сомнения в том, что тот, кого он подстерегает, непременно появится. И если прежде его не перехватит другой охотник…

Со стороны 3-й линии доносится монотонное механическое стрекотание.

Охотник одним движением легко поднимается на ноги и прижимается спиной к глухой, без низко расположенных окон, стене здания. Держа свое оружие на уровне груди, охотник затаивается. Дичь не должна обнаружить его прежде, чем расстояние между ними сократится настолько, что он сможет достать её в два прыжка. Охотник может состязаться со своей дичью в ловкости, но не в скорости.

Стрекот быстро приближается. Охотник заносит металлическое копье для удара и чуть сгибает ноги в коленях, готовясь к броску. Не имея возможности выглянуть из-за угла и остаться при этом незамеченным, охотник, затаив дыхание, всецело полагается на слух, который и должен подсказать ему нужный момент.

Пора!

Резко выдохнув воздух, который уже начинает жечь легкие, охотник выпрыгивает из-за угла и бросается наискосок через пешеходную дорожку, тянущуюся вдоль фасада здания. По зеленой полосе газона между пешеходной дорожкой и проезжей частью улицы навстречу ему бежит сосредоточенно занятая своим делом газонокосилка.

Заметив охотника, машина издает испуганный писк и, оставив свое занятие, пытается спрыгнуть с газона на дорогу, где, втянув три пары коротких ног, она может воспользоваться для бегства колесами, расположенными под основанием её корпуса. Но, прежде, чем она успевает это сделать, охотник настигает её и, пробив копьем начищенный панцирь, в котором отражается пронзительно голубое небо и невозможно белые, с абсолютно правильными округлыми краями, облака, пригвождает машину к земле. Скребя всеми шестью своими лапами по земле, отчаянно скрежеща ножами, газонокосилка пронзительно верещит, словно способна ощущать боль, пронзающую её разодранные механические внутренности.

На самом деле этот высокочастотный писк служит всего лишь сигналом для аварийной команды.

Не теряя времени, охотник достает из сумки на поясе кусачки и, ловко орудуя ими, отрывает, не заботясь о сохранности крепежей, две широкие стальные полосы с блестящими, остро заточенными ножами для стрижки травы. Спрятав добычу вместе с инструментами в сумку, он выдергивает прут из земли, ударом ноги сбивает повисший на нем почти безжизненный механизм, настороженно оглядывается по сторонам и, сорвав с головы повязку, быстро идет прочь с места преступления.

Меньше чем через минуту он уже скрывается между домами.

– Мне опять приснился тот же самый сон.

– Неужели?.. – врач встает и, задумчиво потирая пальцами лоб, проходит взад-вперед по комнате.

– Мне опять приснился тот же самый сон, – с напором повторяет пациент. – Дракон, кусающий свой хвост!

Врач берет со стола какие-то бумаги, снова садится в кресло напротив пациента и раскладывает их на коленях.

– И этот сон ничем не отличался от предыдущих? Пациент

отрицательно качает головой.

– Может быть, какие-нибудь незначительные детали? – настаивает врач.

– Да никаких деталей вообще не было. Дракон просто свернулся кольцом и грыз свой хвост.

– Как вам показалось, ему было больно? Озадаченный таким вопросом, пациент на мгновение задумывается.

– Не знаю… Из прокушенного хвоста текла кровь… Она стекала между зубов… Но дракон при этом улыбался.

– Он не показался вам похожим на кого-нибудь из знакомых?

– Дракон?

– Именно.

– Нет.

– Вы уверены?

– Совершенно определенно – нет… Хотя, пожалуй, что-то узнаваемое в нем присутствовало… Не внешность, нет… Что-то в самом образе… Нечто символическое… Я не могу объяснить!

– Возможно, это просто воспоминание о прошлых снах.

– Нет, нет… – пытается возразить пациент.

– Постарайтесь не концентрировать свое внимание на этом сне, – мягко, но властно останавливает его врач. – Часто повторяющиеся сны исчезают так же внезапно, как и появляются. Обычно они не несут в себе никакой смысловой или символической нагрузки, являясь всего лишь симптомом нервного переутомления.

– Значит, вы считаете, что у меня навязчивая идея?

– Конечно же нет, – одними губами улыбается врач. – Мне и самому порою снятся драконы…

За истекший месяц у него это уже 22-й пациент, которому снятся драконы.

Глава 1

Дракон, кусающий свой хвост

(4-й уровень, 63-я улица, дом 24)

Скосив глаза в сторону от гостевого экрана, врач начал не спеша, одним пальцем набирать на клавиатуре инфора базовые данные для стандартной формы отчета о беседе с пациентом:

Врач-психокорректор: Люциус Шейлис Пациент: Стили Блум Пол: мужской Возраст: 32 года Предполагаемый диагноз: – В последней графе он оставил пробел. Уже не в первый раз.

– Это всё? – продолжая перебирать пальцем клавиши, спросил Шейлис.

– Да. Всё, – быстрым, ненужным движением Блум смахнул со стола несуществующую соринку. – Почти всё…

– Что было еще, Сти?

Блум быстро взглянул на Шейлиса и снова отвел взгляд.

Теперь он внимательно рассматривал свои ногти.

– Сти, я смогу тебе помочь только в том случае, если ты будешь со мной предельно откровенен, – у Шейлиса был ровный, профессионально поставленный голос с мягкими, успокаивающими обертонами, направленными на то, чтобы максимально расположить пациента к врачу, заставить его полностью раскрыться.

– Я снова видел тот же самый сон, – старательно не глядя на собеседника, произнес Блум.

– Расскажи мне его, – мягко, но требовательно попросил Шейлис.

– Нет.

– Нет? – переспросил Шейлис так, словно хотел убедиться в том, что ослышался.

– Нет, – твердо повторил Блум.

– Ты отказываешь мне в доверии, Сти?

– Нет. Я просто не хочу рассказывать свой сон.

– Если я правильно тебя понял, это тот же самый сон, о котором мы с тобой говорили неделю назад?

– Да.

– Но ты ведь уже рассказывал мне его.

– Тем более, – к чему повторяться.

– Возможно, на этот раз появятся какие-нибудь новые детали. Давай попробуем вместе проанализировать их…

– Я не буду рассказывать!

– Тебя что-то смущает?

– Просто не хочу.

– Сти, посмотри, пожалуйста, мне в глаза, – попросил Шейлис, положив палец на клавишу снятия моментальной иридиограммы.

Блум мгновенно выполнил просьбу. Взгляд его, вопреки ожиданиям Шейлиса, был ясным и твердым. Никакой растерянности, ни намека на подавленную неуверенность или скрытые сомнения.

С несколько озадаченным видом Шейлис надавил на клавишу. На горизонтальный экран, расположенный слева от гостевого, так, чтобы он оставался невидимым для собеседника, начали поступать результаты анализа. Практически все показатели теста соответствовали норме. Незначительный всплеск наблюдался только в одном узле: любопытство, агрессивность и недостаток информации.

– Ну, и как, с моей головой все в порядке? – саркастически усмехнувшись, поинтересовался Блум.

Шейлис непроизвольно дернулся в сторону от экрана с данными, иридиограммы, но тут же взял себя в руки.

– С чего ты взял, что я проверяю тебя?

– Мне приходилось бывать у тебя дома и я прекрасно помню расположение всех узлов на твоем терминале.

Шейлис натянуто улыбнулся, – конечно, все очень просто…

– Ну, так я ещё не сошел с ума? – снова спросил Блум.

– Не валяй дурака, Сти, ты и сам отлично знаешь, что твоя психика в порядке, – от минутной растерянности Шейлиса не осталось и следа. Он снова контролировал ситуацию, уверенно взяв в руки нить разговора. – Твое нынешнее состояние обусловлено тем, что ты не можешь разобраться в своем сне. Он волнует, тревожит тебя, но ты не в силах понять причину этого беспокойства. И это, в свою очередь, раздражает и злит тебя. Для того, чтобы выйти из этого замкнутого круга, тебе необходима моя помощь.

– Наверное, ты прав, – не очень уверенно согласился Блум.

– Так в чем же дело?

Снова воцарилось молчание. Блум встал, прошелся по комнате, взял со стола бутылку с лимонадом и до краев наполнил высокий стакан.

– Ты хочешь лимонада? – как бы между прочим спросил он, обернувшись в сторону Шейлиса.

– Нет, спасибо, – отрицательно качнул головой тот.

– Прошу тебя, Люц, выпей! Не отказывайся! – Блум подошел к

столу, по другую сторону которого находился Шейлис, и резким, порывистым движением протянул ему стакан. Стекло звякнуло о невидимый экран инфора. Часть содержимого стакана выплеснулась на стол и растеклась прозрачной пузырящейся лужицей, не затекая при этом на половину Шейлиса.

Шейлис откинулся на спинку кресла и поднял руки, соединив кончики пальцев на уровне подбородка. В положении его тела и выражении лица читалось мягкое неодобрение и легкое осуждение столь необдуманного, импульсивного поступка друга, – все то же следствие хорошей профессиональной подготовки.

– Ну, и что ты хотел этим показать? – с легкой укоризной спросил он.

– Ты даже не можешь взять в руку предложенный мною стакан воды, – Блум посмотрел по сторонам, ища, куда бы поставить уже ненужный ему стакан, и в конце концов попросту поставил его на пол, – а берешься при этом судить о моей душе.

– Это не одно и то же…

– Брось! Между нами стена! Нам только кажется, что мы рядом, – на самом деле между нами стоит этот экран! И у меня нет никакой уверенности в том, что он показывает мне тебя таким, каков ты есть на самом деле. Я не могу быть уверен в том, что он не перевирает твои слова!..

Резким движением руки Блум смахнул на пол разлитый на столе лимонад.

– Не говори глупостей, Сти, – Шейлис выпрямился в кресле. – Ты же не параноик. Зачем инфору искажать мои слова?

– Не знаю, – развел руками Блум. – Но, вспомни, когда мы с тобой последний раз общались непосредственно, не прибегая к помощи инфора?

– Когда учились в Нормальной школе? – подумав, высказал свое предположение Шейлис.

– Именно! – щелкнул пальцами Блум. – И это было пятнадцать лет назад!

– Но инфор создает полную иллюзию непосредственного общения…

– Вот именно – только иллюзию. И какова доля правды в этих иллюзорных образах, известно лишь одному инфору.

– Тебе не кажется, что ты слишком уж антропоморфно рассматриваешь действия обычной информационно-коммуникативной сети?

– Тебе виднее, ты – психокорректор.

– Да?.. В таком случае я бы предложил забыть об этом и вернуться к началу нашего разговора.

– А что было в начале?

– Твой сон, который ты не желаешь рассказывать. И теперь я знаю почему: ты не хочешь, чтобы о нем узнал инфор.

– В точку, док! Угадал!

– Но неделю назад ты не боялся этого.

– Я и сейчас не боюсь. Просто не хочу. Инфор знает обо мне все. Его видеосенсоры наблюдают за мной день и ночь, отслеживая каждый мой шаг, каждый жест. Он выступает посредником при моем общении с друзьями и знакомыми. И даже врачебная тайна, – легкий кивок в сторону собеседника, – для него не секрет. Он знает, какие товары я заказываю в магазинах, какие книги читаю, какую музыку слушаю, какие фильмы смотрю… Так пусть хотя бы мои сны останутся только моими… Я понятно объясняю?

– Да, – наклонил голову Шейлис.

– И что ты на это скажешь?

– Пока ничего. Я должен прогнать запись нашего разговора через тест-программу…

– То есть и диагноз мне поставит инфор?

– Диагнозы ставлю я. И лечение назначаю тоже я, – в плавной и неторопливой речи врача неприятно хрустнула холодная нотка раздражения. – А инфор – это просто справочник, к которому я обращаюсь за помощью… Слушай, Блум, почему я должен, как маленькому, объяснять тебе прописные истины?

– Извини, – Блум взмахнул открытыми ладонями на уровне лица и тряхнул головой так энергично, что пряди прямых светлых волос упали ему на лоб. – Я знаю, что я полнейший болван. Но ведь твоя работа как раз и заключается в том, чтобы выслушивать таких, как я. Надеюсь, я тебя не очень утомил?

Шейлис покачал головой и улыбнулся, – как можно сердиться на ребенка, который спрашивает, можно ли сломать игрушку для того, чтобы посмотреть, что там у неё внутри?

– Ты когда в последний раз встречался с людьми? Блум, оглянувшись через плечо, окинул взглядом свою неприбранную квартиру.

– Давно, – честно признался он.

– Сегодня Лиза устраивает вечеринку. Будут четверо моих коллег с женами, Лизины подружки по клубу. Мы были бы рады видеть и тебя.

– Э, нет! – протестующе взмахнул рукой Блум. – Ты же видишь, в каком я состоянии. Я могу сорваться, наговорить каких-нибудь глупостей…

– Ничего! Тебе, как творческой личности, все с рук сойдет, – улыбнувшись, пообещал Шейлис. И уже серьезно добавил: – Тебе

необходимо побольше общаться с людьми, Блум. Это я тебе говорю как врач. Но видеть тебя у себя дома я хочу не в качестве пациента, а как друга.

– Я не знаю… – попытался уйти от прямого ответа Блум.

– Ну, послушай, доставь мне удовольствие! Лизины подружки просто упадут, когда я им представлю знаменитого писателя Стили Блума!

– Хорошо, сдаюсь… Согласен… – Блум рассмеялся. – Против подружек устоять не могу.

– Отлично! В таком случае, ждем тебя в пять. До встречи?

– Договорились, – махнул рукой Блум.

Шейлис протянул было руку, собираясь выключить экран инфора, но какое-то едва уловимое изменение в выражении лица Блума заставило его остановиться. Шейлис вопросительно посмотрел на друга. Блум приблизил лицо к экрану со своей стороны и едва слышно прошептал:

– Мне снова приснился дракон, кусающий свой хвост…

Готовясь к визиту, Блум постарался прибрать квартиру, уделив особое внимание той её части, которая попадала в поле зрения видеосенсора гостевого экрана инфора. Не без оснований предполагая, что интерьер его квартиры давно уже вышел из моды, Блум заказал по каталогу несколько новых имитаторов, после чего комната сделалась похожей на салон модной мебели. Желая все же подчеркнуть собственную индивидуальность, Блум передвинул на видное место стеллаж с настоящими книгами, хотя и понимал, что, глядя через экран инфора, вряд ли кто-нибудь сумеет отличить настоящие книги от имитаций.

В начале пятого прозвенел сигнал ячейки доставки. Шейлисы прислали список блюд и напитков, которые следовало заказать к столу, и набор имитаторов для столовой посуды. Сделано это было с той целью, чтобы у всех гостей на столах находилось именно то, что выбрали пригласившие их хозяева.

Сделав заказ согласно присланному списку, Блум принялся за сервировку столика, совмещенного с частью большого гостевого экрана инфора. В выключенном виде экран был похож на обычную стену с большим окном, за которым, в соответствии с желанием хозяина, в данный момент находилась залитая солнцем лесная поляна.

Имитаторы, прикрепленные к краям одноразовой посуды, превратили пластиковые тарелки в старинный фарфор, стаканы – в роскошные хрустальные бокалы, а вилки и ножи – в столовое серебро, что, по мнению Блума, создавало определенное неудобство в пользовании ими; хотя на вид они стали массивными и тяжелыми, на самом же деле по-прежнему почти

ничего не весили.

Еще один, присланный вместе с остальными, имитатор, должен был изображать стоящий на столе канделябр с тремя зажженными свечами. Это была, по-видимому, какая-то новая разработка. Во всяком случае, Блум не помнил, чтобы прежде ему встречалось нечто подобное. Свечи горели, как настоящие, и даже, со временем, оплывая, уменьшались в размерах. Для того, чтобы заменить «сгоревшие» свечи на «новые», нужно было всего лишь переключить имитатор.

Включив его, Блум осторожно коснулся иллюзорного язычка пламени кончиком пальца и, не почувствовав даже легкого тепла, испытал почему-то острый зуд разочарования.

Ровно в пять Блум пристегнул к карману рубашки имитатор, посмотрел на себя в зеркало и, убедившись, что выглядит надлежащим образом, – широкие светлые брюки, короткий пиджак стального цвета с монограммой на нагрудном кармане, бледно-розовая рубашка с блестками и тонкий витой галстук, – набрал на клавиатуре инфора адрес Шейлисов.

В одно мгновение исчезла стена с окном, и комната превратилась в просторный зал, заполненный людьми. Столик Блума стал частью большого, роскошно сервированного обеденного стола. Стали слышны звуки приглушенной музыки и гул голосов.

– А, вот и Блум!

Шейлис махнул Блуму рукой с противоположного конца зала и начал быстро перемещаться по направлению к нему. По дороге он подхватил под руку молодую женщину в темно-синем вечернем платье. Ее длинные темные волосы были зачесаны на левую сторону и перетянуты толстым золотистым жгутом.

– Смотри-ка, кто к нам пожаловал!

– Сти! – радостно всплеснула руками жена Шейлиса и легко изобразила поцелуй в щеку. – Сто лет тебя не видела! Зато читала твою последнюю книгу!

– Не может быть! – в демонстративном изумлении Блум округлил глаза. – Хочешь сказать, что дочитала до конца?

– Конечно!

– В таком случае, перескажи её своему супругу. Возможно, тогда ему станет легче меня понять.

– Я понимаю тебя лучше, чем кто-либо другой, – подчеркнуто серьезно заявил Шейлис. – А книг твоих не читаю, чтобы не думать о тебе хуже, чем ты есть на самом деле.

Лиза засмеялась, слегка откинув голову назад.

– И правильно делаешь, – сказал Блум без тени улыбки.

– Пойдем, я познакомлю тебя с гостями, – Шейлис взял Блума

за локоть. Хотя на самом деле между собой общались всего лишь две топографические копии, иллюзия физического контакта была почти полной.

– Люц, – поманила мужа кончиком пальца Лиза и, когда он наклонился к ней, шепотом, но так, чтобы мог слышать и Блум, сказала, указав взглядом на сидевших у дальнего края стола двух молодых дам: – Сделай, пожалуйста, так, чтобы вы с Блумом оказались возле них в последнюю очередь, – она весело и хитро скосила глаза на Блума. – Мои подруги просто не могли дождаться твоего появления.

– Они тоже читали «Земляничную поляну»? – недоверчиво улыбнулся Блум.

– Нет, – Лиза на мгновение смутилась, но тут же нашла выход из положения, – но одно твое имя оказывает на них магическое воздействие.

– Для того, чтобы преклоняться перед гением, совсем не обязательно читать, что он пишет, – Шейлис подмигнул Блуму, и они оба с обреченной покорностью склонили головы перед Лизой.

Оставив Шейлиса и Блума вдвоем, Лиза упорхнула к своим подругам, которые на протяжении всего её разговора с мужчинами, перешептываясь, то и дело бросали любопытные взгляды в их сторону, так что Блум решил, что Лиза, по своему обыкновению, наплела про него каких-то небылиц.

Мужчины не спеша двинулись в обход зала, останавливаясь возле о чем-то беседующих, развлекающихся музыкальными картинками или же просто так сидящих и слушающих музыку гостей. Зная, что Блум не любит пустых разговоров о своих книгах, Шейлис, знакомя с гостями, представлял его просто как литератора, – название, за которым мог скрываться даже рядовой составитель рекламных текстов для инфора.

В большинстве своем гости были коллегами Шейлиса, пришедшими вместе с женами или подругами. Одного или двух из них, как показалось Блуму, он уже встречал как-то у Шейлисов, но вспомнить их имена так и не смог. Блуму улыбались, приветливо жали руку, задавали обычные в подобных случаях вопросы, приглашали присоединиться к своей компании, но Шейлис, извиняясь, уверенно вел друга дальше по кругу, чтобы замкнуть его в обозначенной Лизой точке.

Бывая, хотя и не часто, на больших приемах, Блум всегда испытывал странное чувство, не в силах понять, как ему удается, оставаясь в своей комнате, в то же время разгуливать по огромному залу, наполненному людьми, который, к тому же, ещё и вовсе не существовал в реальности. В любое время, находясь в самом дальнем конце зала, он мог свободно протянуть руку к

столу и взять все что угодно из того, что там находилось, хотя на самом деле в руке у него неизменно оказывалось только то, что было на его собственном приэкранном столике. Каждый раз Блуму хотелось хотя бы мысленно отделить истинную реальность от мнимой, и всякий раз он проигрывал, будучи вынужден признать, что иллюзия ни в чем не уступает реальности, а в чем-то даже и превосходит её. Зная заранее о безнадежности подобных попыток, Блум, тем не менее, не мог заставить себя удержаться от новых опытов. Возможно, виной тому была его профессия, – писатель сам создает мнимую реальность. Но ещё ни разу ему не удавалось изобразить мир, который невозможно было бы отличить от реального. Он, – человек, – проигрывал машине! Или же тому, кто создал эту машину?..

От безостановочного движения по несуществующему залу, от бесконечного мельтешения лиц, – существующих ли на самом деле? – у Блума скоро начала кружиться голова. Ему казалось, что его засасывает воронка огромного водоворота, что он летит в глубь бездонного колодца…

– Сти, ты в порядке? – услышал он озабоченный голос Шейлиса и встряхнул головой, отгоняя навязчивые мысли.

– Да, все нормально… Просто задумался.

– Интересно, о чем же?

На широком, чуть полноватом, с крупными чертами лице Шейлиса промелькнуло беспокойство.

– Я очень плохо выгляжу? – повернулся к нему лицом Блум.

– Нет. Мне просто показалось, что ты где-то далеко…

– Конечно, – с вызовом произнес Блум. – Я ведь нахожусь у себя дома. А ты – у себя.

Со стола, мимо которого они проходили, Блум подхватил бокал шампанского, расплескав часть содержимого на белую накрахмаленную скатерть. На скатерти не осталось ни пятнышка, – имитатор заботливо сохранил её первозданную чистоту.

– Успокойся, Сти, – мягким, едва ли не убаюкивающим голосом произнес негромко Шейлис, – сейчас ты у меня в гостях.

– Хорошо… Если ты этого хочешь, – Блум залпом осушил бокал. – Я согласен играть роль добропорядочного гостя, если ты хотя бы на время прекратишь изображать из себя врача.

– Ты же сам захотел, чтобы я стал твоим психокорректором, – обиженно пожал плечами Шейлис.

– Если бы я сейчас находился рядом с тобой, Люц, то непременно ободряюще похлопал бы тебя по плечу, – криво усмехнулся Блум. – Можешь сделать это за меня сам, – не хочу пользоваться посредничеством инфора для выражения теплых

чувств к другу.

Шейлис вновь пожал плечами и, внимательно посмотрев на Блума, покачал головой:

– Все в Городе пользуются услугами инфора, и никто пока ещё не пострадал от этого. Да ты и сам прежде относился к инфору без предубеждения. Откуда оно вдруг появилось?

– Не знаю. Может быть, во всем виноват мой сон?

– Тот, про дракона?

– Другие мне уже давно не снятся.

– Почему ты думаешь, что причина в нем?

– Ничего другого мне просто не приходит в голову.

Засунув руки в карманы брюк, Шейлис задумчиво уставился на носки своих ботинок:

– Этот сон пугает тебя? Ты хотел бы избавиться от него?

– Нет, – не задумываясь, ответил Блум. – Меня пугает другое.

– Что именно?

– Не сейчас. Мы уже почти достигли конечной точки нашего странствия по залу.

Шейлис, встрепенувшись, поднял взгляд. Сделав почти полный круг по залу, они подошли к тому месту, где расположилась в компании своих приятельниц Лиза. Задумчивое выражение слетело с лица Шейлиса, уступив место обаятельной улыбке радушного хозяина. Нечто подобное попытался изобразить на своем лице и Блум.

– Знакомьтесь, – улыбнулась Лиза. Последовали церемонные раскланивания, чрезмерно приветливые улыбки, пожатия рук.

– Стили Блум…

– Вильгельмина…

– Мейла…

– Дорогой, – одарила мужа улыбкой Лиза. – Можешь не волноваться, Стили с нами не будет скучно.

– Конечно, Люц, – кивнул Шейлису Блум, – если что, я всегда смогу позвать на помощь.

Выглядел он при этом беззаботно и уверенно. После мгновения нерешительности Шейлис поднял брови и округлил глаза, показывая, как он завидует приятелю, остающемуся в обществе прекрасных дам, и, безнадежно вздохнув, направился к соседней группе гостей.

– Мы как раз говорили о твоей последней книге, – сказала Лиза, перемещаясь вместе со стулом так, чтобы находиться между Блумом и подругами.

Движение Лизы было чисто машинальным, поскольку она, как хозяйка вечера, старалась держать в поле зрения одновременно всех своих гостей. Однако Блум решил, что

пересела она с тем, чтобы иметь возможность остановить его в случае если он по неосмотрительности допустит какую-нибудь бестактность.

– Неужели? – Блум растянул губы в откровенно притворной улыбке.

– Да-да-да, – поддержала Лизу одна из подруг. Та, которую, кажется, звали Вильгельмина: – Лиза как раз пересказывала нам вашу восхитительную «Земляничную поляну».

– И чем же она вас так восхитила?

– Ну как же… – Вильгельмина выглядела растерянной. – Это же ваш последний роман, – нашлась она наконец.

– Должен вас разочаровать, – заметил Блум, – после «Поляны» я уже успел написать ещё кое-что.

– Да? Как интересно! – восторженно округлила свои и без того огромные глаза Мейла.

Блум взял со стола бутылку красного вина и наполнил свой бокал.

– Не желаете? – спросил он, нацелив горлышко бутылки в сторону бокалов дам.

Все три мгновенно прикрыли свои бокалы ладонями.

– Извините, – криво усмехнулся Блум, – я давно не бывал на приемах и, наверное, разучился вести себя в обществе. – Он залпом осушил свой бокал и вылил в него остатки вина из бутылки: – Я хотел как лучше… Честное слово.

– Все в порядке, Сти, – успокаивающе коснулась его руки Лиза, – просто я хочу выпить шампанского.

Лиза взяла со стола открытую бутылку шампанского и плеснула немного в свой бокал. Точно так же поступили и Вильгельмина с Мейлой. Но ни одна из них даже не пригубила свой бокал.

– За прекрасных дам! – отсалютовал бокалом Блум и выпил в одиночестве.

– Так ты расскажешь нам о своей последней работе? – задала вопрос Лиза.

– Да-да, расскажите, – присоединилась к её просьбе Вильгельмина.

– Это новый роман? – спросила Мейла. – Как он называется?

– То, что я сделал, скорее всего, следует отнести к разряду экспериментальной литературы, – снова усмехнулся Блум. Поставив бокал слева от себя, он положил руки на стол. – Неделю я сидел за клавиатурой и без какого-либо смысла тыкал пальцами во все буквы подряд. После этого я оформил получившееся крошево из знаков и букв как рукопись, присвоил ей название «Белиберда» и запустил в сеть инфора. Через пару дней начали

поступать первые отзывы критиков. И что удивительно, среди них не было ни одного отрицательного. В них говорилось о смелом поиске новых литературных форм и нетрадиционных выразительных средств; о дерзком эксперименте молодого, но, несомненно, талантливого автора; о том, что для того, чтобы понять произведение, требуется серьезная подготовка; о бесспорном влиянии на роман целого ряда произведений классической литературы. Но ни один из рецензентов не сказал, что это просто белиберда. О чем, собственно, говорит само название рукописи. Как вам это нравится?

– Неужели это правда? – удивленно взмахнула ресницами Мейла.

– Чистейшая, – заверил её Блум. – Если сомневаетесь, можете заказать роман Стили Блума «Белиберда» через сеть инфора.

– Ничего удивительного, – уверенно и, как показалось Блуму, немного обиженно заявила Вильгельмина. – Вы просто играли не по правилам.

– Простите? – непонимающе посмотрел на неё Блум. – Я не совсем понимаю, что именно вы хотите этим сказать?

– Вы предложили набранный вами бессмысленный текст в качестве литературного произведения. Именно с этой точки зрения оно и рассматривалось критиками.

– Но это же глупо!

– Почему?

– Да потому что с первого взгляда на текст ясно, что перед тобой полнейшая бессмыслица!

– А, может быть, вы, сами того не подозревая, открыли новый жанр?

– Да? И как же он будет называться?

– Белиберда! – опередив всех, воскликнула Мейла. Женщины весело засмеялись.

– Бред какой-то, – раздраженно дернул подбородком Блум.

– А мне это кажется забавным, – сказала с улыбкой Лиза.

– Забавно? То, что любой недоумок, даже не удосужившись научиться грамоте, но умеющий нажимать пальцем на клавиши, может стать признанным писателем? – Блум так резко подался вперед, что Лиза невольно отшатнулась. – Ты это находишь забавным?

– Вы напрасно так горячитесь, – манерно растягивая слова, произнесла Вильгельмина. – Для того, чтобы подобное произведение получило благосклонные отзывы критики, его автором должен быть именно Стили Блум, а не кто-то иной.

– То есть вы хотите сказать, что автор должен быть профессиональным литератором, в противном случае так

называемое «произведение» не будет воспринято всерьез?

– Именно так, – величественно склонила голову Вильгельмина.

– А вы знаете, что для того, чтобы получить лицензию на право архивировать свои произведения в электронной библиотеке инфора, достаточно ознакомиться или просто сделать вид, что ознакомился, с теоретическим курсом словесной эстетики? Я занимался изучением вышеназванного курса весьма серьезно, и у меня ушло на это чуть больше трех месяцев.

– Вы думаете, что кому-то может прийти в голову получить лицензию писателя только для того, чтобы заполнять библиотеку инфора бессмысленными наборами букв, выдавая это за литературные произведения? – с показной иронией поинтересовалась Мейла.

– А почему бы и нет?

– С таким же успехом можно предположить, что кто-то захочет получить лицензию врача для того, чтобы давать пациентам вредные советы, – сказала Вильгельмина.

Довольная придуманным силлогизмом, она улыбнулась и пригубила бокал с шампанским.

– Но это же ужасно, – с благоговейным негодованием выдохнула Мейла и посмотрела на Блума.

Вопреки её ожиданиям, Блум не стал возражать.

– Именно так, – сказал он. – Мы не застрахованы от идиотов.

– Абсурд! – резко, со сдерживаемой злостью, бросила Вильгельмина.

– Как и вся наша жизнь, – мило улыбнулся ей Блум.

– Подобное может вообразить себе разве что только писатель, – мягко заметила Лиза.

Реплика её была направлена на то, чтобы попытаться снизить резко подскочивший вверх эмоциональный градус разговора.

– Естественно, – не стал спорить Блум, – людям творческих профессий, как объяснил мне недавно твой муж, вообще свойственно время от времени выкидывать всякие глупости. Так что и мне, наверное, можно кое-что простить.

– Например? – приподняв тонкую бровь, строгим голосом спросила Вильгельмина.

– Например то, что я предложил наполнить ваши бокалы из бутылки, которой для вас не существует.

– Но ведь вы же сделали это не нарочно? – с надеждой спросила Мейла.

– В этот раз – нет. Но, честно признаться, я довольно-таки часто прибегаю к этому тесту.

– И с какой же целью? – спросила Лиза.

– Чтобы узнать, существует ли мой собеседник на самом деле.

– То есть? – удивленно переспросила Лизы.

– Призраки не пьют. Ни воды, ни вина, – вообще ничего. Я даже думаю, что влага им противопоказана.

Откинувшись на спинку стула и приложив палец к губам так, словно делая знак сохранять молчание, Лиза с интересом посмотрела на Блума. Она понимала, что Стили, конечно же, шутит. Но делал он это настолько убедительно, с такой неподдельной искренностью, что у Лизы невольно создавалось впечатление, что все это он не раз обдумывал наедине с собой на полном серьезе. Хотя, может быть, она просто давно не видела Блума и успела забыть, как ловко он умеет преподносить свои подначки и шуточки.

Мейла и Вильгельмина тем временем быстро переглянулись, прыснули смехом и, звонко чокнувшись, осушили свои бокалы. Мейла ещё и с удовольствием причмокнула губами при этом.

– Это меня не убеждает, – меланхоличным тоном все повидавшего и во всем успевшего разочароваться старика произнес Блум. – Я знаю, что в моей бутылке налито вино, но, что находится в ваших, мне неизвестно.

– Смотрите же!

Вильгельмина высоко подняла свою бутылку и наклонила её. Тонкая золотистая струйка ударилась о дно бокала и, запузырившись, растеклась по краям.

Блум, усмехнувшись, чуть подался вперед и подставил раскрытую ладонь под винную струю.

Не подозревая о возникшей на её пути преграде, струя продолжала заполнять бокал.

Резким движением, так, что вино, расплескавшись, залило скатерть, Вильгельмина поставила, почти бросила бутылку на стол. Ее красивое, с тонким чертами лицо на мгновение исказила морщинистая гримаса отвращения, словно её белая, с длинными пальцами ладонь коснулась чего-то мокрого, липкого и пугающе холодного.

Сделав вид, что он не заметил реакции Вильгельмины на свой поступок, Блум посмотрел на других женщин.

Лиза все также с интересом наблюдала за ним. А Мейла…

Выражение лица Мейлы не поддавалось однозначной расшифровке. Среди бури чувств, бушевавшей на нем, выделялись только огромные острова серых, восхищенных глаз. Почувствовав на себе заинтересованный, изучающий взгляд Блума, Мейла ни капли не смутилась, не отвела глаз в сторону, а только быстрым, привычным движением подцепила пальцем и

убрала за ухо прядь огненно-рыжих волос.

Подняв руку, Блум продемонстрировал сухую ладонь.

– Иллюзия. Одно из двух: либо моя рука, либо ваше вино.

– Или и то, и другое, – шепотом произнесла Мейла. Вильгельмина вскочила на ноги и, оперевшись руками о край стола, вся подалась вперед. Лицо её напряженно застыло, на скулах выступили багровые пятна.

– Вы… Как…

Вильгельмина не могла говорить, захлебываясь гневом и ненавистью.

«Интересно, что я почувствую, если она попытается вцепиться мне в горло?» – подумал Блум.

Наконец ей удалось с собой справиться. Медленно и ясно, не выговаривая, а словно бы выплевывая слова, она произнесла:

– Порядочные люди так себя не ведут. По крайней мере, в обществе.

Блум беззащитно развел руки в стороны.

– Я думал, вам объяснили, что мне, как литератору, свойственна некоторая ненормальность. Ко мне следует относиться со снисходительностью.

– Вас нельзя приглашать в приличное общество!

– Вильгельмина, сядь и успокойся! – не глядя на подругу, негромко, но властно произнесла Лиза.

Вильгельмина бросила на неё гневный взгляд, хотела было что-то ответить, но сдержалась и, вскинув подбородок, с сознанием собственной правоты, развернулась и отошла в сторону, к группе что-то оживленно обсуждающих гостей.

– Я бы на её месте просто отключил инфор, – едва слышно, словно разговаривая с самим собой, произнес Блум. Лиза, взглянув на него, невесело улыбнулась.

– Тебе ясно сказали, Сти: ты не умеешь вести себя в обществе.

– Ах, да, конечно, – с очень серьезным видом сдвинул брови Блум, – похоже, я поссорил тебя с подругой… Извини…

– А, – неопределенным жестом кисти руки Лиза прочертила в воздухе замысловатую кривую, – с Вильгельминой всегда так.

– Как? – не понял Блум.

– Как и с тобой, – устало вздохнула Лиза и налила себе вина. – Ей самой всегда хотелось сделать то, что совершил сегодня ты. Но она для этого слишком хорошо воспитана.

– Ты знаешь, – доверительно наклонился в сторону Лизы Блум, – по-моему, она готовый пациент для твоего мужа. Как и я сам.

– Как и все мы, – добавила Лиза. Подняв бокалы, они чокнулись и, вместо того, чтобы выпить, одновременно

расхохотались.

Мейла удивленно перевела взгляд с одного на другую.

– Может быть, кто-нибудь и мне объяснит, что собственно произошло? – немного обиженно спросила она.

Лиза и Блум, на мгновение умолкнув, посмотрели на Мейлу, переглянулись и снова грохнули смехом, да так, что на них обернулись почти все гости. А Шейлис посмотрел на них так даже с некоторой тревогой.

Лицо Мейлы вспыхнуло обидой. Тряхнув головой, она взметнула огненный шквал волос и схватилась за подлокотники кресла, собираясь последовать примеру Вильгельмины. Но одновременные движения в её сторону Лизы и Блума удержали девушку на месте.

– Оставайся с нами, Мейла, – Лиза погладила подругу по руке.

– Только если вы перестанете хохотать, как ненормальные, – сказала Мейла и, расслабившись, отпустила подлокотники. – И объясните, наконец, что же вас так развеселило?

– Вам не приходилось видеть во сне дракона, кусающего свой хвост? – спросил её Блум.

– Да, – удивленно вскинула брови Мейла. – Несколько раз… Но как вы об этом узнали?

– Я не знал, а просто спросил, – ответил Блум. – Дело в том, что я сам довольно-таки часто вижу этот сон. Разве не смешно: все мы, совершенно разные люди, видим один и тот же сон?..

Блум поднял бутылку, чтобы наполнить бокал, и, обнаружив, что она пуста, разочарованно отставил в сторону. Грустно глянув на дно пустого бокала, он вдруг протянул его вперед и умоляющим голосом попросил:

– Может быть, кто-нибудь плеснет винца?

Женщины, не сговариваясь, одновременно подняли свои тоже пустые бокалы. Три бокала столкнулись, рассыпав поток иллюзорного звона, который, не успев упасть, потонул в живом, неудержимом смехе.

Теперь смеялись все трое.

Со стороны это походило на истерику.

Стили Блум

«Я должен сделать… Я непременно должен сделать это сегодня… Сейчас. Иначе я не знаю, хватит ли у меня когда-нибудь решимости и воли выполнить задуманное…

Что ж, последний взгляд на себя в зеркало…

Если бы не имитатор, я, пожалуй, выглядел бы смешно: не в меру располневший, сутулый тип, натянувший на себя полевую камуфляжную форму. А так, – сидит, как влитая. Имитатор какую угодно одежду подгонит под любую, самую несуразную фигуру… Ни единой складочки…

Ну, вот и все… Теперь я подхватываю за лямки небольшой рюкзачок ярко-красного цвета, – собранный уже давно, он долго ждал своего часа в углу прихожей, – и подхожу к двери.

Невольно я задерживаю дыхание на вдохе…

Раз… Два… Три…

Пада-падам…

Можно ещё подождать…

А можно и вообще никуда не ходить… Бросить рюкзак в угол, вернуться в комнату, сесть в кресло и включить инфор…

Изо всех сил обеими руками толкаю дверь от себя…»

Глава 2

Рюкзак, дождавшийся своего часа

(4-й уровень, 63-я улица)

Блум открыл дверь и…

Ничего не произошло.

Ровным счетом ничего!

Не провалился пол, не закачались стены, не обрушился потолок…

А что, собственно, должно было произойти?

Блум сам не знал ответа на этот вопрос. Он просто затаился в напряженном ожидании, подобно дикарю, нарушившему тысячелетнее табу только ради того, чтобы узнать, какова будет ответная реакция высших сил, стоящих над ним.

Прошло несколько секунд.

Блум глупо хихикнул и, закинув рюкзак на плечо, постарался придать себе беспечный вид. Ну, собрался человек прогуляться, что же здесь такого необычного? Он попытался даже насвистывать какой-то пришедший в голову легкий, незатейливый мотивчик, но свист то и дело срывался, переходя в беспомощное сипение. Ну, и ничего страшного, все равно его никто не видит и не слышит. Нет никого вокруг!

Блум не стал вызывать лифт, а отправился вниз по лестнице. Три этажа – какой пустяк! Зато в коленях по мере пересчитывания ступенек накапливалась тяжесть, придававшая шагам твердость и уверенность. – Добрый день, господин Блум!

Блум от неожиданности чуть не упал, промахнувшись ногой мимо очередной ступени.

Оказалось, что это всего лишь робот-привратник, – серый цилиндр с одной длинной рукой-шарниром, намертво вцепившейся в ручку парадной двери.

– Вызвать вам автоэл, господин Блум? – услужливо осведомился робот.

«Откуда он меня знает?» – испуганно подумал Блум, замерев на месте. Еще бы мгновение, и он, развернувшись, бросился бы вверх по лестнице, чтобы поскорее снова оказаться за стенами своей квартиры, такими реальными, надежными и родными…

– Сообщение инфора, – словно угадав его мысли, произнес робот-привратник. – Поступило сразу же, как только вы покинули квартиру. И я подумал, что, если вы собрались куда-то, вам непременно понадобится автоэл.

Через стеклянную дверь парадного Блум увидел, как подкатил и аккуратно припарковался на площадке у входа небольшой двухместный автоэл.

Контроль! Постоянный, неусыпный, вездесущий контроль! Едва он переступил порог своей квартиры, инфор мгновенно передал данные о нем своим контролерам – по цепочке, по всем возможным направлениям движения человека!

– Автоэл не потребуется! – громко, гораздо громче, чем было необходимо, произнес Блум. – Я пойду пешком.

– Как вам будет угодно.

Голос робота-привратника оставался бесстрастным, однако Блуму показалось, что он уловил в нем скрипучую нотку недовольства. Про себя он не без самодовольства отметил, что решение его идти пешком, должно быть, пришлось не по вкусу инфору.

– Приятной прогулки.

Робот-привратник распахнул перед Блумом дверь.

Одновременно с этим его движением, сорвавшись с места, исчез автоэл.

Блум вышел на улицу.

Ровная, без помарок, равномерная по всем направлениям синева неба с нарисованными по краям призрачными тенями облаков. Неподвижная зелень листвы на сферических кронах деревьев. Интересно, как они называются?.. Травяной ковер газона, как будто только сегодня утром расстеленный после чистки. Стройный ряд одинаковых зданий, выставленных вдоль уходящей вдаль стрелы улицы… Статичный, застывший в своей раз и навсегда определенной данности мир. Никаких нарушений строгой симметрии. Никаких признаков жизни…

Блуму показалось, что за воротник ему завалился кусочек льда и медленно ползет вниз, вдоль впадины по позвоночнику. То, что он задумал, сейчас представлялось полнейшим безумием. Стоит только ему сделать несколько шагов, отойти от дома, и Город засосет его, проглотит, переварит в кишечнике своих переплетающихся улиц…

Блум обернулся назад.

Сквозь стекло двери на него был направлен пустой, безжизненный зрачок видеосенсора робота-привратника, через который за человеком наблюдал безликий и вездесущий инфор. Он ждал, когда Блум вернется в свою квартиру, чтобы снова присосаться к нему всеми своими датчиками, сенсорами, анализаторами, экранами, микрофонами, зуммерами, переключателями…

Блум пониже натянул на глаза широкий козырек пятнистой

кепки, ухватился рукой за лямку рюкзака и решительно зашагал по тротуару в сторону от дома.

Дальше, дальше, дальше, – туда, где его никто не сможет узнать…

Он шел, не зная, в правильном ли направлении движется. Он пока ещё не умел ориентироваться в строго перпендикулярных пересечениях улиц и линий. Планировка Города представлялась ему запутанным лабиринтом, и поэтому, чтобы не заблудиться, он просто шел по прямой, никуда не сворачивая.

Вначале его сковывал глубокий, затаенный, холодный, не поддающийся никакому разумному объяснению страх, поднимающийся из какой-то первобытной темноты человеческого сознания. Блум то и дело бросал быстрые, напряженные взгляды по сторонам, оглядывался через плечо, – ему чудились бесплотные движения в пустоте, какие-то неясные шевеления среди неподвижных кустов, призрачные взгляды, прожигающие спину.

Один раз, на перекрестке, Блум увидел, как через дом справа от него, из-за угла на мгновение выглянул кто-то, одетый в черное облегающее трико, и тотчас же скрылся, стоило только Блуму сделать непроизвольное, почти неуловимое движение в его сторону. Все произошло настолько быстро, что Блум засомневался, видел ли он действительно живого человека или воображение, подхлестнутое нервозностью и страхом, сыграло с ним шутку?

Как бы там ни было, но встреча эта, – произошла ли она на самом деле или только пригрезилась, – повлияла на Блума благотворным образом. В самом деле, кто бы там ни прятался за углом, человек или призрак, он обратился в бегство, как только понял, что обнаружен. А, следовательно, его страх был не меньше того, что испытывал Блум.

Теперь Блум шагал вперед твердой, уверенной походкой, плотно, со смаком припечатывая подошвы к мостовой. Он по-прежнему иногда оглядывался по сторонам, но уже не затравленно, а с вызовом, который бросал всем и вся: инфору, мертвому Городу и всем его призрачным обитателям. Но это не было ещё полным обретением уверенности в собственных силах и окончательной, бесповоротной победой над страхом. Скорее – безрассудно отчаянное решение идти до конца, даже не зная точно зачем и куда.

Эйфория длилась недолго. Вскоре Блум почувствовал, как на плечи его наваливается страшная усталость. Ноги отказывались слушаться, лямки рюкзака то и дело соскальзывали с плеча, на висках выступила испарина. Блум посмотрел на часы, – он шел,

не останавливаясь, уже почти два часа. Для человека, не помнящего, когда он в последний раз выходил на улицу, это было неплохим достижением. Отмахав приличную дистанцию, он теперь ощущал естественную потребность просто присесть где-нибудь и отдохнуть. Хотя бы несколько минут. Вот только где? Не посреди же улицы…

Блум остановился, чтобы изучить указатель на доме.

«63-я улица, дом 84. Уровень 4».

Блум извлек из кармана бумажник и, достав из него свою визитную карточку, выяснил, что сам он живет в доме номер 24. Если предположить, что нумерация домов на улицах Города идет строго по порядку, то, выбрав противоположное направление, он уже достиг бы конца или, вернее, начала 63-й улицы. Нужно было, конечно, с самого начала все как следует обдумать и решить, в какую сторону идти. А так, что ж… По крайней мере, он приобрел какой-то опыт.

Умело сориентировавшись на местности, Блум почувствовал себя едва ли не бывалым путешественником, для которого пройти улицу из конца в конец – сущий пустяк. Теперь следовало найти место, где можно было спокойно отдохнуть и подумать, что делать дальше: продолжать идти вперед, к намеченной цели, или же вернуться назад, успокоившись мыслью о том, что для одного дня сделано уже немало. Конечно, проще всего было воспользоваться уличной кабиной инфора, одну из которых Блум не так давно миновал. Но поступить таким образом означало расписаться в собственной беспомощности и в очередной раз признать свою зависимость от всемогущего информационного спрута, держащего Город в своих щупальцах.

Блум поступил иначе, – он направился к парадному подъезду дома.

– Добрый день, господин, – предупредительно распахнув дверь, приветствовал его робот-привратник. – К сожалению, я не был заранее извещен о вашем визите. Если вы скажете, к кому вы пришли, я незамедлительно оповещу хозяев. Буду рад оказаться вам полезен.

– Я, собственно, так… Просто шел мимо… – Блум остановился на пороге. Открытая дверь показалась ему вдруг гостеприимно распахнутой дверцей ловушки. – Я просто хочу где-нибудь отдохнуть.

– Если вы завернете за угол дома, то найдете там очаровательное маленькое кафе, открытое круглосуточно. Вам это подойдет?

– Отлично! В самый раз!

Блума захлестнула волна ликующей радости, и губы его сами

собой расплылись в счастливой улыбке. Ему удалось справиться самому, не обращаясь за помощью к инфору! Ну, естественно, в конечном счете полученная информация исходила именно от инфора, но запросил-то её не он сам, а робот-привратник из дома номер 48. Скорее всего, инфор даже и не подозревал о том, что его косвенным собеседником был путешествующий по Городу Стили Блум.

– Спасибо, – поблагодарил Блум робота. И в приливе безудержной лихости, уходя, бросил через плечо: – Передавай привет инфору!

– Извините, но названный вами господин в этом доме не проживает, – ответил вслед ему робот.

Блум только рукой махнул и, выйдя из подъезда, свернул за угол.

Пройдя по узкой гравийной дорожке между кустами, он оказался на заднем дворике, чистом и аккуратном.

Все здесь выглядело как-то ненатурально, миниатюрно, игрушечно, – словно декорации, приготовленные для съемок фильма. Неподалеку от зазывно распахнутых дверей кафе стояло четыре маленьких столика. Стульчики на гнутых ножках с похожими на арфы спинками, казалось, не смогли бы выдержать даже ребенка. Конечно, вся эта видимая легкость и невесомость на деле могла оказаться работой имитатора, но кому могло прийти в голову настолько все усложнять? Стул – он и есть стул, и основное его назначение – дать человеку возможность присесть, чтобы расслабить натруженные ноги.

Вытянув шею, Блум с некоторой опаской заглянул в распахнутые двери.

Несмотря на то, что на улице был день и фасадная стена кафе была полностью стеклянной, маленький зал освещали ярко горевшие под потолком плоские круглые светильники. Между ними, в самом центре, непонятно для чего вяло вращались серебристо поблескивающие лопасти огромного вентилятора. Обстановку зала составляли такие же невесомые, словно парящие над полом, столы и стулья, как и те, что стояли на улице. В дальнем углу возвышался громоздкий горбатый ящик с горящим зеленым огоньком на лицевой панели, из которого едва слышно просачивалась какая-то нестерпимо заунывная мелодия.

Все ещё не решаясь войти, Блум согнутым пальцем тихонько постучал по стеклу двери. И тотчас же откуда-то из-за музыкального шкафа пулей вылетел робот. От роботов-привратников, неподвижно стоявших в парадных домов, он отличался большим числом манипуляторов без ограничения числа степеней свободы и тем, что корпус его был установлен на

хитроумной роликовой тележке, позволяющей роботу очень быстро передвигаться и сохранять равновесие, мгновенно меняя направление под немыслимо крутым углом.

Лихо развернувшись в центре зала, робот подкатил к Блуму и, когда тот уже приготовился к неизбежному столкновению, замер на месте, как вкопанный.

– Добрый день, господин! Что желаете? Завтрак, обед, ужин, легкая закуска? У нас в ассортименте все только самое свежее, только что приготовленное, с пылу, с жару! Не желаете ли ознакомиться?

Блум даже понять не успел, каким образом в руках у него оказалась большая, обтянутая искусственной красной кожей папка с причудливо закрученной витками и петлями, выдавленной золотом надписью «Меню».

– О, нет! Гостя следует вначале усадить! Прошу простить мне мою оплошность!

Робот снова спрятал непонятно куда папку с меню и, подхватив Блума под руку, вежливо, но настойчиво, повлек его за собой в зал.

Ошарашенный такой энергией и напором, Блум даже и не помышлял о сопротивлении.

– А, может быть, лучше на воздухе?

Неожиданно и резко робот развернул Блума на сто восемьдесят градусов и начал подталкивать его в сторону двери, без умолку напевая:

– Конечно же, на воздухе, на природе, на прохладном, славном ветерке!..

– Нет, в зале, – неожиданно для себя самого возразил Блум.

– Как скажете! – тут же согласился робот. – Желание клиента – закон для меня! Прошу вас, господин!

Заведя сзади под Блума стул, робот заставил его сесть. Вопреки опасениям Блума, стул оказался прочным и уверенно держал его вес. Сняв с плеча рюкзачок, Блум положил его на соседний стул, который предварительно пододвинул к себе поближе.

– Я уберу ваш багаж, дабы он не мешал вам наслаждаться отдыхом и вкушать пищу!

Робот подцепил было рюкзачок за лямку, но Блум успел перехватить его манипулятор.

– Положи на место! – протестующе закричал он.

– За сохранность своих вещей можете не беспокоиться! – попытался заверить его не в меру услужливый робот.

– Немедленно! – ещё громче заорал Блум.

– Если у вас там столовый прибор, то вы совершенно

напрасно волнуетесь, – мы подаем свои! – продолжал увещевать его робот.

Не найдя более веских аргументов, Блум занес кулак, готовясь нанести удар по видеосенсору своего механического оппонента.

– Все! Понял! – тут же сдался робот и, отпустив лямку рюкзачка, вскинул вверх все свои манипуляторы. – Желание клиента – закон для меня! Хотя уверяю вас, мною двигала исключительно забота о вашем удобстве!

Положив руку на рюкзак, Блум устало откинулся на спинку стула.

– Может быть, для начала подать что-нибудь прохладительное? – продолжал суетиться вокруг него робот. – Например, лимонад со льдом?

– Черный кофе без сахара и булочку с орехами и изюмом, – громко и внятно произнес Блум, у которого от безостановочного мельтешения робота уже начало рябить в глазах.

– Великолепный выбор! Сразу же чувствуется вкус гурмана и стиль знатока! Но я бы ещё рекомендовал вам попробовать восхитительный зеленый салат!..

– Кофе и булочку! – громче и уже с долей раздражения произнес Блум.

Робот четко уловил перемену обертонов в его голосе.

– Один момент! – произнес он уже на ходу, и на предельной скорости, чудом не сбивая встречающиеся на пути столы и стулья, унесся за музыкальный шкаф.

Вернулся робот, как и обещал, буквально через мгновение.

– Прошу вас! – На столик перед Блумом опустился серебристый поднос с чашечкой кофе, над которым вился легкий ароматный дымок, и булочкой, которая, казалось, дышала всеми порами своего мягкого сдобного тела. – Приятного аппетита! Если пожелаете что-нибудь еще, – я всегда рядом!

Робот деликатно отъехал за спину Блума.

Блум, в свою очередь, переместился вместе со стулом так, чтобы сидеть лицом к входу. Робот, оказавшийся по левую руку от клиента, попытался было вновь исчезнуть за спиной Блума, но тот жестом велел ему оставаться на месте.

Вытянув губы трубочкой, Блум осторожно попробовал обжигающе горячий кофе и убедился, что приготовлен он безупречно. Булочка так же показалась Блуму гораздо вкуснее тех, что он обычно ел дома на завтрак. Возможно, причиной тому была непривычная для него физическая усталость, заработанная отнюдь не в тренажерном зале. А, может быть, все дело было в том, что он просто впервые попробовал пищу, приготовленную в

другом месте, не там, откуда он получал её ежедневно. Или вкусоимитаторы в этом кафе были лучшего качества?

– Послушай-ка, – обратился Блум к неподвижно замершему роботу.

– Да, господин? – с готовностью отозвался тот. Похоже было, что только строгие правила, к которым он был приучен, и огромное желание угодить клиенту заставляли его сохранять вынужденное молчание и неподвижность.

– Что ты стоишь возле меня? Тебе что, больше нечем заняться?

– Мои функции сводятся к наиполнейшему и максимально быстрому удовлетворению потребностей посетителя. Как вы можете убедиться, кроме вас, других посетителей нет, – робот сделал красноречивый жест одним из манипуляторов. – Таким образом, местоположение, которое я занимаю в данный момент, соответствует наилучшему выполнению возложенных на меня обязанностей.

– А когда посетителей совсем нет, что ты делаешь?

– Жду.

Блум вспомнил про фигуру в черном, не то увиденную, не то померещившуюся ему на улице.

– Скажи-ка, а из кафе ты не выходишь?

– Не дальше этого дворика, – робот указал на столики за стеклянной стеной.

– И на улицу не выглядываешь?

– Нет.

– И тебя не интересует, что там?

– Это не входит в мои обязанности.

– Ну, а помимо обязанностей?

– Нет. Я все время должен находиться на своем рабочем месте, – в любой момент в кафе может зайти посетитель.

– Понятно.

Значит, неизвестный в черном, если он существует на самом деле, никак не мог быть одним из покинувших свое рабочее место роботов, поскольку правила запрещали им это делать. Но, возможно, что существует другой тип роботов, чья деятельность связана с перемещением по Городу?

– А что тебе известно о других роботах? – задал новый вопрос Блум.

– Ничего, – ответил робот. – Я здесь совершенно один. Ясно. Нужно будет попытаться разузнать что-нибудь на этот счет. Но для начала следует придумать, как сделать это, минуя прямой контакт с инфором?

Блум покачал на дне чашки остатки кофе.

– Гадаете на кофейной гуще? – спросил робот.

– Что? – поднял на него удивленный взгляд Блум. Судя по тому, как суетно задергались его манипуляторы, робот испытал нечто, похожее на смущение.

– Когда-то давно существовал такой способ гадания, – мистическая попытка предсказать судьбу по тому, каким образом ляжет кофейная гуща на дне чашки.

– Откуда тебе это известно?

– Через сеть инфора.

– У тебя с инфором прямая связь?

– Конечно. Но о гадании на кофейной гуще я знаю уже давно. Меня вообще интересует всевозможные необычные истории и факты, так или иначе связанные с продуктами питания. Я мог бы рассказать вам про картофель…

– В другой раз, – перебил робота Блум. – Узнай-ка для меня у инфора, существуют ли роботы, служебные обязанности которых связаны с передвижением по улицам Города?

– Уже узнал. Такие роботы есть: уборщики, мусорщики, газонокосилки, роботы, обрезающие ветви деревьев… Всего двадцать три вида. Перечислить все?

– Не нужно. Кто-нибудь из них похож на тебя?

– Нет. Все они монофункциональные аппараты, внешне более похожие на автоэлы.

– Спасибо, – Блум одним глотком допил остававшийся в чашке кофе.

– Не за что, – ответил робот. – Рад был оказать вам услугу.

Блум посмотрел на робота, с надеждой и терпением ожидавшего нового проявления внимания к своей персоне со стороны случайного посетителя. Невежливо было бы уйти, не сказав ему на прощание хотя бы пару добрых слов.

– И часто у тебя бывают посетители? – спросил Блум первое, что пришло в голову.

– Увы! Увы! Увы! – вскинутые вверх манипуляторы красноречиво отобразили весь трагизм положения их обладателя. – Как это ни прискорбно для меня, крайне редко.

– И как давно заходил последний?

Робот в крайнем смущении втянул в себя все имевшиеся на его корпусе манипуляторы.

– Вынужден признаться, что вы – первый посетитель вверенного моим заботам кафе, – едва слышно произнес он.

– А как давно оно открыто?

– Вот уже тридцать три года.

– Тридцать три года? – отказываясь верить услышанному, переспросил Блум. – И за все это время ни одного посетителя?

– Ни одного, – все так же тихо, с прискорбием подтвердил робот.

– Да-а-а, – удивленно протянул Блум.

– Да, – уныло согласился с ним робот.

– Но ничего, не расстраивайся, – решил ободрить совсем упавшего духом робота Блум. – Пусть печалятся те, кто ни разу не заходил к тебе в кафе. Мне, например, здесь очень понравилось, – ничуть не покривив против истины, признался он. – Уютно и кормят вкусно… И обслуживание превосходное.

– Правда? – воспрянул духом робот. И пользуясь моментом, с робкой надеждой спросил: – Может быть, закажите что-нибудь еще?

– В другой раз, – ответил, поднимаясь из-за стола, Блум.

– Правда?! – снова, едва ли не с восторгом воскликнул робот. Если бы ему позволял двигательный аппарат, он, наверное, подпрыгнул бы на месте и расцеловал своего первого посетителя. – Вы зайдете к нам ещё раз?!

– Непременно, – пообещал Блум, направляясь к выходу.

– О! – только и смог произнести в ответ на это робот.

– И вот ещё что, – Блум остановился и достал из внутреннего кармана куртки бумажник. – Я дам тебе свою визитную карточку. Сам ты её не читай, даже не смотри на нее. Но, если кто-нибудь вдруг зайдет в твое кафе, отдай ему карточку.

– Непременно, господин! Сделаю все в точности, как вы сказали!

Робот взял визитную карточку Блума и спрятал её куда-то между сочленениями деталей своего корпуса.

Блум хотел засунуть бумажник обратно в карман, но тот, зацепившись за складку одежды, выскользнул у него из рук и упал. По полу разлетелся ворох разноцветных визитных карточек – как самого Блума, так и всех его многочисленных знакомых, большинство из которых были критиками, присылавшими отзывы на его произведения. С помощью расторопного робота Блум быстро собрал карточки и стукнул о край стола, выравнивая получившуюся плотную стопку.

– Надо же! – удивленно воскликнул Блум, взглянув на карточку, случайно оказавшуюся сверху. – Оказывается, в двух шагах отсюда живет мой хороший друг, – объяснил он насторожившемуся роботу.

– Я надеюсь, вы порекомендуете ему наше кафе, – не упустил своего интереса робот.

– Не сомневайся, – заверил его Блум и, махнув на прощание рукой, покинул гостеприимное кафе.

Заранее посмеиваясь, представляя себе недоумение Шейлиса,

когда он, переступив порог, войдет в его квартиру, Блум уже знакомой тропинкой вышел на улицу, чтобы продолжить Я свой путь.

Стили Блум

«Прежде, набирая на клавиатуре инфор-терминала адреса знакомых, я никогда не задумывался о том, что адрес нужен не только для того, чтобы вызвать изображение нужного мне человека на экран монитора, но и чтобы помочь отыскать дом, в котором он живет.

Люц точно решит, что я окончательно спятил.

Представляю, какое будет у него лицо, когда он увидит меня на пороге своей квартиры. Интересно, что он при этом скажет?..

Скорее всего, ничего, – просто обомлеет от изумления… Я бы, например, на его месте не нашел, что сказать.

Потом Люц снимет очки и станет тщательно и долго протирать абсолютно чистые стекла фланелькой. Закончив, сунет очки в карман, близоруко прищурившись, посмотрит на меня и спросит голосом строгого, вечно всем недовольного школьного наставника: «Блум, что случилось?» А я ему в ответ: «Может быть, для начала пригласишь меня войти?»…

Глава 3

Привет, Люд!

(4-й уровень, 63-я улица, дом 88)

– Добрый день, господин! – бодро выкрикнул традиционное приветствие робот-привратник, открывший Блуму дверь парадного.

– Добрый, добрый, – согласился с ним, входя в вестибюль, Блум.

– Если господин сообщит, кому он собирается нанести визит…

– А что, если не скажу? – перебил робота Блум.

Робот как-то странно засипел и, непонятно для чего, снова распахнул дверь.

Блум вовсе не хотел обидеть робота, просто в данный момент им владело по-детски безудержное игривое настроение, – ожидание встречи с Шейлисом заранее заводило его. Что-то скажет Люц в ответ на его выходку? Наверное, назовет её безумной. А какое другое определение более уместно в устах врача-психокорректора?

– Ладно, не напрягайся, – смилостивился Блум. – Я иду к Люциусу Шейлису.

Робот перестал бессмысленно хлопать дверью.

– Восьмой этаж, по коридору налево, апартаменты номер 81, – торопливой скороговоркой, боясь, что его снова могут прервать, быстро выдал привратник.

– Апартаменты, – фыркнул Блум, входя в открывшуюся перед ним дверь лифта.

– Рад был оказаться вам полезен! – крикнул вслед ему робот.

– Апартаменты, – снова с усмешкой пробурчал Блум, нажимая кнопку звонка у двери Шейлиса.

За дверью приглушенно прозвенел колокольчик. Прождав пару минут, Блум снова надавил на кнопку.

И вновь на призывный звон колокольчика не последовало никакого ответа.

Блум нажал кнопку в третий раз и теперь уже не отпускал её до тех пор, пока ему самому не осточертел бесконечный однообразный перезвон.

От прежней веселости Блума не осталось и следа. Он проделал такой длинный путь только ради того, чтобы

встретиться с другом, а его даже на порог пустить не желают!

В раздражении то ли на Шейлиса, за то, что тот не желал отозваться на его призыв, то ли на себя самого за то, что решил, будто можно вот так, запросто, по старой дружбе заскочить к приятелю в гости, Блум принялся колотить в дверь кулаком.

– Открой же, черт возьми, дверь, Люц! – заорал он что было мочи. – Все равно я никуда отсюда не уйду, пока не увижу тебя!

Над дверью моргнула диафрагма глазка видеосенсора. Повернувшись в гнезде, объектив чуть искоса взглянул на визитера.

– Вот он я! – Блум сделал шаг назад и широким жестом раскинул руки в стороны. – Весь!

– Блум? – раздался из динамика под глазком озадаченный голос Шейлиса. – Стили Блум?

– Да, Стили Блум! Можно подумать, что ты знаешь какого-нибудь другого Блума! – Блум опустил руки, мило улыбнулся глазку и с разбега засадил ногой по двери. – Открывай же, черт возьми, Люц! – снова заорал он. – Открывай, или я вышибу эту чертову дверь!

Дверь содрогнулась от нового удара, нанесенного по ней каблуком Блума.

– Сейчас, секундочку, подожди, Блум, – всполошенно затараторил Шейлис.

За дверью послышалась суетливая возня.

Блум устало привалился к двери плечом и медленно, сквозь сложенные трубочкой губы, выдул из легких воздух, не успевший вырваться с криком.

– Ну, что там у тебя? – спросил он, слегка стукнув по двери кулаком.

– Да замок… – ответил из-за двери раздраженный голос Шейлиса. – Заел… Чтоб его…

– Когда ты открывал его в последний раз? – усмехнулся Блум. – Наверное, забыл, как это делается?

Дверь неожиданно распахнулась, и Блум, потеряв опору, едва не упал. Сделав несколько торопливых шагов, он ввалился в квартиру, едва не сбив с ног хозяина.

– Да что с тобой? – испуганно отшатнулся в сторону Шейлис.

Физиономия Блума расплылась в наиглупейшей самодовольной улыбке. Он все-таки добился того, что хотел!

– Привет, Люц! – радостно произнес Блум.

– Ну и видок у тебя, – разглядывая Блума, пробормотал в ответ Шейлис. – Где отыскал такой наряд?

– Не наряд, а костюм отважного путешественника и воина, – с некоторой обидой, но все же одновременно и с гордостью,

поправил друга Блум. – А если хочешь покритиковать мой костюм, то для начала сам оденься надлежащим образом. В нижнем белье гостей не встречают.

Шейлис что-то смущенно пробормотал и схватился рукой за ворот майки, на котором у него был закреплен имитатор. Он переключил его несколько раз, выбирая подходящую позицию. Сначала он облачился в темно-синий смокинг, с отливающими серебром отворотами, затем быстро сменил его на голубой медицинский халат и наконец остановился на мягких вельветовых брюках и домашней курточке из темно-коричневого плюша.

– Это все из-за тебя, – оправдываясь, произнес Шейлис, обращаясь при этом куда-то в пустоту за спиной Блума. – Ты так неожиданно появился…

Блум глупо хохотнул, вспомнив подходящую к данному случаю пословицу из словаря, который он недавно листал. Но цитировать её не стал. И без того у Люциуса был вид, словно его среди ночи выволокли из постели, накинули полусонному на голову мешок, окунули в ледяную воду, а после всего этого заставили бодрым голосом читать стихи о любви к родине.

– Так и останемся стоять в прихожей или все же пригласишь меня пройти в комнату? – как можно непринужденнее спросил Блум.

– Да-да, конечно! – засуетился Шейлис, вспомнив, что он, все же, здесь хозяин. – Конечно, проходи!

– А где Лиза? – светским тоном осведомился Блум.

– В клубе с подружками, – Шейлис кивнул в сторону закрытой двери напротив той, куда он вел Блума.

Войдя в небольшую комнату, добрую половину которой занимали пульт и экран инфора, Блум остановился на пороге и неприязненно поморщился.

Выключи это, – он сделал брезгливый жест рукой в сторону горящего экрана.

– Это глупо, Блум, – попытался образумить друга Шейлис.

Он вновь почувствовал себя врачом и, окунувшись в привычную атмосферу, ощутил прилив уверенности.

– Совершенно с тобой согласен, – кивнул Блум. – Я знаю, что у инфора имеется в запасе еще, как минимум, десяток других средств подслушивания и подсматривания. Но, если ты выключишь этот нахально глазеющий на меня экран, я буду чувствовать себя спокойнее, – Блум мило улыбнулся, склонив голову к плечу. – И как гость, и как пациент. В каком качестве я тебя больше устраиваю?

Шейлис тяжело вздохнул и безнадежно покачал головой.

– Пациентов я на дому не принимаю, – с показным недовольством проворчал он и, стукнув пальцем по выключателю, заставил экран погаснуть.

– Огромное тебе спасибо! – демонстрируя переполняющие его чувства, Блум приложил обе ладони к груди.

– Огромное тебе пожалуйста, – язвительно отозвался Шейлис, в точности повторив его жест. – Садись. Если тебя больше ничто не смущает.

Кресло в комнате было только одно. Шейлис вышел и принес себе стул. Заодно он прикатил и сервировочный столик с бутербродами и чаем.

– Ну, рассказывай, что там у тебя стряслось? – сказал он, усаживаясь напротив Блума. – Пожар или наводнение?

Блум непринужденно откинулся на спинку кресла и кистью руки начертил в воздухе какой-то замысловатый знак.

– Да, собственно, ничего не случилось, – самым что ни на есть объеденным тоном произнес он. – Просто вышел прогуляться.

– В каком смысле «прогуляться»? – поправив очки, переспросил Шейлис.

– В смысле подышать воздухом.

– У тебя дома не в порядке кондиционер?

– Нет, кондиционер у меня в полном порядке. Я просто решил пройтись по улице.

– Ты шел пешком?

– Да. Не спеша прогулялся, выпил кофе в очаровательном маленьком кафе и вдруг подумал, не зайти ли мне к моему другу Люцу? Должно быть, он будет рад меня видеть, решил я.

Сняв очки, Шейлис долго тер пальцами переносицу.

– Ты все врешь, – произнес он негромко, но с непоколебимой уверенностью.

– По большей части – да, – не стал спорить Блум.

– А почему?

Блум пожал плечами.

– Наверное, хочу сам себе казаться героем. Мне ведь на самом деле было жутко страшно.

– Что тебя напугало?

– Город.

– Раньше тебя пугал инфор, а теперь ещё и Город.

– Инфора я никогда не боялся. Я просто ненавижу его. А Город действительно напугал меня. Но я знаю, что этот страх создан мною самим. Моим воображением. И поэтому я могу бороться с ним.

Блум сам удивился тому, что говорил спокойно, без ставшего

для него в последнее время почти привычным раздражения. Усмехнувшись, легко и непринужденно, он наклонился вперед и налил себе чаю.

– Город пугает только своей непознанностью, – сказал он.

– Так, – Шейлис встал и прошелся по комнате. Ладони он держал на уровне груди, соединив пальцы рук и чуть покачивая ими. – Идя по улице, ты видел что-то необычное, удивившее или напугавшее тебя?

– Нет. Но меня удивило то, что я никого не увидел. Ни единого человека. Правда, один раз на перекрестке мелькнула какая-то тень, но я не могу поручиться за то, что это не было всего лишь игрой моего воображения.

– А когда ты только собирался выйти из дома, тебе разве не было страшно?

– Как раз самым страшным оказалось сделать первый шаг за порог.

– Так что же все-таки заставило тебя сделать этот шаг?

– Я должен был убедиться в том, что Город существует на самом деле, а не только в сети инфора.

– Ну вот, – Шейлис улыбнулся, словно наконец-то нашел ответ сразу на все интересующие его вопросы. – Все снова свелось к инфору.

– Нет, дорогой Люц, – Блум, как пистолет, направил на друга указательный палец. – Это ты пытаешься свести все к инфору, в то время как я говорю только о Городе.

– Да неужели? – Шейлис остановился на месте и удивленно взглянул на собеседника.

Человек, сидевший в кресле, был только внешне похож на известного ему Блума. Куда девались его нервозность, неуравновешенность и неуверенность? Похоже, сейчас он сам готов был давать советы своему психокорректору.

Шейлис пока ещё не мог понять, являлось ли это признаком улучшения в состоянии психического здоровья пациента или же, наоборот, симптомом обострения невроза. Он попытался припомнить похожие случаи из своей практики, но в голове у него все путалось. Для того, чтобы прийти к правильному решению, ему необходимо было посоветоваться с инфором. Хотя бы просто сесть перед включенным экраном и положить руки на клавиши. Он так привык работать, – постоянно ощущая рядом с собой присутствие никогда не ошибающегося советчика, специалиста более высокой квалификации, нежели он сам, всегда готового подсказать либо поправить. А как иначе?..

– Ты знаешь, Люц, почему, говоря об одних и тех же понятиях, мы подразумеваем под ними совершенно разные

вещи? – неожиданно прервал его размышления Блум.

– Ну-ну? – изображая интерес, а на самом деле, – пытаясь скрыть растерянность, посмотрел на собеседника Шейлис.

– Потому что для меня реальностью является сам Город. Да, теперь я уверен в его реальности, хотя пока ещё не знаю её степени и в чем же конкретно она заключается. Для тебя же единственная реальность – это инфор. Ты даже сейчас, когда он выключен, жмешься к нему, словно только он и способен спасти тебя от твоих же собственных страхов. Сядь на стул и налей себе чаю!

– Послушай, Блум, это уж слишком!..

Не закончив фразу, Шейлис резко оттолкнулся рукой от панели инфора, быстро перенес свое тело на стул и раздраженно закинул ногу на ногу. Сделав глубокий вдох, он, чтобы успокоиться, на короткое время задержал дыхание.

Из-за чего он, собственно, так разволновался? Что такого сказал Блум, что заставляет его так нервничать? Почему он сказал «это уж слишком»? Что слишком?.. Да какой же он тогда, к дьяволу, психокорректор, если даже самого себя не может понять! Что-то мешает, что-то выбивает его из привычной колеи… Конечно, – посторонний человек в комнате! Вот что его раздражает, – настоящий, живой человек, которого невозможно убрать простым нажатием клавиши на пульте инфора!..

Шейлис ужаснулся сделанному открытию. Неужели он настолько привык общаться с созданными инфором фантомами, что одно только присутствие рядом живого человека способно вызвать у него нервный срыв?!

Чтобы успокоиться, Шейлис попытался мысленно проделать несколько психотехнических упражнений, которые обычно рекомендовал в подобных случаях своим пациентам. Между делом он взял в руку чайник и начал наливать себе в чашку чай.

Еще не успев наполнить чашку до краев, Шейлис понял, что вовсе не хочет пить. Он совершенно автоматически сделал то, что велел ему Блум!

– Ч-черт!..

Крышка слетела с чайника и плюхнулась в чашку, забрызгав белую скатерть бурыми чайными пятнами.

Поставив чайник, Шейлис нащупал на углу скатерти имитатор, слегка надавил на него, и скатерть вновь сделалась белоснежной.

– Иллюзия чистоты, – усмехнулся Блум.

– Что? – вскинул голову Шейлис.

– Ты создал видимость чистоты.

– Тебе было бы приятнее сидеть за столом, покрытом грязной

скатертью?

– Нет, – качнул головой Блум. – Но мы ведь оба знаем, что на самом-то деле скатерть запачкана. Кого, в таком случае, ты пытаешься обмануть?

Шейлису, как психокорректору, было прекрасно известно, что отсутствие веских аргументов, – попробуй объясни слепому, что такое красный свет! – необходимо компенсировать агрессивностью и напором. Главное, самому быть уверенным в своей правоте. Не сумев полностью подавить в себе раздражение, Шейлис набычился и ринулся в бой.

– Хорошо, Блум, ты можешь не признавать реалий и специфических особенностей мира, в котором мы существуем, – это твое право. Но ответь мне, как в таком случае ты собираешься жить дальше?

– Ты ошибаешься, Люц, – едва заметно качнул головой Блум. – Я отрицаю не сам факт существования мира, а только его иллюзорную сторону.

– Город, по-твоему, реален?

– Сам по себе Город, несомненно, реален. Но он замусорен иллюзиями и фантомами, созданными инфором.

– Выходит, что инфор реален, так же, как и Город?

– Вне всяких сомнений.

– Где же логика? Инфор реален, он является частью Города, – почему же ты не желаешь признать его существование, как некую изначальную данность?

– Инфор реально существует, но сущность его в том, что он – раковая опухоль, пустившая метастазы по всему Городу, которые исказили до неузнаваемости его реальный образ.

– Но откуда тебе-то известно, как должен выглядеть Город?

– Мне это неизвестно, – невозмутимо спокойно ответил Блум. И, наклонившись вперед, шепотом добавил: – Я собираюсь это узнать.

Шейлис прижал к губам согнутый указательный палец. Какое-то время он молча изучал лицо собеседника. Блума же его пристальный взгляд, казалось, нисколько не беспокоил. Снова откинувшись на спинку кресла, он со вкусом жевал бутерброд с сыром, запивая его чаем.

– Если Город заполнен призраками, порожденными инфором, что, в таком случае, убеждает тебя в реальности самого Города? Почему бы, в таком случае, не предположить, что Город тоже, в свою очередь, всего лишь одна из ловких имитаций инфора?

Сказав это, Шейлис с довольным видом скрестил руки на груди, ожидая, что ответит оппонент.

Блума вопрос нисколько не смутил.

– В этом меня убеждают мои ноги, – ответил он.

– Что? – Шейлис растерянно взглянул на ноги Блума, обутые в тяжелые ботинки с высокой шнуровкой. – При чем здесь твои ноги?

– Они устали. А это означает, что Город имеет определенную протяженность в пространстве. Что, в свою очередь, является неоспоримым доказательством того, что он реально существует. Может быть, не совсем в таком виде, как мы его себе представляем. Но, все же, – существует.

– А теперь послушай, что я тебе скажу, – довольная и немного лукавая улыбка скользнула по губам Шейлиса. – Если Город имеет протяженность в пространстве, следовательно, у него должны иметься начало и конец. Мы же знаем, что Город бесконечен и не имеет границ.

Блум с несколько озадаченным видом провел пальцем по щеке.

– Мне это как-то совсем не приходило в голову, – медленно произнес он и, закинув ногу на ногу, обхватил руками поднятое вверх колено.

– А, между прочим, этому нас учили ещё в нормальной школе, – торжествовал победу Шейлис. – И ты, помнится, был неплохим учеником.

– Да… Конечно… Я знал это… Просто никогда не пытался задуматься, чтобы осмыслить… Просто принимал как аксиому. – Минутное замешательство прошло, и Блум снова чувствовал себя спокойно и уверенно. Он выпрямил спину, сел в кресле ровно и взял в руку чайник, чтобы подлить себе чаю. – Тебе налить? – спросил он у Шейлиса. Тот отрицательно махнул рукой. Блум наполнил свою чашку до краев и недрогнувшей рукой, не расплескав ни капли, поднял её. – Итак, – вид у него был такой, словно он собирался провозгласить тост во славу всех живущих. – Нам известно, что Город бесконечен и не имеет границ. А, следовательно, он лишен и определенного местоположения в пространстве. Город есть и одновременно его, вроде бы, и нет. Он существует только для тех, кто в нем живет. И вся жизнь в Городе подчинена инфору. А это значит…

Блум сделал театральную паузу, которая показалась Шейлису чрезмерно затянутой.

– А это значит, – не выдержав томительного ожидания, закончил за него Шейлис, – что Город и инфор – суть одно и то же!

– Люц, – сделал обиженное лицо Блум. – Мог бы дать мне договорить.

– Извини, Сти, – смутился Шейлис. – Но разве ты хотел

сказать не то же самое?

– Совсем нет, – с разочарованным видом покачал головой Блум. – Бедный Люц, ты так привык жить в мире иллюзий, что, наверное, готов самого себя считать фантомом, лишь бы только ничего не менялось вокруг.

Шейлис вновь не смог сдержать раздражения. Вскочив со стула, он обежал его кругом и, обернувшись, стиснул пальцы на спинке.

– Прекрати, Блум!.. Прекрати!.. – громким, срывающимся голосом, едва сдерживаясь, чтобы не перейти на крик, произнес он. – Что ты от меня хочешь?.. Тебе нравится гулять по Городу, – гуляй себе на здоровье! Нравится сидеть возле выключенного экрана инфора, – да по мне хоть вовсе разбей его!.. Зачем ты пришел ко мне?

– Не знаю, – едва заметно пожал плечами Блум. – Честно признаться, оказался возле твоего дома совершенно случайно… Наверное, не стоило этого делать… Извини, Люц.

– Хорошо, – Шейлис устало махнул рукой и, наклонившись, положил локти на спинку стула. – Что ты хотел сказать, когда я тебя перебил?

– Я хотел сказать, что, если для доказательства реальности Города необходимо найти его границы, то я это сделаю.

Шейлис выпрямился и медленно развел руками.

– Зачем?.. Скажи мне, зачем тебе это нужно?

– Зачем? – Блум сделал глоток из чашки, которую все ещё держал в руке, и задумчиво посмотрел куда-то мимо собеседника. Брови его приподнялись и почти сошлись в центре лба. – Ты знаешь, Люц, я ведь не в одночасье собрал рюкзак и вышел из дома. Я долго готовился к этому шагу, – собирался и снова откладывал. И все это время сам себе задавал тот же самый вопрос: зачем? Зачем мне это нужно?.. И не находил однозначного ответа. Просто порою грудь сдавливало от неудержимого и необъяснимого желания совершить нечто, выходящее за рамки обыденной, повседневной жизни, что-то непредписанное и неучтенное инфором… Это похоже на потребность сделать вдох, когда надолго задерживаешь дыхание: разумом ты понимаешь, что можешь продержаться еще, но каждая отдельная клетка организма уже в панике посылает в мозг сигналы тревоги… Люц, я бы, наверное, погиб, если бы не сделал этого!

– Ты преувеличиваешь, – спокойным, доверительным тоном опытного врача произнес Шейлис.

Едва различимый след растерянности и тревоги, замеченный им в глазах Блума, вернул Шейлису уверенность в себе.

Неопределенность рассеялась, – перед ним находился больной. Шейлис снова вспомнил о том, что он врач-психокорректор, долг которого – помочь человеку устранить разлад в душе. В отдельных случаях – помочь привыкнуть или каким-то образом приспособиться для того, чтобы продолжать жить полноценной жизнью…

На мгновение Шейлису сделалось немного не по себе. Ему вдруг показалось, что это не его собственные мысли, а всего лишь вольная цитата из какой-то брошюры программного цикла для врачей-психокорректоров.

– Поверь мне, Сти, ты не единственный человек, страдающий от неуверенности в себе, – быстро продолжил он, глядя Блуму в переносицу. – Ко мне обращаются десятки людей, жалующихся на усталость от бессмысленного, как им кажется, существования. Это вполне объяснимо. Прежде люди мучились от неуверенности в завтрашнем дне, от страха перед будущим, которое не сулило им никаких радужных перспектив. В сегодняшней нашей жизни подобным страхам нет места. Поэтому человек, не нашедший способа полностью раскрыть свои способности и тем самым не сумевший реализовать заложенный в нем потенциал, ищет причину этому не во внешних условиях, а в самом себе.

– И что ты отвечаешь таким людям, когда они обращаются к тебе за помощью? – без особого интереса спросил Блум.

– Все зависит от конкретного человека. Тебе же я скажу то же самое, что и всегда: чаще бывай в обществе, больше общайся с людьми. Высказывай свои мысли вслух, слушай, что говорят другие, и ты поймешь, что вовсе не оригинален в своих переживаниях. Несмотря на бросающиеся в глаза различия, на определенном уровне люди очень похожи между собой.

– Понятно. Ты хочешь сказать, что для того, чтобы излечиться, мне нужно самому поверить в надуманность всех моих проблем.

– «Излечиться» говорят о больном, – назидательным тоном произнес Шейлис. – Тебе же нужно просто немного встряхнуться, поверить в себя, снова обрести радость жизни. Я говорю это не только, как врач, но, в первую очередь, как друг.

– А в чем заключается радость жизни для тебя, Люц? – спросил Блум.

– Я помогаю людям, – ответил Шейлис, не задумавшись ни на мгновение.

– Ты думаешь, что инфор не справился бы с этим без тебя?

– Ну скажи мне на милость, здесь-то инфор при чем? – с показным отчаянием всплеснул руками Шейлис.

– При том, что все мы превратились в его придатки. Смысл

нашего существования заключается в том, чтобы оправдывать существование инфора. Если не станет нас, то кому будут нужны все его информаты, имитаторы и иллюзоры? Он играет нами, как куклами, выстраивая нашу жизнь по собственному плану. Так, как ему кажется правильным, или, быть может, более интересно. А мы безропотно следуем за ним, как вереница слепых за поводырем. Весь ужас происходящего заключается в том, что слеп сам поводырь, а мы просто не желаем открыть глаза!

– Мне непонятна твоя аллегория. Инфор существует для того, чтобы служить людям, а не наоборот. Не вынуждай меня произносить прописные истины, Блум! Люди всегда стремились сделать свою жизнь легче и спокойнее.

– Для этого они сначала построили Город, – своего рода панцирь, прикрывающий их слабые тела, – затем создали автоматы и роботов, гораздо более проворных, выносливых и ловких, чем их собственные конечности. И в конце концов люди обленились настолько, что создали инфор, заменивший им мозги.

– Следуя твоей логике, для того, чтобы сделать всех людей счастливыми, достаточно только вывести из строя инфор.

– За всех говорить не стану, но мне такая идея определенно нравится.

– Что именно тебя в ней привлекает?

– Возможность жить без постоянного надзора.

– Хорошо, называй услуги инфора надзором, если тебе это нравится. Но ты ведь даже не представляешь, о чем говоришь! Вообрази только, в какой хаос превратилась бы наша жизнь без инфора!

– Сегодня я попробовал жить без него и, должен тебе признаться, мне это пришлось по душе.

– По душе, говоришь?.. Ты был один! А если бы на улицы вышли все жители Города, что было бы тогда?

Ожидая ответа Блума, Шейлис всем телом подался вперед. Блум слегка повел плечом и улыбнулся.

– Наверное, было бы весело, – сказал он. Шейлис упал на стул, со свистом выдохнул и провел ладонью по лбу.

– Ты говоришь полнейшую ерунду, – произнес он безразличным голосом и закрыл глаза.

– А ты мне таким нравишься гораздо больше, – склонив голову к плечу, заметил Блум.

– Каким? – устало спросил Шейлис.

– Незнающим ответы на все вопросы.

– По-твоему, меня это должно обрадовать?

Блум как будто даже и не услышал вопрос Шейлиса.

– Лиза появится скоро? – спросил он, посмотрев на часы.

– Думаю, что нет, – бесцветным голосом ответил Шейлис. – Она обычно засиживается с подругами до позднего вечера… Ума не приложу, где они только находят темы для ежедневной болтовни?

– Жаль, хотелось бы её увидеть. Но теперь, наверное, уже в другой раз, – оперевшись руками о подлокотники, Блум поднялся из кресла. – Не буду больше злоупотреблять твоим гостеприимством, Люц. Рад был с тобой повидаться.

– Можно задать тебе ещё один вопрос? – спросил Шейлис, приподнявшись со стула. И быстро добавил: – Если не хочешь, можешь на него не отвечать.

– Конечно. Спрашивай, Люц.

– Ты сказал, что тебе было страшно выходить из дома. А сейчас, когда тебе нужно снова идти на улицу?..

– Нет, – уверенно ответил Блум и покачал головой.

– Почему?

– Не знаю, – подумав, ответил Блум. – Но совершенно точно, что теперь я не чувствую никакого страха.

– Какого рода был тот страх?

Блум озадаченно хмыкнул.

– Боюсь, что объяснять пришлось бы слишком долго. К тому же, не обижайся, Люц, но ты все равно ничего бы не понял, потому что ты сам не был там, на улице. И, знаешь, мне кажется, тебе просто-таки необходимо это испытать. Представь себе, что у тебя появится пациент со страхом перед улицей. Какую помощь сможешь ты ему оказать, не понимая, о чем он вообще говорит?

– Обращусь за консультацией к тебе, – изображая улыбку, Шейлис подтянул левый угол рта вверх.

Они прошли по коридору и остановились возле двери. Шейлис повернул головку замка.

– Ну, ты заходи, если что, – неуверенно пробормотал он на прощание.

Блум только махнул ему рукой и побежал вниз по лестнице.

В холле робот-привратник предупредительно распахнул перед ним дверь.

– Желает ли господин, чтобы я вызвал для него автоэл? – почтительно осведомился он.

Блум подумал и решительно махнул рукой.

– Давай!

День был совершенно необычный, насыщенный событиями и новыми впечатлениями, и, несмотря на душевный подъем, Блум все же чувствовал себя уставшим. Но даже усталость была ему не в тягость, а доставляла своеобразное удовольствие, как будто впрыснутое в кровь тонизирующее средство, растекающееся по

жилам волнами радости и уверенности в себе. Сейчас ему бы ничего не стоило дойти до дома пешком, но лихая дерзость толкала на новые подвиги. Почему бы не приобрести новый опыт, прокатившись на автоэле?..

Серебристая капля небольшого двухместного автоэла подплыла к подъезду меньше чем через минуту, словно ожидала вызова неподалеку за углом. Блум забрался на сидение и осмотрелся по сторонам: никаких приборов или указателей, никаких ручек, только два мягких, обтянутых желтой искусственной кожей кресла для пассажиров. Пахло внутри каким-то густым, приторно-сладким дезодорантом.

– Куда прикажете, господин? – спросил откуда-то из-под потолка приятный баритон.

– Домой, – сказал Блум.

Сорвавшись с места, автоэл набрал скорость и полетел вдоль улицы.

Только входя в подъезд своего дома, Блум вдруг подумал о том, что не назвал автоэлу адрес. Выходит, несмотря на все его ухищрения, инфор все это время каким-то образом продолжал следить за ним. Подобное открытие трудно было назвать приятным.

Люциус Шейлис

«Стоило ли всю жизнь старательно возводить стену, которая рухнула от первого несильного толчка?.. Что такого неожиданного сказал Блум? Почему его визит лишил меня привычного спокойствия? Все, что он говорил, я слышал уже сотни, если не тысячи раз. Тоже мне, оригинал!.. Знал бы он, что то же самое говорит мне каждый третий пациент… Но, несмотря ни на что, мне удавалось помочь им!.. Должно быть, все дело в том, что с Блумом я общался не через инфор, а непосредственно. Это постоянно отвлекало меня, не давало сосредоточиться… Хотя, тоже странно, почему меня должен раздражать вид живого человека? Я ведь каждый день общаюсь с Лизой… И тем не менее… В присутствии Блума я чувствовал себя, как будто голым. Я не мог самого себя заставить верить в то, что я врач, который должен помочь больному. Что уж говорить о Блуме… Чтобы я вдруг растерялся и в присутствии пациента потерял уверенность, – со мной такое случилось впервые. Получается, что… Да нет же! Конечно, это глупо! В противном случае остается признать, что Блум прав, и уверенность мне придает только инфор, без которого я ничто. Так, что ли?.. Глупость… Но в чем

же тогда причина?.. Жил спокойно, радостно, любил себя и жену, всем был доволен, и вдруг, – на тебе! – пришел Блум!»

Глава 4

Шаг за шагом

(4-й уровень, 63-я улица)

Блум включил приемный экран инфора после пятого сигнала зуммера. На экране возникло улыбающееся лицо Шейлиса. Прежде чем набрать номер Блума, Шейлис минут десять тренировался перед зеркалом, подбирая улыбку, – спокойную и уверенную, похожую на маску, прячущую всю нижнюю часть лица. – Доброе утро, Сти, – непринужденно поздоровался он. – Привет, Люц, – Блум зевнул, прикрыв рот ладонью. – Что за дела подняли тебя в такую рань?

– Боялся не застать тебя дома. Ты ведь собирался сегодня снова выйти на улицу, не так ли?

– Снова хочешь попытаться отговорить меня? – улыбнулся Блум.

– Вчера ты забыл у меня свой рюкзак.

– Он почти пустой. Я бросил в него блокнот, авторучку и кое-что из еды. Я тогда ещё не знал, что в Городе полно маленьких кафе, в которых тебя быстро и вкусно накормят.

– Может быть, все же, он тебе ещё понадобится?

– Не беспокойся. Если понадобится, – закажу новый.

– В таком случае, если не возражаешь, я воспользуюсь им?

– Без проблем… А зачем он тебе?

– Собираюсь прогуляться вместе с тобой. Ты не против?

Брови Блума удивленно взлетели едва ли не к середине лба.

– Что случилось, Люц?

– Абсолютно ничего. Просто я, подумав, решил, что ты был прав, – прогулка по Городу может оказаться полезной для меня в профессиональном плане. У меня давно была мысль заняться изучением реакции…

– Люц, ты и представить себе не можешь, как я рад! – воскликнул, перебив друга, Блум.

– Не подумай только, что я одобряю твои взгляды, – со строгим видом заметил Шейлис.

– Ни в коем случае, – клятвенно сложил руки на груди Блум. – Могу даже пообещать больше не заводить разговоров на эту тему.

– Ну, это уж слишком, – снисходительно махнул рукой Шейлис. – Когда мы выходим?

Шейлис старался повернуть разговор таким образом, чтобы

самому выглядеть инициатором всего мероприятия. Таким образом он как бы самому себе подтверждал независимость принятого решения. При этом он абсолютно чистосердечно считал, что поступает так исключительно в интересах Блума, который один может натворить бог знает каких дел. Блум ещё раз зевнул и посмотрел на часы.

– Я, вообще-то, ещё даже не завтракал, – сказал он.

– Хорошо, значит через час… – быстро принял решение Шейлис. – Часа тебе хватит?

– Конечно.

– Отлично. Где встретимся?

– Ну, я могу зайти за тобой, – предложил Блум.

– Нет, – решительно отказался Шейлис. – Лучше жди меня у подъезда.

– Хорошо, договорились.

– И еще, Блум…

– Да, Люц?

– Скажи мне каталожный код, по которому ты заказывал костюм, в который был вчера одет…

Легкий завтрак и быстрые сборы заняли у Блума около получаса.

Накануне он уже имел возможность убедиться, что исчезнуть из поля зрения инфора не так просто, как казалось ему вначале. И все же сегодня, даже не рассчитывая в полной мере на положительный итог, он решил по мере сил и возможностей усложнить своему противнику задачу.

Прежде всего, он снял со своей полевой формы все имитаторы, подозревая, что именно в них могут быть скрыты микрочипы слежения, после чего куртка и брюки, потеряв форму, обвисли на нем, и внешний вид Блума сделался далеко не таким бравым, как накануне.

Спустившись по лестнице, Блум быстрым шагом миновал робота-привратника, успевшего все же поздороваться с ним, назвав по имени, и, выйдя на улицу, повернул в противоположную от дома Шейлиса сторону. Сделав несколько шагов, он остановился, огляделся по сторонам и посмотрел на небо. Все было в точности таким же, как и вчера. Блум затаил дыхание и внимательно прислушался к своим внутренним ощущениям, пытаясь уловить хотя бы слабый отзвук своего вчерашнего беспричинного страха.

Вот где произошли разительные перемены! От страха не осталось и следа! Оказывается, что страшен был только первый шаг. Переплавившись в душе Блума, страх превратился в бурлящее клокотание звонкой радости и бесшабашного азарта.

Блум, по-козлиному вскинув ноги, подпрыгнул вверх, приземлившись, развернулся на пятках и громко выкрикнул какой-то нечленораздельный, идущий из потаенных глубин подсознания, боевой клич.

Где ещё найдется другой такой великолепный Стили Блум?!

Погрозив зачем-то кулаком слепым зеркальным стеклам окон первого этажа, Блум свернул за угол дома и нырнул в кусты. Там он нацепил на себя заранее припасенные большие солнцезащитные очки и круглую кепи темно-синего цвета с непомерно огромным козырьком. Таким образом он рассчитывал скрыться от возможного визуального наблюдения инфора. Поди угадай, кто там под козырьком и очками?.. Блум или кто другой?

Рассуждая подобным образом и весело посмеиваясь про себя, Блум обогнул дом с задней стороны, миновал открытые двери под вывесками «Готовая одежда», «Кафе» и «Натуральные продукты» и снова вышел на улицу с противоположного угла здания.

Оставив позади ещё два дома, Блум перешел на противоположную сторону улицы, зашел в первый попавшийся подъезд и попросил робота-привратника вызвать для него автоэл.

Просьба была незамедлительно выполнена.

Забравшись на заднее сиденье автоэла, Блум с ходу придумал имя и потребовал, чтобы его отвезли к дому, в котором проживает Кинтис Катаракис. Озадаченный автоэл минуты две молчал, не двигаясь с места, после чего, несколько раз извинившись, сообщил, что в его базе данных отсутствует адрес названного господина.

– Обратись за помощью к инфору, – с ехидным злорадством посоветовал Блум. – Он-то всех в Городе должен знать.

– Я все данные получаю через сеть инфора, – ответил автоэл. – Имени Кинтиса Катаракиса нет среди ныне живущих в Городе.

– А среди покойников? Можешь проверить?

– Тоже нет, – ответил ещё через пару минут автоэл. – Имеется Кимис Катарсис. Умер 27 лет назад.

– Нет, это не тот, – недовольно поморщился Блум.

– Куда же вас везти? – виноватым голосом робко осведомился автоэл.

– Разворачивайся и поезжай прямо вдоль главной улицы, – сказал Блум. – Я скажу, где остановиться.

Он остановил автоэл, проехав на квартал дальше дома, в котором проживала чета Шейлисов.

– Вот в этом доме и живет Кинтис Катаракис, мой троюродный брат по бабкиной линии! – нарочито склочным тоном возвестил Блум, тыча пальцем в стеклянные двери

парадного. – Так и запомни!

Он вылез из машины и громко хлопнул дверью. Дождавшись, когда автоэл, свернув за угол, исчез из вида, Блум приветливо помахал рукой привратнику, раскрывшему перед ним дверь подъезда, и, продефилировав мимо, вернулся к дому Шейлиса.

Блум был чрезвычайно доволен собой. Если все его метания из стороны в сторону в совокупности с бестолковой болтовней о несуществующем троюродном брате и не сбили инфор со следа, то уж, наверное, изрядно заморочили его электронные мозги.

За две минуты до назначенного времени встречи Блум был в условленном месте.

В течение десяти минут он прогуливался возле подъезда, отмахиваясь от робота-привратника, неустанно распахивающего дверь при его приближении, но Шейлис так и не появился.

Блум зашел в кабину инфора, стоявшую на углу дома, и набрал номер Шейлиса.

Люц ответил на вызов сразу же после первого сигнала зуммера, словно так и сидел возле экрана, в ожидании звонка. Лицо его, появившееся на пятидюймовом экране, вмонтированном в стенку кабины, имело вид виновато-растерянный.

При этом глаза Шейлиса бегали по сторонам, скользя временами по лицу собеседника, но не останавливаясь на нем.

– В чем дело, Люц? – слегка недовольным тоном начал Блум. – Я уже давно тебя жду. Почему ты не выходишь?

– Извини, Сти, – виноватым голосом стал оправдываться Шейлис. – Сегодня я, к сожалению, не смогу составить тебе компанию. Срочные дела, видишь ли…

Широкое лицо Шейлиса едва умещалось на небольшом экране, но когда Люц, как бы сглатывая застрявший в горле комок, дернул подбородком, Блум заметил, что шею его обхватывает воротник темно-зеленой полевой куртки, точно такой же, как и у него самого.

– Кончай, Люц, – недовольно поморщился Блум. – Откуда у тебя могло появиться неотложное дело, о котором ты час назад ещё ничего не знал? Ты просто боишься.

– Ну, ты прямо скажешь, Блум! – попытался разыграть оскорбленную невинность Шейлис. – Чего, скажи на милость, я должен бояться?

– Конечно, бояться нечего, – согласился с ним Блум. – Но, все же, страшно… Так ведь, Люц? Разум говорит, что все в порядке, а ноги каменеют?

– Нет, в самом деле, Блум, я собирался… – Шейлис все ещё пытался сохранить лицо и в то же время отказаться от

условленной встречи. – Но, видишь ли, обстоятельства… Они несколько изменились…

– Ага, – понимающе кивнул Блум. – В тот самый миг, когда ты открыл дверь и попытался переступить порог.

– Блум, давай договоримся на другой день… – едва ли не с отчаянием взмолился Шейлис. – Хотя бы на завтра!

– Завтра будет то же самое, Люц, – со спокойной уверенностью заверил друга Блум.

– Я не могу, – не поднимая глаз, Шейлис обреченно покачал головой. – Сегодня я никак не могу.

– Я сейчас поднимусь к тебе, и мы сделаем это вместе.

– Не стоит, Блум…

– Люц, в страхе, владеющем тобой, нет ничего постыдного. Я сам прошел через это. И если бы нашелся кто-то, кто помог бы мне в тот первый момент, когда я стоял на пороге своей квартиры, я бы только спасибо ему сказал… Я иду.

Не дожидаясь новых возражений и оправданий Шейлиса, которые, судя по совершенно несчастному виду Люциуса, вот-вот должны были хлынуть бурным потоком, Блум отключил связь и вышел из кабины.

– Добрый день, господин! – радостно приветствовал его робот-привратник, наконец-то дождавшийся возможности до конца исполнить свой долг.

– Добрый, добрый, – коротко кивнул ему Блум, направляясь прямиком к лифту.

– Если господин скажет, кому он собирается нанести визит… – торопливой скороговоркой затараторил вслед ему робот.

Придержав дверь рукой, Блум выглянул из лифта.

– Мне нужны новые брюки, – произнес он с чрезвычайно серьезным видом. – Разве брюки здесь ещё не начали выдавать?

Мгновение робот ошарашенно молчал, изумленно вперив в Блума объектив видеосенсора.

– Нет, господин, – произнес он медленно, но, тем не менее, вполне уверенно.

– Ну вот и отлично, – подмигнул ему Блум. – Значит, я буду первым. Если кто ещё придет, отправляй всех на десятый этаж.

Оставив серьезно озадаченного робота переваривать полученную информацию, Блум скрылся в лифте.

Подозревая, что робот-привратник имеет возможность следить за перемещением кабины лифта, Блум, как и сказал, поднялся на десятый этаж, а затем по лестнице спустился на два этажа вниз.

Шейлис открыл дверь прежде, чем Блум успел нажать на

кнопку звонка. На нем были куртка и брюки из комплекта полевой формы, идеально подогнанные по фигуре с помощью имитаторов. У ног стоял красный рюкзачок Блума. Вид у Шейлиса был ещё более взволнованный, чем когда он говорил с Блумом по инфору, но уже не такой несчастный. Появление Блума собственной персоной вовсе не ободрило его и не вселило надежду, просто Шейлис изо всех сил старался выглядеть, как обычно, – спокойным и уверенным в себе.

Блум, между тем, начал уже подумывать о том, как бы, используя Шейлиса, внести ещё большую неразбериху в работу инфора. И хотя результаты начатой им деятельности оставались пока ещё неясны, сам процесс доставлял Блуму колоссальное удовольствие, несравнимое ни с чем из того, что ему доводилось испытывать прежде.

Взглянув на Блума, Шейлис почему-то приоткрыл рот, словно собираясь что-то сказать, но, так и не издав ни единого звука, стал медленно пятиться в глубь квартиры.

– Все в порядке, Люц!

Догадавшись, в чем дело, Блум снял очки и приподнял козырек кепи. Дав Шейлису возможность взглянуть на свое лицо, он быстро вернул маскировку на прежнее место.

– Это ты, Блум, – облегченно выдохнул Шейлис.

– Конечно, я. А ты ждал кого-то еще? Шейлис вернулся к двери.

– Что у тебя за вид? – он окинул взглядом фигуру Блума с одеждой, висящей на ней мешком. – Ты похож на старый свалявшийся матрас.

– Ты знаешь, как выглядит свалявшийся матрас? – изобразил удивление Блум.

– Нет. Но, если я правильно его себе представляю, он должен выглядеть в точности, как ты сейчас.

– Не волнуйся, скоро и ты будешь выглядеть так же, – пообещал Блум и цепко ухватил Шейлиса за запястье левой руки. – Идем!

– Стой… Стой! Подожди! – Шейлис уперся каблуками в порог, вцепившись одновременно свободной рукой в косяк.

– В чем дело? – приостановился Блум.

– Не так сразу, – сдавленным полушепотом произнес Шейлис.

– А как ты хочешь? – с почти нескрываемой иронией поинтересовался Блум.

– Давай сначала чаю попьем! – с отчаянной надеждой выпалил Шейлис.

– Я отведу тебя в кафе, – снова дернул его за руку Блум. – Это совсем недалеко…

– Нет!

– Ну, что еще?

– Я… Мне…

– Может быть, ты забыл зайти в туалет? – губы Блума сложились в саркастическую ухмылку.

– Да! Конечно!

Голос Шейлиса был преисполнен радости. Глаза его сияли. Он был искренне благодарен другу за протянутую руку помощи.

– Обойдешься, – безжалостно заявил Блум.

– Но, Блум!.. – воскликнул Шейлис, возмущенный таким коварством, и умолк, – других слов, которые можно было бы произнести вслух, у него не было.

– Хорошо, Люц, – смилостивился внезапно Блум. – Не можешь сразу, – давай действовать постепенно.

– Как? – с вновь вспыхнувшей надеждой взглянул на него Шейлис.

– На «раз-два-три».

– Что «раз-два-три»?

– На «раз» – собираешься с силами, на «два» – укрепляешь волю, на «три» – делаешь шаг за порог. Идет?

Шейлис обреченно шмыгнул носом.

– Попробую…

– Начали… Раз!

Блум что было сил рванул Шейлиса за руку. Не ожидавший от друга такого вероломства, Шейлис успел только коротко и тонко пискнуть. Вылетев из квартиры, словно пробка из бутылки перебродившего пива, он пронесся по коридору и остановился, лишь налетев на стену.

– Блум! Предатель! – закричал он, потирая ушибленное плечо. – Ты же обещал на «три»!

– Ты бы и на «триста тридцать три» не решился, – ответил на это Блум, не испытывавший, судя по его довольному виду, ни малейших угрызений совести. – А так, смотри, – ты уже вышел из квартиры и прекрасно себя при этом чувствуешь.

– Да-а… Плечо разбил…

Шейлис снова потер ушибленное место.

– Да будет тебе, – Блум решительно обнял друга за плечи. – Не притворяйся, Люц. Не расшиб, а только слегка ударился.

– Куда мы теперь? – испуганно дернулся Шейлис, почувствовав, что Блум мягко, но настойчиво подталкивает его в одном определенном направлении.

– Известно куда – к лифту, – не давая Шейлису опомниться, Блум втолкнул его в раскрывшиеся двери лифта. – Ты хотя бы знаешь, на каком этаже живешь?

– На восьмом, – облизнув языком сухие губы, севшим голосом ответил Шейлис.

– Верно, – похвалил его Блум и надавил на кнопку. – А мы сейчас отправляемся на первый.

Как только двери лифта сомкнулись, Блум достал из кармана ещё одни очки с темными зеркальными стеклами и пристроил их на носу Шейлиса, поверх его собственных очков.

– Что ты делаешь, Блум?!

Шейлис откинулся в сторону и попытался помешать Блуму, но тот строго одернул его за руку.

– Извини, Люц, но если ты собираешься путешествовать вместе со мной, тебе придется следовать неким несложным и совершенно необременительным правилам.

Сказав это, Блум извлек из-под куртки мятую кепи с таким же огромным козырьком, как и та, что была надета на нем, и натянул её Шейлису на голову.

Шейлис снова что-то протестующе забубнил, но в этот момент лифт остановился, двери кабины разошлись в стороны, и Блум, не дослушав друга, вытолкнул его в холл.

Сделав после толчка в спину два шага по инерции, Шейлис замер на полусогнутых ногах, с раскинутыми в сторону руками. Он был похож на бабуина, увидевшего таракана, размерами значительно превосходящего всех своих сородичей, и пытающегося решить вопрос, стоит ли попробовать употребить сию тварь в пищу или же лучше оставить её в покое, дабы не искушать судьбу понапрасну.

– Новые впечатления, Люц? – спросил Блум, тронув друга за плечо.

Шейлис дернулся, резко выпрямился, превратившись в кол, одернул полы куртки, да так и оставил руки, вцепившимися пальцами в плотную материю.

– Все в порядке, – деревянным голосом ответил он. Блум порадовался тому, что Шейлису удается сохранять по крайней мере видимость самообладания.

– Выход там, – указал он на дверь парадного. Заметив его жест, ожил робот-привратник.

– Добрый день, господа!..

Блум перебил его дежурную речь вопросом:

– Никто за штанами не приходил?

Робот запнулся, проглотив окончание фразы, и как-то странно булькнув, ответил:

– Нет… Но, дело в том, господин, что ваша информация по поводу брюк, выдаваемых всем желающим на десятом этаже, представляется мне не совсем верной…

На лицевой панели робота попеременно зажигались красный и желтый индикаторы, что означало крайнюю степень замешательства и смущения.

– Но ты же сам видишь, что мы оба в брюках, – провел ладонями по бедрам Блум. – Или я и в этом не прав?

– Да, господин, – поспешил согласиться с ним робот. – Конечно!

При этом его индикаторы замигали ещё быстрее.

– Нам их выдали на десятом этаже, – сообщил Блум. – Еще вопросы есть?

– Но, позвольте заметить, господин, что, когда вы пришли сюда, на вас тоже были брюки.

– Правильно, – благосклонно кивнул Блум. – Но те были другие. А эти мне выдали на десятом этаже.

Стоявший у Блума за спиной Шейлис дернул друга за рукав.

– Что ты несешь? – тихо произнес он. – Какие ещё штаны выдали тебе на десятом этаже?

– А вот это мой друг, – указал на Шейлиса Блум, знаком велев ему при этом умолкнуть. – В каком виде он заходил сюда, – в штанах или без, – ты точно не видел.

Не зная, что сказать, робот молча мигал индикаторами.

– Ведь не видел же? – надавил на него Блум.

– Нет, – вынужден был признаться окончательно сбитый с толку робот.

– Вот видишь! – радостно хлопнул в ладоши Блум. – Так что твои данные, приятель, устарели.

– Я проверил вашу информацию через сеть инфора, господин, – робко заметил робот. – И так же не нашел ей подтверждения.

– Ну, надо же, – озабоченно покачал головой Блум. – Выходит, забарахлил инфор. Должно быть, засорились у него какие-то ячейки в памяти. Ты уж приятель, помоги ему, растолкуй что к чему. А, если кто придет за брюками, так не сомневайся, – смело отправляй на десятый этаж… Ну, давай!

Последние слова Блума были адресованы Шейлису, которого он подтолкнул к распахнутой привратником двери.

Робот, видимо, был настолько ошарашен, что даже позабыл предложить людям вызвать автоэл.

Мимоходом Блум сорвал с воротника куртки Шейлиса имитатор и прилепил его роботу на грудь. Брюки на Шейлисе сразу же повисли мешком, куртка же, напротив, оказалась на пару размеров мала и едва сходилась на заметно выпирающем животике. А у робота неожиданно появилась талия.

На улице Блум, подхватив Шейлиса под руку, успел

протащить его несколько метров по пешеходной дорожке, тянущейся вдоль дома, прежде чем тот пришел в себя и начал снова упираться. Впрочем, теперь сопротивление его было довольно-таки вялым и не слишком настойчивым.

– Стой… Погоди… – непрестанно бормотал он.

При этом казалось, что обращается он не столько к Блуму, сколько к самому себе.

Когда Блуму это надоело, он остановился и отпустил локоть Шейлиса.

Люциус пошатнулся, потерял равновесие и хлопнулся задом на газон. Медленно стянув с головы кепи, он тяжело перевел дух и повел шальным взглядом по сторонам.

Блум присел рядом с ним на корточки.

– Ты в порядке, Люц?

– Кажется, – не очень уверенно ответил тот и тут же накинулся на Блума с упреками. – Ну, нельзя же так, Блум! Схватил, вытолкнул, потащил!.. Я ведь и сам собирался!..

– Ладно, Люц, извини, – попытался успокоить его Блум. – Я ведь хотел, как лучше.

– Извини, извини… – недовольно пробурчал в ответ Шейлис. – Набросился на меня… Напялил какую-то дурацкую шапку… Очки… – Шейлис сорвал с себя солнцезащитные очки, заодно чуть было не скинув на землю и свои собственные, и кинул их на траву. – Имитатор зачем снял?.. Хочешь, чтобы я выглядел таким же идиотом, как и ты?..

Блум с покаянной улыбкой на устах слушал Шейлиса, не перебивая, радуясь, что выливая на него свое раздражение, Люциус понемногу успокаивался. Самому Блуму в свое время пришлось в одиночку переваривать все те же самые эмоции.

Понемногу агрессивный запал Шейлиса пошел на убыль, и в извергаемом им словесном потоке стали случаться заметные паузы. Он уже не концентрировал все свое внимание исключительно наличности Блума. Вместо этого он стал все чаще с любопытством оглядываться по сторонам.

– Ну, все, теперь, кажется, порядок, – сказал Блум, когда Шейлис, истощив весь запас своего негодующего красноречия, наконец-то умолк. – Теперь можно спокойно поговорить.

– О чем? – спросил, не глядя на Блума, Шейлис.

Он водил ладонью по траве, удивляясь непривычным осязательным ощущениям.

– Ты долго собираешься сидеть здесь на травке? – спросил, бросив быстрый взгляд на его руку, Блум.

– А ты куда-то торопишься? – вопросом на вопрос ответил Шейлис.

– У меня есть конкретный план действий.

– И что же ты собираешься делать?

– Хочу найти границу Города.

– Глупая затея.

– Хорошо. Я могу сказать по другому: хочу изучить Город. Как тебе это?

– Уже лучше. А что конкретно тебя интересует?

– Граница.

– Снова – здорово.

– Но ты-то при этом можешь заниматься тем, что интересует тебя. Ты вот траву гладишь, как будто увидел её в первый раз. – Шейлис быстро спрятал руку в карман. Блум сделал вид, что не заметил этого непроизвольного движения. – Ты можешь, например, изучать влияние городской среды на психику пешехода. Или, как это у вас называется?

– Реакция психики на возбуждающее воздействие… – начал лихо закручивать наукоемкую фразу Шейлис.

– Вот-вот, – не дослушав, оборвал его Блум. – Именно это я и имел в виду. Тебе разве не все равно, в какую сторону идти для того, чтобы заниматься изучением этой самой реакции?

– В принципе, я вообще могу оставаться на месте, – подумав, ответил Шейлис. – Меня и здесь окружает городская среда.

– Ну так решай, остаешься или идешь со мной?

– А куда идешь ты?

– Прямо по улице до самого её конца.

– Хорошо, – без долгих раздумий согласился Шейлис. – Но только не очень далеко. Так, чтобы успеть вернуться домой к обеду.

– Перекусим где-нибудь по пути.

– Но Лиза будет ждать меня к обеду.

– Позвонишь ей и скажешь, что не придешь.

– Но она станет беспокоиться.

– Ну так возвращайся домой прямо сейчас! – Блум раздраженно взмахнул рукой и встал во весь рост.

– Нет, Блум, я уже обещал тебе, что пойду с тобой, – поспешно поднялся на ноги Шейлис. – Я не могу оставить тебя одного, когда ты находишься в столь неуравновешенном состоянии.

– Ну, спасибо тебе, дорогой, – Блум ободряюще похлопал Шейлиса по плечу. – Я знал, что на тебя можно рассчитывать. Теперь подними с земли очки и кепи.

– Зачем? – недовольно сдвинул брови Шейлис.

– Я говорил тебе: если идешь со мной, то изволь выполнять мои правила.

– Но эти твои правила лишены какого-либо смысла!

– Пока просто сделай то, о чем я тебя прошу. А о смысле этих действий я расскажу тебе по дороге.

– Хорошо, не будем спорить по пустякам, – решил первым проявить благоразумие Шейлис.

– Козырек опусти, – велел ему Блум, когда он снова натянул на голову кепи и надел очки.

Шейлис безропотно повиновался.

Для себя он мысленно повторял, что делает это исключительно ради того, чтобы не выводить из равновесия и без того неустойчивую психику друга. На самом же деле, он был настолько захвачен обрушившимся на него мощным потоком новых впечатлений и эмоциональных переживаний, что с готовностью выполнил бы любое, даже самое безумное требование Блума, лишь бы только тот не отправил его снова домой. А возражал он только по привычке.

Люциус Шейлис

«Кто бы объяснил мне, что происходит?…

Ладно, с Блумом все более или менее ясно, – у него навязчивая идея. Причина её, скорее всего, кроется в том, что Сти не может полностью реализовать свой творческий потенциал и пытается самому себе объяснить это некими неблагоприятными воздействиями внешней среды. Типичная реакция для человека, привыкшего считать себя непогрешимым…

Но со мной-то что случилось? Я-то чего ради вышел на улицу? Что я надеюсь здесь найти?..

Объективно – мне ничего не нужно. Не имело ни малейшего смысла покидать квартиру, в которой у меня есть все необходимое для полноценной жизни, работы и творчества…

Проклятие! Я все время пытаюсь объяснить свой поступок тем, что обязан присмотреть за Блумом!.. Но ведь это не так!

Меня интересует вовсе не Блум и уж, конечно, не его безумная затея… Быть может, Блум в чем-то прав, и нам всем порою бывает просто необходимо убедиться в реальности мира, в котором мы живем? Мы пришли в него не по своей воле, – нас забросил сюда слепой и безрассудный случай. Где бы каждый из нас мог оказаться, если не здесь?.. Эдак глубоко можно зарыться, и, в конце концов, прийти к сакраментальному вопросу: что такое мир и какова роль, отведенная в нем для меня?.. И кто стоит за всем сущим?.. Кто направляет мои действия и определяет отведенный мне срок?..

Увы, я человек, привыкший мыслить рационально, а потому с уверенностью отвечаю: никто! Миром управляет не суть, а случай… И с этим следует смириться… Иначе абсолютно все теряет смысл.»

Глава 5

Как трудно идти по пустой улице

(4-й уровень, 63-я улица)

– Куда мы идем?

– К концу улицы.

– Зачем?

– Я уже объяснял тебе…

– Я не желаю снова выслушивать дурацкую историю о поисках границы Города! – сделав это заявление, Шейлис остановился. – Я не двинусь с места, пока ты внятно не объяснишь мне, чего ты пытаешься добиться на самом деле!

Пройдя по инерции ещё несколько шагов, Блум тоже остановился и, обернувшись, удивленно посмотрел на друга.

– Разве не ты сегодня утром пригласил меня прогуляться? – чуть склонив голову к плечу, спросил он у Шейлиса. – Ну так гуляй! – выкинув руку вперед, Блум описал ею полуокружность, охватывающую улицу и дома по обеим сторонам от нее. – Получай удовольствие!

– Я хотел увидеть Город, и я его увидел! Все! – рука Шейлиса прочертила в воздухе строго вертикальную линию. – Довольно! С меня хватит!..

Шейлис запнулся, взглянув на невозмутимо спокойное лицо своего спутника.

– Ну? Что ещё скажешь? – не проявляя никаких эмоций, как будто даже с ленцой, поинтересовался Блум.

– Пора остановиться, Блум, – развел руками Шейлис.

– Почему?

– Потому что мы уже увидели все, что хотели.

– Говори только за себя, Люц.

– Хорошо, – с суетливой поспешностью кивнул Шейлис. – Я увидел Город, – он повторил широкий жест рукой, который незадолго до этого сделал Блум. – Если прежде у меня, возможно, и были какие-то подсознательные сомнения по поводу реальности его существования, то теперь я полностью от них избавился…

– Уверен? – с едва заметным лукавством прищурил глаз Блум.

Шейлис был недоволен тем, что его перебили, но постарался скрыть раздражение, поскольку, как он сам подозревал, вызвано оно было не только словами Блума. Не совсем тактичная реплика

приятеля могла послужить лишь поводом для того, чтобы позволить нервному раздражению вырваться наружу. Но подобное Шейлис считал для себя недопустимым. Он, как всегда, должен быть спокоен, уравновешен и не испытывать никаких сомнений… В его жизни не могло быть места для сомнений!

– В чем именно я должен быть уверен? – спросил он у Блума.

Блум не спеша, вразвалочку подошел к Шейнису. Свалившийся с плеча, полупустой рюкзак висел у него на сгибе локтя.

– Ты уверен, что избавился от всех своих иллюзий? – негромко спросил Блум, сделав особый акцент на слове «всех».

Шейлису все же не удалось совладать со своими эмоциями. Возмущенно всплеснув руками, он с плохо скрытым раздражением воскликнул:

– Ты можешь выражаться чуть более конкретно, Блум?! – руки его, с ладонями, раскрытыми, словно в ожидании подношения или подарка, оказались направлены в сторону Блума. – Какие именно иллюзии тебя интересуют?! Я говорил только о Городе! О Городе, Блум! – Шейлис снова раскинул руки в стороны, чуть приподняв их вверх. – Я не имел в виду ничего такого…

– Какого? – с невинным видом поинтересовался Блум.

– Ничего такого, что имеешь в виду ты, когда говоришь о Городе! – подавшись всем телом вперед, почти прокричал ему в лицо Шейлис.

Блум как-то странно дернул подбородком и, чуть приподняв кисть левой руки, сделал движение, словно пытаясь поймать повисшую в воздухе невидимую нить.

– Мне хотелось бы обсудить возникшую у нас проблему спокойно, – сдержанно произнес он. – Без излишней нервозности.

– Лично у меня нет никаких проблем, – глядя куда-то в сторону, ответил Шейлис. – Если у кого они и есть, так только у тебя.

– Хорошо, – не стал спорить Блум. – Давай обсудим мои проблемы.

– Запишись ко мне на прием, – буркнул в ответ Шейлис.

– Что ж, – Блум ухмыльнулся и с безучастным видом сложил руки на груди. – Можешь поступать, как тебе угодно.

– Я хочу вернуться домой, – раздельно произнес Шейлис.

– Ради бога, – Блум вытянул руку в направлении безнадежно пустой и кажущейся бесконечно длинной улицы.

При этом лицо его сохраняло выражение каменного идола, забытого даже теми, кто его когда-то создал. Блум не хотел, чтобы Шейлис понял, что им пытаются манипулировать. К тому же страх перед пустыми улицами Города, от которого он и сам

ещё не до конца избавился, вовсе не казался Блуму достойным объектом для насмешек.

Шейлис бросил быстрый взгляд через плечо. Затем он засунул правую руку в карман и, опустив глаза, посмотрел на носки своих ботинок.

– Мне не хотелось бы оставлять тебя одного, – глухо произнес он.

– Так в чем же дело?

– Мне наскучила эта дурацкая, бессмысленная прогулка, Блум! – с отчаянием воскликнул Шейлис.

– По-моему, скука – это не совсем то, что ты сейчас испытываешь.

– Какая разница, Блум! – дернув коленом, Шейлис нетерпеливо стукнул каблуком по дорожному покрытию. – Мы не в слова играем!

– А чем же мы, в таком случае, занимаемся?

– Хорошо, Блум, – медленно произнес Шейлис. Чуть наклонив голову, он приложил к виску сложенные щепотью пальцы левой руки. – Я готов признать, что в чем-то ты прав… Город, действительно, оказывает на человека некое, пока ещё не до конца мне понятное воздействие… Ощущение довольно необычное и странное… Но я могу с уверенностью сказать, что это не просто страх…

– Согласен, – быстро кивнул Блум.

– Ну, так что ещё тебе нужно? – непонимающе посмотрел на него Шейлис.

– Мне?! – удивление Блума было ещё более неподдельным, чем у его приятеля. При этом интонации Блума сделались Даже несколько агрессивными. – Я не собираюсь удерживать тебя силой, Люц! Вдвоем всегда проще разобраться в любой ситуации! Но, останешься ты со мной или нет, я все равно сделаю то, что задумал!..

– Все, – останавливая рвущийся из Блума поток слов, устало махнул рукой Шейлис. – У меня больше нет сил спорить с тобой.

– И что дальше?

– О чем ты?

– Могу предложить тебе три варианта. Первый: мы расстаемся, я иду своей дорогой, а ты возвращаешься домой. Второй: мы вместе идем дальше. И, наконец, третий: прежде, чем что-либо решать, мы сядем в кафе где-нибудь неподалеку и спокойно поговорим.

В полнейшей нерешительности Шейлис погрузился в созерцание носков собственных ботинок. Какие же они все-таки уродливо-тупые… Для чего нужен такой широкий рант по

краям?.. Неужели, для того, чтобы выйти на улицу, обязательно нужно натягивать на ноги эту кошмарную обувь, а затем ещё и привязывать её к стопам плотной шнуровкой? Чем хуже обувь для приемов? Легкая, удобная, её почти не ощущаешь на ноге…

– Люц, ты меня слышишь? – с некоторой долей тревоги окликнул приятеля Блум.

Шейлис ответил не сразу. Сначала он поднял и повернул голову, чтобы ещё раз взглянуть на пугающе пустую улицу за спиной. Затем взгляд его медленно прополз по стене дома, угол которого украшала квадратная вывеска с цифрой 155, на короткое время задержался на стеклянной двери парадного, скользнул по зелени ровно подстриженного кустарника… Для того, чтобы ветки кустов были все, как одна, требуемой длины, кто-то должен был внимательно следить за ними…

– Я не прочь был бы где-нибудь ненадолго присесть, – тихо произнес он, не глядя на того, кому были адресованы его слова. А, быть может, он и сам не знал, к кому обращался.

Честно признаться, Блум был почти уверен, что Шейлис, махнув рукой на все, в том числе и на собственные страхи, решит отправиться домой. Он даже собирался попросить ближайшего робота-привратника вызвать для приятеля автоэл, чтобы избавить его от мучительной необходимости идти назад в одиночестве.

Озадаченно поджав губы, Блум указал Шейлису направление, выбранное наугад, в расчете на то, что кафе имеется позади любого дома.

Двигаясь следом за Шейлисом по гравиевой дорожке, огибающей дом, Блум больше всего боялся, что в указанном им месте кафе не окажется. До сих пор, как ему казалось, только его уверенность являлась тем магнитом, который удерживал возле него Шейлиса. Если он вдруг остановится и начнет в растерянности оглядываться по сторонам, Шейлис, скорее всего, тут же сорвется с места и кинется по направлению к дому.

К счастью, кафе, ничем не отличавшееся от того, что посетил Блум вчера, оказалось именно там, где он и рассчитывал. В небольшом дворике стояли три круглых белых столика на причудливо изогнутых ножках. Раздвижные стеклянные двери, ведущие в помещение кафе, были прикрыты.

Блум прошел вперед и сел за крайний столик. Гостеприимным жестом он указал Шейлису на соседний стул.

Шейлис подошел к стулу, скинул с плеча рюкзачок и неуверенно положил ладонь на ажурную, изогнутую, подобно арфе, спинку. Убедившись в надежности стула, Шейлис чуть отодвинул его от стола и присел на самый краешек.

– Рад приветствовать вас, господа, в нашем кафе!

Шейлис, сидевший спиной к двери и не видевший стремительно выкатившего из неё робота-официанта, от неожиданности подпрыгнул на месте.

– Не вздумай заводить с ним беседу, – взглядом указав на приближающегося робота, заговорщицки шепнул приятелю Блум. – Потом не отвяжешься…

Шейлис нервно сглотнул и судорожно кивнул.

– Что желают господа? – учтиво осведомился остановившийся возле столика робот.

– Два черных кофе, – сказал Блум. – Ты хочешь ещё что-нибудь? – спросил он у Шейлиса.

Тот, ни слова не говоря, отрицательно мотнул головой.

– Я бы мог посоветовать вам взять к кофе…

Похоже, все роботы-официанты в Городе были одинаково болтливы. Должно быть, эта черта была одной из обязательных составляющих их программы, основным назначением которой было максимальное удовлетворение всех потребностей клиентов.

– Два кофе! – повысив голос, Блум ещё для убедительности показал роботу два пальца.

– Понял, – коротко ответил тот. – Сей момент.

Мигнув сенсорами, робот стремительно укатил в сторону служебных помещений.

– С ними иначе нельзя, – взглянув на Шейлиса, с сожалением улыбнулся Блум.

Когда робот-официант принес заказ, Блум глянул на него столь выразительно, что робот тут же укатил к себе в подсобку, успев все же бросить на ходу:

– Всегда к вашим услугам, господа!..

Взяв чашку двумя пальцами за ручку, Блум приподнял её и осторожно сделал небольшой глоток обжигающе горячего, умело приготовленного, а потому необыкновенно ароматного кофе.

– Ты не забыл про кофе? – спросил он у Шейлиса, взглядом указав на чашку, к которой тот даже и не прикоснулся.

– Да, конечно! – Шейлис поспешно, словно от этого зависела его репутация, схватился за чашку.

– Не торопись, – кофе горячий, – едва заметно улыбнувшись, предостерег его Блум.

Сделав глоток, Шейлис с видом знатока подвигал губами, оценивая аромат напитка.

– Неплохо, – сообщил он, закончив дегустацию. – Совеем неплохо… Отличные вкусоиммтаторы…

Немного расслабившись, Шейлис наконец-то с интересом посмотрел по сторонам.

– Любопытное местечко, – сказал он, обведя взглядом

невысокую изгородь и стоящие за ней деревья с ровными конусообразными кронами. – Ты говоришь, что такие же кафе имеются возле каждого дома?

Блум молча кивнул.

– Странно, – Шейлис сделал ещё один небольшой глоток кофе. – Не похоже, чтобы здесь бывало много посетителей.

– В том кафе, где я был вчера, робот-официант сообщил мне, что я его первый клиент со дня открытия заведения, – сказал Блум.

– Для чего строить кафе, в которые никто не ходит?

– Ты у меня спрашиваешь?

– Нет… Просто размышляю…

– Быть может, в былые времена люди любили посидеть в кафе, – предположил Блум.

– В былые времена… – Шейлис указательным пальцем поправил очки на переносице. – Как по-твоему, сколько лет этому кафе?

– Ну, не знаю… Если тебя это интересует, можно спросить у официанта…

Живо прикативший на зов посетителей робот-официант с готовностью сообщил, что работает в кафе с первого дня его открытия, вот уже тридцать три года, и за это время во вверенном его заботам заведении не было ни одного клиента.

– Если я не ошибаюсь, – задумчиво произнес Блум, – то кафе, в которое я заходил вчера, тоже было открыто тридцать три года назад.

– Ничего удивительного, – Шейлис двумя глотками допил кофе и протянул роботу пустую чашку. – Будь добр, принеси мне ещё одну чашечку кофе, – сказал он, после чего снова повернулся к Блуму. – Скорее всего, вся улица, на которой мы сейчас находимся, была выстроена в одно и то же время.

– Совершенно верно, – подтвердил его догадку вернувшийся с новой чашкой кофе робот. – Шестьдесят третья улица была возведена по типовому проекту тридцать три года назад.

– А сколько лет тебе? – спросил у Шейлиса Блум.

– Как будто не знаешь, – дернул плечом тот. – Столько же, сколько и тебе.

– Тридцать три, – со значением произнес Блум, вознеся к небу указательный палец.

– Ну и что с того? – безразлично пожал плечами Шейлис.

– Мы всю жизнь прожили на улице, которая была построена в тот год, когда мы родились. Сначала мы жили в яслях, потом в интернате при нормальной школе. После окончания школы каждый из нас получил собственную квартиру все на той же

Шестьдесят третьей улице и стал заниматься тем, к чему испытывал склонность… Сколько лет твоей жене, Люц?

– Тридцать три, – ответил Шейлис и усмехнулся. – Только не пытайся убедить меня в том, что все мы созданы вместе с улицей по единому типовому проекту.

– Нет, – с серьезным видом покачал головой Блум. – Тут все куда как сложнее… Но некая взаимосвязь между нашим возрастом и сроками возведения улицы, на которой мы живем, несомненно, существует… Тебе никогда не приходило в голову переселиться на другую улицу?

– Зачем? – удивился Шейлис. – Мне и здесь неплохо… К тому же, скорее всего, одна улица ничем не отличается от другой. Ты же слышал: типовой проект.

– Если в Городе строятся новые здания, следовательно, Город постоянно разрастается, увеличиваясь в размерах.

– Совсем не обязательно. Новые улицы могут возводиться на месте старых, обветшавших и пришедших в негодность застроек.

– Возможно, что и так, – задумчиво кивнул Блум. – Но для чего тогда строить многочисленные кафе? Ведь эта улица нам ровесница, а среди нашего поколения привычка посещать время от времени открытое кафе, как мне кажется, не слишком широко распространена.

– Я очень сильно удивлюсь, если узнаю, что кто-то из моих знакомых ходит в кафе, вместо того, чтобы завтракать дома, – заметил Шейлис. И тут же быстро поправил себя: – Я, конечно, не имею в виду тебя Блум.

– Спасибо, – саркастически усмехнулся Блум. – И все же, для чего строить кафе, в которые никто не ходит?

– Типовой проект, – продолжал отстаивать свою версию Шейлис. – Сохранившийся с тех пор, когда кафе являлись неотъемлемой частью жизни горожан.

– Возможно, – подумав, согласился с ним Блум. – Но, в таком случае, следует сделать вывод, что тот, кто занимается городским строительством, не имеет ни малейшего представления об образе жизни обитателей Города.

– Инфор? – настороженно спросил Шейлис.

– У тебя имеется какая-то другая кандидатура?

– Даже если так, – Шейлис покачал остатки кофе на дне чашки. – Я не вижу в этом никакого злого умысла.

– Разве максимальное удовлетворение всех потребностей городского населения не является основной задачей инфора?

– Конечно…

– Так для чего же он снова и снова строит кафе, которые никому не нужны?!

– Откуда я знаю, – недовольно поморщился Шейлис. – Если хочешь, можешь навести справки…

– Каким образом? – с нескрываемой иронией поинтересовался Блум. – Воспользовавшись услугами инфора?

– Другого способа я не знаю, – театрально развел руками Шейлис.

– В таком случае, послушай, что я тебе скажу, – подавшись вперед, Блум навалился грудью на стол и, приблизив свое лицо к лицу собеседника, понизил голос. – Инфор полностью слился с Городом, растворившись в его инфраструктуре. Теперь он уже не вспомогательная система, – он и есть сам Город… Поэтому-то мы и испытываем некий подсознательный дискомфорт, передвигаясь по улицам Города, – мы чувствуем, что находимся внутри самостоятельного живого организма…

Шейлис откинулся на спинку стула, стараясь дистанцироваться от напирающего на него Блума.

– А кафе-то здесь при чем? – растерянно спросил он первое, что пришло в голову.

– При том, что инфор возводит новые кварталы и улицы не для того, чтобы улучшить условия жизни обитателей Города, – едва слышно прошептал Блум. – Он заново воспроизводит самого себя. Как живой организм, который заменяет отмирающие клетки новыми.

– Ну, Блум!.. – Шейлис вознес руки к небу, нарисованному где-то высоко над головой. – Это уже просто не лезет ни в какие рамки!.. Ты человек творческий, и, наверное, поэтому тебе свойственно рассматривать обыденные явления и вещи под нетрадиционным углом зрения… Но сказать такое!.. Послушай, Сти, а ты, часом, не разыгрываешь меня?.. Я здесь из кожи вон лезу, доказывая тебе прописные истины, а ты, быть может, про себя тихо посмеиваешься надо мной?..

– Я говорю абсолютно серьезно, – сказал Блум. Момент истины миновал, и он спокойно опустился на стул, положив согнутую в локте руку на его изогнутую спинку. Шейлис постучал пальцами по краю стола. Сначала он смотрел на свою руку. Затем взгляд его быстро скользнул по лицу Блума и снова вернулся к созерцанию движущихся пальцев.

– В таком случае, Сти, боюсь, что тебе необходимо пройти курс интенсивной психокоррекции, – произнес он негромко, но с безаппеляционной определенностью. – Твои фантазии, насколько я могу судить, приобретают все более необратимый и, что особенно настораживает, весьма агрессивный характер. В конечном итоге это может привести к полной утрате чувства реальности.

– Я где-то читал, что объект становится реальным, только будучи припущенным через органы восприятия и сознание субъекта, – натянуто улыбнулся Блум.

– Безнадежно устаревшая теория, – ответил Шейлис. – Окружающий мир потому и является абсолютно реальным, что существует помимо нашего сознания. Сознание начинает трансформировать образ реальности в том случае, если он в значительной степени не соответствует ожиданиям субъекта. Но в результате мы получаем отнюдь не новую реальность, а всего лишь бредовые галлюцинации.

– А если мир настолько кошмарен, то бредят все его обитатели?

– И только ты один видишь его таким, какой он есть на самом деле? – Шейлис усмехнулся и покачал головой. – Подобное предположение противоречит элементарному здравому смыслу.

– Но в предложенных мною условиях оказывается извращено и само понятие здравого смысла, – заметил Блум.

– Кончай, Блум, – недовольно поморщился Шейлис. – Я знаю, что в слова ты можешь играть без конца. И признаю, что уступаю тебе в этой игре. Но я никогда не поверю в то, что сейчас ты говоришь серьезно. Да ты и сам прекрасно понимаешь, что под твоими умозрительными конструкциями нет реальной почвы. Мир, который ты пытаешься придумать, попросту не может существовать.

– Почему? – почти с искренним недоумением посмотрел на собеседника Блум. – Чем он так плох?

– Тем, что все его жители, по твоему предположению, психически ненормальны.

– Я не имел в виду полных идиотов, – покачал головой Блум. – И ты, как врач, должен лучше меня знать, что человек, страдающий галлюцинациями, совсем не обязательно должен быть при этом ещё и умственно неполноценным.

– Пустой разговор, Блум, – устало махнул рукой Шейлис. – Пора возвращаться домой… Мне нужно все хорошенько обдумать, сделать кое-какие записи…

– У меня есть при себе бумага и авторучка, – Блум поднял с пола рюкзак и поставил его на колени.

– Ты хочешь, чтобы я писал прямо здесь? – Шейлис недоумевающе указал обеими руками на разделяющий их стол.

– А почему бы нет? Разве тебе здесь не нравится?

– Не то, чтобы не нравилось… – Шейлис зябко повел плечами. – Но я привык работать дома, в удобной обстановке… Да и вообще… Знаешь что, Блум, – Шейлис положил руки ладонями на стол, привстал и подался всем корпусом вперед. –

Мне-все-это-уже-на-до-е-ло!

Шейлис произнес фразу на одном выдохе, постепенно повышая голос, так что последний слог он почти прокричал в лицо Блуму.

Блум откинулся назад. Стул, на котором он сидел, замер в положении неустойчивого равновесия, балансируя на тоненьких, как спицы, задних ножках.

Совершенно неожиданно Блум легко и непринужденно улыбнулся.

– Хорошо, – сказал он. – Раз надоело, – давай поскорее с этим покончим.

Подозревая, что за словами Блума кроется какой-то подвох, Шейлис настороженно сдвинул брови.

– С чем именно?

– С тем, что тебе надоело, – совершенно обыденным тоном ответил Блум.

– Что ты имеешь в виду? – осторожно поинтересовался Шейлис, снова присаживаясь на краешек стула.

– А ты?..

Повернувшись к Шейлису в полоборота, Блум с непринужденным видом закинул ногу на ногу.

– Хорошо, – медленно наклонил голову Шейлис. – Будем считать, что в этот раз ты меня подловил…

– Только в этот? – удивленно вскинул брови Блум. – Мне казалось, что я выигрываю по всем статьям.

– И?..

– И – ничего! – весело и бесшабашно улыбнувшись, Блум развел руками. – А что ты рассчитывал услышать?

– Блум!

– Хорошо! – Блум на мгновение вскинул руку, обратив её Открытой ладонью в сторону Шейлиса, и тут же припечатал ладонь к столу. – Давай говорить серьезно. До конца улицы нам осталось пройти не так много. Сейчас мы находимся возле дома номер сто пятнадцать, а всего на улице, если верить плану, который выдал мне инфор, сто двадцать домов.

– Ну, допустим, дойдем мы до конца улицы, – кивнул Шейлис. – Что дальше?

– Дальше?.. – Блум провел согнутым пальцем по переносице.

Похоже, он и сам ещё не знал, что станет делать после того, как цель будет достигнута.

– Ты надеешься увидеть там что-то необычное? – уточнил свой вопрос Шейлис. – Что-то, что перевернет все твои представления о мире?

– Не знаю, – честно признался Блум. – Я хотел бы увидеть

границу, отделяющую Город от остального мира.

– Ты хочешь сказать от того, что осталось от прежнего мира, – поправил его Шейлис.

– Может быть, и так, – не стал спорить Блум.

– Если бы за пределами Города можно было жить, то люди давно бы уже расселились по всему миру, – с безапелляционной убежденностью произнес Шейлис.

– Ты уже забыл, чего мне стоило вытащить тебя на улицу? – усмехнувшись, напомнил Блум. – Или ты думаешь, что у других жителей Города потребность в миграции заложена на генетическом уровне?

– У Города нет границ, – насупившись, произнес Шейлис.

– Но мир за его пределами существует?

– Существовал когда-то. Что находится за пределами Города сейчас никому не известно.

– Поэтому-то и любопытно взглянуть.

– Там ничего нет!

– Ну, значит, мне нужно увидеть это самое «ничего», – разговор вертелся на одном и том же месте, и это начало раздражать Блума. – Интересно, как ты сам себе представляешь это «ничего»?

– Да кто его знает, – безразлично пожал плечами Шейлис. – Может быть, пустыня какая-нибудь…

– И все?

– А что там ещё может быть?.. Во всяком случае, ничего такого, ради чего стоило бы тратить время и силы.

– Что ж…

Словно ища поддержки у кого-то незримо присутствующего при их беседе, Блум поднял взгляд вверх. Небо выглядело не просто ненастоящим, оно было мертвым. Под стать ему были безжизненные кусты и деревья, полукольцом охватывающие маленький дворик открытого кафе.

Блум тяжко вздохнул.

– Возможно, мне просто хочется положить всему конец.

Стили Блум

«…Неужели все врачи только тем и занимаются, что выискивают возможных пациентов среди своих знакомых?.. В принципе, Люц неплохой парень. Но есть все же в нем нечто такое, что не позволяет мне быть с ним до конца откровенным, даже когда я сам этого хочу… Даже не знаю, как это правильно назвать… Чувствую, но в словах выразить не удается… Люц сам

создал для себя рамки, за которые не выйдет никогда, ни при каких условиях, что бы ни случилось… Даже, если от этого будет зависеть его собственная жизнь!.. Это, как граница для Города: что по эту сторону, то принимается полностью, без каких-либо оговорок, а то, что снаружи, – далекое воспоминание, вымысел, бред, о котором и говорить-то не стоит… В пределах жизненного круга, который очертил для себя Люц, он милый человек и хороший товарищ. Что произойдет с ним за его пределами, я лично судить не берусь… Но, если он идет со мной, значит сам хочет это узнать.»

Глава 6

Не бывает неприступных стен

(4-й уровень, 63-я улица, дом 120)

– Что ты видишь?

– Должно быть, то же самое, что и ты.

– Розового дракона с большим круглым пятном зеленого цвета на брюхе?

– Кончай валять дурака, Блум. Мы дошли до цели.

– Да уж…

Сдвинув кепи на ухо, Блум озадаченно почесал затылок.

– Ты удовлетворен? – с издевкой, нарочито плохо замаскированной под участие, спросил Шейлис. – Надеюсь, ты именно это и хотел увидеть?

– Честно признаться, это не совсем то, на что я рассчитывал.

Впереди был тупик, образованный стенами двух домов, сомкнувшихся в конце улицы.

Скорее всего, это были даже не два, а один дом, причудой неизвестного архитектора сложенный буквой «П». Левое крыло дома располагалось на нечетной стороне улицы, и потому на углу его имелась вывеска с номером «119». Правое же, с соответствующим номером «120» было вытянуто вдоль четной стороны.

– Это конец пути, Блум…

– Нет! – не дав Шейлису закончить, крикнул Блум. В этом коротком, как резкий выдох, крике смешалось все, – и накопившееся раздражение, и разочарование столь неожиданным и тупым концом загадки, и злость на Шейлиса, которому не терпелось вернуться домой, и ненависть к стене, которая перегородила дорогу, и боль, возникшая неизвестно по какой причине.

Блум резко тряхнул головой и, сорвав с плеча полупустой рюкзачок, в сердцах швырнул его на мостовую.

– Очень выразительно, – неторопливо произнес Шейлис. – Только мне все равно не понятно, что ты собираешься делать теперь? Сидеть здесь и ждать, когда стены разверзнутся?

– Должен быть проход! – Блум что было сил впечатал крепко сжатый кулак в раскрытую ладонь другой руки. – Должен!

– С чего ты это взял? – Шейлис плавно провел рукой по воздуху, указывая на стену со слепыми, залепленными

зеркальными стеклами окнами. – Дальше нет ничего. Поэтому и прохода никакого быть не может.

– Вспомни школу, – замкнутые системы не могут существовать сколько-нибудь долгое время.

– Почему?

– Потому что в замкнутой системе постоянно возрастает энтропия.

– Ну и что с того? Насколько я помню физику, энтропия – это не ядовитый газ, а всего лишь абстрактная величина, характеризующая меру неупорядоченности в системе.

– Не помню точно, каким образом, но именно эта самая энтропия как раз и убивает все, что находится внутри замкнутой системы.

– Возможно, существуют какие-то каналы, по которым энтропия сбрасывается в окружающее пространство. В противном случае, Город давно бы уже погиб.

– Ну так значит нужно отыскать эти каналы! – рявкнул Блум так, словно его спутник нес личную ответственность за то, что каналы сброса энтропии до сих пор не обнаружены.

– Ну-ну, – ехидно усмехнулся Шейлис. – Интересно, как ты собираешься это сделать?

Задумчиво приложив указательный палец к подбородку, Блум глянул сначала на дом, стоящий на четной стороне улице, затем медленно перевел взгляд на его визави.

– Я думаю, для начала нужно посмотреть с другой стороны домов, – сказал он.

– Ты думаешь, что те, кто проектировали Город, перекрыли основную улицу, но оставили дырку на заднем дворе? – Шейлис с сомнением покачал головой.

– Нужно посмотреть, – с обреченной упертостью повторил Блум. – Хотя бы для того, чтобы сразу же исключить этот вариант.

– Давай, – махнул ему рукой Шейлис. – Действуй… А я тебя здесь подожду.

Бросив рюкзак на полоску ровно подстриженной травы, тянущейся между проезжей частью и тротуаром, Шейлис присел на газон. С наслаждением вытянув натруженные ноги, он лукаво глянул на своего спутника.

– Давай, Блум, ищи свой проход. Когда найдешь, – свистни.

– Чему ты радуешься? – мрачно буркнул Блум. Подняв с мостовой свой рюкзак, он бросил его на газон рядом с рюкзаком Шейлиса.

– Я? – наклонившись вперед, Шейлис потер ладонями колени. – Главным образом, скорому возвращению домой.

Блум презрительно фыркнул и быстро зашагал в сторону

прохода между домами с четными номерами.

Шейлис, усмехнувшись, снова потер уставшие колени.

Едва только Блум скрылся за деревьями, Шейлис тут же поднялся на ноги и тяжелой рысью побежал к стоящей на углу кабине инфора.

– Информация о Городе, – сказал он, нажав кнопку вызова.

– Какого рода информация о Городе вас интересует? – вежливо уточнил голос из динамика, который, судя по его тембру, мог бы принадлежать молодой, милой девушке.

– План Города, – секунду подумав, ответил Шейлис.

– Какой части?

– Всего Города.

– Город представляет собой сложную пространственную структуру, – на экране появилась тугая спираль, скрученная из нескольких разноцветных полос. – Двухмерное изображение, которое я могу вам предложить, не будет являться адекватным отображением того, что представляет собой Город в действительности. Наиболее удобным для пользования является набор из семи планов, каждый из которых соответствует определенному уровню Города.

Спираль на экране развернулась. Составляющие её полосы расползлись в стороны. Одна из них, зеленая, начала быстро увеличиваться в размерах, вытесняя с экрана все остальные цвета. Через мгновение зеленая полоса лопнула по центру и развернула края, заполняя собой весь экран. По экрану пробежала волна световых всполохов, оставляя за собой изображение широкой линии основной улицы, вдоль которой были прорисованы отмеченные последовательными номерами ровные прямоугольники домов.

– Перед вами схематическое изображение Шестьдесят третьей улицы четвертого уровня, на которой вы находитесь в данный момент, – прокомментировал изображение инфор. – Вас интересует какой-то определенный объект?

– Меня интересуют границы Города.

– Мне не совсем понятен вопрос, – после короткой заминки ответил инфор. – Вы хотите знать, где заканчивается Шестьдесят третья улица?

– Я хочу знать, есть ли у Города границы?

– Что вы имеете в виду, говоря о границе Города?

– Ту условную линию, где городское пространство соприкасается с пространством, находящимся вне Города.

– В таком случае, вы оперируете абстрактным понятием.

– Пусть так, – согласился Шейлис. Выглянув из кабины, он бросил быстрый, настороженный взгляд в конец улицы, чтобы

проверить, не вернулся ли Блум. – Я хочу знать, прилегает ли Шестьдесят третья улица к этой абстрактной границе?

– Я думаю, что условной границей Города можно считать начало и конец любой улицы, – ответил инфор.

Уверенности в голосе, произнесшем эти слова, не чувствовалось, что, впрочем, вполне можно было отнести на счет несовершенства установленного в кабине голосового модулятора. Кому, вообще, могла прийти в голову мысль наделить инфор женским голосом, который, быть может, и способен расположить к себе, но не в состоянии быть достаточно убедительным для того, чтобы полностью доверять ему?

– Граница имеет проходы? – тут же задал новый вопрос Шейлис.

– Давайте уточним используемое вами понятие…

– Могу ли я или кто-либо другой, миновав границу, попасть на территорию, находящуюся вне города? – не дослушав до конца то, что собирался сказать инфор, по иному сформулировал свой вопрос Шейлис.

– Нет, – коротко и ясно ответил инфор.

И на этот раз голос его был на удивление убедительным. Одно короткое слово прозвучало, как твердое, безапелляционное заявление.

– Отлично, – Шейлис снова выглянул из кабины. Времени у него было в обрез – до тех пор, пока Блуму не наскучат поиски на задворках несуществующих проходов. – Укажи границу на плане и сделай распечатку.

– Готово.

Из щели под экраном выполз лист тонкого полупрозрачного целлулоида.

Подхватив лист с распечаткой, Шейлис устремился к тому месту, где расстался с Блумом. На бегу свернув план в трубку, он сунул его во внутренний карман куртки.

К тому времени, когда вернулся Блум, Шейлис успел отдышаться и улечься на газоне возле рюкзаков, приняв непринужденную позу, подобно одалиске на коврах гарема.

К его удивлению, Блум появился из-за домов с нечетными номерами, хотя, как точно помнил Шейлис, поиски свои он начинал с противоположной стороны улицы.

– Эй? – удивленно произнес Шейлис, приподнявшись с травы. – Ты как там оказался?

– Просто перешел улицу, – ответил Блум. – Пока ты секретничал с инфором… Не увидев тебя на прежнем месте, я поначалу было подумал, что ты решил в одиночку вернуться домой. Но потом, осмотрев улицу, заметил тебя в кабине

инфора… И решил не мешать вам.

– Нам?

– Тебе и инфору, – уточнил Блум. – У тебя был такой возбужденный вид… Ты был похож на любовника, добившегося после долгой разлуки желанного свидания.

– Впечатляющая образность мышления, – кисло скривил губы Шейлис. – Но за минуты своего свидания с инфором я, смею надеяться, сумел разузнать больше, чем ты, бесцельно блуждая между домами.

– Да неужели? – с показным изумлением вскинул брови Блум.

– Держи! – Шейлис одним движением выдернул из кармана свернутый в трубку план и кинул его Блуму.

Лист целлулоида, развернувшись, вспорхнул в воздухе и начал падать, постоянно меняя направление движения. Блуму пришлось присесть на корточки, чтобы поймать его за край возле самого тротуара.

Он взял лист двумя пальцами так осторожно, словно он был пропитан ядовитым раствором.

– Что это? – держа лист в вытянутой руке, Блум презрительно встряхнул его. – Любовная записка от инфора?

– Материальное воплощение твоей идеи-фикс, – раздраженно ответил Шейлис. – План, на котором указана граница Города.

– Да? – без какого-либо заметного интереса произнес Блум, все так же держа лист в вытянутой руке и, похоже, не проявляя ни малейшего желания взглянуть на то, что было на нем изображено. – И что с того?

– Границу невозможно пересечь, – стараясь сохранять спокойствие, начал объяснять Шейлис. – Потому что в действительности её попросту не существует. Город спланирован так, что из него нет выхода. Граница – это всего лишь линия, проведенная на карте. Все, Блум, – Шейлис указал рукой на перегораживающую улицу стену. – Мы достигли конца нашего путешествия. За этим домом ничего нет.

– Ошибаешься, – лукаво улыбнулся Блум. – Теперь мы знаем, как заканчиваются улицы. И не более того.

– Конец улицы это и есть граница! – воскликнул Шейлис, вскакивая на ноги. Демонстративная непонятливость Блума окончательно вывела его из себя. – Взгляни на план, Блум! Это такая же реальность, как и стена, стоящая перед нами! И не верить этому, не верить собственным глазам может только законченный идиот!

– Я не верю тому, в чем пытается убедить нас инфор, – спокойно произнес Блум.

Он быстро разорвал лист целлулоида на мелкие клочки и

обеими руками бросил их себе за спину.

– Видишь, как легко превратить в ничто созданную инфором псевдореальность.

– Ты просто псих, Блум, – безнадежно покачал головой Шейлис.

– Нет, Люц, – улыбнулся в ответ ему Блум. – Если бы я был сумасшедшим, ты бы не пошел со мной.

– Ну и что теперь? – чуть повернув голову в сторону, Шейлис посмотрел на приятеля искоса. – Ты собираешься биться головой в стену?

– Ты ведь даже не знаешь, что я обнаружил по другую сторону домов, – сказал Блум.

– Догадываюсь, – коротко кивнул Шейлис. – Такую же стену, что и в конце улицы.

– Верно, – подтвердил Блум. – Стены домов тянутся в обе стороны до пересечения с соседними улицами. И дальше, на других улицах, скорее всего, происходит то же самое.

– Ничего удивительного, Блум. Это и есть условная граница Города, за которую не может выйти никто.

– В этом я пока ещё не уверен.

Взгляд Блума, скользнув по стене здания, поднялся до крыши, упирающейся в иллюзорное небо.

Следом за ним посмотрел в том же направлении и Шейлис.

– Этот путь представляется мне бесперспективным, – покачал головой Блум. – Крыши зданий, скорее всего, вплотную прилегают к перекрытию расположенного над нами уровня, из которого инфор попытался сделать нечто похожее на небо.

– В таком случае, подкоп тоже не поможет, – язвительно заметил Шейлис.

– Верно, – посмотрев на него, сказал Блум. – Но ведь у домов имеются ещё двери и окна.

– Окна? – Шейлис отказывался верить в то, что существует столь простое решение проблемы. – Ты думаешь, что у дома, стоящего на границе, имеются окна, выходящие на другую сторону?

– А почему бы и нет? – пожал плечами Блум.

– Но, если сам дом является границей, то никакого прохода на другую сторону не должно существовать!

– Так говорит инфор, – сложив ладони на уровне груди, с притворной почтительностью произнес Блум. – Но для меня единственной реальностью является то, что я могу воспринимать с помощью собственных органов чувств, без посредства инфора. Поэтому я просто собираюсь войти в дом и посмотреть, имеются ли у него окна, выходящие на другую сторону.

– Нет, Блум! – решительно тряхнул головой Шейлис. – Такого просто не может быть!

– Почему?

– Почему?.. – Шейлис на секунду задумался. – Потому что это было бы слишком просто… Наверное…

– Ну так и давай проверим для начала самый простой путь, – улыбнулся Блум.

– Территория за чертой Города непригодна для жизни, – зачастил Шейлис. – Прибывание на ней смертельно опасно для жизни. Город надежно защищен от какого-либо проникновения извне.

– Я не ставлю под сомнение степень защищенности Города, – сказал Блум. – Но, если в доме есть окна, выходящие на противоположную сторону, мы, по крайней мере, сможем увидеть то, что там находится… Это простое любопытство, Люц! Не более того!

– Не знаю, – с сомнением покачал головой Шейлис. – Мне почему-то кажется, что не стоит этого делать.

Блум всплеснул руками.

– Мы дольше стоим здесь и разговариваем! Давно бы уже вошли в дом и посмотрели, что там и как!

– И что потом?

– Откуда мне знать? Как я могу сказать, что будет потом, если не знаю, что было вначале?

Шейлис все ещё колебался, не в силах принять какое-либо определенное решение.

Блум посмотрел на своего спутника, затем бросил взгляд по сторонам и медленно развел руками.

– Хорошо, – сказал он. – Если не хочешь идти, можешь подождать меня здесь. Думаю, я долго не задержусь. Можешь поболтать пока со своим любимым инфором.

– Что тебе дался этот инфор?! – взорвался неожиданно Шейлис. – Интересно, как ты представляешь себе жизнь без инфора?!

– А что? – с невинным и чуть глуповатым видом спросил Блум.

– Идем! – Шейлис решительно взмахнул рукой и направился к дому на четной стороне улицы. – Идем, идем… – оглянувшись, снова позвал он за собой Блума.

Блум трусцой догнал широко и уверенно шагающего вперед друга.

– Ты что задумал? – с некоторым беспокойством спросил он, стараясь сбоку заглянуть в глаза Шейлиса.

– Ничего такого, что не входило бы в твои планы, – ответил

тот. – Просто хочу, наконец, покончить с этой глупой неопределенностью.

– С чем именно? – решил уточнить Блум.

– С твоими иллюзиями, – не глядя на спутника, ответил Шейлис. – Ты хочешь все увидеть своими глазами? Пожалуйста!.. На здоровье!

Шейлис внезапно остановился и стремительно повернулся в сторону Блума, так что тот с ходу едва не налетел на него.

– Я сильно сомневаюсь в том, что в доме есть окна, выходящие на территорию, находящуюся за чертой Города, – негромко, вибрирующим от напряжения голосом, произнес Шейлис. – Но если, вопреки моим ожиданиям, мы все же сможем увидеть хоть что-то, непохожее на то, что окружает нас сейчас, то я буду этому только рад…

Шейлис сделал паузу, должно быть, рассчитывая на то, что Блум что-нибудь скажет, или хотя бы как-то выкажет свое недоумение. Однако спутник его просто стоял, заложив руки за спину, и с невозмутимым видом дожидался продолжения начатой речи.

– Знаешь, в чем твоя проблема, Блум?.. Да и не только твоя, но и всех нас, – всех тех, кто родился и вырос в Городе уже после его создания?.. В том, что мы привыкли хорошо жить! Да-да, не удивляйся! Именно так! Мы устали от сытой, спокойной жизни!.. И, вдобавок к этому, мы ещё не до конца изжили в себе агрессивные животные инстинкты… Ты хотя бы раз серьезно задумывался над тем, с чего ты вдруг начал видеть в инфоре своего личного врага? Подумай хорошенько, Блум, это ведь всего лишь обычный металлический ящик, набитый проводами и микросхемами!

– Инфор ограничивает мою свободу и лишает меня реального восприятия окружающей действительности, чем делает бессмысленной всю мою жизнь, – ни на секунду не задумавшись, выдал давно уже готовый ответ Блум.

– Не строй из себя обиженного ребенка, Блум, – презрительно скривил губы Шейлис. – Будет твоя жизнь наполнена смыслом или нет, зависит только от тебя самого. Только сам человек может определить для себя смысл своего существования!

– Или же найти ему оправдание.

– Называй это любыми словами, – смысл от этого не меняется. Инфор здесь ни при чем. Если он в чем-то и ограничивает свободу жителей Города, то делает это исключительно в целях нашей же собственной безопасности!

– Ну да?

– Жизнь вне Города невозможна! Инфор потому и держит

границы закрытыми, чтобы какой-нибудь любопытный чудак, вроде тебя, не подвергал свою жизнь бессмысленному риску!

– Так ты считаешь, что за пределами Города расстилается безжизненная пустыня?

– А что иное ты рассчитываешь там увидеть? Вспомни историю последней Войны между городами! Противники использовали все имеющиеся в их распоряжении виды оружия массового уничтожения! Нам ещё повезло, что мы успели закрыть свой Город!

– Нас тогда ещё и на свете не было.

– Какая разница! Мы обязаны жизнью тем, кто создал Город и инфор, обеспечивающий его жизнеспособность и надежную защиту!

– Не может быть, чтобы в Войне уцелел только наш Город. Мы ведь даже не знаем, чем она закончилась.

– А чем она могла закончиться? – безразлично пожал плечами Шейлис. – Только полным уничтожением всех, кто не успел укрыться… Возможно, что осталось ещё два-три мегаполиса, подготовленных к тому, чтобы пережить Войну так же хорошо, как и наш Город. Но, если это и так, то они находятся вне пределов нашего визуального наблюдения.

– Существуют и другие средства связи.

– И что с того?.. Тебе нужна ещё одна Война? Последняя? Которая положит конец всему? Всей человеческой расе?.. Мы живы, мы сохранили свои знания и культуру, – и это главное!

– От твоих слов за сотню шагов несет ксенофобией. Неужели ты всерьез считаешь жителей Города единственными полноценными представителями человеческой расы?

– Я просто констатирую факт. Что происходит за пределами нашего Города, не известно ни мне, ни кому-либо другому.

– Подобное положение вещей не может сохраняться вечно.

– Согласен, – кивнул Шейлис. – Но кто сказал, что уже пришел срок что-то менять?.. Меня, например, моя жизнь вполне устраивает. И всех остальных жителей Города, как мне кажется, тоже.

– Откуда такая уверенность?

– А ты оглянись вокруг! – Шейлис широким взмахом руки обвел окружающее их пространство. – Я что-то не наблюдаю толп людей, рвущихся вон из Города!

– Кто-то должен стать первым, – негромко произнес Блум, глядя на пустую улицу, словно, и в самом деле, рассчитывал увидеть на ней людей.

– Очень благородно с твоей стороны взять на себя не только ответственную, но и весьма опасную миссию первопроходца! – с

саркастическим пафосом произнес Шейлис. – А ты поинтересовался хотя бы, нужна ли кому-нибудь твоя жертвенность?

– Это нужно, в первую очередь, мне самому, – с вызовом ответил Блум.

– Что ж, в добрый час! – чуть согнувшись в пояснице, Шейлис приглашающим жестом вытянул руку в сторону подъезда, к которому они шли.

Блум отметил про себя, что при этом он сделался похожим на робота-привратника, способного только на то, чтобы открывать и закрывать двери другим, но неспособного самому сдвинуться с места.

Ничего не сказав Шейлису, Блум поправил на плече лямку рюкзака и не спеша направился к стеклянным дверям парадного.

Шейлис последовал за ним, засунув руки глубоко в карманы брюк.

– Добрый день, господа, – распахнул при его приближении дверь робот-привратник. – Если вы соизволите сообщить мне, кому вы собираетесь нанести визит…

– Мы сами знаем дорогу, – не дав договорить, оборвал его Блум.

– Как угодно, господа, – не стал перечить ему робот. – Я всего лишь хотел быть вам полезен.

– Окажешь услугу, если помолчишь.

– Как уго…

Робот умолк на полуслове. Он даже дверь постарался прикрыть по возможности бесшумно.

Блум и Шейлис пересекли холл и вошли в левый проход ярко освещенного коридора, тянущегося в обе стороны.

– Ну, кому нанесем визит? – спросил Блум, указывая рукой на ряд одинаковых дверей. – Все квартиры, находящиеся справа по коридору, должны иметь окна, выходящие на… – Блум запнулся, но быстро нашел выход из положения. – На задний двор, – с полуулыбкой закончил он.

– Проблема в том, как попасть в одну из этих квартир, – с сомнением заметил Шейлис. – Захотят ли хозяева впустить нас?

Уверенность и боевой задор, так внезапно охватившие его на улице, исчезли, словно непрорвавшийся нарыв, который, рассосавшись, оставляет после себя только едва заметную отметину.

– Что ж, возможно, придется проявить настойчивость.

Блум сделал шаг к ближайшей двери и решительно надавил большим пальцем на белую выпуклую кнопку звонка.

Он ещё не успел опустить руку, как глазок видеосенсора над

дверью повернулся в его сторону, а из динамика раздался негромкий, чуть хрипловатый женский голос:

– Вы, должно быть, заблудились.

Несмотря на присутствие дополнения «должно быть», фраза в целом прозвучала не как вопрос, а как утверждение.

После такого приветствия следовало бы немедленно извиниться и уйти прочь. Но Блум поступил по-иному. Он придал своему лицу чрезвычайно серьезное, даже в какой-то степени озабоченное выражение и, глядя прямо в глазок видеосенсора, через который, как он полагал, на него все ещё смотрела хозяйка квартиры, по-деловому произнес:

– Извините, уважаемая, но нам придется побеспокоить именно вас.

– Побеспокоить? – в голосе из динамика прозвучало некоторое удивление, но при этом он оставался по-прежнему спокойным и уверенным. – Что это значит? Кто вы такие?

– Мы путешественники, – вполне респектабельно и солидно представил Блум себя и своего спутника.

– Что? – теперь уже интонации удивления гасили все остальные обертоны в голосе хозяйки все ещё запертой квартиры.

– Вы не знаете, что означает это слово? – решил уточнить Блум.

– Конечно же знаю! – возмущенно ответила ему женщина из-за двери. – Но… Я полагала, что людей такой специальности в наши дни не существует.

– Как видите, мы все ещё живы, – слегка разведя руки в стороны, дабы продемонстрировать себя во всей красе, Блум вдобавок ещё и улыбнулся, открыто и обезоруживающе, как ему самому казалось. – И сейчас мы стоим у вас на пороге перед запертой дверью…

– Вы что же, собираетесь путешествовать по моей квартире? – не то удивленно, не то насмешливо спросила женщина.

– Ну, что вы! Мы просто хотели бы выглянуть в ваше окно.

– В окно?

– Да, в окно, – легким кивком Блум подтвердил свои слова и продолжил вдохновенное вранье: – Видите ли, мы составляем новую карту Города. – Сказав эту фразу, он пожалел, что порвал план улицы, который дал ему Шейлис, – его можно было бы предъявить в качестве доказательства истинности своих слов. – Именно поэтому нам нужно посмотреть, что находится у вас за окнами.

– Именно из моей квартиры?

– В принципе, нам подошла бы любая квартира, расположенная так же, как и ваша. Но, поскольку уж мы

позвонили в вашу дверь, не будете ли вы так любезны впустить нас?

– Мы не отнимем у вас много времени, – впервые с начала разговора Блума с дверным глазком вставил свою реплику Шейлис. – Только выглянем в окошко и тут же уйдем. Это займет не более пяти минут.

– А лицензия на профессию у вас имеется? – спросила после небольшой паузы хозяйка квартиры.

Блум и Шейлис, не зная, что ответить на этот вполне уместный, следует признать, вопрос хозяйки квартиры, в растерянности посмотрели друг на друга.

– Доверять нужно людям, дамочка, – посмотрев в глазок видеосенсора, с укоризной произнес Шейлис. – Пойдем, – положил он руку на плечо своего спутника. – Мы ведь, и в самом деле, можем позвонить в любую другую дверь.

Совершенно неожиданно спонтанный, эмоциональный выброс Шейлиса произвел требуемое воздействие на прячущуюся за закрытой дверью хозяйку квартиры.

– Подождите пару минут, – как будто даже немного смутившись, произнесла она. – Мне нужно привести себя в порядок. Я не ждала гостей…

– Женщина есть женщина, – игриво подмигнул Шейлису Блум.

Шейлис улыбнулся в ответ. Впервые за весь день улыбка его была легкой и даже немного игривой, без малейшего признака язвительности или сарказма.

Стили Блум

«Радость от ощущения душевной близости, возникающей между людьми пусть даже на краткий, почти неуловимый миг, сравнима разве что с радужными переливами, скользящими по иллюзорно-тонкой поверхности мыльного пузыря, готового с легкостью превратиться в ничто при малейшем контакте с любым реальным объектом, встретившимся на его безумно-коротком пути в никуда.»

Глава 7

Не стоит выпрыгивать из окон

(4-й уровень, 63-я улица, дом 120)

В воцарившейся пронзительной тишине открывшийся замок щелкнул, подобно ружейному затвору.

Шейлис, инстинктивно испугавшись чего-то, сделал шаг назад. Лицо его на мгновение перекосила нервная судорога.

Дверь сразу же широко распахнулась.

На пороге стояла высокая женщина, одетая в длинное черное платье, плотно облегающее её стройную фигуру. Ее огненно-рыжие волосы были сложены в замысловатую прическу, – создавалось впечатление, словно по обеим сторонам от головы раскинула крылья некая диковинная птица.

Блум, не в силах двинуться с места, смотрел на женщину, как зачарованный. Образ её казался ему пленительно-прекрасным и при этом смутно знакомым. Он с трудом сдерживался, чтобы не поднять руку и не коснуться её для того, чтобы убедиться в том, что она человек из плоти и крови, а не очередная иллюзия, созданная инфором… Или же его собственным, не в меру распалившимся воображением.

Взгляд больших зеленых глаз женщины быстро скользнул по замершим на пороге гостям. Оба они словно обратились в соляные столбы. Хотя и каждый по своей причине.

Удивленная столь странным поведением загадочных визитеров, хозяйка квартиры недовольно сдвинула брови. Сделав глубокий вдох, она набрала полные легкие воздуха, готовясь высказать им все, что она думает о них и об их работе…

Неожиданно рука, которую женщина подняла почти до уровня плеча, готовясь сопроводить свои слова весьма выразительным жестом, замерла в воздухе. Губы её изумленно приоткрылись. Взгляд метнулся от Блума, на которого был направлен, в сторону прижавшегося спиной к стене Шейлиса.

– Люц?.. – негромко, с сомнением произнесла она. – Люциус Шейлис?.. – казалось, она сама отказывалась верить в то, что узнала одного из своих незванных гостей. – Это ты, Люц?.. – повторила она уже куда более уверенно.

Шейлис, удивленный не меньше узнавшей его хозяйки квартиры, да ещё к тому же и изрядно напуганный столь неожиданным поворотом событий, судорожно дернул

подбородком, словно проталкивая застрявший в горле кусочек пищи, что в его исполнении, судя по всему, должно было означать утвердительный кивок.

– Люциус Шейлис, – едва слышно, одними губами произнесла женщина, прижавшись плечом к дверному косяку.

Блуму показалось, что женщина вот-вот потеряет сознание, и он устремился к ней, готовый поддержать, помочь, утешить…

– В чем дело?! – проворно отпрыгнув в глубь квартиры, возмущенно воскликнула женщина.

К глубокому сожалению Блума, уже видевшего себя в обворожительном образе героя-защитника, – хотя он и сам не мог сказать, от чего, собственно, собирался её защищать? не от Люца же? – женщина вовсе не выглядела беспомощной и слабой. Не вызывало сомнения, что она сама, если будет нужно, сумеет за себя постоять.

– Извините, – стоя на пороге, смущенно развел руками Блум. – Мне показалось…

– Показалось! – передразнивая Блума, женщина в свою очередь тоже взмахнула руками в воздухе. – А мне показалось, что у вас за спиной стоит Люциус Шейлис!

– Так оно и есть, – быстро ответил Блум.

– А если так, то выходит, что вы меня обманули! Никакие вы не путешественники! Я знаю Люца, – он психокорректор!

С победоносным видом женщина вскинула острый подбородок и сложила руки на груди.

Блум обернулся на Шейлиса, рассчитывая получить объяснения. Но по растерянному и несчастному выражению лица друга понял, что тот и сам ровным счетом ничего не понимает.

– Ваше лицо мне тоже кажется знакомым, – сказала женщина, обращаясь к Блуму. – Вот только никак не припомню, где я вас видела.

– Я бы непременно запомнил, если бы встречался прежде со столь очаровательной женщиной, – галантно улыбнулся Блум.

– Оставьте, – уголки губ женщины недовольно изогнулись.

– Нам можно войти? – смущенно спросил Блум.

– Входите, – женщина сделала жест рукой, не приглашая гостей пройти в комнату, а как будто убирая с их пути какую-то невидимую преграду. – Хотя, признаться, я уже сомневаюсь в том, что вам нужно всего лишь выглянуть в мое окно.

– Уверяю вас, именно это нам и нужно, – успокоил женщину Блум.

Хотя из всех присутствующих она нуждалась в этом, пожалуй, в наименьшей степени.

Проводив гостей в комнату, женщина вернулась в прихожую,

чтобы запереть входную дверь.

За те несколько секунд, что её не было, Шейлис и Блум едва успели окинуть беглыми взглядами комнату, обставленную без претензий на оригинальность, но со вкусом. На стенах не было никаких топографических побрякушек, недавно снова вошедших в моду. Блум их просто не выносил. И даже не из-за присущего им иллюзорного обмана, а по причине их редкостной аляповатости.

Настоящими ли были книги на полках определить, не прикоснувшись к ним, было невозможно. Окно, являвшееся истинной причиной визита, который неожиданно приобрел довольно-таки странный, если не сказать – загадочный характер, было закрыто широкой плоскостной проекцией картины с изображением Мадонны с младенцем на руках.

– Итак?

Войдя в комнату, женщина остановилась у двери, уперевшись согнутыми в локтях руками в бедра. Судя по её решительному виду, можно было понять, что она не выпустит так называемых путешественников из своего дома до тех пор, пока не получит ответы на все интересующие её вопросы.

Видя, что гости не торопятся начать рассказ, хозяйка решила проявить большую настойчивость.

– Люц, – обратилась она к Шейлису. – Что ты здесь делаешь?

– Вы, должно быть, одна из моих пациенток, – не очень уверенно высказал свое предположение Шейлис.

– Нет, – решительно тряхнула головой хозяйка квартиры. – Я подруга Лизы, твоей жены, если ты хотя бы это помнишь.

– Да-а?..

Шейлис окинул собеседницу взглядом заинтересованного исследователя, из чего можно было сделать вывод, что он её по-прежнему не узнает.

– Да, – женщина тяжело вздохнула и покачала головой. – Я Мейла, – произнесла она с интонацией, с которой путешественники далекого прошлого втолковывали свои имена аборигенам, не понимающим цивилизованного языка. – Мейла Влат, – повторила женщина и для убедительности коснулась ладонью груди. – Помнишь меня?

– Мейла? – ещё более удивленно произнес Шейлис.

– Мейла! – воскликнул почти одновременно с ним Блум.

– Судя по вашему тону, мы с вами все же знакомы, – снова посмотрела на Блума женщина.

– Конечно! – радостно воскликнул Блум. – Мы виделись пару дней назад на приеме у Шейлисов! Я Блум!.. Стили Блум!..

Внимательный, изучающий взгляд Мейлы окинул Блума с головы до пят.

– Да, пожалуй, сейчас я замечаю определенное сходство, – признала она. – Однако на приеме вы выглядели совершенно иначе.

– Я тоже не узнал вас, Мейла. И даже Люц, который, наверное, видел вас неоднократно…

– Меня, почему-то, все сразу узнают, – Шейлис сделал вид, что обиделся.

То, что ситуация, к вящей радости обеих сторон, наконец-то прояснилась, вновь вернуло ему бодрость и присутствие духа.

– Заранее извиняюсь, Люц, но, как мне представляется, в этом тоже виноват инфор.

– Блум, это никому не интересно!

– Ну почему же, – возразила Мейла. – Я с удовольствием выслушаю господина Блума, если у него имеется объяснение тому, почему мы, будучи знакомы, не смогли сразу узнать друг друга.

– Называйте меня просто Сти, – предложил хозяйке Блум. – Или Блум, – как вам больше нравится. Только без всяких там «господ».

– Хорошо, – улыбнулась Мейла.

Блум предложил женщине кресло, после чего сам сел на стул неподалеку от нее.

Шейлис остался стоять рядом с книжной полкой. Бросив, как и Блум, рюкзак на пол, он сложил руки за спиной и оперся ими о стену. Благодаря ежедневным, хотя и кратковременным занятиям на домашних тренажерах, усталости после прогулки он почти не чувствовал.

Изложение своей теории Блум начал с легкого наклона головы в сторону Шейлиса.

– Да простит меня Люц, но причина того, что мы не можем узнать друг друга при встрече, кроется, как мне кажется, в инфоре. Насколько я могу судить, вы своим пользуетесь нечасто, – обратился он к Мейле, указав взглядом на выключенные экраны инфора.

– Только когда в этом возникает необходимость, – ответила женщина.

– Люц же свой практически не выключает. Я не хочу сказать, что общение с инфором превратилось для него в некую манию. Инфор необходим ему для приема пациентов, для работы с историями болезней, с различными справочными материалами… Да бог его знает, для чего он ему ещё нужен. Суть не в этом. А в том, что Люц, если пока ещё и не сросся, то уж по крайней мере весьма близко сроднился с инфором. На его экране он чувствует себя легко и свободно так же как и в жизни. Чего не могу сказать

о себе.

– Честно признаться, мне тоже бывает несколько не по себе, когда я пользуюсь гостевым экраном инфора, – зябко повела плечами Мейла. – Поэтому я крайне редко принимаю приглашения.

– К тому же, собираясь на прием к Шейлисам и желая выглядеть не хуже других, я нашпиговал свой костюм имитаторами, что, несомненно, исказило мой внешний облик. То же самое, должно быть, произошло и с вами, дорогая Мейла.

– А как же Люц?

– Как я смог убедиться, зайдя в гости к Шейлису без посредства инфора, он цепляет имитаторы даже к своему нижнему белью.

– Серьезно? – Мейла изумленно посмотрела на Шейлиса. Внешний край её левой брови вытянулся в направлении виска.

– Вполне можно было обойтись и без живописания деталей, – глянув на Блума, недовольно буркнул Шейлис.

– Но ведь это правда! – с видом оскорбленной добродетели вытянул в его сторону руку Блум.

– И что с того?

– Мейла узнала тебя, потому что привыкла к твоему образу, искаженному имитаторами и инфором.

– Но сейчас-то на мне нет имитаторов!

– В самом деле, – Блум в растерянности провел кончиками пальцев по щеке. – Тогда в чем же дело?

– Ты у меня спрашиваешь, господин всезнайка? – Шейлис усмехнулся, довольный тем, что посадил приятеля в лужу.

– А ты знаешь ответ?

– Думаю, что да, – с самодовольным видом кивнул Шейлис.

– Ну, так не томи…

– Все дело в том, что я привык пользоваться гостевым экраном инфора. Я не напрягаюсь, принимая гостей или же сам отправляясь в гости. Поэтому у имитаторов и не возникает необходимости корректировать мой внешний облик. Он всегда такой, какой я есть на самом деле.

– Так значит ты все же признаешь, что имитаторы искажают внешность того, кто ими пользуется! – попытался поймать Шейлиса на слове Блум.

– Я сказал «корректируют», а не искажают, – ни на мгновение не смутился тот. – Имитаторы устраняют дефекты внешности. Это примерно то же самое, что сделать грязную скатерть чистой.

– Имитатор не может сделать скатерть чистой! Он всего лишь придает ей видимость чистоты!

– Но ведь для того, кто пользуется ею, главное, чтобы пятна

грязи не раздражали взгляд.

– Не знаю, что является главным для тебя, но мне нужна чистая скатерть! Понимаешь, Люц, – по-настоящему чистая скатерть! А вовсе не та, что только кажется чистой!

– Я не призываю тебя пользоваться старыми и грязными вещами. Речь идет только о тех случаях, когда проще скрыть дефекты, нежели заниматься их устранением.

– Одну минуту! – громко произнесла Мейла, прерывая спорщиков, совершенно забывших как о ней самой, так и о том, где они находятся и для чего пришли сюда. – Минуту… Я уже уяснила для себя, в чем причина отличия внешнего облика человека от его образа, транслируемого инфором. Поэтому попрошу вас не зарываться слишком глубоко в тему, которая, как я вижу, чрезвычайно занимает вас обоих.

– Скажите, Мейла, а сейчас на вас имеются имитаторы? – вкрадчиво поинтересовался Блум.

– Что за бестактный вопрос! – возмущенно воскликнул Шейлис.

– Ничего страшного, – успокоила его Мейла. Повернувшись к Блуму, она лукаво улыбнулась: – А что вам больше нравится? То, как я выглядела на приеме, или как выгляжу сейчас?

Чтобы скрыть свое смущение, Блум, прежде чем ответить, старательно откашлялся в кулак.

– По-моему, сегодня вы выглядите несколько лучше, – осторожно произнес Блум, боясь ошибиться. – Хотя, конечно, мое мнение глубоко личное и не может служить объективным критерием…

Не закончив фразу, Блум умолк. Глубину его смущения невозможно было бы измерить. Да и нечем.

– Хотите чаю или кофе? – улыбнувшись спросила Мейла.

– Нет-нет, спасибо, – решительно затряс головой Блум. – Мы совсем недавно выпили кофе в прекрасном кафе неподалеку отсюда.

– Я тоже порой хожу в кафе, когда мне надоедает завтракать дома, – непринужденно, так, словно речь шла о самой что ни на есть обыденной и привычной для каждого вещи, сообщила Мейла. – В то, что прямо за моим домом.

– Ты одна выходишь на улицу? – удивленно вытаращился на женщину Шейлис.

– Да, – коротко кивнула та. – Когда становится совсем уж скучно.

– И как далеко ты отходишь от дома? – поинтересовался Блум.

– Честно сказать, я не хожу никуда, кроме кафе, – несколько

смущенно призналась Мейла.

– Почему?

– Меня пугают пустые улицы… Когда идешь по ним, кажется, что в спину тебе смотрят десятки любопытных глаз… А обернешься, – и никого… Только иногда прохладой повеет… Словно призрак пронесся по воздуху…

Мейла порывисто обхватила себя руками за плечи, словно ей вдруг сделалось зябко.

– Все в порядке, Мейла, – осторожно положил ладонь женщине на руку Блум.

– Да, – быстро кивнула Мейла и улыбнулась почти непринужденно. Она превосходно умела владеть собой. – Так что, все же, привело вас ко мне?

– Хотя это и звучит невероятно, но позвонили мы в твою дверь совершенно случайно, – ответил ей Шейлис. – Нам просто нужна была комната, окна которой выходили бы на другую сторону дома.

– В самом деле? – удивленно вскинула брови Мейла. – А я подумала, что вы придумали всю эту историю с окном для того, чтобы разыграть меня.

– Нет, – с улыбкой сожаления покачал головой Шейлис. – Мы, действительно, хотим взглянуть на то, что находится за твоим окном.

– Твоя работа, должно быть, имеет какое-то отношение к искусству? – спросил Блум, взглянув на закрывающее окно изображение Мадонны. – Насколько мне известно, большинство людей предпочитают закрывать окна топографическими панно с видами природы.

– Я занимаюсь сравнительным искусствоведением, – ответила Мейла. – А можно спросить, что такого необыкновенно интересного вы рассчитываете увидеть за моим окном?

– А ты сама в него выглядывала до того, как закрыла картиной? – спросил Блум.

– Конечно, – сказала Мейла. – На мой взгляд, – абсолютно ничего примечательного.

– Что ты там видела? – подавшись вперед, Блум замер в позе напряженного ожидания.

– Я же говорю, ничего особенного, – пожала плечами Мейла. – Такая же улица, что и с фасадной стороны дома. Шейлис и Блум быстро переглянулись.

– Вы ожидали увидеть что-то иное? – Мейла перевела непонимающий взгляд с одного на другого.

– Дело в том, Мейла, – приступил к объяснению Шейлис. – Что, если верить карте, которую выдал нам инфор, за стенами

дома, в котором ты живешь, территория Города заканчивается.

– Я думала, что Город не имеет границ, – удивленно произнесла Мейла.

– Это противоречило бы основополагающим законам мироздания, – заметил Блум.

– Я имею в виду не то, что Город бесконечен в своей протяженности в пространстве, – пояснила Мейла. – Создатели Города были, конечно же, не всемогущи. Говоря о том, что у Города нет границ, я подразумевала… Честно признаться, я и сама не знаю, что имела в виду. Просто я привыкла воспринимать Город, как Вселенную в миниатюре… Как вещь в себе, за пределами которой ничего нет и быть не может… А если что-то и существует вовне, то для нас, жителей Города, это не имеет ровным счетом никакого значения. Город для нас – единственная реальность.

– Совершенно верно, – с готовностью поддержал женщину Шейлис. – Я читал в исторических хрониках, что ещё до Эры городов, когда люди жили, растекаясь подобно воде по поверхности планеты, в научных и околонаучных кругах весьма активно обсуждался вопрос о возможности существования разумной жизни на планетах, принадлежащих к иным звездным системам. Любопытно, не правда ли? И, тем не менее, вопрос этот оставался чисто академическим, никоим образом не затрагивающим повседневную жизнь подавляющего большинства людей.

– Я не собираюсь заниматься поисками братьев по разуму на других планетах, – недовольным голосом ответил Блум. – Их и в Городе-то найти непросто.

– Так, может быть, вы все же выглянете в окно? – предложила Мейла.

Поднявшись из кресла, она подошла к инфору и перекинула клавишу переключателя на панели управления дизайном внутреннего пространства комнаты.

Изображение Мадонны с младенцем потускнело, утратив контрастность.

– Интересно, кто у неё на руках, мальчик или девочка? – подойдя вплотную к тающему изображению, просто так, ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Шейлис.

– Девочка, – уверенно ответила Мейла.

– Откуда ты знаешь? – удивленно глянул на неё Шейлис.

– Читала где-то, – дернула плечом Мейла. – Там даже имя девочки было названо… Только я сейчас не могу вспомнить.

– Город, – упавшим голосом произнес Блум, когда изображение Мадонны потускнело настолько, что сквозь него

стало проступать то, что находилось по другую сторону оконного стекла.

– Действительно, Город, – невыразительным голосом, демонстрируя свое полнейшее безразличие по отношению к данному факту, повторил следом за ним Шейлис.

– А я вам что говорила, – непонимающе пожала плечами Мейла.

– Город! – воскликнул Блум и стукнул ладонью по стеклу. – Город, будь он неладен!.. Город!.. Город!..

Он снова и снова повторял одно и то же слово, с каждым разом все сильнее припечатывая ладонь к стеклу, словно примериваясь к тому, как бы в конце концов высадить его.

– Прекрати, Блум! – едва ли не с испугом крикнул Шейлис, схватив приятеля за руку. – То, что мы сейчас видим, – это реальность! Если кого и можно обвинить в её существовании, то создателей Города, а не инфор!

– Реальность?! – Блум вырвался из рук Шейлиса и снова обеими руками ударил по стеклу. – В данный момент для меня реально только это стекло, а не то, что я вижу за ним!

– Ну так откройте окно, – спокойно произнесла у него за спиной Мейла.

Блум и Шейлис одновременно обернулись на звук её голоса.

– Откройте окно, – глядя на них, все так же невозмутимо повторила Мейла. – Панель управления рядом с вами, у левого края рамы.

Блум, не глядя, протянул руку в указанном направлении.

Натянуто улыбнувшись Мейле, он положил указательный палец на клавишу и перевел её в положение «открыто».

Створки окна расползлись в стороны, скрывшись в стенных нишах.

– Ну, что скажешь теперь?

Блум протянул руку, словно думал, что от улицы за окном его по-прежнему отделяет некая невидимая преграда.

– А это не может быть какой-нибудь другой город? – спросил он без особой надежды.

– По крайней мере выглядит он точно так же, как и Город по другую сторону дома, – сказала Мейла.

– Да здесь и думать нечего, – это наш родной Город! – безаппеляционно заявил Шейлис.

– Откуда такая уверенность? – косо посмотрел на него Блум. – Ведь даже инфор указал тебе на то, что граница Города проходит именно здесь.

– Условная граница, – назидательно поднял указательный палец Шейлис.

– И чем же она отличается от реальной границы?

– Не знаю, – честно признался Шейлис. – Но ведь не зря же её назвали условной.

– Обман, черт возьми! – рука Блума, сжатая в кулак, взлетела к плечу и замерла, нервно подрагивая. Если бы окно все ещё было закрыто, Блум непременно попытался бы высадить стекло. Удар же в пустоту не имел никакого смысла. Он даже не мог помочь сбросить нервное напряжение. – Снова меня пытаются обмануть!

– Кто? – схватив Блума за плечо, Шейлис развернул его лицом к себе. – Кто пытается обмануть тебя на этот раз, Блум?!.. Опомнись, приятель! Теперь ты хочешь начать сражение с объективно существующей реальностью?!

– Ты прав, – Блум опустил голову и легонько похлопал друга ладонью по груди. – Ты, как всегда, прав, Люц…

На мгновение Блум плотно прижал ладони к лицу. Затем, раскинув руки в стороны, он подпрыгнул и сел на подоконник.

– Вот так… – глядя прямо перед собой ничего не видящим взглядом, Блум сложил руки на коленях. – Оказывается, что сам процесс поиска куда интереснее его результатов.

– Выпей, – Мейла протянула Блуму высокий стакан, наполненный на два пальца какой-то прозрачной жидкостью.

Другой точно такой же бокал она подала Шейлису.

– Что это? – безразличным голосом спросил Блум.

– Водка, – ответила Мейла. – Транквилизатор и антидепрессант в одном лице.

Блум поплескал жидкость в стакане. Затем приподнял стакан и посмотрел сквозь него на улицу за окном.

Мейла приподняла свой стакан и коснулась краем стакана Блума. По комнате разлился мелодичный звон.

– Помнится, на приеме у Шейлисов тебя страшно раздражало то, что бокалы находятся по разные стороны экрана, – негромко произнесла Мейла. – На этот раз мы имеем возможность чокнуться по-настоящему. Разве ради этого не стоило проделать тот путь, что остался у вас за спиной? – Мейла протянула руку со стаканом в сторону Шейлиса. – Удачи, Люц.

– Если истина не в вине, так в чем же? – криво усмехнулся Блум.

– Ну, водка это не совсем вино… – начал было теоретизировать Шейлис.

– А, какая разница.

Блум приподнял стакан в шутливом салюте, после чего залпом осушил его.

Водка разлилась по желудку, приятно согревая его изнутри. Блум блаженно прикрыл глаза и, не глядя, поставил пустой

стакан рядом с собой на подоконник.

– Нам, наверное, пора возвращаться, – взглянув на хозяйку квартиры, извиняющимся тоном произнес Шейлис. – Прости, если доставили тебе хлопоты.

– Какие пустяки, – улыбнувшись, взмахнула кончиками пальцев Мейла. – Мне было даже приятно.

– Неужели мы так и уйдем? – вскинув голову, недоумевающе глянул на своего спутника Блум.

– А что нам ещё остается? – развел руками тот. – Мы выяснили, что Город имеет лишь условную границу.

– За которой находится все тот же Город!

– Да, – кивнул Шейлис. – По-видимому, указанная инфором граница разбивает Город на некие условные районы или сектора.

– Но мы ведь хотели найти границу, за которой Город заканчивается!

– Ты этого хотел, – направил указательный палец на Блума Шейлис. – Ты, а не я.

– Пусть так, – не стал спорить Блум. – Но мы ведь ещё не нашли её.

– И никогда не найдем! – уверенно заявил Шейлис.

– Мы, как мне показалось, уже выяснили, что заявления о бесконечной протяженности Города в пространстве не имеют под собой ни малейшей материальной основы.

При этих словах Блума Мейла хохотнула, прикрыв рот ладонью.

– Я сказал что-то смешное? – насупил брови Блум.

– Нет, – все ещё продолжая улыбаться, помахала рукой Мейла. – Я просто представила себе, что Город вполне можно было бы возвести в качество некоего мистического объекта.

– Как это? – непонимающе спросил Шейлис.

– Ну, например, как новое воплощение бога, – эдак неопределенно взмахнув в воздухе кистью руки, пояснила свою мысль Мейла. – Вы только представьте себе: Город – отец, Город – сын и Город – святой дух… – Мейла вновь не смогла удержаться от смеха. – Эдакая святая троица новейших времен… Разве не смешно?

– Смешно, – даже не улыбнувшись, произнес Блум. – Только почему-то смеяться не хочется.

Шейлис оперся обеими руками о подоконник и, перегнувшись через него, посмотрел на ровную зеленую полоску газона под окном, до которой было около двух метров.

– Интересно, что это за район? – ни к кому не обращаясь произнес он.

Блум спрыгнул с подоконника, прошел через всю комнату и

поднял с пола свой рюкзак. Вернувшись к окну, он бросил рюкзак через голову Шейлиса на газон.

Шейлис обернулся и, оперевшись локтем о подоконник, посмотрел на Блума с нескрываемой тоской.

– Продолжаешь безумствовать, – это было больше похоже на констатацию факта, нежели на вопрос.

Блум ничего не ответил. Сев на подоконник, он перекинул через него ноги и спрыгнул вниз.

– Куда ты собрался? – с тревогой спросил Шейлис.

– Хочу выяснить, что это за улица, – не глядя на Шейлиса, Блум поднял с травы рюкзак.

– Мне кажется, его не следовало бы оставлять одного в таком состоянии, – тихо, так, чтобы слышно было только Шейлису, произнесла Мейла.

Шейлис обреченно вздохнул.

– Подожди, Блум, – мрачно буркнул он и пошел за своим рюкзаком.

Бормоча себе под нос какие-то страшные проклятия, Шейлис неуклюже перелез через подоконник и с помощью Блума занял вертикальное положение в пространстве.

Обернувшись назад, Блум увидел женщину, замершую в оконном проеме, точно в картинной раме.

– А ты не хочешь присоединиться к нам? – спросил он.

– В другой раз, – улыбнувшись, ответила Мейла.

– Если мы не найдем дорогу к дому, то вернемся и постучим в твое окно. Не возражаешь?

– Буду только рада. Но только не забудьте сообщить, если доберетесь до дома самостоятельно. А то я буду беспокоиться.

– Что может случиться? – Блум указал рукой на расстилающуюся перед ними прямую, как натянутая нить, улицу. – Это же наш родной Город.

– Я буду ждать твоего звонка, – взмахнув на прощание рукой, сказала Мейла.

Чуть наклонившись в сторону, она коснулась пальцем клавиши управления оконной рамой.

В тусклой зеркальной плоскости стекла, вставшего на место оконного проема, Блум увидел улицу, уходящую вдаль.

Люциус Шейлис

«Видеть Город собственными глазами, воспринимать его всеми органами чувств, это совсем не то же самое, что составлять впечатление о предмете посредством данных, полученных через

инфор. Это все равно, что по локти погрузить руки в человеческую плоть для того, чтобы убедиться в том, что она реально существует… В этом есть что-то грязное, отдающее патологией… Дрожь по позвоночнику… Дрожь омерзения…»

Глава 8

Все не так просто

(5-й уровень, 63-я улица)

– И долго ты собираешься так стоять?

– Ты куда-то спешишь?

– Нет. Но и время попусту терять не желаю.

– Что я слышу? – с выражением невообразимого удивления на лице Блум повернулся в сторону Шейлиса. – Тебе не терпится отправиться на поиски новых открытий и чудес?

– Мне не терпится вернуться домой, – ворчливо ответил Шейлис.

– Зачем же, в таком случае, ты выпрыгнул в окно?

– Я полез в окно следом за тобой, потому что лично у меня не вызывает ни малейшего сомнения тот факт, что мы по-прежнему находимся в Городе, – Шейлис указал рукой на стоящую неподалеку кабину инфора.

Блум молча дошел до угла дома и большим пальцем указал на номерной знак, который он давно уже приметил.

– Шестьдесят третья улица, дом номер один. Уровень пять. Что ты на это скажешь?

– А что я должен сказать? – недоумевающе пожал плечами Шейлис.

– Шестьдесят третья улица Пятого уровня, – многозначительно повторил Блум. – Улица, которая должна идти параллельно той, на которой мы живем, но только над нами, – палец Блума указал на нарисованное нёбо. – Город разделен на семь уровней, – ребром ладони Блум изобразил в воздухе все семь уровней, один над другим. – Разве не удивительно, – для того, чтобы подняться на уровень выше, нам оказалось достаточно вылезти в окно дома, который стоит в конце улицы?

– Так… – Шейлис наклонил голову и выставил руки ладонями вперед, словно собираясь остановить Блума, если тот вознамерится двинуться в его сторону. – Давай не будем пороть горячку, а попытаемся рассуждать логически.

– Давай, – с готовностью согласился Блум. – Только известная мне логика в данной ситуации бессильна… Впрочем, я могу предположить, что на доме вывешен неверный указатель.

Думаю, Оккам остался бы мною доволен.

– Нужно обратиться за помощью к инфору!

– И что же ты собираешься у него узнать?

– Запрошу данные о нашем местонахождении!

Не дожидаясь новых возражений Блума, Шейлис кинулся к кабине инфора, которая сейчас представлялась ему единственным надежным и безопасным местом во внезапно качнувшемся и поплывшем куда-то в сторону пространстве улицы.

Понимая, что на этот раз удержать Шейлиса ему не удастся, Блум не спеша последовал за ним. Впрочем, на то была и иная причина. Поскольку у самого Блума не было вообще никаких объяснений происходящему, ему тоже хотелось узнать, что скажет по этому поводу инфор. Однако право общения с инфором он с готовностью препоручил Шейлису.

Когда Блум подошел к кабине и, встав за спиной Шейлиса, заглянул ему через плечо, тот уже вел активный диалог с инфором.

– Вот, – быстро глянув на Блума, Шейлис ткнул пальцем в некую точку на высвеченной на экране схеме. – Сейчас мы находимся здесь.

– Неподалеку от перекрестка Шестьдесят третьей улицы и Первой линии, – милым женским голоском прокомментировал сообщение Шейлиса инфор.

– Уровень?! – выпалил Шейлис.

– Пятый уровень, – доброжелательно ответил инфор.

– Измени план так, чтобы помимо Пятого мы могли видеть на нем Четвертый и Шестой уровни!

План улицы развернулся в горизонтальной плоскости. Теперь то, что было изображено на экране, сделалось похожим на трехцветный бутерброд, – зеленый, синий, красный, – одна полоса над другой.

– Изображение соответствует реальному расположению уровней в пространстве? – сдавленно произнес Шейлис.

– Да, – уверенно ответил инфор. – Уровни располагаются последовательно один над другим, согласно нумерации.

Шейлис посмотрел на Блума совершенно безумным взглядом. В его сознании рушилась привычная картина мира, и он не мог найти в себе опору, чтобы пережить это.

– Дай прежний план Шестьдесят третьей улицы Пятого уровня, – потребовал из-за плеча Шейлиса Блум. – И укажи на нем условные границы Города.

Изображение на экране вернулось к прежнему виду.

– Так и есть, – Блум резко, с нажимом провел пальцем по схеме, там, где на ней были выделены широкие красные полосы, обозначающие границу. – Граница проходит в начале и конце улицы.

– Но это не объясняет того, каким образом состыкуются между собой одноименные улицы двух разных уровней, – тихим, испуганным шепотом произнес Шейлис.

Пространство раскололось, и понятие здравого смысла утратило какой-либо смысл.

– Повторите, пожалуйста, громче ваш последний вопрос, – вежливо попросил инфор.

– Как с того места, где мы сейчас находимся, попасть на Четвертый уровень? – не дожидаясь, что ещё скажет Шейлис, спросил Блум.

– Ближайший к вам пассажирский лифт находится в северной торцевой стене дома номер три, – женским голосом ответил инфор. – Но вы можете воспользоваться автоэлом, который доставит вас по любому адресу в пределах Города.

– Каким образом перемещаются между уровнями автоэлы?

– Для этого существуют грузовые подъемники.

– Как ещё можно попасть на Четвертый уровень, если не пользоваться подъемниками и лифтами?.

– Других путей, связывающих уровни между собой, не существует.

– Ты в этом уверен? – уточнил Блум.

– Абсолютно. Советую вам воспользоваться услугами автоэла. Это гораздо удобнее…

Ударив ладонью по клавише, Блум отключил инфор.

– Пойдем отсюда.

Подхватив Шейлиса под мышки, Блум выволок его из кабины.

– Блум, похоже, что и моя логика дала трещину, – вяло произнес Шейлис и без сил опустился на траву.

– Неудивительно, – процедил сквозь зубы Блум и, оглянувшись по сторонам, в задумчивости прикусил верхнюю губу.

– Мы прошли там, где нет пути, – Шейлис глуповато хихикнул. – Быть может, мы с тобой умерли? – спросил он, посмотрев на Блума.

– С чего бы вдруг? – недовольно сдвинул брови тот.

– Ну, понимаешь… – Шейлис совершенно по-детски развел руками. – Призраки ведь умеют проникать сквозь стены…

– Ты это серьезно? – с тревогой посмотрел на приятеля Блум.

– Шучу, – мрачно буркнул тот и тупо уставился на траву. – Я устал, Блум, – каким-то отстраненным, совершенно безразличным ко всему голосом произнес он. – Я неимоверно устал.

Блум молча кивнул. Он и сам начал ощущать нервную дрожь, поднимающуюся от низа живота и медленно, но неумолимо, охватывающую все его тело. Через минуту ему пришлось

обхватить себя руками за плечи, чтобы не позволить им ходить ходуном.

Что бы он ни рассчитывал найти в конце своего путешествия, это была явно не способность к свободному перемещению в пространстве.

Впечатлений для одного дня было более чем достаточно. В сознании что-то замкнуло накоротке, и черепная коробка, казалось, готова была вот-вот разлететься на мелкие осколки, подобно наполненной под завязку колбе, которую, надежно закупорив, поставили на огонь. Единственное, что пока ещё мог более или менее отчетливо сознавать Блум, так это то, что сейчас он ничего не мог ни понять, ни решить. Все, что с ним сегодня произошло, нужно было тщательнейшим образом оценить и обдумать в спокойной обстановке. А не здесь… Блум снова затравленно огляделся по сторонам. Вокруг все, как будто, было по-прежнему, но переутомленное сознание человека само дорисовывало то, что считало нужным, накладывая на рисунок улицы плотные серые мазки. Искусственное небо, о природе которого Блум не имел ни малейшего представления, казалось ему теперь сумрачным, нависающим над самой головой. Стены домов словно бы сдвинулись, превратив улицу в узкий проход… щель… крысиный лаз…

Голова у Блума закружилась, словно он смотрел не на уходящую в даль улицу, а в бездонный колодец, в который ему предстояло прыгнуть… Сейчас он не мог сделать по этой улице ни единого шага… Тошнота подступала к горлу…

Шейлис сидел на траве, испуганно прижавшись к ноге Блума, и что-то невнятно бормотал. Что именно он пытался сказать, Блум не слышал… Да и слышать не хотел!..

Черт возьми! Люц выбрал самый простой путь из всех возможных, – просто сел на траву и предоставил все остальное Блуму!.. А что, собственно?.. Да не все ли равно!..

Спокойно… Нужно быть последовательным… Проклятие!.. Нужно просто хоть что-нибудь делать!..

Блум пригнул голову к груди и что было сил сдавил виски ладонями.

Все началось вскоре после того, как он разорвал связь с инфором… Случайность?.. Внезапный приступ агорафобии, скрутивший одновременно обоих?..

Серый туман, плывущие сквозь него тени, – и больше ничего… Ничего вокруг… Ничего внутри… Ничего в душе… Только тошнота…

Что происходит?..

Где эта чертова кабина?!

Выставив руку перед собой, Блум двинулся вперед на ощупь, видя только траву под ногами.

Шаг… Еще шаг…

Травяной газон перед глазами внезапно сделался серым.

Нет, это же не газон, а покрытие тротуара…

Ноги, словно ватные, не слушаются…

Еще один шаг… Еще…

Рука Блума коснулась холодного металла. Блум выбросил вперед другую руку и обеими вцепился в металлический поручень с такой силой, словно от этого зависела его жизнь. Да и не только его одного…

– Люц!..

И в тот же миг, как только Блуму удалось вытолкнуть из груди этот отчаянный полукрик-полувсхлип, чудовищное наваждение исчезло. Так же внезапно, как и накатило несколько минут назад. Дышать сразу же стадо легче. Серая пелена слетела с глаз. Мысли упорядочились, эмоциональное состояние стабилизировалось.

И как долго все это длилось?.. Блум машинально глянул на часы и усмехнулся. Тут, можно сказать, вся жизнь перед глазами пролетела. Разве кто помнит о часах, когда вечность разверзается под ногами?..

Блум поднял голову.

Он стоял возле кабины инфора, все ещё держась одной рукой за дверную ручку в виде металлической перекладины. В двух шагах от него, аккуратно пристроившись к самой бровке тротуара, на проезжей части стоял поблескивающий новеньким зеленоватым глянцем двухместный автоэл. Дверцы машины были закрыты, а сквозь тонированные стекла Блуму не было видно, есть ли кто-нибудь внутри… Хотя, кто там мог быть?

– Блум!

Блум обернулся на крик.

Шейлис, все ещё сидевший на траве, призывно тянул в его сторону руку.

– Что это было, Блум?

Шейлис покачнулся и всхлипнул. Оперевшись обеими руками о траву, тяжело поднялся на ноги.

– Кто бы мне это объяснил, – процедил сквозь зубы Блум.

– Все, – Шейлис поднял с земли рюкзак и продел в лямки руки. – Ты как знаешь, а я отправляюсь домой.

– Конечно, – глядя на автоэл, рассеянно кивнул Блум. – Вот и транспорт нам уже подогнали.

– Автоэл? – Шейлис в недоумении глянул на стоявшую возле тротуара машину. – Разве мы вызывали автоэл?

– Я так точно не вызывал, – покачал головой Блум.

– Тогда что он здесь делает?

– Похоже на то, что нас любезно просят убраться, – скривил губы в подобии улыбки Блум. – В случае отказа психологическая атака, судя по всему, будет повторена.

– Ты думаешь? – в глазах Шейлиса, когда он это спросил, отчетливо читался ужас.

– А у тебя есть какое-то иное объяснение тому, что с нами случилось?

– С тобой было то же самое?.. Я внезапно почувствовал смертельную усталость… И страх… Ужас…

– Как будто заглянул на дно колодца, заполненного душами всех тех, кто жил когда-то до нас, – закончил Блум.

При одном только воспоминании о пережитом Шейлиса всего передернуло. Он крепко стиснул зубы, так, что побелели скулы, а сухожилия на шее превратились в подобие туго натянутых басовых струн.

– Пойдем-ка, – Блум взял Шейлиса под руку и, как заботливый сын престарелого отца, повел его к машине. – Потом во всем разберемся.

Он открыл дверцу, усадил Шейлиса на заднее сиденье автоэла и забрался в машину следом за ним. Дверца захлопнулась автоматически.

– В моей оперативной памяти заложены два адреса, – раздался откуда-то со стороны лобового стекла мягкий, бархатистый баритон, принадлежащий голосовому модулятору автоэла. – По какому из них вас следует доставить?

– Сначала отвезем домой господина Шейлиса, – сказал Блум.

– 4-й уровень, дом 63, квартира 88, – уточнил автоэл.

– Точно, – кивнул Блум и сказал, обращаясь к Шейлису: – Я же говорил, что машину прислали специально для нас.

– Я прибыл по вызову, полученному через сеть инфора, – сообщил автоэл, вырулив на середину проезжей части и быстро набирая скорость.

– Не отвлекайся, – строгим голосом решил поставить робота на место Блум.

– Беседа не мешает мне вести машину…

– Зато она мешает нам получать удовольствие от поездки.

– Извините, – смущенно произнес автоэл и умолк. Шейлис положил руку на спинку сиденья и устало прикрыл глаза.

– Почему все роботы в Городе такие болтливые? – негромко спросил он.

– Должно быть, потому что они страшно одинокие и большую часть времени томятся от безделья, – предположил Блум.

– Ничем не обоснованный антропоморфный взгляд, – не открывая глаз, назидательным тоном произнес Шейлис. – Роботы лишены эмоций.

– Тогда – не знаю, – не стал ввязываться в спор Блум, хотя у него на этот счет имелось иное мнение.

Миновав два перекрестка, автоэл на третьем свернул налево и въехал на пандус, ведущий к торцевой стене дома. При его приближении в стене открылись широкие ворота. Машина въехала в просторное, ярко освещенное помещение, похожее на ангар, в котором без труда могли бы разместиться еще, как минимум, четыре таких же автоэла.

Блум обернулся и посмотрел назад.

Ворота ангара плотно закрылись.

– Что происходит? – испуганно дернулся Шейлис, когда кабина подъемника начала быстро опускаться вниз.

– Все в порядке, – успокоил его Блум. – На этот раз мы перемещаемся между уровнями самым что ни на есть естественным способом.

Спуск продолжался чуть более минуты.

Когда подъемник остановился, створки ворот снова разошлись в стороны, и автоэл задним ходом вырулил на улицу.

Повернув направо и выехав на основную магистраль, машина быстро набрала скорость.

От созерцания проносящихся мимо домов Блума оторвал голос Шейлиса.

– Я хочу забыть сегодняшний день, – произнес он негромко.

Непонятно было, адресовал ли он эти слова Блуму, или же, на мгновенье забывшись, произнес вслух то, о чем только что подумал.

Блум с тревогой посмотрел на Шейлиса, который все так же полулежал на сиденье с закрытыми глазами, вытянув ноги и откинув голову на спинку. Руки его были сложены на коленях. Вся его поза словно бы являла собой живой символ полной отрешенности и безразличия ко всему.

– Тебе просто нужно отдохнуть, – так же тихо произнес Блум.

Шейлис ничего не ответил и даже не пошевелился. Возможно, он даже не услышал произнесенных Блумом слов.

Автоэл замедлил свой бег и остановился напротив подъезда одного из домов.

– Дом номер 88, – сообщил он.

– Тебя проводить? – спросил у Шейлиса Блум.

– Не стоит.

Шейлис открыл дверцу со своей стороны и вышел из машины.

– Что ты собираешься делать теперь? – спросил, выглянув из

машины, Блум.

– Приму душ и лягу спать.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга.

– Созвонимся вечером, – сказал Блум.

– Конечно, – вымученно улыбнулся Шейлис. Махнув на прощание рукой, он направился к подъезду, дверь которого уже была предупредительно распахнута роботом-привратником.

– Домой, – сказал Блум, захлопнув дверцу машины.

Не задавая никаких дополнительных вопросов, автоэл сорвался с места.

Стили Блум

«Что же все-таки произошло на Пятом уровне?.. Не вызывает сомнений, что кому-то очень не понравилось то, что мы с Шейлисом оказались вдали от своих домов. Нас попросту вытолкнули к месту нашего постоянного проживания.

Допустим, мы не должны были находиться на Пятом уровне… Но почему, в таком случае, тревога не была поднята сразу же после того, как мы пересекли условную границу?… Сейчас у меня нет ни сил, ни желания думать об этом. Ощущение такое, словно от меня осталась только внешняя оболочка. А все, что когда-то находилось внутри, вытекло сквозь поры и трещины. Голова – как сложенные вместе две половинки съеденного грецкого ореха – пустая и, по сути, ни на что не пригодная безделушка. Покрутив в руках, её без малейшего сожаления можно кинуть в стену, и она расколется на десятки острых осколков…»

Глава 9

Синие тени в углах

(4-й уровень, 63-я улица, дом 24)

Прежде чем отправиться в ванную Блум заказал ужин и свежее белье.

Бросив снятые с себя вещи в мусороприемник, он открыл кран с горячей водой и встал под душ. Закрыв от наслаждения глаза, он подставлял то одно, то другое плечо под упругие струи, разбивающиеся о кожу и широкими потоками стекающие вниз по телу. Сейчас ему не хотелось ни о чем думать. Он просто наслаждался покоем, полностью отдавшись во власть охватывающих его, подобно кокону, потокам воды. И он не имел ничего против того, чтобы это волшебное состояние умиротворения и блаженной истомы длилось без конца.

Однако спустя какое-то время в глубине его отрешенного от всего сущего сознания зародилась черная точка беспокойства. Блум пока ещё и сам не мог понять причины её появления. Вернее, ему попросту не хотелось сейчас этим заниматься. Но тревожное ощущение, подобно однажды возникшему зуду, не желало исчезать до тех пор, пока ему не будет уделено определенное внимание. Покой и гармония, возникшие было в результате погружения в потоки воды, ломались и выворачивались наизнанку под воздействием проедающей их червоточины, трансформируясь в свои полные противоположности.

Блум почему-то вдруг отчетливо вспомнил приступ омерзительной тошноты, скрутивший его возле кабины инфора. Ему даже показалось, что он вновь чувствует неприятный кислый привкус во рту.

Беззвучно выругавшись, Блум закрыл кран и, накинув на плечи широкое полотенце, вышел из душа.

Наскоро обтеревшись, он натянул свежее белье, которое достал из ячейки доставки.

В другой ячейке, расположенной рядом со столом, на подносе с подогревом его уже ждал заказанный ужин.

Блум переставил блюдо на стол и снял с него крышку.

И вновь, в который уже раз за сегодняшний день, у него возникло мерзкое ощущение тошноты, стоило ему только взглянуть на выложенный на блюде натюрморт. Слегка

недожаренная яичница из трех яиц, желток одного из которых частично растекся, была похожа на уродливую маску искаженного нестерпимой болью лица. Розоватые кусочки ветчины сворачивались и изгибались, словно клочья содранной кожи. Мелко нарубленная зелень, которой была приправлена сверху яичница, придавала всей картине окончательно отталкивающий сюрреалистический вид.

Прихлопнув тошнотворное видение крышкой, Блум левой рукой сдавил себе горло. Другой рукой он схватился за стакан с соком и торопливо, давясь и проливая питье на грудь, сделал несколько судорожных глотков.

Поставив стакан на стол, он с трудом перевел дыхание и вытер ладонью подбородок.

Краем глаза он опасливо поглядел на прикрытую крышкой тарелку и прислушался к своим ощущениям.

Хороший ужин был бы сейчас совсем не лишним.

Секунду подумав, Блум схватил тарелку и швырнул её в мусороприемник.

Он не мог понять, что с ним происходит, почему привычная пища вызывает вдруг омерзение, но твердо знал, что, несмотря на голод, не сможет заставить проглотить себя ни кусочка из того, что находилось на блюде.

Почти без сил упав в кресло, Блум закинул ноги на край стола.

Машинально взгляд его скользнул по циферблату настенных часов. Было без десяти десять. Обычно в это время он уже ложился спать.

Но сейчас ему было не до сна. Он не смог бы заснуть, так же, как не мог заставить себя есть. Что было тому причиной? Нервное перевозбуждение? Чрезмерная, непривычная усталость?…

Нет. Здесь было что-то другое.

Блум посмотрел по сторонам.

Комнату освещал единственный тусклый ночник, закрепленный на стене возле окна. Большая часть помещения была скрыта полумраком. Чуть синеватые тени, кажущиеся густыми и вязкими, как кисель, лежали по углам, возле самого пола…

Блума передернуло, когда он представил себе, как вся комната превращается в клубок тьмы, которая обволакивает его тело со всех сторон, присасывается к нему, растворяет в себе его тело…

Блум вскочил на ноги, прыгнул к стене, затем метнулся к журнальному столику и, схватив дистанционный пульт управления, включил верхний свет. Тени, испуганно

шарахнувшись в стороны, спрятались в углах. Но они никуда не исчезли. Затаившись, они терпеливо ждали.

– Проклятие…

Блум обеими руками взъерошил волосы на голове.

Сомнений не оставалось, – его пугала собственная квартира.

Это был панический, ничем не объяснимый и не мотивированный страх. Пища, предложенная в этом доме, казалась опасной. Постель становилась похожей на смертный одр. Впору было бы посмеяться над собой, но Блуму было совсем не до смеха.

Его подмывало вновь оглядеться по сторонам, чтобы убедиться, что в помещении кроме него больше никого нет.

Быстро глянув через плечо, Блум с облегчением вздохнул и провел ладонью по внезапно покрывшемуся испариной лицу.

Ничего подобного прежде с ним не случалось. А, следовательно, объяснение невесть откуда навалившейся на него фобии следовало искать в событиях сегодняшнего дня.

Да! Именно так!

Чтобы победить страх, ему нужно найти объяснение!

Самым простым, лежащим на поверхности объяснением была психотронная атака, которой они с Шейнисом подверглись возле кабины инфора. Страх, который Блум испытывал сейчас, мог быть всего лишь остаточным явлением.

В чрезвычайном возбуждении Блум сделал несколько быстрых шагов по комнате. Он чувствовал, что подошел вплотную к какому-то чрезвычайно важному открытию, которое должно было объяснить многое из того, что произошло с ним сегодня. Нужно было сделать всего лишь одно последнее усилие, чтобы взять его в руки. Как в старой детской игре: теплее – ещё теплее…

Психотронный удар обрушился на них сразу же после того, как инфор предложил прислать автоэл, а Блум, в ответ на это, разорвал с ним контакт. Если это послужило поводом, то источником неизвестного воздействия, приковавшего людей к месту и тем самым заставившего их дождаться посланного за ними автоэла, мог быть только инфор.

Но ведь и сейчас инфор находится рядом с ним!

То, что был выключен экран, ровным счетом ничего не значило! Инфор несомненно обладал множеством других способов наблюдения за каждым из обитателей огромного каменного улья, называемого Городом!

И он обладал возможностью воздействовать на их психику!

В любую минуту! Когда пожелает!..

То, едва ли не шоковое потрясение, которое испытали сегодня на себе Шейлис и Блум, явилось результатом грубого

воздействия со стороны инфора, продиктованное внезапно возникшей форс-мажорной ситуацией. Фактически это была ошибка, срыв. В тот момент, когда инфор узнал о том, что на 5-м уровне появились два человека, которых там не должно быть, он, совершенно определенно, запаниковал.

Но ведь с таким же успехом инфор мог действовать и незаметно, исподволь, забираясь в черепную коробку к человеку в тот момент, когда тот меньше всего этого ожидает. А где ещё человек может чувствовать себя в большей безопасности, как не у себя дома?..

Нервозное состояние и беспричинный страх, которые испытывал сейчас Блум, были не остаточными явлениями, а результатом прямого сиюминутного воздействия инфора на его психику.

Но где?..

Блум быстро огляделся по сторонам… Где скрывается этот змей, отравляющий своим ядом все, к чему только мог прикоснуться?

Прожив в своей квартире более десяти лет, Блум имел только самое общее представление об её электронной начинке. А то оборудование, которое было намеренно спрятано, искать было и вовсе бесполезно.

Что делать?.. Начать крушить и ломать все подряд? Сдирать со стен обивку и рвать все попадающиеся на глаза провода?.. Глупо и бессмысленно.

Чего именно хочет добиться от него инфор?.. И насколько далеко простираются его возможности?.. Что он способен сделать с психикой человека?..

Блум не знал, что делать. Куда бежать, если инфор – это весь Город? Он чувствовал себя напуганным и загнанным в угол. И когда со стороны пульта инфора раздалось попискивание зуммера вызова, он испытал едва ли не облегчение.

Суетливо подбежав к пульту, Блум открытой ладонью ударил по клавише, подтверждающей прием вызова.

– Люц?!..

Почему-то Блум решил, что ему звонит именно Шейлис…

Конечно, они ведь договаривались созвониться!

– Я слушаю тебя, Люц!

– Простите, – ответил ему вежливый и совершенно незнакомый мужской голос. – Ваше имя Стили Блум?

– Да, – растерянно ответил Блум.

– Ваш адрес: Четвертый уровень, Шестьдесят третья улица, дом двадцать четыре, квартира сто десять?

– Да… Но простите…

– У вас не в порядке оптическая система инфора?

– Нет! – на этот раз резко и несколько раздраженно ответил Блум. – Я просто не включил экран!

– Будьте так любезны…

– Кто вы такой, черт возьми?

– Разве я не представился?.. Простите… Я ответственный исполнитель программы интенсивной психокоррекции…

– У меня есть свой врач-психокорректор, – довольно-таки грубо оборвал незнакомца Блум.

– Я знаю, – невозмутимо ответил тот. – Именно он и обратился в отделение интенсивной психокоррекции… Извините, вы не могли бы включить экран? Когда люди видят друг друга, между ними возникают более доверительные отношения.

– Послушайте, – недовольно поморщился Блум. – Сейчас одиннадцатый час. Я уже собирался ложиться спать…

– Но ведь вам необходима помощь, Сти, – бархатисто, почти ласково, произнес голос с противоположного конца линии. – Именно сейчас, когда вы испытываете растерянность, смешанную с острым недовольством собой и окружающими. И, может быть, даже некий беспричинный страх. Мы можем помочь вам, Сти…

– Интересно…

Незнакомый врач поразительно точно описал все его ощущения, в которых он и сам пока ещё не мог разобраться.

Блум щелкнул переключателем, и через пару секунд на экране возникло лицо его собеседника.

На вид психокорректору было столько же лет, сколько и Блуму, – чуть больше тридцати. Лицо его было чисто выбрито, а волосы на голове гладко зачесаны назад. На нем был светло-синий медицинский халат, без единого пятнышка, накрахмаленный и отглаженный с такой невероятной четкостью, что казался вырезанным из плотного листа картона. Да и весь внешний облик врача был настолько аккуратным, гладким и усредненно-приятным, что у Блума невольно возникало подозрение, что перед ним не живой человек, а созданный инфором виртуальный фантом. В реальной жизни не бывает людей, которые нравятся с первого взгляда и сразу же внушают безоговорочное доверие.

Кроме того, когда человек на другом конце линии начинал что-то говорить, Блум явственно чувствовал облегчение. На какое-то едва уловимое мгновение щемящая тоска покидала его душу. Но только за тем, чтобы вернуться снова, едва только голос спасителя умолкал.

– Зовите меня просто Приит, – приветливо улыбнулся человек с экрана.

– Приит… Отлично…

Блум наклонился вперед и потер ладонями колени. Он старался выиграть время, чтобы, пользуясь секундами покоя, постараться прийти в себя и собраться с мыслями.

– Приит, – снова повторил Блум и покачал головой. – Знакомое имя. Мы не могли уже где-то встречаться с вами?

– Не думаю.

Радушная братская улыбка застыла на губах Приита, словно он так вместе с ней и был рожден… Или создан.

– Быть может, на последнем приеме у Шейлисов? – высказал новое предположение Блум. – Насколько я понял, вы ведь знакомы с Люциусом Шейлисом, не так ли?

– Я познакомился с ним только сегодня.

– Странно. Мне казалось, что в Городе люди одной профессии и, к тому же, одного возраста, все знают друг друга.

Блум скосил глаза в сторону.

На стуле в углу лежали скомканные куртка и брюки защитного цвета, брошенные поверх полупустого рюкзака. Что могло бы понадобиться ему в случае, если вдруг возникнет необходимость спешно покинуть квартиру на неопределенный срок?.. Странно, почему вдруг эта мысль пришла ему в голову?

– Вы неважно выглядите, Блум, – произнес между тем доктор Приит. – И внешний вид у вас довольно-таки неопрятный… Почему вы не пользуетесь имитаторами?

– Я не ожидал, что в столь поздний час кто-то может мне позвонить, – ответил Блум. – Я собирался ложиться спать.

– Я могу подождать, пока вы приведете себя в порядок.

– Что вам, собственно, от меня нужно? – с неприязнью глянул на доктора Приита Блум. – Я не собираюсь болтать с вами всю ночь.

– Дело в том, Блум, что к нам обратился ваш врач-психокорректор…

– Люц?

– Да, тот самый Люциус Шейлис, которого вы уже упоминали в беседе. Как врач, постоянно наблюдающий за вами, он высказался за то, что вам крайне необходимо пройти курс интенсивной психокоррекции. Во время нашего разговора я сделал несколько замеров основных показателей вашего психического состояния и вынужден признать, что Шейлис принял правильное решение…

– Да подите вы к черту! – не дослушав речь врача до конца, выпалил Блум. – Я прекрасно себя чувствую! А если мне вдруг потребуется помощь психокорректора, я обращусь к Шейлису!

– Не пытайтесь обманывать самого себя, Блум, – улыбка даже

не дрогнула на губах доктора Приита. – Вы сейчас испытываете весьма неприятное, а, быть может, даже и мучительное, чувство неуверенности, связанное с раздвоением вашего сознания.

– Раздвоение сознания? Вы хотите сказать, что я шизофреник!

– Нет, пока что ваши проблемы не столь серьезны. Говоря общедоступным языком, причины вашего недуга связаны с тем, что некая небольшая часть вашего сознания, создает яркие фантастические образы, которые основной его частью воспринимаются как реальные события. Кстати, и страх перед реальностью, который вы, как мне кажется, тоже испытываете, связан именно с тем, что фантастические образы вашего сознания, накладываясь на окружающую вас действительность, искажают её.

– Послушайте, я не хожу во сне, не охочусь на розовых драконов и не прячусь с головой под одеяло, спасаясь от ночных призраков. Я абсолютно адекватно воспринимаю окружающую действительность.

– Вам только так кажется.

– Я обращусь к вам за помощью, как только у меня начнутся видения, – Блум протянул руку, собираясь нажать клавишу отбоя.

– Как вы провели сегодняшний день? – среагировав на движение Блума, быстро спросил доктор Приит.

Рука Блума повисла в воздухе. Затем он медленно положил её на колено.

– Почему вас это интересует?

– Хочу, чтобы мы с вами вместе сопоставили то, что вы считаете действительностью, с тем, что происходило сегодня с вами на самом деле.

– Вам-то об этом откуда знать? – набычившись, недобро посмотрел на Приита Блум.

На лице у доктора Приита не дрогнул ни единый мускул.

– Я позаботился о том, чтобы собрать необходимую информацию, – ответил он.

Глядя на невозмутимо спокойный вид врача, можно было сделать вывод, что соглядатайство является неотъемлемой частью его основной специальности.

– Вы находите это этичным? – спросил Блум.

– Что именно? – не понял, о чем идет речь, Приит.

– Подглядывать за потенциальными пациентами.

– Мы не подглядываем, а собираем информацию, – поправил его врач. – Такова уж наша работа. Как говорится, нельзя приготовить яичницу, не разбив при этом яиц.

При упоминании о яичнице Блум вновь почувствовал приступ тошноты. Схватив со стола полупустой стакан с соком, он

несколькими торопливыми глотками допил его.

– Вам нехорошо? – участливо спросил Приит.

– Просто захотелось пить, – переведя дыхание, ответил Блум.

Если бы улыбка не являлась частью лица Приита, можно было бы сказать, что в этот момент он с пониманием улыбнулся.

– Итак…

– Вы хотите знать, что я сегодня делал? – покосился на изображение Приита Блум.

Допрос, который пытался учинить ему доктор Приит, или кем там был на самом деле тот тип, изображение которого неподвижно висело на экране, вызывал у Блума подозрение и тревогу. Он так до сих пор и не понял, кому и что от него было нужно? Что за игру пытались вести с ним?.. Кто?.. Инфор?.. А разве есть ещё кто-то, помимо инфора, способный на подобные штучки?..

И вместе с тем определенную тревогу вселяло в Блума и то, как уверенно говорил доктор Приит о его расколотом надвое сознании. Блум, конечно же, и мысли не допускал, что это могло быть правдой. И все же…

Что, если на мгновение представить, будто доктор Приит никакой не агент инфора, а самый что ни на есть обыкновенный врач-психокорректор, всерьез обеспокоенный состоянием одного из пациентов своего коллеги… Тогда выходит, что Блум и в самом деле болен.

Но Приит не мог оказаться прав уже хотя бы потому, что весь сегодняшний день Блум провел в обществе Шейлиса! У него был самый надежный свидетель, какого только можно себе представить, – врач-психокорректор!

– Пожалуйста! – с неожиданной для самого себя лихой решимостью выпалил Блум. – Сегодня я целый день гулял по улицам! Вас устраивает такой ответ?

– Вполне, – слегка наклонил голову доктор Приит. – Он полностью укладывается в схему поставленного вам диагноза.

– Что это значит? – настороженно спросил Блум.

– Это значит, что прогулка по улице, о которой вы говорите, не более, чем плод вашей больной фантазии, – ответил Приит. – По данным инфора вы весь сегодняшний день не выходили из своей квартиры.

– По данным инфора, – презрительно фыркнул Блум. – Да кого они интересуют, эти его данные?

– На мой взгляд, данные инфора являются наиболее объективными свидетельскими показаниями, – все так же улыбаясь, но теперь уже довольно-таки строгим голосом произнес Приит. – Если бы вы хотя бы только открыли дверь вашей

квартиры, то запись об этом событии сохранилась бы в памяти инфора.

– А что, если он просто не хочет вам об этом говорить? – перебил врача Блум.

– Инфор? – удивленно переспросил Приит.

– Он самый!

Приит слегка качнул головой из стороны в сторону.

– Подобное заявление, Блум, вынуждает меня пересмотреть заключение о состоянии вашего здоровья. По-видимому, потребуется более продолжительное лечение, чем можно было предположить вначале.

– О каком ещё лечении идет речь! – возмущенно воскликнул Блум. – Я не болен! Сегодня я целый день гулял по улицам и, между прочим, компанию мне составлял ваш коллега Шейлис! Можете сами у него спросить!

– Я всего лишь полчаса назад разговаривал с вашим врачом, – мягко и деликатно прервал Блума Приит. – По его словам, сегодня, в течение дня вы несколько раз связывались с ним по инфору и утверждали, что находитесь на улице, хотя определитель номера показывал, что вы звоните из дома. Именно после этого Шейлис принял решение препоручить вас заботам отделения интенсивной психокоррекции.

– Подождите, – растерянно развел руками Блум. – Вы хотите сказать, что Шейлис сегодня не выходил из дома?

– Именно так, – плавно кивнул Приит.

– Бред… – Блум тряхнул головой и откинулся на спинку кресла. – Бред! – уже куда более уверенно, нежели в первый раз повторил он. – Мы вместе были на улице!

– Чуть позже вы сможете сами поговорить с Шейлисом и спросить его об этом, – заверил его Приит.

– Почему позже, а не сейчас? – вновь насторожился Блум.

– Потому что сейчас нам более необходимо провести первый сеанс интенсивной психокоррекции, предваряющий собой весь курс лечения.

– Прямо сейчас? – удивленно поднял бровь Блум.

– Да, – подтвердил врач.

– Не выходя из дома?

– В этом нет никакой необходимости. Вам даже не нужно будет подниматься из кресла.

– В чем именно заключается процедура?

– Ну, если оставить в стороне специальную медицинскую терминологию, которая вам, скорее всего, все равно ничего не скажет, мы попытаемся оказать определенное воздействие на вашу психику с тем, чтобы участки сознания, являющиеся

источниками раздражения, оказались надежно заблокированными.

– Своего рода лоботомия, – мрачно прокомментировал Блум.

– Вовсе нет, – опроверг его заявление Приит. – Заблокированные участки вашего сознания останутся совершенно невредимыми. Они даже будут продолжать выдавать все те же фантазии, которые причиняют вам сейчас столько беспокойства, однако до основной части вашего сознания они доходить не будут. Все равно, как если бы рядом с вами работал монитор с выключенным звуком.

– Меня интересует техническая сторона. Каким образом вы собираетесь забраться ко мне в мозг?

– Никто не собирается покушаться на целостность вашего мозга, – попытался успокоить Блума врач. – Ваш мозг сам выполнит всю необходимую работу после того, как ему на подсознательном уровне будет передан необходимый для этого набор команд. Уверяю вас, вы не почувствуете ничего, кроме облегчения.

– А если вы заблокируете мне не те участки сознания? – поинтересовался Блум.

– Ошибка исключена. Вся процедура будет проводиться под контролем инфора.

– А вот этого вам бы не следовало мне говорить, – мрачно усмехнулся Блум.

– Почему? – край левой брови Приита едва заметно приподнялся.

– Потому что инфору я доверяю меньше, чем кому бы то ни было.

– Это всего лишь следствие вашего заболевания.

– И как же вы собираетесь с ним бороться? Я ведь могу и отказаться от предложенной вами… процедуры.

После недолгого колебания, в течение которого Блум пытался убедить себя, что так поступать не следует, он вдруг игриво высунул язык и показал его своему собеседнику.

Как он и ожидал, Приит на его действие никак не прореагировал.

– Видите ли, Блум, – сказал он. – Если вы сейчас откажетесь от добровольного лечения, то с течением времени ваша болезнь будет прогрессировать. И, в конце концов, когда вы станете представлять собой угрозу для общества, нам придется применить по отношению к вам принудительные методы лечения.

– Кто-то придет ко мне в гости? – изображая радостное удивление, Блум вскинул брови едва ли не к середине лба. – Я буду этому только рад!

– Не советую вам пытаться обратить все в шутку, Блум, – слова Приита прозвучали не как угроза или предупреждение, а всего лишь как дружеская рекомендация. – Вопросу психического здоровья жителей Города придается большое значение. Возможно, вам трудно поверить в это, но вы на самом деле больны. И болезнь ваша постоянно прогрессирует. Пока ещё все проблемы можно снять в течение пяти-шести сеансов довольно-таки простой, абсолютно безопасной, неоднократно апробированной процедуры, уже доказавшей свою эффективность в борьбе с заболеваниями, подобными вашему. Но, если вы станете упорствовать, то тем самым только окончательно себя погубите.

Блум снова бросил быстрый внимательный взгляд по сторонам.

– И что я должен сделать? – спросил он.

– Вы готовы начать сеанс?

– Прямо сейчас?

– Если у вас нет больше никаких возражений.

– А разве вы оставили мне выбор?

– Послушайте, Блум, процесс вашего излечения пойдет гораздо быстрее и эффективнее, если вы сами поймете неизбежную необходимость использования интенсивной психокоррекции. Все что мы делаем, делается исключительно для вашего же блага.

– Это я уже уяснил, – кивнул Блум. – Что дальше?

– Вы должны расслабиться и внимательно следить за тем, что будет происходить на экране.

– А там будет происходить что-то интересное?

– Скоро вы сами все увидите. Вы готовы?

– Одну секунду, – Блум продемонстрировал Прииту свой указательный палец на левой руке. – Я могу сначала поговорить с Шейлисом?

– Лучше будет, если вы сделаете это после сеанса, – ответил Приит.

– С тем, чтобы не ослаблять эффективности воздействия на меня сеанса или чтобы не наносить психическую травму Шейлису? – уточнил Блум.

– И то и другое, – ответил Приит.

В следующее мгновение изображение его стерла с экрана мощная, ослепительно-яркая световая вспышка. Блуму даже показалось, что волна света ударила его в грудь и отбросила на спинку кресла. На секунду у него перехватило дыхание. Боясь упасть, он что было сил вцепился пальцами в подлокотники.

В первый момент поток света, обрушившийся на него с экрана инфора, показался Блуму нестерпимо горячим. Но сразу

же после того, как первый шквал миновал и Блум понял, что все ещё жив, он почувствовал, что тело его сковывает смертельный холод. Суставы занемели, мышцы одеревенели, так что Блум не мог пошевелить даже кончиком мизинца. Даже глаза как будто покрылись ледяной коркой, – Блум не мог ни опустить век, ни отвести взгляд в сторону, чтобы не видеть того, что изливалось на него с экрана.

А на экране тем временем происходила безумная пляска световых пятен, сопровождающаяся пронзительно-высоким звоном, от которого у Блума начало ломить виски. Разноцветные блики и всполохи, перемещающиеся по экрану с невероятной скоростью, раздражали взгляд, но одновременно и завораживали его, не давая возможности оторваться и переключиться на что-либо другое. Зрачки безуспешно пытались выловить что-либо осмысленное из безумного месива цветов и форм, а сознание все глубже погружалось в виртуальное болото, ставшее для него ловушкой. Вслед за зрительными образами мысли расплывались, дробились и ломались, превращаясь в бессмысленные, ничего не значащие обрывки. Блум уже почти не помнил, кто он такой, не знал, где он находится, не понимал, что с ним происходит. Удар психотронного воздействия оказался столь неожиданно сильным, что сознание Блума не успело никак на него среагировать. Это было как неожиданный удар под дых, после чего с ошалевшим от боли и нехватки кислорода человеком можно делать все, что угодно.

Внезапно меркнущее сознание Блума уловило что-то смутно знакомое в бессмысленном мелькании разноцветных пятен на экране. Три желтых пятна… Два – почти ровной округлой формы, третье – растекшееся наподобие омерзительной ухмылки… Яичница!

Тело Блума содрогнулось от приступа тошноты.

Непроизвольно подавшись вперед, Блум потерял равновесие и упал на пол.

Оказавшись вне зоны воздействия психотронного поля, он принялся с лихорадочной быстротой сучить всеми своими конечностями, пытаясь уползти подальше, забиться в угол, скрыться от всех, раствориться в тени…

Вначале движения его были чисто инстинктивными. Но очень скоро сознание вернулось к человеку.

Забившись под панель управления инфора, Блум скорчился там, обхватив колени руками. Все тело его сотрясалось от нервной дрожи, поднимавшейся волнами откуда-то с низа живота. До него все ещё доносился пронзительный звон, и он, как ни старался, не мог отвести взгляда от пляшущих по стенам

отсветов цветового безумия, растекающегося по экрану. Но он уже мог контролировать процесс своего мышления. Нервный шок тоже уже почти прошел. А воздействие, оказанное на психику одновременным мощным ударом по основным органам чувств, было, скорее всего, недостаточно продолжительным для того, чтобы вызвать какие-либо необратимые изменения.

Подавшись всем телом вверх, насколько позволяла горизонтальная плоскость пульта, Блум дотянулся согнутой в локте рукой до лицевой панели пульта. На ощупь перебирая пальцами, он дергал и нажимал все переключатели и кнопки, какие только мог найти. Наконец под пальцы ему попалась плоская рифленая поверхность большой сетевой клавиши. Ударив по ней ладонью, Блум вдавил клавишу в гнездо. Никакого изменения в светозвуковом оформлении комнаты не произошло. Сетевая клавиша была заблокирована так же, как и все остальные системы управления терминалом.

– А говорили, что лоботомии не будет, – Блум криво усмехнулся, только чтобы подбодрить самого себя.

Доктор Приит что-то там говорил о возможности принудительного лечения… Что они намереваются сделать? Подсыпать ему яда в пищу?.. Или заявятся три здоровенных бугая, которые скрутят его, привяжут к креслу и заставят смотреть на взрывающийся экран до тех пор, пока у него пена изо рта не полезет?.. А в курсе ли доктор Приит, что сейчас его подопечный сидит не в кресле перед экраном, а под пультом?..

Как бы там ни было, у Блума не осталось никаких сомнений в том, что его дом перестал быть для него крепостью. И пока дверь этого дома не захлопнулась, как крышка мышеловки, из него нужно было убираться.

Блум на четвереньках подполз к стулу, схватил с него одежду и, снова забравшись под пульт, принялся торопливо натягивать её на себя.

Блум все время мысленно произносил «они», когда думал о тех, кто стоял за образом появившегося в его доме прилизанного доктора Приита, однако никакого определенного смысла он в это местоимение не вкладывал. «Они» для него были все те, кто тупо позволял инфору копаться в своей черепной коробке, а после проделывал то же самое с теми, кто пытался протестовать против насильственного вторжения в свою психику.

Неужели же доктор Приит всерьез рассчитывал на то, что ему удастся убедить Блума в том, что тот внезапно превратился в полного дегенерата и не помнит, чем занимался пару часов назад?.. Или же все предварительные переговоры были всего лишь определенным тактическим ходом, с тем, чтобы дать

инфору время настроиться на оптимальные показатели, соответствующие психике данного индивида?..

Блум застегнул последнюю пуговицу на куртке и, встав на колени, одернул её сзади. Теперь – последний рывок.

Блум вскочил на ноги и, по-бычьи наклонив голову, кинулся к выходу из квартиры. На бегу он одной рукой подцепил за лямку рюкзак, а другой схватил со стола трубку компакт-телефона.

С разбега он ударил плечом в дверь и вскрикнул от боли.

Сломав пару ногтей, он вдавил до предела кнопку дверного замка. Замок щелкнул, и Блум вывалился на лестничную площадку.

Стили Блум

«Хорошо… Будем считать, что все пока хорошо… По крайней мере – неплохо…

По счастливой случайности мне удалось увернуться от навязанного мне курса интенсивной психокоррекции. Что дальше? Посидеть часок-другой на лестнице и вернуться в квартиру в надежде, что так называемый доктор Приит остался в неведении относительно того, что ученик прогулял урок, который собирался преподнести ему инфор?..

Или это был не урок, а экзекуция?..

Мне ведь даже ничего не известно о том, какими средствами контроля обладают те, кто решил подрихтовать мою психику в соответствии с утвержденными кондициями… Утвержденными кем?..

Черт…

Ничего хорошего не высвечивает. Теперь я беглец, который, по словам все того же Приита, представляет опасность для окружающих его людей…

А где же те люди, которые обязаны меня окружать?

Ау! Люди!.. Где вы?..

А в перспективе у меня только принудительная психокорреция… Если, конечно, это не было пустой угрозой. Кто и каким образом сможет к чему-то меня принудить, если, скажем, я попросту разобью экран инфора?.. Стоит ли за всеми этими угрозами хоть кто-то живой?..

В чем, собственно, заключается моя вина? Только в том, что я вышел на улицу? Что незаконно пересек условную границу между секторами? Но кто сказал, что это незаконно?..

Каким образом инфор собирается вести за мной охоту? Кого он пришлет, чтобы довершить начатое?.. Или, быть может, инфор

станет терпеливо ждать того момента, когда я снова вернусь в свою квартиру, чтобы захлопнуть дверь и больше не выпускать меня из своих любящих объятий?..

Но как быть, если я не желаю отдавать свой разум, свое сознание и свои чувства инфору?..»

Глава 10

Устойчивое равновесие

(4-й уровень, 63-я улица)

Блум сидел на каменной ступеньке лестницы, обхватив голову руками.

Блум был растерян.

Блум был напуган.

Блум не знал, что ему делать.

Но оставаться и дальше на одном месте было не только бессмысленно, но ещё и опасно. Нужно было, наконец, сделать выбор. Можно было вернуться в квартиру, усесться снова перед экраном инфора и, связавшись с доктором Приитом, возобновить прерванный сеанс. Или выйти из дома и стать беглецом.

Ничего себе выбор. Изгой, не имеющий пристанища и крова, или дебил с промытыми мозгами. К тому же, первый вариант вовсе не исключал осуществления в конечном итоге и второго.

Мило. Что и говорить, мило.

Непонятно, с чего бы вдруг, на память пришла яичница, которую он, так и не попробовав, отправил в мусороприемник. Три желтка и кусочки ветчины, приправленные мелко нарубленной зеленью. На этот раз натюрморт вовсе не вызвал у Блума приступа омерзительной тошноты, а, напротив, заставил жадно сглотнуть набежавшую под язык слюну. Блум вдруг почувствовал, что зверски голоден.

Тяжело вздохнув, Блум достал из рюкзака помятое кепи, надел его на голову и опустил широкий козырек едва ли не до самого носа. Следом за кепи заняли полагающееся им место и солнцезащитные очки.

Когда Блум поднимал с пола почти пустой рюкзачок, в котором лежали только блокнот, авторучка и трубка компакт-телефона, которую он, убегая из квартиры, непонятно зачем прихватил, ему казалось, что он нагружен свинцовыми чушками.

Оглянувшись в последний раз на закрытую дверь квартиры, в которой он прожил ни один год, Блум снова вздохнул и начал не спеша отсчитывать ступени вниз по лестнице.

Он не испытывал тоски, покидая, быть может, навсегда, свой дом, его угнетало только чувство неопределенности собственного положения. Хотелось снова сесть на ступеньку и, запрокинув голову назад, тихонечко завыть.

Блум сознательно старался не думать о будущем. Рано или

поздно с ним придется встретиться лицом к лицу. Так зачем же заранее травить себе душу? Сейчас Блум просто хотел есть. И он заставлял себя думать только о еде.

Миновав последний лестничный пролет, Блум остановился, держась рукой за перила, как за спасительную нить, все ещё связывающую его с прошлым. Ему уже не было страшно идти вперед. Скорее даже, он испытывал нечто похожее на безразличие. Но пальцы его цеплялись за лестничные перила, словно отдельно от всего тела приняли решение остаться и теперь вели отчаянную борьбу за свои права. – Могу я быть вам чем-то полезен, господин? Блум оторвал руку от перил так быстро, словно в том, что он держался за них, было что-то постыдное. Спрятав сжатые в кулак пальцы в карман куртки, он шагнул в холл, навстречу задавшему свой традиционный вопрос роботу-привратнику.

Освещение в холле было частично пригашено. Но и тех светильников, что в половину своей мощности горели под потолком, было вполне достаточно для того, чтобы Блум мог видеть, что пространство, отделяющее его от цилиндрического, слегка поблескивающего корпуса неподвижно замершего на месте однорукого робота-привратника, было совершенно пустым. Серые тени лежали только в неглубоких нишах у стен, где стояли продолговатые скульптуры, каждая высотою около пятидесяти сантиметров. Трудно было назвать эти стилизованные изображения дистрофичных людских тел с непомерно вытянутыми конечностями украшением унылой однообразности квадратной, скучной прихожей. Днем Блум даже не обратил на них внимания. Но сейчас, внимательно осмотрев каждую из четырех ниш и убедившись, что спрятаться там не смог бы даже карлик, он отметил тусклый металлический отблеск на одной из статуэток и решил, что она, должно быть, сделана из металла.

– Ты когда-нибудь пытался просто поздороваться с человеком, а не предлагать ему сразу же свои услуги? – на ходу спросил Блум у робота.

Уже произнеся эти слова, он вдруг подумал, что, наверное, не стоило бы этого делать, поскольку привратник вполне мог обладать системой идентификации личности по звуковым модуляциям голоса. Но в следующую секунду Блум решил, что, даже обладай робот такой возможностью, система все равно бы дала сбой. Сейчас голос его был настолько искажен нервозными обертонами и напряженной, чуть сдавленной хрипотцой, что даже самому Блуму казался незнакомым.

– У меня жесткая программа, – после едва заметной паузы, свидетельствующей о том, что где-то в логических цепях робота

все же возникла заминка, ответил привратник. – Но я стараюсь действовать функционально, – тут же добавил он.

– Отлично, – Блум одобрительно похлопал робота по покатой поверхности корпуса, где должно бы было располагаться плечо. – В таком случае, хочу напомнить тебе, что ты забыл открыть мне дверь.

– Простите, господин Блум, но я не могу этого сделать, – ответил робот.

Блум инстинктивно сделал два шага назад и быстро оглянулся через плечо. Холл позади него был по-прежнему пуст. На лестнице не было заметно никакого движения. Световой индикатор движения лифта однозначно показывал, что кабина стояла на уровне первого этажа.

– Что-то не так, господин Блум? – осторожно поинтересовался робот.

Блуму показалось, что в голосе его прозвучали какие-то новые, доселе незнакомые интонации. Это была все та же учтивая речь, но при этом создавалось впечатление, что за вполне обыденными словами кроется некий скрытый подтекст.

– Как?!..

Блум хотел, чтобы вопрос его прозвучал возмущенно, а, может быть, даже и гневно, но вместо этого раздался только приглушенный, сдавленный хрип, словно на горле его уже была захлестнута удавка.

Блум прочистил горло, кашлянув в кулак, снова бросил быстрый взгляд по сторонам и решительно повторил свой вопрос:

– Как ты меня назвал?

– Простите, господин, но разве ваше имя не Стили Блум? – привратник произнес имя Блума настолько уверенно, что не оставалось никаких сомнений в том, что у него нет ни малейшего сомнения в том, кто именно стоит перед ним.

Блум окинул робота изучающим взглядом сверху донизу. Решив, что намертво вделанный в пол автомат, единственная рука которого была закреплена на ручке двери, не представляет для него никакой реальной угрозы, Блум сделал шаг вперед.

– А с чего ты вдруг это решил? – довольно-таки нахально и даже несколько развязно поинтересовался Блум.

– Я получил информацию, что господин Блум несколько минут назад покинул свою квартиру, – сполна удовлетворил любопытство собеседника робот.

– Ну и что дальше? – изображая непонимание, Блум развел руками. – Блум покинул свою квартиру, а при чем здесь я? – он снова хлопнул робота ладонью по корпусу и, кивком указав на дверь, уже миролюбивым тоном сказал: – Открывай.

– Простите, господин, – вежливым, но твердым голосом произнес привратник – Но я не могу открыть вам дверь до тех пор, пока не будет установлена ваша личность.

– И что я должен для этого сделать? – раздраженно взмахнул руками Блум.

– Будьте добры, снимите на время свой головной убор и очки, – попросил робот. – Они закрывают большую часть вашего лица, что делает невозможной визуальную идентификацию личности.

– Тебе что же, известны лица всех жителей Города? – не торопясь выполнить просьбу привратника, поинтересовался Блум.

– Я получаю информацию из сети инфора, – ответил робот. – В данном случае мне необходимо убедиться, что вы не Стили Блум.

– А кто такой этот Блум? – сдвинув брови, поинтересовался Блум. – Что он такого натворил?

– Я не обладаю доступом к соответствующей информации, а потому не могу ответить на ваш вопрос, – ответил робот. – Я просто получил распоряжение не выпускать Стили Блума из дома в его же собственных интересах.

– Чье распоряжение?

– Информация поступила через сеть инфора.

– Ты можешь определить пространственное местонахождение точки, откуда был направлен приказ?

– Невозможно.

– Почему?

– Информация поступила через сеть инфора.

– Это я уже слышал! Откуда именно поступил сигнал?

– Сеть инфора охватывает весь Город…

Робот-привратник умолк.

Блуму показалось, что последняя его фраза осталась незаконченной.

Имея доступ к центральному банку данных, робот мог ответить на любой вопрос. Так почему же он вдруг умолк? Что за проблема у него возникла? Получил приказ не отвечать на заданный вопрос?.. Или же те, кто велел ему не выпускать Блума из дома, уже где-то поблизости?

– Эй, что случилось, приятель? – негромко окликнул привратника Блум, чувствуя, как его обволакивает зябкая пелена тревоги.

– Я пытаюсь в доступных понятиях сформулировать ответ на заданный вами вопрос, – отрешенным голосом произнес робот.

– Ладно, не напрягайся, – махнул рукой Блум. – Мне сейчас не до того. Мне нет никакого дела до твоего Блума. Открой

дверь, – я тороплюсь.

– Простите, господин, но вначале я должен удостовериться в том, что вы не Блум, – с упертой настойчивостью автомата повторил привратник.

– Тебе недостаточно моего слова?! – возмущенно воскликнул Блум.

– Простите, господин…

– Да иди ты к дьяволу со своими извинениями! – заорал на привратника Блум. – Я не обязан снимать шляпу перед каждым встречным роботом!

Он ухватился за ручку двери и что было сил рванул её на себя.

Дверь даже с места не двинулась.

– Простите, господин, но я не имею права открыть вам дверь.

– Теперь ещё и о правах заговорил, – взглянув на робота искоса, мрачно процедил сквозь зубы Блум.

– Я не настаиваю на том, чтобы вы демонстрировали мне свое лицо, – сказал робот. – Если вы можете предложить какой-либо иной вариант идентификации вашей личности, я готов обсудить его.

– Вариант… – Блум, как зверь из клетки, посмотрел сквозь дверное стекло на улицу. – Как ты думаешь, я смогу разбить это стекло? – как бы между прочим спросил он у робота.

– Уверен, что это вам не под силу, – ответил привратник. – Это особое стекло с синтетическими присадками, способное выдержать давление…

– Технические детали оставь при себе, – прервал робота Блум. – Надеюсь, что сам ты не такой прочный.

Рука Блума скользнула под клапан рюкзака, который, соскользнув с плеча, висел у него на локтевом сгибе.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил привратник. Блум молча вытянул руку из рюкзака. В кулаке у него была зажата трубка компакт-телефона. Держа телефонную трубку в руке на манер кинжала, Блум широко замахнулся и ударил по объективу видеосенсора робота, выступающему в центре куполообразной насадки, которая, по замыслу неизвестного дизайнера, должна была заменять роботу голову.

Видеосенсор показался Блуму наиболее уязвимым местом привратника только потому, что он по своей фактуре несколько отличался от всего остального корпуса робота. Трудно сказать, было ли это в действительности так, только никакого видимого эффекта внезапная атака Блума не возымела. Робот даже не покачнулся. Намертво вделанный в пол и лишенный иных конечностей, кроме той, что составляла единое целое с дверной

ручкой, он не имел возможности ни бежать, ни защищаться, ни контратаковать.

Зато сухой, короткий треск, возникший в результате столкновения пластика телефонной трубки с линзой видеосенсора, преисполнил Блума энтузиазмом. Он принялся колотить по видеосенсору со все возрастающей частотой и силой. Со стороны могло показаться, что человек вымещает на беззащитном роботе свою обиду, скопившуюся у него за долгую и тяжелую жизнь, полную несправедливостей, лишений и потерь.

Пластиковая трубка телефона разлетелась вдребезги, а Блум все ещё продолжал колотить оставшимся у него в кулаке куском расколотой платы, оплетенной несколькими тонкими разноцветными проводками, по линзе, выступающей на гладко отполированном лбу привратника, подобно уродливой шишке.

Свое бессмысленное занятие он прервал, только когда рассадил кулак о металлокерамическое покрытие робота.

Вскрикнув от боли, он заплясал по кругу, размахивая ушибленной кистью руки.

С разворота он хотел было ударить привратника ногой, но передумал, резонно рассудив, что с поврежденной ногой ему далеко не уйти, даже если каким-то образом удастся открыть дверь.

– И как долго ты намерен меня здесь держать? – спросил он у робота.

– До тех пор, пока не поступит соответствующее распоряжение, – ответил тот.

Голос робота был по-прежнему вежливым, словно ничего и не произошло.

– Какое ещё распоряжение?

– Разрешающее вам покинуть здание.

– И когда это произойдет? После того, как отловят Блума?

– Теперь дело не только в Блуме, – в голосе робота прозвучали укоризненные нотки. – Я доложил о вашей внезапной вспышке агрессивного луддизма. Вам будет позволено покинуть здание только после того, как вы пройдете соответствующее обследование.

– Где я его пройду? – возмущенно взмахнул руками Блум. – Прямо здесь? В прихожей?

– На втором этаже имеется свободная квартира. Вы можете воспользоваться установленным там терминалом инфора.

– Следовательно, для наведения порядка сюда никто не явится? – вкрадчиво поинтересовался Блум.

– Все системы Города функционируют по принципу самоорганизации. Непосредственное вмешательство инфора

требуется в крайне редких случаях.

– Так что же, мы будем просто сидеть здесь и ждать, пока дисбаланс, возникший в нашем доме, вновь не придет в равновесие?

– Примерно так.

– И никто не станет ничего делать для того, чтобы как-то простимулировать этот процесс?

– Моя задача заключается только в том, чтобы изолировать поврежденный участок.

– А как же безумный Блум?

– Блум так же является частью системы.

– Если посредством твоего голосового модулятора со мной разговаривает сам инфор, – Блум разочарованно покачал головой, – то могу авторитетно заявить, что он непробиваемо туп.

– Я не инфор, – ответил робот, напрочь лишенный возможности воспринимать иронию. – Я всего лишь одна из множества составных частей, обеспечивающих его бытие.

– И какова же отведенная тебе роль? – криво усмехнулся Блум. – Ловец душ?

– Я никогда не задумывался над этим вопросом, – снова вполне серьезно ответил робот. – Я просто добросовестно выполняю возложенные на меня функции. Но, если провести аналогию с телом человека, то я, должно быть, являюсь одним из чувствительных рецепторов инфора в этом мире.

– И тебя самого это, как я понимаю, вполне устраивает?

– Это не имеет ровным счетом никакого значения.

– А ты задумывался когда-нибудь над тем, кому ты служишь? Городу?.. Живущим в нем людям?.. Или инфору, который, по сути своей, такое же вспомогательное приспособление, как и ты?

– Подобная постановка вопроса бессмысленна. Город и инфор суть одно и то же.

– А как же люди? Ты ведь все время спрашиваешь у людей можешь ли ты им чем-то помочь. Выходит, ты призван служить людям?

– Люди – часть Города.

– Непробиваемая логика! – всплеснул руками Блум.

– У меня жесткая программа.

– И оправдание тоже великолепное! Я так понимаю, что у меня нет ни малейшего шанса покинуть это здание в ближайшее время?

– Для начала следует провести идентификацию вашей личности и устранить возникшие у вас проблемы с психикой.

– Ну, надо же! – чтобы выразить свое возмущение, Блум воздел руки к потолку. – Теперь уже и робот-привратник берется

ставить мне диагноз!

– Не думайте, что я превышаю свои полномочия, – попытался защитить себя робот.

– Заткнись! – одернул его Блум. – В последний раз спрашиваю: откроешь дверь?

– Пока я ещё не получил никакой информации, которая могла бы дать мне право сделать это, – ответил робот.

В словах его, как показалось Блуму, прозвучало сдержанное достоинство. На какой-то миг человеку даже стало жалко несчастного робота. В конце концов, он всего лишь пытается добросовестно исполнять свой долг. Так, как он его понимает.

Но, с другой стороны, не вечно же Блуму оставаться здесь? Он вовсе не считал, что его призвание заключается в той, чтобы вести душеспасительные беседы с роботами. Да и есть ли душа у робота?

– Насколько я разбираюсь в технике, у тебя на руке шарнирный сустав с ограниченным числом степеней свободы? – взглядом указав на железную руку робота, спросил Блум.

– Строго функциональный сустав, – едва ли не с гордостью ответил привратник. – Способен совершать поступательные и возвратные движения только в горизонтальной плоскости.

– Отлично, – вынес свое заключение Блум.

Он положил свой рюкзак возле двери и не спеша отошел к стене. Внимательно и неторопливо осмотрев скульптуры в нишах, он остановил свой выбор на той, что изображала человека, вытянувшегося вверх и держащего в сложенных вместе ладонях нечто похожее по форме на стилизованную модель земного шара.

Обхватив человека обеими руками за ноги, Блум приподнял скульптуру и выволок её из ниши. Судя по весу, изделие было цельнометаллическим. Присев на корточки, Блум рывком приподнял скульптуру и взвалил её на плечо.

Робот внимательно следил за тем, что делает человек, перемещая следом за ним объектив своего видеосенсора. Однако никаких замечаний с его стороны не последовало до тех пор, пока Блум снова не приблизился к нему, покачиваясь под тяжестью ноши.

– Мне не совсем понятны ваши действия, – смущенно признался робот.

– Собираюсь открыть дверь, – переведя дух, объяснил ему Блум.

– Если вы рассчитываете, что сможете с помощью статуэтки разбить стекло…

Ничего более робот сказать не успел.

Надсадно крякнув, Блум подбросил увесистую скульптуру

вверх и обрушил всю её тяжесть на руку привратника. С омерзительным скрежетом рука робота прогнулась в суставе. В ту же секунду лопнули укрепляющие сустав скобы. Осколок одной из них, пролетев совсем рядом, едва не задел щеку Блума.

Сломанная в суставе железная рука провисла до пола. Дверь, за ручку которой она продолжала цепляться, оказалась распахнутой настежь.

Секунду Блум стоял, ожидая, как отреагирует на случившееся робот. Но привратник молчал. Но его видеосенсор глядел на человека едва ли не с укором.

Подхватив с пола рюкзак, Блум выбежал за дверь. Он впервые увидел наяву ночной Город. А потому, прежде чем куда-то бежать, он встал и, движимый необъяснимым влечением, которое испытывали до него сотни поколений далеких предков, поднял взгляд к ночному небу.

Это было не небо, а форменное безобразие. Если дневное небо Города в какой-то степени все же соответствовало тому, что видел Блум в видеофильмах, то ночное с большим натягом можно было принять разве что только за задник театральной декорации. Грубая халтура – и не более того. Никаких звезд и в помине не было. Просто темная плоскость, тускло подсвеченная откуда-то сбоку. Естественно, никаких лирических порывов подобная имитация ночного неба вызвать не могла.

Уловив краем глаза какое-то стремительное движение слева от себя, Блум, инстинктивно выставив руку, отшатнулся в сторону.

Подкатив к тротуару, рядом с ним остановился ярко-красный автоэл.

Дверца машины призывно распахнулась.

– Прошу вас, господин, – раздался из кабины приятный, располагающий к себе баритон.

Вот оно что! Оказывается, привратник не бездействовал, а сделал единственное, что было в его силах, – вызвал нового соглядатая! Система все ещё пыталась сохранить равновесие на критическом участке.

– Убирайся! – крикнул Блум и ударом ноги захлопнул дверцу машины.

Закинув рюкзак на плечо, он быстро зашагал по тротуару в сторону конца улицы.

Автоэл тихо следовал за ним, поотстав на шаг-другой. Это была не скрытность шпиона, а деликатность верного слуги, не желающего причинять лишнего беспокойства своему господину.

Блум остановился и обернулся. Машина тоже неподвижно замерла на месте.

– Эй! – крикнул, обращаясь к автоэлу Блум. – Тебе что, больше заняться нечем?

Никакого ответа не последовало.

Машина стояла у кромки тротуара и, судя по всему, не собиралась никуда уезжать до тех пор, пока не тронется с места Блум.

Блум посмотрел по сторонам, ища что-нибудь, что можно было кинуть в автоэл. Однако никакого мусора на чисто прибранном тротуаре не валялось.

Блум в сердцах чертыхнулся и, уперевшись кулаками в бедра, с тоской посмотрел на автоэл.

Неожиданно в голову ему пришло удивительно простое решение, как легко и просто избавиться от навязчивого внимания соглядатая, который, исполняя свои служебные обязанности, даже не считал нужным прятаться. Да и как было спрятаться автоэлу при его габаритах на совершенно пустой улице?

Блум усмехнулся и, не обращая больше никакого внимания на преследующий его автоэл, направился дальше своей дорогой.

Автоэл медленно и почти бесшумно двинулся следом за человеком.

Тихо посмеиваясь, Блум дошел до угла дома. Там он на секунду остановился, чтобы игриво махнуть на прощание рукой автоэлу, и свернул на единственную узкую дорожку, ведущую в сторону от проезжей части.

Среди кустов было темнее, чем на центральной улице, но даже здесь можно было идти спокойно, не рискуя оступиться или потерять дорогу.

Свернув за угол дома, Блум ненадолго остановился возле широкого пандуса перед входом в магазин «Готовые интерьеры». Затаив дыхание, он прислушался к царящей вокруг тишине. Если и днем в Городе было не слишком-то шумно, то ночную тишину с полным на то основанием можно было назвать мертвой. Блум, как ни вслушивался, не смог уловить ни единого звука, кроме ударов своего собственного пульса, отдающихся в висках. Не урчал приглушенно мотор автоэла, не шуршали ветки кустарника, раздвигаемые осторожной рукой, не скрипел гравий под ногами крадущегося во тьме врага.

Блум облегченно перевел дух и, приподняв козырек кепи, вытер тыльной стороной ладони взмокший от напряжения лоб. Теперь, оторвавшись от преследования, он мог незамеченным добраться куда угодно, двигаясь по дорожкам, проложеннным позади домов.

Долго ломать голову над выбором маршрута Блуму не пришлось уже хотя бы потому, что, по сути, никакого выбора у

него и не было. Он собирался нанести визит Шейлису. Во-первых, чтобы, если ещё не поздно, предупредить друга о новой тактике инфора. Что бы там ни говорил доктор Приит, Блум был уверен в том, что Шейлис был сегодня вместе с ним на улице, а, значит, и ему могла грозить та же самая опасность.

Ну, а во-вторых, Блум просто не знал другого места, где он мог укрыться хотя бы на время.

Но, для начала…

Блум огляделся по сторонам. Он вспомнил, каким беззащитным почувствовал себя, стоя с голыми руками напротив следившего за ним автоэла. Чтобы подобное больше не повторилось, нужно было найти себе какое-нибудь оружие. Достаточно эффективное для нанесения повреждений механизмам и автоматам, но при этом не слишком больших размеров, чтобы без труда можно было спрятать его в рюкзак. Что-нибудь вроде той скульптуры, которой он сломал руку привратнику, только чуть поменьше габаритами и полегче.

Блум провел рукой по металлическим прутьям перил, ограничивающих пандус, на котором он стоял. Длина каждого прута была около пятидесяти сантиметров, толщина – сантиметра полтора. Как раз то, что надо.

Блум уперся левой рукой в горизонтальную перекладину перил, а другой рукой потянул на себя приглянувшийся ему прут. Пару минут он напряженно пыхтел, пытаясь расшатать прут и дергая его при этом то в одну, то в другую сторону, пока на землю с грохотом не рухнула вся двухметровая секция перил.

Отскочив в сторону, Блум испуганно оглянулся. Затем взгляд его скользнул по окнам дома. Конечно, взглянуть туда следовало бы раньше. Подумав о своем промахе, Блум досадливо цокнул языком. Теперь поди разбери, в каких окнах свет горел и прежде, а в каких зажегся только что, в ответ на произведенный им грохот.

А, впрочем, какая разница! Вряд ли кому-то из разбуженных среди ночи жителей дома придет в голову выйти на улицу, чтобы выяснить причину шума.

Блум вновь с удвоенной энергией принялся за прерванное занятие. И спустя какое-то время старания его были вознаграждены.

Блум выпрямился, гордо сжимая в руке немного погнутый полуметровый металлический прут.

Несомненно, оружие – вещь сильная, наделенная, к тому же, ещё и некой магической аурой. Блуму и самому вдруг показалось, что с железным прутом в руке он сделался как будто выше ростом и шире в плечах. А уж об энергии, забурлившей вдруг в грудных

мышцах и бицепсах, и говорить не приходилось. Оставалось только жалеть, что никого не было рядом, – любопытно было бы сравнить субъективные ощущения Блума с впечатлениями стороннего наблюдателя.

Стили Блум

«Проще всего заставить себя ни о чем не думать. Мысли в голове превращаются в подобия легких белых шариков, полых внутри, которые легко раздавить двумя пальцами. Прыгают себе из стороны в сторону, отскакивая друг от друга и от всего, что попадется на пути. А если и мелькнет что-то знакомое внутри одного из шариков, то, главное, не обращать на него внимания, позволить вновь затеряться среди десятков ему подобных. А когда ни о чем не думаешь, когда сознание всецело поглощено тем, чтобы ни на секунду не позволить остановиться на одной из мыслей-шариков, тогда и страх исчезает…»

Глава 11

Приятно поговорить с понимающим человеком

(4-й уровень, 63-я улица, дом 88)

На пути к дому Шейлиса Блум был предельно внимателен и осторожен. Медленно пробираясь по полутемным дорожкам задних дворов, он то и дело останавливался, чтобы прислушаться к ночным звукам. Пару раз, когда дорожка, по которой он шел, пересекала боковую улочку, Блум быстро сворачивал в сторону и, присев на корточки, затаивался за кустом. И только удостоверившись, что никто не крадется за ним следом, он продолжал свой путь.

Это было похоже на игру, в которую человек играет сам с собой. Да Блум и сам не смог бы объяснить, рассчитывал ли он действительно выявить прячущихся в ночи врагов или же совершал все эти действия, подобно некоему мистическому обряду, который должен был уберечь его от опасности.

Как бы там ни было, до дома, в котором жил Шейлис, он добрался без каких-либо происшествий.

Не рискнув сразу же выйти на главную улицу, Блум в очередной раз присел на корточки среди кустов и осторожно раздвинул руками тонкие ветки перед лицом. При этом он отметил, что от листьев кустарника не исходит абсолютно никакого запаха. А ведь он сам писал в «Земляничной поляне» о том, какой неповторимо-волшебный аромат лета исходит от свежей, только что омытой дождем молодой листвы. Правда, описание это, так же, как и большинство других, которые приводил в своих книгах Блум, базировались не на собственном опыте, а на впечатлениях, полученных от просмотра видеофильмов или прочтения книг других авторов. Но, работая над книгой, Блум всегда старался проверять мельчайшие факты, включая и те, которые на первый взгляд кажутся абсолютно ничего не значащими. И, раз уж он написал, что листва кустарника имеет запах, значит так оно и должно быть.

Блум сорвал с ветки листок, размял его между большим и указательным пальцами и осторожно понюхал получившуюся зеленоватую кашицу. Вновь не почувствовав никакого запаха, Блум недоумевающе пожал плечами и вытер пальцы о штанину.

Соблюдая все возможные меры предосторожности, Блум

выглянул из-за кустов и внимательно изучил оба направления главной улицы. Улица была пуста. Или, по крайней мере, выглядела пустой. Блум не увидел, ни автоэлов, ни людей, ни каких-либо других неожиданных или подозрительных объектов.

И все же Блум не стал выходить на улицу. Пробравшись сквозь кустарник к фасадной стене здания, он прошел вдоль неё до подъезда.

Остановившись неподалеку от стеклянной двери, но оставаясь все ещё вне поля зрения робота-привратника, Блум спрятал металлический прут в рюкзак. Прут встал вертикально. Конец его, длиною около десяти сантиметров, остался торчать из-под клапана, так что в любой момент прут легко можно было выхватить.

Пару раз Блум проделал упражнение, скидывая лямку рюкзака с левого плеча и одновременно правой рукой выхватывая из него прут. Убедившись в том, что все получается отлично и для того, чтобы вооружиться, ему требуется всего пара секунд, Блум повесил рюкзак на плечо, расправил завернувшуюся лямку и, постаравшись придать лицу безразличное выражение, не спеша направился к входу в здание.

Он только занес руку, чтобы постучать суставом согнутого пальца по стеклу, а робот-привратник, заметив позднего гостя, уже распахнул перед ним дверь.

– Мною никто не интересовался? – с деловым видом спросил Блум, проходя мимо робота.

– Простите, господин? – недоумевающе переспросил тот. Блум остановился посреди холла, развернулся на каблуках и смерил робота презрительным взглядом, который, как он надеялся, проникнет даже сквозь стекла солнцезащитных очков.

– Я спрашиваю: меня кто-нибудь спрашивал? – тщательно артикулируя каждую букву, повторил Блум.

– Простите, господин, но я смогу ответить на ваш вопрос только в том случае, если вы назовете свое имя, – интонации голоса робота сделались извинительными.

– А, иди ты, – махнул рукой Блум и шагнул в сторону лестницы.

Лифт, как один из механизмов, подконтрольных инфору, внушал ему опасение.

– Простите, господин, – окликнул его привратник. – Ваше имя, случайно, не Стили Блум?

Блум замер, вцепившись рукой в перекладину лестничных перил. Его эмоциональное состояние в очередной раз совершило стремительный скачок от плюса к минусу. Блум ощутил, как вдоль позвоночника прошла волна холодной дрожи. Ему

показалось, что спины его, чуть ниже левой лопатки, уже коснулось холодное острие тонкого, как шило, стилета. Кожа почти не почувствует укола, но сердце… Что станет с сердцем, когда его пронзит сталь? Оно судорожно дернется? Сожмется в последний раз? Или же просто безвольно повиснет на ноже, сразу же превратившись в заурядный кусок мяса?.. Что чувствует человек в момент смерти?..

Сделав усилие, Блум прогнал прочь пугающее видение. Все ещё придерживаясь рукой за перила, он медленно развернулся в сторону парадной двери и стоявшего возле неё привратника.

– С чего ты это взял? – тяжело ворочая языком, с трудом проговорил он.

– Подобный вывод был сделан в результате обработки оперативной информации, поступившей за истекший час по инфо-сети, – ответил робот.

– Ты хочешь сказать, что у тебя хватает мозгов, чтобы сопоставлять факты?

– О, нет. Я работаю по жесткой программе. Данные получены мною из аналитического центра инфора.

– Понятно, – несколько приободрился Блум. – Ну, так передай своему инфору, что он полный кретин, потому что ищет Блума не там, где следует.

– Вы располагаете информацией о том, где сейчас может находиться Стили Блум? – тут же спросил робот.

– Конечно, – солидно и неторопливо кивнул Блум. – Тебе хочется это знать?

– Не мне лично, – ответил робот. – Информация о местонахождении Стили Блума требуется инфору.

– Зачем? – невинным тоном поинтересовался Блум.

– Стили Блум страдает тяжелой формой психического расстройства и нуждается в экстренной медицинской помощи.

– Понятно, – усмехнулся Блум. – Ну так поищите Блума в его собственной квартире. Я уверен, что именно там он и прячется.

– Невозможно, – безапелляционно заявил робот. – По данным инфора, Блум покинул свою квартиру.

– Ну и что? – выразительно пожал плечами Блум. – Он же мог в неё вернуться спустя какое-то время.

– Невозможно. После ухода Блума дверь в его квартиру больше не открывалась.

– А если он залез в неё через окно?

– Через окно?

– Да, через окно, – Блум глянул на робота с видом победителя. – Что ты скажешь на это?

– Квартира Стили Блума расположена на третьем этаже.

Каким образом он мог добраться до окна по отвесной стене?

– А вот сам над этим и подумай, – усмехнулся Блум и, не оборачиваясь больше на робота, начал подниматься вверх по лестнице.

Поднимаясь на восьмой этаж, Блум изрядно запыхался.

Возле квартиры Шейлисов он ненадолго остановился, чтобы перевести дыхание, и только после этого нажал на кнопку звонка.

На короткий, деликатный звонок никто не ответил. За дверью, как и во всем доме, царило безмолвие.

С запоздалой досадой Блум подумал, что прежде, чем подниматься на восьмой этаж, следовало бы попросить робота-привратника проинформировать Шейлиса о приходе гостя.

Блум ещё раз надавил на кнопку звонка и держал её, не отпуская, не меньше минуты.

С одной стороны, то, что никто не торопился открыть ему дверь, успокаивало Блума, – если хозяева крепко спят, значит у Шейлисов все в порядке. Но, с другой стороны, насколько крепко нужно спать, чтобы не слышать непрекращающийся звон в прихожей?

Блум перестал давить на кнопку и приложил ухо к двери.

Ему показалось, что он слышит звуки какой-то возни, происходящей по ту сторону двери. Впрочем, он и сам прекрасно понимал, что это могло быть всего лишь игрой воображения.

Блум посмотрел вверх, на глазок видеосенсора, который, как и прежде, оставался неподвижным в своем гнезде.

Блум вновь приложил ухо к двери, но на этот раз ничего не услышал.

Нужно было что-то предпринять.

Но что именно?..

Блум посмотрел по сторонам.

Попробовать позвонить в соседнюю дверь?.. Ну и что толку? Даже, если там ему откроют, что само по себе почти невероятно, как это поможет ему выяснить, что происходит в квартире Шейлисов?..

Лифт!

Блум кинулся к лифту и с размаха ударил ладонью по кнопке вызова. Приглушенно заурчал приводной механизм. Световой индикатор движения лифта показал, что кабина поднимается с первого этажа.

Блум ждал прибытия лифта, пританцовывая от нетерпения. Едва только дверь лифта открылась, Блум ворвался в кабину. Придерживая одной рукой дверную створку, он пальцами другой быстро пробежался по рядам кнопок на панели управления. Есть!

Блум надавил большим пальцем на кнопку вызова

привратника.

Из миниатюрного динамика, расположенного рядом с кнопкой, раздался уже знакомый Блуму вежливый голос:

– Слушаю вас.

– Есть проблема, – сказал Блум. – Я не могу попасть в квартиру.

– Будьте любезны, назовите номер квартиры.

– Восемьдесят восемь.

– Секунду… В квартире проживают двое: Люциус Шейлис и Лиза Шейлис. В данный момент оба находятся в квартире.

– Это мне и без тебя известно. Я не могу попасть к ним в квартиру… Шейлисы не могут открыть дверь.

– Причина?

– Должно быть что-то случилось с замком, – не задумываясь, соврал Блум.

– Замок в порядке, – ответил после непродолжительной паузы привратник.

– Откуда ты знаешь? – удивленно и недоверчиво спросил Блум, не ожидавший столь быстрого решения придуманной им проблемы.

– Я проверил систему замка.

– Ты можешь сделать это, оставаясь на своем месте?

– Конечно.

– В таком случае, проверь замок ещё раз.

– Нет необходимости…

– Сделай это для меня! Чтобы у меня не оставалось никаких сомнений!..

– Хорошо, – неожиданно легко согласился робот.

– Действуй!

Блум выскочил из лифта и со всех ног кинулся к двери квартиры Шейлисов.

Он успел точно к тому моменту, когда щелкнул открывшийся дверной замок.

Ударив дверь рукой, Блум распахнул её и вбежал в неосвещенную прихожую.

Проведя рукой по стене, он нашел клавишу выключателя и включил свет.

– Эй, – негромко позвал Блум. – Люц…

Никто ему не ответил.

Чтобы не оказаться запертым в чужой квартире, Блум поставил дверной замок на предохранитель, после чего осторожно прикрыл входную дверь.

– Люц!.. Лиза!..

Вновь не получив никакого ответа, Блум скинул рюкзак с

плеча и вытащил металлический прут. Держа оружие перед собой в вытянутой руке, Блум медленно, с опаской двинулся в глубь квартиры.

Первой на его пути была дверь, за которой находилась комната Лизы. Подойдя к ней, Блум медленно вынес вперед свободную руку и чуть приоткрыл дверь.

Он сразу же почувствовал плотный, застоявшийся запах, состоявший из смеси различных парфюмерных ароматов.

В комнате было темно и тихо.

Блум осторожно прикрыл дверь и двинулся дальше по коридору.

В кабинете Шейлиса также было темно. Открыв дверь, Блум увидел только небольшой красный огонек, горевший на пульте инфора.

Нащупав справа от двери выключатель, Блум надавил на клавишу.

В комнате вспыхнул яркий верхний свет. Спавший в кресле Шейлис, вскинул руку, прикрывая глаза от света.

– Лиза… – недовольно проворчал он чуть хрипловатым спросонья голосом.

На нем было что-то вроде длинного банного халата с огромными красными кистями на поясе.

– Это я, – негромко произнес ночной гость. – Блум. Ладонь Шейлиса, закрывавшая лицо, отлетела в сторону. Близоруко щурясь, Шейлис смотрел на Блума, а рука его при этом суетливо шарила по горизонтальной плоскости терминала, пытаясь отыскать очки.

– Блум…

Найдя очки, Шейлис тут же надел их.

Вцепившись пальцами в подлокотники кресла, весь напрягшись, словно приготовившись к броску, Шейлис подался вперед.

– Ага, – коротко кивнул Блум.

Взяв за спинку стоявший неподалеку стул, он поставил его напротив кресла Шейлиса и сел на него верхом.

– Как дела, Люц? – сложив руки на спинке стула, спросил Блум.

– Неплохо, – натянуто улыбнулся Шейлис. Немного расслабившись, он откинулся на спинку кресла и, переплетя пальцы, сложил ладони на животе.

– Что это у тебя в руке? – спросил Шейлис, взглядом указав на прут, который сжимал в кулаке Блум.

– Это? – Блум приподнял прут и посмотрел на него едва ли не с любовью. – Это мое оружие, – произнес он с гордостью.

– Оружие? – Шейлис отрывисто хохотнул. – Решил стать нарушителем Закона?

– Разве в Городе существуют какие-то законы? – удивленно приподнял бровь Блум.

– Только один Закон! – дабы обратить особое внимание на сей факт, Шейлис поднял руку с вытянутым указательным пальцем. – Закон, запрещающий как изготовление оружия, так и владение им. Я недавно случайно откопал его в одном из городских архивов. Закон был принят вскоре после введения в строй современной системы защиты Города, полностью исключающей возможность вторжения противника извне.

– И как же действует эта оборонная система? – с интересом спросил Блум.

– Этого я не знаю, – покачал головой Шейлис. – Но, судя по всему, действует она достаточно эффективно.

– Достаточно для чего?

– Для того, чтобы защитить Город от возможного вторжения противника, – ответил на вопрос Блума Шейлис.

– А заодно и лишить жителей Города возможности покинуть его, – добавил Блум.

– Стоп, – поднял руку с открытой ладонью Шейлис. – Сти, сейчас уже почти час ночи, – он пальцем указал на настенные часы. – Если уж ты решил лично нанести мне визит в столь поздний час, вместо того, чтобы просто воспользоваться гостевым экраном инфора, то, я хочу надеяться, что у тебя для этого были достаточно веские причины. Если же это просто очередная твоя глупая выходка, имей в виду, я и злиться умею. Что случилось, Сти?

– Что случилось? – Блум посмотрел на часы, а затем перевел взгляд на Шейлиса. – Случилось то, что пару часов назад инфор попытался провести насильственную коррекцию моей психики. А после того, как мне удалось убежать, на меня началась охота…

– Охота? – на лице Шейлиса появилось тревожное выражение. – И кто же за тобой охотится?

– За мной следил автоэл.

– Автоэл?.. Машина?

– Да. А до этого робот-привратник не хотел выпускать меня из дома. Мне пришлось сломать ему руку.

– Боже мой, Блум!

– Я боялся, Люц, что с тобой произошло то же самое.

– Так! – Шейлис хлопнул себя ладонью по коленке и, запахнув полы халата, решительно поднялся на ноги. – По-моему, самое время приготовить чай!

– И, если не трудно, что-нибудь поесть, – добавил Блум. – Я

дома даже поужинать не успел.

– Сообразим что-нибудь, – кивнул Шейлис. – Что ты хочешь?

– Закажи яичницу из трех яиц, – попросил Блум – С ветчиной.

– Как прикажешь, господин, – улыбнулся Шейлис, выходя из комнаты.

Однако улыбка получилась у него какая-то ненатуральная, – слишком уж веселая для вечно серьезного Шейлиса.

Блум водрузил подбородок поверх сложенных на спинке стула рук. Он наконец-то мог позволить себе расслабиться. Похоже, в доме Шейлисов все было в порядке.

Шейлис вернулся через несколько минут. Сервировочный столик он поставил между своим креслом и стулом, на котором сидел Блум.

– Твоя яичница, – указал он на тарелку, накрытую пластиковой крышкой.

– Спасибо, – поблагодарил Блум. – Не возражаешь, если я буду есть во время разговора?

– Да ради бога, – ответил Шейлис, опускаясь в кресло. Блум положил прут на пол возле стула и, сняв крышку с предложенной ему тарелки, с наслаждением втянул носом аромат свежеприготовленной пищи.

Посмотрев на довольное выражение лица Блума, Шейлис улыбнулся, на этот раз совершенно искренне. Взявшись двумя пальцами за оправу, он поправил очки и, оттолкнувшись ногами от пола, направил свое кресло к панели управления терминалом инфора.

– Итак…

– Не включай инфор! – крикнул Блум, вскочив со стула. Поднятая рука Шейлиса зависла в воздухе.

– В чем дело, Сти? – негромко, очень осторожно спросил он. – Я просто хотел воспользоваться картотекой…

Блум наклонился и поднял с пола прут.

– Ты что, не понял, что я тебе сказал? – сдавленно произнес он, сделав шаг в сторону Шейлиса. – Инфор пытался сделать из меня дебила! То же самое он может сделать и с тобой, стоит только тебе включить его!

– Да, конечно, – Шейлис опасливо покосился на металлический прут, который Блум держал на отлете. – Но, если я верно тебя понял, речь шла всего лишь о психокоррекции.

– Называй это как угодно, – уже почти спокойно произнес Блум.

Он взял стул за спинку, развернул его сидением к себе и сел, положив ногу на ногу. Руку, в которой у него был прут, он закинул за спинку стула и опустил вниз.

– Скажем так: инфор попытался изнасиловать мой мозг. Мне это не понравилось. Мы поссорились, и теперь я нахожусь в бегах. Такая версия тебя больше устраивает?

– Даже не знаю, что сказать, Сти, – кончиками пальцев Шейлис принялся массировать виски. – Звучит все это довольно-таки странно…

– Видел бы ты, как все это выглядит в натуре, – криво усмехнулся Блум. – А доктор был настолько убедителен, что ему едва не удалось убедить меня в том, что с моими мозгами на самом деле не все в порядке.

– Ну, критерии абсолютной психической нормальности до сих пор не выработаны, хотя интуитивно…

– Тебе знакомо имя: доктор Приит?

– Доктор Приит? – Шелис сосредоточенно сдвинул брови к переносице. – Впервые слышу.

– А он, между прочим, сказал, что знает тебя.

Блум взял со стола вилку и ковырнул ею остывающую яичницу.

– Приит… – Шейлис поднял брови и озадаченно покачал головой. – Нет, не припоминаю… Кто он такой?

– Твой коллега из отделения интенсивной психокоррекции.

– В таком случае, нет ничего удивительного в том, что я его не знаю. Отделение интенсивной психокоррекции это особое подразделение Медицинского департамента.

– Но направляет пациента на интенсивную психокоррекцию практикующий врач?

– Конечно.

– Тебе тоже приходилось это делать?

– Само-собой.

– И как часто?

– Ну, в среднем, около десяти случаев в месяц.

– Если перемножить на число всех врачей-психокорректоров, то цифра по Городу получится огромная. Мы живем в городе сумасшедших, Люц?

– Послушай, Блум, – нервно дернулся Шейлис. – Я никак не могу взять в толк, чем тебя пугает интенсивная психокоррекция? Быть может, тебе не нравится само название?

Блум усмехнулся и, положив прут на колени, стал с аппетитом есть яичницу.

– Знаешь, в чем твоя основная проблема? – глядя на Блума, спросил Шейлис.

– Ну-ну?.. – на секунду оторвавшись от еды, быстро кивнул Блум.

– Ты придаешь непомерно большое значение словам,

символам и образам, не вникая при этом в их подлинный смысл. Тебе это ни к чему, потому что ты наполняешь их тем смыслом, который лично тебе кажется наиболее соответствующим их форме. Ты совершаешь бессознательную подмену, после чего пытаешься убедить всех вокруг в том, что плод твоей фантазии как раз и является единственно возможной реальностью.

– Понятно, – Блум отодвинул в сторону пустую тарелку и налил себе чашку чая. – То есть ты хочешь сказать, что сеанс интенсивной психокоррекции не представляет собой ничего ужасного и не оказывает никакого воздействия на психику того, кто через него проходит?

– Сеанс интенсивной психокоррекции представляет собой комплексное воздействие на внешние органы чувств, в результате которого в подсознании пациента блокируются определенные участки памяти, оказывающие негативное воздействие на его психику. Это могут быть как неприятные воспоминания, так и определенные комплексы, являющиеся результатом нервного или гормонального дисбаланса.

– То, что происходит на сеансах интенсивной психокоррекции, это не что иное, как насилие над психикой человека!

– Когда у тебя болит зуб, ты ведь не возражаешь против того, чтобы стоматологический автомат совершил над тобой небольшое насилие, – усмехнулся Шейлис. – А ведь он может и удалить больной зуб.

– Без зуба я останусь тем же человеком, что был и прежде, а вот лишившись памяти…

– Никто не покушается на твою память, Блум! В случае самой крайней необходимости из неё удаляются совершенно незначительные фрагменты, которые так же, как больной зуб, не дают человеку жить спокойно! Многие мои пациенты проходили курс интенсивной психокоррекции по несколько раз и ни один из них не превратился после этого в другого человека. Если в их характерах и происходили какие-то совершенно незначительные перемены, то только в лучшую сторону. Исчезали раздражительность, агрессивность, пессимизм… Возможно, само название «интенсивная психокоррекция» является несколько громоздким, а потому и представляется тебе устрашающим…

– При чем здесь название, Люц! – Блум едва не расплескал содержимое чашки, которую держал в руке. – Сегодня я имел возможность испытать на себе, что такое интенсивная психокоррекция!

– Сти, – Шейлис склонил голову к плечу и посмотрел на Друга с укором, но одновременно и с жалостью. – Сеанс

интенсивной психокоррекции, через который, по твоим словам, ты сегодня прошел, это тоже всего лишь плод твоей фантазии.

– Что?! – Блум все ж таки опрокинул чашку и вылил остатки чая, к счастью, уже успевшего остыть, себе на штаны. – Похоже, все в этом Городе поставили перед собой цель убедить меня в том, что я сошел с ума!

– Успокойся, Блум, – Шейлис взял из рук гостя чашку и поставил её на стол. – Давай рассуждать спокойно, как здравомыслящие люди.

– Хочешь предложить мне ещё один сеанс психокоррекции?!

– Хочу попытаться убедить тебя в том, что ты зачастую принимаешь за действительность собственные фантазии.

– Напрасные потуги!

– И все же…

– Что ж, попытайся! – Блум откинулся на спинку стула и с неприступным видом сложил руки на груди. – Доктор Приит, например, пытался убедить меня в том, что это ты препоручил меня его заботам!

– Начнем с того, что никакого доктора Приита не существует…

– В этом я с тобой согласен, – кивнул Блум.

– Серьезно? – удивленно приподнял край левой брови Шейлис. – И что именно заставляет тебя так думать?

– То, что для общения со мной инфору не обязательно иметь реального посредника. Достаточно создать виртуальный образ человека, вызывающего доверие и способного расположить к себе собеседника.

– Понятно, – в голосе Шейлиса явственно прозвучали нотки разочарования. – Значит в том, что я советую тебе пройти курс интенсивной психокоррекции, ты тоже видишь козни преследующего тебя инфора?

– Не пытайся выставить меня идиотом, Люц, – выгнув губы скобкой, Блум скроил настолько кислую физиономию, что можно было подумать, будто под языком у него спрятана сочная лимонная долька. – То, что фантазия у меня богаче, чем у кого-то еще, вовсе не означает того, что я не способен отделять реальность от вымысла. А то, что тебе ничего не известно о назначенном мне сеансе интенсивной психокоррекции, лишний раз свидетельствует о том, что инфор действует самостоятельно, помимо желания и воли людей, которые его создали и которым он должен бы, по идее, служить.

– Сти, то, что мне ничего не известно о твоем сеансе интенсивной психокоррекции, подтверждает только то, что никакого сеанса вообще не было. Мы просто говорили с тобой о

том, что тебе неплохо было бы пройти курс интенсивной психокоррекции, и не более того. То, что ты принял за сеанс, было, скорее всего, просто твоим сном, который оказался настолько реалистичным, что ты принял его за действительность. Не разобравшись, что к чему, ты выбежал из дома и бросился ко мне, чтобы предупредить меня о, якобы, грозящей мне опасности… Кстати, а почему ты решил, что инфор должен и мне, как ты выражаешься, прочистить мозги?

– Я считаю, что подлинной причиной того, что инфор решил забраться ко мне в черепную коробку, является наша с тобой сегодняшняя прогулка. Инфору почему-то не понравилось то, что нам удалось преодолеть условную границу Города в том месте, где делать это, судя по всему, не положено…

Слушая Блума, Шейлис поджал губы, пытаясь скрыть улыбку. Но его выдавали глаза, весело поблескивающие за стеклышками очков.

– Что смешного в том, что я говорю? – заметив реакцию Шейлиса на свои слова, Блум недовольно насупился.

Шейлис поставил локоть на подлокотник кресла и двумя пальцами поправил оправу очков. Он хотел, чтобы слова его прозвучали как можно мягче, а потому начал говорить негромко и медленно:

– Видишь ли, Сти, я даже не помню, когда и зачем я последний раз выходил из дома.

Словно за что-то извиняясь, Шейлис слегка развел руки в стороны.

Блум смотрел на приятеля с оторопелым видом. Теперь он не знал уже, что и думать. Возможность того, что Люциус просто пошутил, становилась все более призрачной по мере того, как пауза тянулась, а Шейлис по-прежнему сохранял на лице выражение, с каким здоровый, полный сил человек смотрит на сирого и убогого. Ни малейшего признака затаенного смеха. Так что же, выходит, что сегодняшней прогулки по Городу и в самом деле не было?.. Или же он бродил по улицам один, вообразив, что рядом с ним находится Шейлис?.. И в том и в другом случае получается, что с головой у него далеко не все так хорошо, как сам он думает… Что же остается? Признать свое сумасшествие, как непреложный факт?..

– Уж, наверное, я бы запомнил, если бы встречался сегодня с тобой на улице, – первым нарушил молчание Шейлис.

– Выходит, мы все же встречались?! – Блум ухватился за оброненное приятелем слово, как за соломинку, которая, быть может, ещё могла удержать его на поверхности бурных вод, грозящих сомкнуться над головой.

– Да, но только посредством гостевого экрана инфора, – ответил Шейлис.

– И о чем мы разговаривали?

– Ты на полном серьезе убеждал меня в том, что собираешься выйти на улицу. Зачем тебе это было нужно, объяснить вразумительно ты не смог. Но, по-моему, мне удалось отговорить тебя.

– А почему вдруг ты стал меня отговаривать? Почему ты не хотел, чтобы я выходил на улицу?

– Я уже сказал, – ты и сам не мог объяснить, для чего тебе это нужно. Желание выйти на улицу, это, скорее всего, одно из проявлений твоей болезни. Ведь, несмотря на все мои доводы, ты все же вышел на улицу, чтобы заявиться ко мне среди ночи. Хотя прекрасно мог сделать то же самое, воспользовавшись инфором.

– Я уже сказал тебе, что скрываюсь от инфора, – не глядя на Шейлиса, уперто повторил Блум.

– Да ради бога, – Шейлис взмахнул рукой, не сумев скрыть своего раздражения. – Можешь скрываться от кого угодно. Если хочешь, можешь прятаться от инфора в моей квартире. Мы с Лизой потеснимся!.. Чаю хочешь?

Блум отрицательно качнул головой.

Шейлис налил себе крепкого чаю и, взяв чашку в руку, поднялся на ноги, чтоб пройтись по комнате.

– Послушай меня, Блум. Мы знаем друг друга ещё со школы. В то время я был замкнутым и необщительным пареньком. Ты был единственным моим другом… Да и сейчас… Блум, я отношусь к тебе с глубоким уважением. И с пониманием. Я готов принять тебя со всеми твоими недостатками, которых у тебя, как ты сам знаешь, предостаточно… Черт побери, Блум, я был достаточно терпелив ко всем твоим выходкам, которые многие другие назвали бы не иначе, как безобразными… Но одно дело эксцентричность поведения… Когда же у меня на глазах начинает происходить необратимое разрушение личности близкого мне человека, я не могу, да и не имею права просто наблюдать за этим и, снисходительно посмеиваясь, давать время от времени ни к чему не обязывающие советы. В этом случае я должен поступить так, как мне подсказывает врачебный долг… И долг друга!.. Я, как мне кажется, сделал уже все возможное, чтобы убедить тебя в том, что никто не плетет вокруг тебя сеть тайных заговоров. Теперь, даже рискуя потерять друга, я вынужден сказать, что у тебя осталось последнее средство для спасения своего разума – интенсивная психокоррекция. И если уж даже она не поможет… – одним большим глотком Шейлис допил остававшийся в чашке чай и поставил её на столик. – Такого запущенного случая, как у

тебя, я, признаться, ещё не встречал. Наверное, в этом есть и моя вина. Я слишком долго пытался говорить с тобой просто как друг, вместо того, чтобы проявить необходимую настойчивость…

– Ты можешь показать мне мою историю болезни? – неожиданно, перебив Шейлиса, спросил Блум.

– Что? – удивленно переспросил Шейлис. – Зачем тебе это?

– Хочу убедиться в том, что ты действительно не передавал мое дело в отделение интенсивной психокоррекции.

– Ты мне не веришь?

– Что бы ты ни думал, Люц, я все ещё уверен в том, что сеанс интенсивной психокоррекции, избежать которого мне удалось сегодня только чудом, был абсолютно реален. Если это была не твоя идея, следовательно прямое воздействие на мою психику пытался оказать сам инфор.

– Блум, инфор не способен принимать самостоятельных решений, – с досадой всплеснул руками Шейлис. – Он действует только в рамках заложенной в него программы. И, если я не направлял тебя на интенсивную психокоррекцию, значит ничего подобного не могло быть и в помине.

– На что способен инфор, я, будь уверен, знаю лучше тебя. И в данный момент я не хочу больше о нем говорить! – Блум быстро провел ладонью по лицу, словно для того, чтоб снять налипшую паутину. – Ты покажешь мне историю болезни?

– Честно говоря, Блум, твоя логика представляется мне насквозь порочной, – покачал головой Шейлис. – Но, в то же время, – Шейлис криво усмехнулся, – если я откажусь показать тебе твою историю болезни, ты еще, чего доброго, обвинишь меня в тайном сговоре с инфором. А так ты по крайней мере поймешь, что хотя бы я тебе не враг. – Шейлис бросил на Блума быстрый, настороженный взгляд. – Но для этого мне придется включить инфор.

– Надеюсь, ты не затеваешь ничего плохого, – язвительно улыбнулся Блум и, приподняв с колен, продемонстрировал Шейлису принесенный с собой металлический прут. – Это на тот случай, если какую-нибудь глупость решит учудить инфор.

– Ради бога, Блум! – возмущенно всплеснул руками Шейлис.

– Обещаю проявить здравомыслие и сдержанность! – клятвенно вскинул свободную руку Блум.

– Глядя на тебя, в это трудно поверить, – мрачно буркнул Шейлис, поворачиваясь к терминалу инфора.

– А в самом деле, Люц, что ты станешь делать, если к тебе в дом, размахивая топором, ворвется настоящий псих? – поинтересовался Блум.

– Нажму кнопку тревоги, – безучастно ответил Шейлис,

включая экран инфора.

– И что дальше? Ты думаешь, кто-нибудь примчится к тебе на помощь?

– Не знаю, – пожал плечами Шейлис. – Мне ещё ни разу не приходилось ею пользоваться.

– А давай попробуем, – заговорщицким шепотом предложил Блум.

Обернувшись через плечо, Шейлис внимательно посмотрел на друга, после чего безнадежно покачал головой.

– Блум, ты и есть настоящий псих, – с тяжелым вздохом произнес он. – И к тому же, сам отлично это понимаешь.

– Ты недавно говорил, что критерии психической нормальности до сих пор не выработаны, – невинным голосом напомнил Блум.

– Точно, – не оборачиваясь, кивнул Шейлис. – Но я нутром чую психа.

– Потому что ты тоже псих, – усмехнулся Блум. Оперевшись рукой о край пульта, Шейлис развернулся к собеседнику.

– Знаешь, Блум, – вдохновенно произнес он, – подобные беседы с тобой доставляют мне истинное наслаждение.

– Аналогично, – искренне улыбнулся Блум.

– Получите свою историю болезни, господин Блум! – провозгласил Шейлис и, высоко вскинув руку, ударил пальцем по клавише ввода.

Мигнув, загорелся экран плоского переносного монитора, установленного слева от огромного гостевого экрана.

– Что за черт?..

Шейлис снова стукнул по клавише ввода. Затем ещё раз, сильнее.

– В чем дело? – спросил, подойдя к нему сзади, Блум. Ничего не ответив, Шейлис склонился над клавиатурой и с поразительной быстротой принялся двумя пальцами выстукивать на ней какие-то команды. На экране, сменяя друг друга, мелькали разноцветные графики, каталоги и меню.

– Да объясни же наконец, в чем дело?!

Блум поймал руку Шейлиса за запястье и поднял её вверх, не давая возможности дотянуться до клавиатуры.

Шейлис вначале дернул рукой, пытаясь вырваться. Но, не добившись успеха, повторной попытки делать не стал. Он весь сразу же как-то обвис, словно марионетка, у которой обрезали нити, связывающие её с кукловодом. Когда он обратил свое лицо к Блуму, глаза у него были совершенно пустыми. Такой взгляд мог быть у человека, который только что, собственными глазами, видел нечто такое, что не дано увидеть больше никому из

смертных.

– Твоей медицинской карты нет, – деревянным голосом произнес он.

– А куда же она делась? – удивленно вскинул брови Блум.

– Не знаю, – все так же спокойно и безучастно произнес Шейлис.

Он снова потянул руку на себя, и на этот раз Блум не стал её удерживать. Не выключая инфор, Шейлис медленно, словно слепой, подошел к креслу и без сил рухнул в него.

Блум недоумевающе глянул на экран монитора, на который был выведен какой-то бесконечный список имен и фамилий, перемежающийся восьмизначными цифровыми кодами. Трудно было с первого взгляда понять, что именно в этих данных могло за пару минут напрочь вывести Шейлиса из состояния абсолютного душевного равновесия, в котором он пребывал до того как обратился за помощью к инфору.

Не отключая канал инфора, Блум выключил монитор.

Подойдя к Шейлису, он положил ему руку на плечо и негромко позвал:

– Люц…

– Мне нужно подумать, – Шейлис одной рукой сорвал с лица очки, и двумя пальцами другой принялся энергично массировать переносицу.

– Куда могла подеваться моя медицинская карта? – спросил Блум.

– Не знаю, – нервно ответил Шейлис. – Прежде такое случалось, только если…

Он умолк, словно боясь закончить фразу. Ладонью Блум почувствовал, как напряглось его плечо.

– Что? – сдавив плечо Шейлиса, потребовал ответа Блум.

– Все медицинские карты вместе с историями болезней хранятся в банке данных Медицинского департамента, – медленно и рассудительно, словно не передавая информацию Блуму, а просто размышляя вслух, произнес Шейлис. – Затребовать любую из них может каждый, кто имеет лицензию практикующего врача. Но, поскольку медицинская карта это не папка с подшитыми в неё листами, а информационный файл, записанный в памяти инфора, пользоваться ею одновременно может практически неограниченное число желающих и, конечно же, имеющих возможность сделать это. Медицинская карта субъекта изымается из банка данных Медицинского департамента только в том случае, если человек умирает.

– Весьма любопытно, – произнес Блум и, сняв руку с плеча Шейлиса, обошел вокруг кресла, чтобы снова сесть на стул. – Так

кому ты на этот раз поверишь, – инфору или собственным глазам?

– Кончай свои штучки, Блум! – Шейлис вскинул руки над головой, словно собираясь защищаться от нападения сверху.

– А при чем здесь я? – демонстрируя недоумение, Блум поднял брови. – Или у тебя есть подозрение, что это я похитил свою медицинскую карту для того, чтобы ознакомиться с историей болезни?

– Если бы ты и хотел это сделать, то все равно бы не смог, – устало произнес Шейлис. – Вся информация, содержащаяся в городских архивах и базах данных, продублирована в сети инфора. При повреждении или изъятии файла тут же происходит его замена на точно такой же новый.

– Выходит, что такую шутку мог сыграть со мной только сам инфор?

– Кончай, Блум, – поморщился Шейлис, даже не взглянув при этом на собеседника. – Честное слово, мне сейчас не до того.

– А до чего, позволь узнать?

Шейлис приоткрыл рот, собираясь что-то сказать. На мгновение он замер в напряженной неподвижности. И в немом бессилии просто взмахнул руками. Что он хотел сказать своим отчаянным, почти отрешенным жестом, понять было трудно. Он словно бы даже и не пытался что-либо выразить, а просто хотел отбросить все от себя, оттолкнуть в сторону. Шейлису не нужны были проблемы, которых он не создавал, и он не собирался искать ответы на вопросы, поставленные другими. Для того, чтобы вновь обрести покой, ему нужно было вернуться в собственную нишу.

А где она?.. Что она собой представляет?.. Кем и когда была для него создана?… Вот о чем думал сейчас Шейлис. Даже, наверное, правильнее будет сказать, не думал, а напряженно, с невероятным усилием и скрипом соображал. И никак не мог взять в толк, почему этот процесс дается ему с таким невероятным трудом.

– Люц! – не давая Шейлису окончательно уйти в себя, тряхнул его за руку Блум.

– Тебя нет, Блум, – глупо усмехнувшись, негромко произнес Шейлис. – Просто нет – и все тут.

– Послушай, Люц, не стоит впадать в панику из-за глупой ошибки инфора. – Блум оттолкнул в сторону сервировочный столик и передвинул стул, на котором сидел, ближе к креслу Шейлиса. – Биться в истерике следовало бы, наверное, мне, а, как видишь, я себя очень даже неплохо чувствую.

– Да. – Шейлис снял очки и на секунду прижал ладонь к

глазам. – Это всего лишь ошибка. Сейчас я выпью чаю и повторю запрос.

– И снова не добьешься никакого результата, – закончил за него Блум.

– Почему ты так думаешь? – с неприязнью глянул на него Шейлис.

– Да потому что ты и сам не веришь, что у тебя что-то получится. Просто хочешь взять тайм-аут. На самом-то деле мы ведь оба с тобой прекрасно знаем, что инфор не совершает ошибок. И если уж он решил изъять мою медицинскую карту из архива, значит хочет сделать видимость, что меня попросту не существует.

– Бред! – возмущенно воскликнул Шейлис.

– И это говорит человек, который не помнит, что с ним произошло несколько часов назад, – презрительно скривил губы Блум. – Склеротик!

– Не сотрясай воздух попусту, Блум.

– Да? Ну так расскажи мне, чем ты сегодня занимался?

– Чем и всегда.

– А именно?

– Работал с историями болезней… Читал… Принимал пациентов…

– И ты можешь назвать их по именам?

– Конечно!

– Ну?..

Шейлис наклонил голову и медленно провел пальцами по бровям.

– Точно не помню, – признался он наконец. И тут же с вызовом добавил: – Но все они занесены в книгу регистрации пациентов!

– Прошу тебя! – Блум сделал широкий жест рукой в сторону инфора. – Открой книгу регистрации и назови мне имена пациентов, с которыми ты сегодня работал!

– Какой в этом смысл? – заупрямился Шейлис.

– Хочу убедиться в том, что я ещё жив. Если, как ты утверждаешь, я был вчера у тебя на приеме, значит и мое имя должно быть занесено в книгу регистрации.

– Конечно…

Шейлис вместе с креслом развернулся в сторону пульта, включил монитор и положил клавиатуру себе на колени.

Блум пересел так, чтобы и ему было видно то, что происходит на экране монитора.

Шейлис быстро набрал код доступа к своему личному архиву. Затем выбрал строчку меню, в которой значилось «Книга

регистрации пациентов». На экране возник календарь. Шейлис уверенно выбрал вчерашнее число.

Экран мигнул. В углу появилась затребованная дата. И больше ничего. Лист книги регистрации пациентов за истекшие сутки был девственно чист.

– Черт… – Шейлис в недоумении откинулся на спинку кресла. – Черт! – он в ярости что было сил саданул кулаком по клавиатуре. – Черт! Черт!! ЧЕРТ!!! – с последним выкриком клавиатура отлетела в угол комнаты.

– Потише, Люц, – спокойно произнес Блум, глядя на Шейлиса сверху вниз. – Лизу разбудишь.

– Черт, – прошипел сквозь зубы Шейлис. Зажав кисть правой руки в ладони левой, он прижал получившийся двойной кулак к горлу, надавив на него сверху подбородком.

– Похоже, других ругательств у тебя в запасе нет, – рассчитывая разрядить обстановку, попытался пошутить Блум.

Не поворачивая головы, Шейлис искоса взглянул на Блума.

– Неужели ты не понимаешь, что происходит, Блум? – едва слышно прошептал он. – Одна ошибка – это просто ошибка. Две – это уже система… Пространство и время распадаются… Все катится к черту… Я уже не могу разделить реальность и бред… Что с нами происходит, Блум?.. Кто мы?.. Для чего мы здесь?..

Бормотание Шейлиса становилось все тише, пока не сделалось совершенно неразборчивым.

Блум прошелся по комнате, подобрал с пола клавиатуру и осмотрел её. Нижняя пластиковая крышка лопнула от удара, но других повреждений, как будто, не было. По крайней мере, все клавиши были на месте.

Помахивая клавиатурой, Блум подошел к пульту инфора. Положив её в специальное гнездо на горизонтальной панели пульта, он, что-то негромко насвистывая, запросил список вызовов, поступивших за прошедший день через сеть инфора.

Поскольку личный архив Шейлиса был уже открыт, инфор тут же выдал ответ на экран.

Не найдя то, что ему было нужно, Блум запросил информацию о вызовах, совершенных абонентом.

Просматривая список с конца, он вскоре наткнулся на интересующую его запись:

«Время вызова: 20:12.»

Про себя Блум отметил, что Шейлис набрал номер вызова сразу же, как только вернулся домой.

«Абонент: Медицинский департамент.

Отделение интенсивной психокоррекции.

Время отбоя: 21:34.

Продолжительность разговора: 1:31.»

На вопрос, сохранилась ли запись разговора, был дан отрицательный ответ. Но Блум уже и без того догадался о том, что произошло после того, как Шейлис связался с Отделением интенсивной психокоррекции.

Блум отключил инфор и посмотрел на скорчившегося в кресле Шейлиса. Бедолага…

В том, что сейчас происходило с Шейлисом, Блум ощущал и частицу своей вины. Люц едва только успел ампутировать кусочек памяти, который мешал ему спокойно жить, а тут явился Блум и принялся заставлять его вспоминать.

Вспоминать труднее, чем забывать?.. Или больнее?..

Подойдя к Шейлису сзади, Блум положил руку на спинку кресла.

Что теперь оставалось делать? Шейлис, определенно, не мог внести никакой ясности в хронику событий прошедшего дня. Оставаться у него в квартире было бы, по меньшей мере, неосмотрительно. Угадать, что предпримет Люц в следующую минуту было практически невозможно. Он, похоже, давно уже сидел на виртуальной игле, прибегая к помощи интенсивной психокоррекции с такой же регулярностью, как и к услугам стоматолога. Реальностью для него было только то, что отфильтровывалось инфо-сетью Остального он предпочитал просто не замечать. Когда же его тыкали носом в нечто такое, что никак не укладывалось в созданную им для самого себя схему существования в гармоническом симбиозе с инфором, Шейлис впадал в состояние ступора. Что случилось с ним и сейчас. Это была своего рода защитная реакция, выработанная организмом. Наверное, если бы Шейлис мог, то, подобно ящерице, готовой расстаться в минуту опасности с собственным хвостом, он сам удалял бы из своей памяти тревожащие его воспоминания.

– Выходит все же, Люц, что это ты обо мне позаботился, – тяжело вздохнув, едва слышно произнес Блум. – Надеюсь, что ты поступил так из лучших побуждений.

Шейлис безвольно вытянул ноги и откинул голову на спинку кресла. Руки его бессильно свешивались с подлокотников, почти касаясь пальцами пола.

– У тебя, Блум, потрясающая способность переворачивать все с ног на голову, – даже не повернув головы, произнес он.

– Ты так считаешь? – удивленно спросил Блум. – А мне казалось, что я, напротив, стремлюсь все упорядочить.

– Когда между тобой и окружающей тебя действительностью возникает некий диссонанс, ты пытаешься изменить мир. В то время, как разумнее было бы попытаться измениться самому.

– Позволь не согласиться с тобой, Люц.

– Да ради бога, – Шейлис вяло махнул Кистью опущенной руки. – Своим упрямством ты добьешься только того, что мир поглотит тебя.

– Надеюсь, что у него от этого случится несварение, – мрачно усмехнулся Блум.

– Не строй напрасных иллюзий, Блум, – Шейлис снова слабо шевельнул рукой. – Мир переварит тебя, даже и не заметив этого.

– А если мне все же это удастся? – спросил после недолгого молчания Блум.

– Что именно? – запрокинув голову назад, посмотрел на него Шейлис.

Вместо ответа Блум только похлопал Шейниса по плечу. Нужные для себя выводы он уже сделал, а потому не видел смысла в продолжении беседы.

Подобрав с пола прут, Блум вышел за дверь. Шейлис приподнял обе руки и снова уронил их вниз. Кому был адресован этот жест и что именно он должен был означать, Шейлис и сам не знал. И не хотел даже думать об этом.

Люциус Шейлис

«Наверное… Да, скорее всего, так оно и есть…

Блум считает меня трусом, слизнем, тряпкой… Убогим, не годным ни на что созданием…

Он даже не стал прощаться со мной. Для него я превратился в ничто… Пустое место… А себя он не иначе как возводит в ранг борца! Вот только с чем и во имя чего он собирается бороться?!.. Даже если бы одному человеку было под силу изменить мир, стоит ли это делать? Во-первых, где взять уверенность в том, что то, что получится в итоге, будет лучше того, что было прежде? А, во-вторых, если тебе одному вдруг захотелось изменить мир, то это вовсе не означает, что того же жаждут миллионы других, живущих бок о бок с тобой. Как насчет моральной ответственности перед ними?..

Что более значимо и весомо: дерзкий и бессмысленный порыв одиночки или же смирение, которым живут миллионы?..

За свою многовековую историю человечество пережило множество потрясений и взрывов. Теперь все, что нам нужно, – это покой. Мы заслужили этого. И, если ради него приходится идти на некоторые жертвы… Что ж… Это дает мне уверенность в том, что я живу не только для себя одного»

«Изменить мир…

Весьма многозначительная оговорка.

С чего вдруг Шейлис решил, что я собираюсь бороться со всем миром? По-моему, я никогда и никому не давал повода так думать. Я просто хочу понять, что собой представляет мир, в котором я живу… В котором я вынужден жить…

Обречен…

Приговорен…

Так уж случилось, что я живу именно здесь и сейчас. И с этим ничего нельзя поделать.

Но я никому не позволю низводить меня до роли твари бездушной! Меня можно убить, но меня невозможно переделать! Я не стану мыслить по-иному, потому что не хочу этого! Я вполне устраиваю самого себя таким, какой я есть.

Я не могу изменить мир. Но я могу стать его центром и заставить мир вращаться вокруг меня…

Или, по крайней мере, создать иллюзию вращения.»

Глава 12

По ночам принято спать

(4-й уровень, 63-я улица)

Выйдя на лестничную площадку, Блум снял дверной замок с предохранителя и осторожно, стараясь не производить лишнего шума, прикрыл за собой дверь.

На душе у него было муторно и неспокойно. После встречи с Шейлисом он понял, что стал не только беглецом, но ещё и изгоем. Найдется ли в Городе хотя бы один человек, который пустит его к себе на порог, если даже самый близкий друг не пожелал иметь с ним ничего общего?

Блум не стал прятать в рюкзак металлический прут, а спустился по лестнице, открыто держа его в руке.

Сейчас, когда, как ему казалось, он в общих чертах уловил стратегию инфора, направленную на поддержание порядка в Городе, Блум вовсе не считал свое положение безнадежным. Он был уверен, что, избегая демонстрационно активных действий, сможет скрываться от инфора сколь угодно долгое время. Но вот именно этого он и не собирался делать.

Спустившись в холл, Блум направился прямиком к роботу-привратнику, поигрывая на ходу зажатым в кулаке прутом.

Робот не распахнул перед ним дверь, как обычно.

Впрочем, ничего иного Блум и не ожидал.

– Открой дверь, – решительно приказал он, подойдя к роботу.

– Извините, господин, но у меня имеются мотивированные подозрения, что вы и есть Стили Блум, находящийся в настоящее время в розыске, – свято придерживаясь своего обычного вежливого тона, ответил привратник. – Поэтому прежде, чем открыть дверь, я должен провести идентификацию вашей личности.

– Перебьешься, – буркнул в ответ Блум.

– Если я правильно понял смысл вашего последнего высказывания…

– Слушай, мне некогда здесь с тобой лясы точить, – перебил робота Блум и, показав ему металлический прут, спросил: – Знаешь, что это такое?

– Металлическое изделие цилиндрического сечения длиной примерно 47 сантиметров. Определить его назначение я затрудняюсь.

– Это я тебе как раз и собирался объяснить. Видишь ли,

дорогой, этим самым металлическим изделием цилиндрического сечения мне не составит труда сломать тебе твой паршивый манипулятор, которым ты уцепился за дверную ручку, или же выбить видеосенсор. На твой выбор.

– Это называется иронией? – насторожено поинтересовался робот.

– Нет, это называется суровой правдой жизни, – ответил Блум. – Разве до тебя ещё не дошла информация об агрессивном луддите, нападающем на привратников?

– Примерно четыре часа назад было совершено подобное нападение на робота-привратника дома номер двадцать четыре.

– Это был я, – с угрожающим видом Блум ткнул себя пальцем в грудь. – Ну так что предпочтешь, остаться с целой рукой или верным служебному долгу?

– Я не в силах сделать подобный выбор, – ответил робот. – И то и другое для меня равноценно.

– В таком случае, выбирать придется мне. Блум перехватил прут обеими руками и, широко размахнувшись, ударил по локтевому суставу гипертрофированно длинной руки привратника.

С сухим треском лопнули крепежные скобы. Сунув прут в рюкзак, Блум ухватился руками за дверную ручку и, уперевшись ногой в косяк, рванул её на себя.

Робот все ещё пытался удержать дверь своей надломленной рукой, но она, тем не менее, приоткрылась на расстояние, вполне достаточное для того, чтобы человек мог покинуть здание.

– Надеюсь, тебе не было больно, – с вовсе не показным участием обратился к роботу Блум.

– У меня нет болевых сенсоров, – ответил тот. – Но мне обидно.

Блум уже собирался выскользнуть на улицу, но, услышав такое, удивленно замер.

– Серьезно? – с недоверием спросил он. – Ты знаешь, что такое обида?

– Думаю, что да, – ответил робот. – Если я правильно понимаю значение этого слова… Я считаю, что вы поступили несправедливо, нанеся мне физическое повреждение, в то время, когда я просто выполнял свой долг.

– Прости, но если бы я не сделал этого, то мог бы пострадать сам. И в гораздо большей степени, чем ты.

– Никакой угрозы для вашей физической целостности не существовало.

– Ты плохо разбираешься в людях.

– У меня жесткая программа.

– Извини, но я был вынужден так поступить… Меня вынудил сделать это инфор!

– В том, что вы говорите, отсутствует здравый смысл. Инфор не может желать причинить мне вред, поскольку я являюсь частью его самого.

– А люди? Люди тоже часть инфора?

– Инфор служит людям.

– Но для чего ему нужны люди?

– Вопрос лишен смысла.

– В таком случае, что вообще имеет смысл? – усмехнулся Блум.

– Инфор, – коротко ответил робот.

– В самом деле? Почему ты так считаешь?

– Я это знаю.

– Но ты ведь получаешь все данные через сеть инфора… Мысль, которая внезапно пришла Блуму в голову, была настолько невероятной, если не сказать более того – безумной, что он оборвал фразу, не закончив её. Но идея, на первый взгляд казавшаяся абсурдной, настолько четко увязывала между собой все те разрозненные, не поддающиеся логичному и ясному объяснению факты, которые стали известны Блуму за последние пару дней, что её невозможно было просто так, с ходу, отбросить в сторону, сказав самому себе, что такого просто не может быть.

– Совершенно верно, – приняв незаконченную фразу Блума за вопрос, ответил робот.

– Значит, я могу переговорить через тебя с инфором?

– Разговаривая со мной, вы, фактически, общаетесь с инфором. Через меня вы можете войти в любую из его баз данных.

– Меня не интересуют базы данных инфора, – отмахнулся Блум. – Мне нужен сам инфор как личность.

– Это невозможно. Инфор не обладает личностью.

– Но при этом инфор уверен, что его существование имеет смысл. Подобное свойственно только для того, кто осознает себя как личность.

– Существование инфора имеет смысл, поскольку он владеет сущностью.

– Сущностью? Что ты под этим подразумеваешь? Робот ничего не ответил.

– Сущностью чего владеет инфор? Снова никакого ответа.

– Эй, что с тобой случилось? – Блум постучал концом прута по корпусу привратника. – Что это ты вдруг умолк?

– Простите, но я не могу ответить на заданные вами вопросы, – сказал робот. – Доступ к интересующей вас

информации для меня закрыт.

– Но у меня сложилось впечатление, что ты знаешь, о чем говоришь, – возразил Блум.

– Когда говорил – знал. Теперь – не знаю. У меня жесткая программа.

– В таком случае, каким образом я могу получить ответы на интересующие меня вопросы?

– Используйте терминал для работы с сетью инфора.

– Понял, – кивнул Блум и, посмотрев на сломанную руку робота, добавил: – Не держи на меня обиду.

– Постараюсь, – ответил робот. Уже выбравшись на улицу, Блум снова просунул голову в проем между приоткрытой дверью и косяком.

– А инфору при случае передай, что у него мания величия, – сказал он роботу.

– Ваши слова уже дошли до инфора, – ответил тот. Блуму вдруг показалось, что искалеченная рука робота напряглась в попытке закрыть дверь, и он поспешил убрать голову из опасного проема.

Поправив ворот куртки, Блум осмотрелся по сторонам. Убедившись, что кроме робота-привратника за ним никто не наблюдает, он взглянул на часы. Было без четверти четыре.

Блум зевнул и понял, что, несмотря на колоссальное нервное напряжение последних часов, хочет спать. С ног от усталости он пока ещё не валился, но, тем не менее, самое время было подумать о том, где провести остаток ночи. Да и вообще, нужно было найти себе какое-нибудь безопасное пристанище.

Ночью на улицах Города было ничуть не прохладнее, чем днем, так что, в принципе, можно было лечь прямо на траву. Однако сделать это не позволяла элементарная осторожность. А открытых помещений, типа кафе или магазинных залов, приходилось сторониться, поскольку любое из них, как резонно рассудил Блум, с легкостью могло превратиться для него в ловушку. Кто знает, какими ещё возможностями обладает инфор? Быть может, убедившись в том, что роботы-привратники не в состоянии остановить Блума, он прибегнет к каким-либо иным, более жестким мерам? Должны же быть у него в арсенале средства для борьбы со злостными нарушителями порядка? Или же при создании инфора предполагалось, что таковых в Городе не будет? А все попытки неповиновения будут пресекаться в зародыше, ещё на стадии замыслов?

Поскольку уйти от проблемы отдыха и еды было невозможно, лучше всего было приступить к их решению незамедлительно.

После недавней беседы с роботом-привратником Блум уже не

сомневался в том, что инфор постоянно отслеживает все его перемещения. Следовательно, первым делом нужно было каким-то образом уйти из-под наблюдения инфора.

Единственный способ, который приходил Блуму в голову, заключался в том, чтобы вновь пересечь условную границу Города, перескочив с одного уровня на другой в непредназначенном для этого месте. В надежности этого способа Блум уверен не был. Однако, когда они с Шейлисом проделали это вчера днем, инфор, как показалось Блуму, запаниковал. И, что самое главное, он не предпринимал ничего для того, чтобы восстановить нарушенный порядок, словно и не подозревал о том, что произошло до тех пор, пока Шейлис сам не сообщил ему об этом, воспользовавшись уличным терминалом.

Хотя, конечно, причина несколько хаотичных и не вполне адекватных действий инфора могла быть совсем иной.

В конце концов, стоять на месте и рассуждать, взвешивая все «за» и «против» можно было до утра. Нужно было что-то делать.

И даже вовсе не «что-то», – нужно было начинать приспосабливаться к тому новому образу жизни, который ему теперь предстояло вести. Он сам сделал свой выбор. И отступиться от него было бы все равно, что вскрыть себе вены.

Блум вышел на тротуар, идущий параллельно главной улице и решительно зашагал…

А, собственно, куда он шел?

Блум остановился, сдвинул кепи на лоб и совершил древнее, как мир, действо, – почесал затылок.

Ему был известен лишь один способ пересечь условную границу Города так, чтобы это не понравилось инфору. Для этого нужно было вылезти через окно дома, стоявшего в конце улицы, чтобы оказаться на другом уровне. И окон, которые могли бы открыться перед ним, было не так уж много. А, если быть честным до конца, такое окно было только одно. И находилось оно в квартире, принадлежавшей женщине по имени Мейла Влат.

Блум удивился, что прежде не вспомнил о Мейле. Он ведь обещал позвонить ей, вернувшись домой. И, что уж таить от себя самого, ему просто хотелось снова увидеться с ней. Кроме всего прочего, Мейла оставалась единственным объективным свидетелем, который мог подтвердить, что вчерашняя прогулка с Шейлисом не была одной лишь иллюзией, порожденной больной фантазией Блума. После встречи с Шейлисом Блум уже практически не сомневался в том, что именно он, а не Люц, адекватно воспринимает окружающую действительность, но все же ещё одно свидетельство тому явилось бы для него сейчас совсем не лишним.

Интересно, как отреагирует Мейла на столь поздний, или, если взглянуть с другой стороны, наоборот, слишком ранний визит? Предварительный звонок полностью исключался, – враг не дремлет! Так же не могло быть речи и о том, чтобы войти в квартиру Мейлы через дверь, – так Блум и её еще, чего доброго, подставит под удар. Оставалось только самому подняться на Пятый уровень, пройти до начала улицы и постучать в окно.

Мейла, должно быть, сочтет его за идиота: надо же до такого додуматься, – явиться среди ночи к женщине, да ещё и попросить её помочь забраться в окно. Что ж… Если она выльет на него кувшин холодной воды, то будет совершенно права.

Да, но на выбранном Блумом пути стояла ещё одна преграда. Для того, чтобы подняться на пятый уровень, ему нужно было воспользоваться лифтом. Во-первых, он не знал, где находится лифт, а, во-вторых, лифт, как и все автоматы в Городе, контролировался инфором.

Как ни крути, а в сложившейся ситуации нужно было обращаться за помощью все к тому же инфору.

Пройдя немного вдоль улицы, Блум вскоре увидел нужную ему кабину.

Помня о том, что ему на пару с Шейлисом уже довелось испытать возле точно такой же кабины инфора, Блум, вместо того, чтобы пойти напрямую, вначале сделал круг, затем подошел чуть поближе, после чего вновь обошел кабину инфора по кругу. Никакого внешнего воздействия на свою психику он не ощущал.

Постояв ещё пару минут в двух шагах от кабины инфора, Блум осторожно сделал шаг вперед и, протянув руку, опасливо коснулся пальцами дверной ручки. Взрыва не последовало. И током его тоже не ударило. Не начало звенеть в голове, не повалил из щелей в дорожном покрытии дурманящий газ, ничего не упало на голову… Вообще ничего не произошло. Блум даже как будто испытал некое разочарование, – столько предосторожностей и все напрасно.

Открыв дверь, Блум вошел в кабину. Придержав закрывающуюся дверь носком ботинка, он нажал кнопку вызова.

– Слушаю вас, господин Блум, – произнес приветливый и не по-ночному бодрый женский голос.

Блум едва пулей не вылетел из кабины. Но, как ни странно, любопытство оказалось сильнее мгновенного испуга. Или, быть может, он уже начал привыкать к жизни с ощущением постоянной опасности за плечами?

– Откуда ты меня знаешь? – спросил Блум, стараясь, чтобы голос его звучал не менее уверенно, чем голосовой модулятор инфора.

– По данным инфора в настоящее время на улицах Города находится только один человек – Стили Блум. Поэтому, вполне логичным было сделать предположение, что вы – это он.

– Точно, – Блум, усмехнувшись, тряхнул головой, – и как это он сам не подумал о столь простом и верном способе вычислить его местонахождение. – И что ты теперь собираешься предпринять?

– Я жду вашего запроса.

Блум на мгновение задумался.

– Ты можешь объяснить мне, что такое сущность?

– Сущность есть совокупность глубинных связей, отношений и внутренних законов, определяющих основные черты и тенденции любой системы. Являясь категорией независимой, непреложной и абсолютной, сущность представляет собой смысл любой вещи или явления и определяет их бытие и реальность существования.

– Все? – спросил после короткой паузы Блум.

– Есть ещё ссылки, – ответил инфор.

– Не надо. Дай распечатку того, что было сказано.

Подхватив выползшую из принтера тонкую полоску целлулоида, Блум сунул её в карман.

– Это все, что вы хотели узнать, господин Блум? – спросил инфор.

– Узнать я хочу ещё много чего, только ты мне в этом вряд ли сможешь помочь.

– Я приложу к этому все усилия.

– Да и времени у меня сейчас на это нет.

– Что ж…

– Мне нужен автоэл.

– Где и в какое время?

– Здесь и сейчас.

– Заказ принят. Автоэл будет возле того места, где вы сейчас находитесь, через две с половиной минуты. Если вы сообщите мне место, куда вы направляетесь, я заранее введу адрес в оперативную память высланной к вам машины.

– Мне нужно попасть на пятый уровень. Дом номер 14.

– Адрес введен в автопилот машины. Вы желаете предупредить того, к кому вы направляетесь?

– Нет. Лучше покажи мне план улицы и отметь на нем все лифты, грузовые и пассажирские. И сделай распечатку.

– Пожалуйста.

Еще одна полоска целлулоида выпала из принтера в руку Блума. Не глядя сунув её в карман, Блум внимательно посмотрел на план улицы, высвеченный на экране, чтобы запомнить

расположение ближайших к нему лифтов.

Негромко скрипнув тормозами, возле кабины остановился автоэл. Тихо щелкнул замок, и дверца машины, обращенная к тротуару, чуть приоткрылась.

– Добро пожаловать, господин Блум!

Забравшись на заднее сиденье, Блум поставил рюкзак на пол и, достав из него прут, вставил конец в зазор возле дверной петли.

– Трогай, – коротко бросил он автоэлу. – Адрес тебе известен.

– Простите, господин Блум, но я вынужден просить вас закрыть дверцу, – сказал автоэл. – Правила безопасности запрещают мне передвигаться по Городу с открытыми дверцами.

Блум сделал вид, что пытается закрыть дверцу.

– Не знаю, в чем тут дело! – с показным раздражением воскликнул он. – С дверцей что-то случилось! Не закрывается!

– В таком случае, я вынужден просить вас дождаться другого автоэла, который прибудет за вами незамедлительно.

– Мне некогда ждать! – возмущенно взмахнул руками Блум. – Я опаздываю на важную встречу!

– Простите, но я ничего не могу поделать. Правила безопасности…

– Послушай, я думаю, мы сможем решить эту проблему, – миролюбивым тоном произнес Блум. – На улице кроме нас, никого нет. Ехать нам не так уж далеко. И я всю дорогу буду придерживать дверцу, не позволяя ей открыться.

– Вы уверены, что это будет вам удобно? – с сомнением спросил автоэл.

– Гораздо удобнее, чем ждать другую машину, – заверил его Блум.

Взявшись за дверную ручку, он прикрыл дверцу настолько, насколько позволял сделать это зажатый дверью прут.

– Ну, что ж…

Автоэл медленно и осторожно тронулся с места. Должно быть, он все ещё сомневался в том, стоит ли отправляться в рейс с неисправной дверцей. Но Блум держал дверцу крепко, и вскоре автоэл начал разгоняться, набирая свою обычную скорость.

Держась одной рукой за дверную ручку, другой рукой Блум достал из кармана целлулоидный листок и расправил его на колене. Посматривая то на план улицы, то на номера проносящихся мимо домов, он сосредоточил все свое внимание на том, чтобы не пропустить место, отмеченное на плане.

– Стой! – приказал Блум, хлопнув ладонью по спинке переднего сидения. – Остановись здесь!

Автоэл резко затормозил и, подкатив к тротуару,

остановился.

– Что случилось? – в звуках голосового модулятора автоэла звучала почти неподдельная тревога. – Надеюсь, с вами все в порядке? Мы ещё не добрались до указанного в заявке места назначения.

– Я знаю, – сказал Блум. Наклонившись, он быстро и незаметно выдернул прут из дверной щели и сунул его в рюкзак. – Мне просто нужно на время выйти.

– Зачем? – удивленно спросил автоэл.

– Мне нужно… пописать, – с заговорщицким видом сообщил Блум. – Знаешь, у людей порою возникает такая странная потребность. Жди меня здесь, я скоро вернусь.

Выйдя из машины, он собрался было хлопнуть дверцей, но вовремя вспомнив про «неисправность», аккуратно прикрыл её.

Пассажирский лифт, который был нужен Блуму, согласно плану, располагался в торцевой части дома, возле которого он остановил автоэл. Однако Блум уверенной походкой направился не прямо к лифту, а в сторону парадного подъезда, дверь которого уже распахнул, завидя гостя, робот-привратник.

Взявшись рукой за край двери, Блум заглянул в холл.

– Привет, – подмигнул он привратнику.

– Рад встрече с вами, господин Блум, – настороженно ответил робот.

– Ну, надо же, – покачал головой Блум. – Похоже, в этом паршивом городишке меня уже все знают.

– Данные о вашем передвижении по Городу постоянно передаются в сеть инфора, – ответил робот. Сделав небольшую паузу, он неуверенно произнес: – Вы ведь не станете ломать меня, господин Блум?

– Я же не какой-то там агрессивный луддит, – возмущенно дернул плечом Блум. – Что бы обо мне ни рассказывали, я ломаю роботов вовсе не из любви к этому занятию, а только в тех случаях, когда не удается найти иного выхода из положения. Надеюсь, что у нас с тобой до этого не дойдет, – Блум быстро оглянулся на ожидающий его автоэл. – В этом доме находится межуровневый лифт?

– Да, но только пассажирский…

– Значит, ошибочка вышла, – с досадой щелкнул пальцами Блум. – Нам ведь нужен грузовой.

– Конечно…

– Туалет у вас в доме имеется? – не дав роботу закончить начатую фразу, спросил Блум.

– Конечно.

– Ты позволишь мне им воспользоваться?

– Вне всяких сомнений, – привратник попытался было ещё шире распахнуть дверь, за край которой держался рукой Блум.

– Одну секунду, – Блум сделал шаг назад. – Я кое-что забыл в машине… Сейчас вернусь…

Блум направился назад к автоэлу, но, не дойдя до него, с неожиданной резвостью прыгнул через тянущуюся вдоль дорожки полосу коротко подстриженного кустарника.

Прыжок получился не таким ловким, как хотелось бы. Зацепившись носком левой ноги за ветки, Блум во весь рост растянулся на траве.

К счастью, удар о землю был не слишком сильным. Блум довольно-таки быстро сориентировался в пространстве и определил, в каком положении пребывают его конечности. Не прошло и пары минут, а он уже стоял на четвереньках, как сторожевой пес, внимательно озираясь по сторонам, прислушиваясь к звукам и едва ли не принюхиваясь к запахам, которые доносил до его ноздрей слабый поток воздуха, тянущийся из вентиляционных отверстий в основании здания. Впрочем, прошедший многократную очистку и фильтрацию, воздух абсолютно ничем не пах. Вокруг царил ночной полумрак, в котором не было заметно никакого движения. А из звуков уши Блума улавливали только негромкое ворчание приглушенного мотора автоэла.

Убедившись, что он находится в безопасности, Блум рискнул подняться на ноги.

– С вами все в порядке, господин Блум? – окликнул его робот-привратник.

– Что случилось, господин Блум? – присоединился к нему встревоженный голос автоэла.

Блум ничего им не ответил, только рукой махнул, – успокойтесь, мол! Подхватив с травы неизменный рюкзак, он прямо через газон припустился по направлению к углу здания, за которым должен был находиться пассажирский межуровневый лифт.

Лифт оказался на месте. Он был похож на огромный цилиндр, прилепившийся к стене здания. Подбежав к нему, Блум надавил ладонью на клавишу вызова. Дверь, покрытая листом темно-коричневого пластика, по которому расползалась паутина тонких полос и спиральных завитков, имитирующих древесный срез, откатилась в сторону, открыв ярко освещенную кабину, рассчитанную человек на тридцать, не меньше.

Блум с опаской заглянул внутрь. Как ему казалось, ой предпринял все возможное, чтобы хотя бы на время сбить инфор со следа. И все же… Если в автомат, управляющий лифтом,

вмонтирована хотя бы одна наипростейшая логическая матрица, ему не составит труда определить, кто именно собирается прокатиться в нем с одного уровня на другой.

В ярком, почти слепящем свете плоских, похожих на соты светильников, тремя широкими полосами пересекающих потолок, Блуму мерещилась скрытая угроза. Ему даже подумать было страшно о том, что может произойти в тот миг, когда он переступит тонкую черту, отделяющую его от внутреннего пространства кабины лифта.

Но время сейчас работало не на него. Если и существовала вероятность того, что инфор все ещё находился в неведении относительно того, кто и зачем вызвал межуровневый лифт, то очень скоро он получит сообщения от автоэла, потерявшего своего пассажира, и от робота-привратника, так и не дождавшегося возвращения Блума. Сопоставить все эти данные и определить, где именно находится Блум в данный момент, будет делом доли секунды.

Блум сделал глубокий вдох, затаил дыхание и шагнул вперед.

Дверь за его спиной с тихим шорохом заняла прежнее положение, отрезав кабину лифта от внешнего пространства.

Блум встал в центре почти квадратного пола и огляделся по сторонам. На полированных пластиковых листах, которыми были покрыты стены кабины, тускло мерцали отсветы светильников на потолке. Никаких устройств для управления лифтом на стенах не было.

Прищурившись, Блум поднял взгляд к потолку.

– Пятый уровень! – отчетливо и громко произнес он, обращаясь к слепящим светильникам.

Голос его в пустом замкнутом пространстве прозвучал необычайно резко и гулко.

Никакого ответа на его слова не последовало, но буквально в ту же секунду пол под его ногами вздрогнул. Блум непроизвольно подогнул колени и раскинул руки в стороны, словно ища опору, когда кабина лифта поплыла вверх.

Блум счастливо улыбнулся.

Получилось! Он заставил инфор работать на себя!

Движение кабины лифта вверх продолжалось совсем недолго. Не прошло и минуты, как пол снова качнулся под ногами Блума, и дверь лифта плавно откатилась в сторону.

Одним прыжком Блум выскочил из лифта.

Дверь за его спиной сомкнулась, отсекая яркий свет, лившийся из кабины лифта.

В первый момент Блуму показалось, что он оказался в непроглядной тьме. Он принялся испуганно вертеть головой по

сторонам, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в окружающем его мраке. Но вскоре глаза его вновь адаптировались к сумеречному ночному освещению, и Блум смог рассмотреть место, в котором оказался.

В целом, оно практически ничем не отличалось от того, которое он покинул минуту назад. Та же глухая стена дома, к которой приникала цилиндрическая шахта лифта, та же ровно подстриженная зеленая изгородь, то же фальшивое небо над головой, похожее на творение пьяного художника-примитивиста.

Блум завернул за угол дома и вышел к главной улице.

Автоэла возле тротуара не было.

Блум посмотрел на вывеску дома, чтобы окончательно убедиться в том, что попал именно туда, куда и рассчитывал.

Если верить вывеске, то так оно и было, – Блум переместился на пятый уровень. Видимо, ему все-таки удалось хотя бы на короткое время задурить инфору его электронные мозги.

Блум стоял и глядел на вывеску дома, а на лице его медленно растекалась глуповатая улыбка невероятно довольного собой человека.

– Господин Блум!..

Блум вздрогнул, словно от удара током, и стремительно обернулся на звук окликнувшего его такого знакомого голоса.

Из-за края ровно подстриженной зеленой изгороди виднелась покатая крыша красного автоэла.

– Что задела? – недовольно буркнул себе под нос Блум. Хорошее настроение улетучилось, как вкус выпитого пива. Раздвинув кусты, Блум вышел на тротуар.

– Простите, что несколько задержался, господин Блум, – раздался голос автоэла из-за приоткрытой дверцы. – Но вы не предупредили меня, что собираетесь воспользоваться пассажирским лифтом. Садитесь, я доставлю вас до места назначения.

– Трудно отказаться от такого предложения, – устало вздохнул Блум, забираясь на заднее сиденье машины.

– Кстати, и дверца снова стала закрываться, – радостно сообщил автоэл.

– Сомневаюсь, – Блум уже загнал свой прут на прежнее место, в створ возле дверной петли. – Но ты поезжай, – я придержу дверцу.

– Ах, ты… Ну, надо же! Все ведь было нормально…

– Это, видимо, из-за меня, – честно признался Блум. – Вот выйду, – и все снова будет работать нормально.

– Ну, что ж…

– Да, и адрес нашего места назначения тоже изменился.

– И куда я должен доставить вас теперь?

– К началу улицы.

– Будьте добры, назовите точный адрес.

– Поезжай прямо, а я скажу тебе, когда нужно будет остановиться.

Автоэл не стал возражать. Только мотор его рыкнул как-то недовольно и немного жалобно, когда он тронулся с места.

– Должно быть, у тебя давно не было таких привередливых пассажиров, как я? – проявив сочувствие к ни в чем, собственно, не виноватому автоэлу, спросил Блум.

– У меня до вас вообще никого не было, – грустно, как показалось Блуму, ответил автоэл. – Так что я с радостью отвезу вас, куда прикажете. Главное, чтобы вы остались довольны.

– Серьезно? – удивился Блум. – А разве ты не знаешь, что я опасный для городских роботов агрессивный луддит, да к тому же ещё и псих, объявленный в розыске?

– Такая информация курсирует сейчас по инфо-сети, – ответил автоэл. – Но к выполняемой мною работе она не имеет никакого отношения… Вы ведь не станете причинять мне никакого вреда, господин Блум?

– Успокойся, у меня для этого нет никаких причин, – заверил его Блум. – И даже дверца твоя снова будет в полной исправности, как только я выйду из машины. Обещаю тебе.

Какое-то время они ехали молча.

– Останови здесь! – приказал Блум, как только впереди показалась стена дома, перегораживающего улицу в самом её начале. Автоэл послушно притормозил возле тротуара.

– Спасибо, – сказал Блум.

Выйдя из машины, он лихо хлопнул дверцей.

– Видишь! – весело заявил он, обращаясь к автоэлу. – Я же обещал, что все будет в порядке!

– Мне было приятно путешествовать с вами, господин Блум, – ответил автоэл. – Надеюсь, вы ещё когда-нибудь сядете на мое заднее сиденье.

– Кто знает, – улыбнулся Блум. – Возможно, что нам ещё и доведется покататься вместе.

Приподняв руку, он изобразил пальцами прощальный жест.

Машина не двинулась с места.

– Уезжай! – махнул автоэлу рукой Блум. – Сегодня ты мне больше не потребуешься! Автоэл ничего не ответил.

– Ну, все, – с тоской произнес Блум. – Инфор взял парня под свой контроль и задействовал его на жесткой программе слежки, – наклонив голову, Блум заглянул в тонированное лобовое стекло автоэла, словно это было лицо собеседника. – Все

ещё надеешься, что я не сумею от тебя уйти?

Вновь не получив ответа, Блум не стал продолжать бессмысленный разговор. Повернув в сторону от дороги, он прошел между домами и скрылся среди невысоких деревьев на заднем дворе.

Автоэл одиноко и уныло стоял какое-то время на месте, где оставил его Блум. Спустя примерно полчаса, он завел мотор, развернулся на середине дороги и укатил куда-то в сторону противоположного конца улицы.

Блум повторил тот же трюк, что и возле своего дома, – прошел по тропинкам задних дворов и снова вышел на главную улицу уже вне пределов видимости превратившегося в неопытного шпиона автоэла. Все же, на всякий случай он не стал выходить на тротуар, а, пригибаясь, прошел вдоль ряда аккуратно и ровно подстриженных кустов.

Дойдя до стены дома, фасад которого, вопреки всем законам геометрии и физики, находился на уровень ниже, Блум выглянул из-за кустов, вытянул шею и взглядом отыскал знакомое окно, за которым находилась комната Мейлы Влат.

К глубокому удивлению Блума, окно было чуть приоткрыто.

Стили Блум

«Я уже ничего не хочу. Пусть только за этим окном все будет также, как и вчера… Что за блажь – оставлять на ночь окно открытым, если его и днем-то открывать незачем?.. Можно подумать, что здесь открыли новый постоянно действующий переход с одного уровня на другой…. Не нравится мне это… Свет в комнате не горит… Мейла спит или её нет дома?.. Черт, что за дурь в голову лезет! Должно быть с недосыпа. Можно подумать, мало одного придурка, шатающегося ночью по улицам, с безумной идеей натянуть нос инфору. Нашел с кем связаться, – с информационной системой, у которой где-то замкнули провода, в результате чего она стала считать себя господом богом, – великим, ужасным и всемогущим!..

Бред!

У меня самого в голове полный кавардак. Нужно все же выспаться, иначе ещё через пару часов я просто с ног свалюсь от усталости… Инфору проще, – он может отдыхать по частям. Один проводок спит, другой – думу думает…

Мейла, наверное, тоже сейчас спит… Жалко будить… Испугается спросонья… И все же, почему у неё открыто окно?..

Интересно, ушат холодной воды для меня уже

приготовлен?..»

Глава 13

Скелету в шкафу одиноко

(5-й уровень, 63-я улица, дом 120)

Блум встал на цыпочки и, вытянув руки вверх, уцепился пальцами за край оконного карниза.

– Мейла… – позвал он сдавленным шепотом.

Никто не ответил. В комнате царили тишина и мрак. Но щель, оставленная между приоткрытыми створками окна, была вполне достаточной для того, чтобы в неё мог протиснуться человек.

Блум с тревогой потрогал свои бока, – да нет же, он вовсе не такой толстый, как может показаться!

Ухватившись покрепче за карниз, Блум уперся носками ботинок в стену и попытался подняться наверх. Ничего хорошего из этой его затеи не вышло, – опора была слишком ненадежной, а руки Блума – недостаточно сильны, чтобы вытянуть его, что ни говори, тяжеловатое тело. Закономерной расплатой за юношескую горячность, несвойственную взрослому мужчине, стало ушибленное колено.

Блум поднялся на ноги и, потирая колено, огляделся по сторонам в поисках чего-то, что могло бы помочь ему подняться на высоту в пару метров. Но на улице не было ничего лишнего, даже контейнеров для мусора. Можно было, конечно, сломать какую-нибудь изгородь, но это стало бы просто-таки вызывающе-демонстративным действием, которое не могло ни привлечь к себе внимание инфора. А Блуму сейчас это было совсем ни к чему.

Блум снова с тоской посмотрел на приоткрытое окно. Прямо как в басне про лису и виноград. Оставалось только сказать:

«Не очень-то и хотелось!», – и не спеша, сохраняя достоинство, удалиться.

Но вместо этого Блум достал из рюкзака прут и негромко постучал им по оконному стеклу. Не получив ответа, он постучал ещё раз, сильнее.

– Мейла… Мейла!..

В комнате загорелся свет, – неяркий, желтоватый. Должно быть, включили не верхнее освещение, а что-то вроде небольшого ночника.

Через минуту в проеме между створками окна появилась

Мейла. Лица её Блуму почти не было видно, но по растрепанным волосам и без того можно было понять, что он поднял её с постели.

– Кто здесь? – чуть хрипловатым спросонья голосом негромко спросила женщина.

– Это я, – шепотом ответил ей Блум и сделал два шага назад, чтобы его было лучше видно. – Это я – Блум.

– Блум! – в полный голос удивленно воскликнула Мейла. Блум вскинул руки, чтобы предостеречь её от слишком громких проявлений эмоций, но Мейла не обратила на его жест никакого внимания. Она поставила локоть на подоконник и положила подбородок на открытую ладонь.

– Блум, – томно, нараспев произнесла она его имя. – Как романтично… Ты… Ночью… Под моим окном… Поверить не могу. Прежде я видела такое только в видеофильмах!

– Я тоже очень рад тебя видеть, Мейла, – отводя глаза в сторону, смущенно пробормотал Блум. – Но, к сожалению, мне придется разрушить идиллию… Видишь ли, Мейла, если ты не подашь мне стул, я не смогу забраться к тебе в окно.

– Нахал! – воскликнула Мейла, прекрасно имитируя возмущение. – Ты решил, что для того, чтобы добиться моего расположения, достаточно просто постучать палкой по стеклу?!

– Мейла, ты не так меня поняла… – смущенно замялся Блум. – Я совсем не то имел в виду… Видишь ли, у меня проблемы…

– Да ладно тебе, Блум, – уже своим обычным голосом произнесла Мейла. – Я прекрасно понимаю, что ты здесь не для того, чтобы спеть мне серенаду. Но могу же я хотя бы немного помечтать?.. Держи…

Мейла полностью раздвинула оконные створки и, перекинув через подоконник, подала Блуму легкий плетеный стул.

– Спасибо, Мейла, – Блум подхватил стул, поставил его под окном и взобрался на него. – Я все тебе объясню…

– Не части, Блум, – вяло улыбнулась женщина, принимая из рук гостя рюкзак. – Ты не против, что я называю тебя Блумом? Имя Стили, на мой взгляд, тебе совершенно не подходит.

– Да ради бога, – Блум встал коленями на подоконник. – Почти все знакомые так меня и называют.

Развернувшись в сторону улицы, Блум наклонился, схватил стул за спинку и втащил его в комнату. После этого он спрыгнул с подоконника на пол, закрыл окно и с облегчением перевел дух.

– Хочешь выпить? – спросила его Мейла. Блум окинул взглядом фигуру женщины. На ней был ярко-красный халат с широкими рукавами, на полах которого золотом были вышиты

свернувшиеся кольцами драконы.

– Откуда у тебя такой роскошный халат? – спросил Блум.

– Нравится? – Мейла развела руки в стороны и наклонила голову, чтобы самой на себя взглянуть. – Сшила в ателье на заказ. Образец, между прочим, я разработала сама.

– Великолепно, – совершенно искренне похвалил Блум.

– Так ты хочешь выпить? – повторила свой первоначальный вопрос женщина. – Хотя, пожалуй, для серьезной выпивки пока ещё слишком рано, но ты сегодня, похоже, даже не ложился.

Блум следом за Мейлой бросил взгляд на стенные часы в виде раскинувшей крылья стрекозы, которые показывали пять минут седьмого.

– Хочу, – сказал он, снова переведя взгляд на Мейлу. – И изрядную дозу.

Мейла чуть приподняла левую бровь и, ничего не сказав, проследовала в другую комнату.

Блум сел на стул, который помог ему забраться в окно, облокотился на спинку и устало вытянул ноги.

Мейла вернулась через пару минут. Подойдя к Блуму, она протянула ему широкий стакан с толстым тяжелым дном, наполненный почти до краев.

– Джин с тоником, – сообщила она. – Самое лучшее для того, чтобы немного прочистить мозги в шесть часов утра. Только заранее предупреждаю, что после ты уже никуда не сможешь пойти, не выспавшись как следует.

Блум сделал большой глоток из предложенного ему стакана и с наслаждением прикрыл глаза, ощущая, как по телу растекается блаженная истома, обычно предшествующая крепкому сну. Но для сна время ещё не пришло. Сначала нужно было объясниться с Мейлой.

Блум приоткрыл глаза, чтобы взглянуть на женщину.

Мейла присела на край кровати с небрежно накинутым поверх разобранной постели покрывалом. Красивым и легким движением руки она откинула за спину прядь огненно-рыжих я волос, после чего поставила локоть на бедро и прижала ладонь к щеке.

– Итак, господин Блум, – вновь шутливым тоном произнесла Мейла. – Что же заставило вас ворваться среди ночи в квартиру к одинокой женщине?

– А что заставило одинокую женщину оставить окно своей спальни открытой на ночь? – в тон своей собеседнице задал вопрос Блум.

– Быть может, ожидание чуда? – улыбнулась Мейла.

– К сожалению, чудес не бывает, – покачал головой Блум.

– Ты пессимист, Блум, – недовольно выгнула губы Мейла.

– Я реалист, Мейла, – грустно улыбнулся в ответ ей Блум. – Поэтому сразу же хочу предупредить тебя, что мое прибывание здесь может оказаться небезопасным для тебя.

– Вы пугаете меня, господин Блум! – в показном испуге Мейла сжала руки в кулачки и прижала их к груди.

– Сейчас не до шуток, Мейла, – серьезно посмотрел на неё Блум. – Я пришел к тебе по двум причинам. Во-первых, я хотел проверить одну свою гипотезу, а, во-вторых, мне просто больше некуда было идти.

– И все? – недовольно сдвинула брови Мейла.

– Ну… – Блум наклонился к своему стакану и сделал из него изрядный глоток. – Конечно же, мне хотелось снова увидеть тебя, – признался он, глядя на носки своих ботинок.

– Из трех названных причин, мне лично больше всего понравилась последняя, – улыбнулась Мейла.

– В иных условиях мне, возможно, оказалось бы достаточно и её одной, – сказал Блум.

– Так что все же случилось, Блум?

В одно мгновение, словно легкий ветерок пролетел по комнате. Лицо Мейлы сделалось серьезным и сосредоточенным, каким Блум его ещё никогда не видел. Он даже и не подозревал, что у этой милой женщины может быть столь суровое, если не сказать жесткое, похожее на маску, выдавленное из тонкой фольги, выражение лица. Оперевшись локтями о колени и переплетя пальцы рук, Мейла подалась вперед, словно стараясь приободрить Блума своей близостью. Это был не женский неосознанный порыв, а движение человека, который уже примерно понимает, о чем поведет речь его собеседник и насколько трудно ему будет говорить.

Блум глядел не на лицо Мейлы, а только на её рыжие, растрепанные со сна волосы, которые она просто закинула за спину и там перекрутила в толстый жгут. Вид этих волос, а, быть может, один только их цвет, пробуждал в душе Блума странное чувство, похожее одновременно на буйную радость и тихую грусть, когда хочется одновременно плакать и смеяться.

Блум сделал ещё один глоток из стакана с напитком, приготовленным для него Мейлой, и начал рассказывать.

Он старался говорить сдержанно, избегая собственных субъективных оценок и эмоционально окрашенных личностных впечатлений, пытаясь придерживаться только фактов, в подлинности которых у него самого не было ни малейших сомнений. Он хотел, чтобы у Мейлы составилось собственное представление о том, что произошло с ним за истекшие сутки.

Для себя он уже решил, что, если Мейла, как и Шейлис, сочтет все, о чем он говорит, бредом сумасшедшего, то он не станет даже пытаться убедить её в обратном. Просто встанет, вежливо откланяется, поблагодарит за угощение и уйдет. Куда он пойдет, он и сам пока ещё не знал. Но был уверен в том, что не сможет остаться в этом доме в роли если и не опасного безумца, так убогого, за которым требуется уход и постоянный присмотр.

По тому, как слушала его Мейла, трудно было понять, какие эмоции вызывает у неё история, излагаемая Блумом. Она не задавала никаких вопросов, но при этом и не высказывала сомнений в достоверности услышанного. За все это время Мейла ни разу не поднялась со своего места. Она только время от времени меняла положение тела, то откидываясь назад и опираясь на руки, то снова наклоняясь вперед.

Начав свой рассказ довольно-таки уверенно, ближе к концу Блум начал запинаться, то и дело путаясь в словах и затрудняясь найти верное определение, тому или иному действию или событию. Джин с тоником он уже допил, и теперь пустой стакан мешал ему, занимая руки. Блум не знал, куда его поставить, и боялся хотя бы на мгновение прерывать свой рассказ, чтобы спросить об этом хозяйку.

Конец истории он вообще скомкал, буквально в двух словах рассказав о том, что произошло с ним после того, как он Расстался с Шейлисом.

– Теперь ты понимаешь, Мейла, – с облегчением подвел итог Блум. – Что я могу оказаться довольно-таки беспокойным гостем.

– Ты собираешься надолго остаться у меня? – спросила Мейла.

Голос её прозвучал настолько невозмутимо и ровно, что трудно было понять, беспокоит ли её то, что Блум может задержаться в её квартире или же ей это абсолютно безразлично. Не зная, что ответить, Блум молча развел руками. Мейла взяла из его руки пустой стакан и поставила его на небольшой круглый столик, стоявший рядом с кроватью.

– Насколько я поняла, домой вернуться ты не можешь, – произнесла она, не спрашивая, а констатируя факт. – В соседней комнате есть диван. Он не очень большой, но, надеюсь, ты с него не свалишься. А если все же упадешь, то придется тебе спать на полу.

– Ты предлагаешь мне остаться? – глаза Блума удивленно и немножко пьяно округлились.

– А ты, можно подумать, рассчитывал, что после рассказанной тобой истории я сразу же выставлю тебя за дверь, – едва заметно усмехнулась Мейла. – Если бы это было так, то ты

бы и не пришел сюда.

– Наверное, – вынужден был согласиться с ней Блум.

– Пойдем, я покажу, где ты будешь спать, – сказала Мейла, поднимаясь на ноги.

– Сначала нужно выяснить, удалось ли мне уйти из-под наблюдения инфора, перепрыгнув с одного уровня на другой, – возразил Блум.

– Для начала тебе нужно хорошенько выспаться, – заявила Мейла таким тоном, что сразу же стало ясно, что спорить с ней бесполезно. – Когда отдохнешь, тогда вместе и подумаем, что делать дальше.

Блум уперся руками в сидение стула, на котором сидел. Для того, чтобы подняться на ноги, ему пришлось сделать над собой усилие. Усталость брала свое, и он готов был уснуть, сидя на стуле.

– Наверное, ты права, – сказал Блум, благоразумно решив не вступать в спор, поскольку шансов одержать в нем победу у него все равно не было. Тряхнув головой, он добавил: – Такое чувство, будто я не спал целую неделю.

Следуя за Мейлой, Блум прошел в соседнюю совсем маленькую комнату. Помимо обещанного дивана в ней ещё имелся небольшой квадратный столик и две чертежные доски, на которых были закреплены большие прозрачные листы целлулоида с нанесенными на них рисунками. Листов, наложенных один на другой, было так много, что невозможно было рассмотреть, что именно изображено на каждом из них.

– Здесь я обычно занимаюсь своими исследованиями в области сравнительного искусствоведения, – указав рукой на разбросанные повсюду рисунки и листы с фрагментами каких-то текстов, объяснила Мейла.

Подойдя к ячейке доставки, она быстро набрала нужный код.

– Сравнительное искусствоведение? – Блум бросил на пол свой рюкзак и ногой загнал его под стол. – Что за штука такая?

– Никогда прежде не слышал?

Мейла вынула из ячейки доставки стопку свежего постельного белья и кинула его на диван.

– Нет, – честно признался Блум.

– И не мог слышать, – рассмеялась Мейла. – Это я сама придумала. Я пытаюсь найти похожие образы в произведениях искусства, относящихся к разным эпохам и жанрам.

– Ну и как, получается? – поинтересовался Блум.

– Есть некоторые закономерности, – уклончиво ответила Мейла.

– Например?

– Ты почему назвал один из своих романов «Земляничная поляна»?

– Не помню, – подумав, ответил Блум. – А какое это имеет значение?

– А тебе известно, что существует ещё и художественный фильм одного весьма титулованного, хотя, на мой взгляд, и невыносимо скучного и занудного кинорежиссера, который называется точно так же: «Земляничная поляна»?

– Нет, – покачал головой Блум. – Но могу поспорить, что в нем ни разу не показана земляничная поляна, как таковая.

– Почему ты так решил? – удивленно спросила Мейла.

– Потому что в моей книге тоже нет ни слова о ней, – усмехнулся Блум. – Так я угадал?

– Если мы станем обсуждать эту тему, то ты так и не ляжешь спать, – ответила ему Мейла, выходя из комнаты.

– Так я угадал или нет?! – крикнул вслед ей Блум. Ответа не последовало.

Блум постелил приготовленное Мейлой белье на диване, разделся, погасил свет и лег.

Диван, действительно, был несколько узковат для него. Однако Блум не успел этого заметить, уснув, едва только щека его коснулась подушки.

Спал он долго и, что самое удивительное, почти без сновидений. Несмотря на то, что истекший необычайно долгий день был наполнен сильнейшими в его жизни переживаниями и массой необыкновенных, никогда прежде не случавшихся с ним событий, ни одно из них не нашло отражения в ирреальных образах, порождаемых подсознанием человека во сне. Не видел Блум и ставшего уже привычным дракона, свернувшегося кольцом и яростно грызущего свой хвост. Быть может, потому, что он уже видел таких же драконов на халате Мейлы?

Сон Блума был похож на долгое путешествие по невероятно длинному, неосвещенному туннелю. Блум двигался вперед, не испытывая ни усталости, ни страха. Он знал, что рано или поздно туннель должен кончиться, и тогда он увидит… Земляничную поляну?.. Может быть.

Блум проснулся внезапно, как от толчка. В комнате все ещё было темно. Он захотел подняться и едва не свалился с узкого дивана. Только уперевшись руками в холодный пол, Блум окончательно проснулся и вспомнил, где он находится.

Прошлепав голыми ступнями по полу, Блум наткнулся на стену и, пошарив рукой, нашел на ней выключатель. Отрегулировав верхнее освещение до привычной для себя яркости, он вернулся к дивану, чтобы одеться и собрать постель.

– Проснулся уже? – спросила, заглянув в комнату, Мейла. Блум глянул на часы. Было без десяти восемь.

– Я проспал всего пару часов? – Блуму с трудом удалось подавить зевок.

– Сейчас восемь часов вечера, – развеяла его иллюзии Мейла. – Ты спал весь день.

– Извини, – смутился Блум.

– Я разве тебя за это осуждаю? – улыбнулась Мейла. – Одевайся. Я пока закажу себе ужин, а тебе завтрак. Зубную щетку и эпиляционный крем я оставила для тебя в ванной.

Когда Блум, умывшись и сведя с лица дневную щетину, вышел в большую комнату, еда была уже на столе.

Мейла переоделась в брючный костюм песочного цвета. Ее ослепительно-рыжие волосы были уложены в высокую прихотливую прическу.

– Ну, и как ты себя чувствуешь, находясь на нелегальном положении? – спросила Мейла, наливая Блуму в чашку кофе. Блум на минуту задумался.

– Честно сказать, не знаю, – признался он. – Должно быть, я ещё не осознал до конца, что же со мной произошло.

– Естественно, никаких планов на будущее у тебя пока нет?

– Вначале я хочу выяснить, удалось ли мне избавиться от наблюдения инфора… Но…

Блум замялся. На мгновение он засомневался, стоит ли вообще говорить об этом.

– Ну так что? – требовательно посмотрела на него Мейла.

– Видишь ли, – переводя взгляд с одного предмета сервировки стола на другой и при этом изо всех сил стараясь не смотреть в сторону собеседницы, начал Блум. – Если инфор следит за каждым жителем города, то ему уже известно, что в твоей квартире находятся двое человек вместо положенного одного. Даже если пока он ещё и не установил личность нового жильца, то, думаю, много времени у него это не займет.

Блум с силой воткнул нож в кубик масла и принялся с ожесточением размазывать его по тосту.

Какое-то время Мейла молча, со снисходительной улыбкой на губах наблюдала за его нервозными действиями.

– Мне кажется, ты сильно преувеличиваешь возможности инфора, – произнесла она, когда Блум, закончил наконец-то намазывать тост и, положив нож, поднес его ко рту.

– Что? – рука с тостом замерла в воздухе.

– Вести постоянное наблюдение за каждым жителем Города, – это слишком громоздкая задача даже для инфора, – пояснила свои слова Мейла. – Я вовсе не ставлю под сомнение то, что ты

рассказал мне вчера. Я просто считаю, что инфор уделяет тебе особое внимание, как субъекту, который, с его точки зрения, может представлять собой некую потенциальную угрозу.

– Для кого? – положив тост на край тарелки, спросил Блум.

– Насколько я понимаю, задачей инфора является поддержание Города в жизнеспособном состоянии в течение неограниченно долгого времени. Как мы видим, со своей задачей он справляется весьма успешно…

– Более чем успешно, – вставил Блум.

– Именно так, – согласившись с ним, чуть наклонила голову Мейла. – Инфор не в состоянии самостоятельно понять и оценить все многообразие проявлений человеческой натуры. Поэтому он сам или те, кто в свое время закладывали в него программу, создали набор неких усредненных показателей, характеризующих нормальное состояние человека. Любое отклонение от этой нормы инфор автоматически расценивает как патологию, требующую от него незамедлительного вмешательства. Для него жизнеспособность Города определяется, прежде всего, стабильностью системы, которую он призван контролировать. А стабильность – это, в первую очередь, неизменность, – Мейла чуть приподняла руки и слегка развела их в стороны, словно желая показать, что в них ничего нет. – Соответствующие выводы из всего сказанного в состоянии сделать даже младенец.

– Значит ты считаешь, что инфор ведет постоянное наблюдение только за теми, кто, как ему кажется, способен вывести систему Города из равновесия? – обдумав слова Мейлы, задал уточняющий вопрос Блум.

– Подобное предположение кажется мне вполне разумным, – ответила женщина.

– Но, в таком случае, возникает вопрос, каким образом инфор выбирает тех, кто нуждается в его опеке?

– А для чего, по-твоему, в Городе существует могучая гвардия врачей-психокорректоров?

– Они, что же, все являются штатными осведомителями инфора? – в голосе Блума явно прозвучало недоверие.

– Ну, зачем же так прямолинейно? – снисходительно улыбнулась Мейла. – Психокорректоры добросовестно выполняют свои обязанности, помогая людям избавляться от мешающих им спокойно жить навязчивых идей и комплексов. Но ведь все медицинские карты с историями болезней находятся в архиве Медицинского департамента. А где расположен этот архив?..

– В сети инфора, – с пониманием прищурил глаз Блум. – А, значит, инфор может свободно проводить по ним выборку.

– Обращая особое внимание на тех, кого врачи направляют на

интенсивную психокоррекцию, – закончила Мейла. Опустив взгляд, она провела пальцем по золотистому ободку на краю блюдца. – То, что ты рассказал о сеансе интенсивной психокоррекции, это просто ужасно. Я и представить себе не могла… Бедняга Люц…

– Он сам сделал свой выбор, – сумрачно произнес Блум. – Хотя, боюсь, что в этом была и моя вина.

– Что ты имеешь в виду? – быстро взглянула на него Мейла.

– Если бы я не потащил его за собой на улицу…

– Если бы ты знал, чем все это закончится, то и сам, наверное, сидел бы дома.

– Ты так думаешь?

Пронзительный взгляд Блума смутил Мейлу.

– Возможно, что я ошибаюсь, – отведя взгляд в сторону, сказала она. – Если так, – то я рада.

– А тебе самой никогда не рекомендовали пройти процедуру интенсивной психокоррекции? – как бы между прочим поинтересовался Блум.

– Скажешь тоже! – сверкнув глазами, как-то странно, как будто недобро, улыбнулась Мейла. – Десятки раз! Мне даже кажется, что любой практикующий врач-психокорректор рано или поздно направляет каждого своего пациента на процедуру интенсивной психокоррекции.

– И как же тебе удавалось этого избежать?.. Или ты просто не помнишь, как это было?

– Женщины умеют проявлять гибкость там, где мужчины не находят ничего лучшего, как только идти напролом, – улыбка Мейлы снова сделалась лукавой. – Я всего лишь периодически меняю наблюдающих за мной психокорректоров.

– Как это? – недоуменно воззрился на неё Блум.

– Очень просто, – игриво дернула плечом Мейла. – Практикующих психокорректоров в Городе более чем достаточно. Достаточно заглянуть в адресный справочник для того, чтобы понять, что это самая популярная профессия. Поэтому, когда мой очередной психокоррекгор начинает убеждать меня в том, что мне неплохо было бы пройти специальный курс интенсивной психокоррекции, я, послушав его какое-то время и не высказав при этом никаких принципиальных возражений, просто выбираю себе нового врача, с которым вся история начинается заново.

– А как к этому относится бывший?

– Страшно ревнует, – наклонившись вперед, таинственным полушепотом, как бы по секрету, сообщила Блуму Мейта – Но сделать, увы, ничего не может.

– Неплохо, – усмехнулся Блум. – И все же, я неуверен в том,

что инфор контролирует только тех, кого ему рекомендуют психокорректоры. У него есть возможность наблюдать за всем, что происходит в каждой квартире Города, – Блум кивком указал на выключенный терминал инфора. – Ну, хотя бы, время от времени заглядывать.

Мейла, допив кофе, осторожно поставила тонкую, почти прозрачную фарфоровую чашку на такое же изящное блюдечко и быстро прикоснулась салфеткой к губам.

– Чтобы убедить тебя в том, что я знаю, о чем говорю, придется кое-что тебе показать, – сказала она, поднимаясь из-за стола.

– Не иначе как скелет в шкафу? – усмехнулся Блум. Не обращая внимания на его неловкую попытку пошутить, Мейла подошла к стенному шкафу, выдвинула среднюю его секцию и взглядом подозвала к себе Блума.

В ящике, поделенном на три равные части тонкими пластиковыми перегородками, лежали странные металлические предметы, похожие на большие гребешки с заточенными, словно ножи зубьями.

– Это что ещё такое? – Блум удивленно провел пальцем по основанию одного из гребешков.

На пальце остался слой рыжего машинного масла. Блум внимательно осмотрел палец, понюхал его и вытер о штаны.

– Это имеет какое-то отношение к твоей работе? – удивленно посмотрел он на Мейлу.

– Нет, – ответила та. – Это мое хобби.

– И как же называется твое хобби?

– Это, – Мейла взяла в руку одну из смазанных машинным маслом железок, – нож газонокосилки.

– Ты их коллекционируешь?

– Можно и так сказать.

– Странное увлечение, – задумчиво покачал головой Блум. – Заказываешь по каталогу?

– Нет, – отрицательно тряхнула головой Мейла. – Сама добываю.

– Что значит «добываю»? – непонимающе сдвинул брови к переносице Блум.

– Это значит, Блум, что я выхожу на улицу не за тем, чтобы выпить чашечку кофе в ближайшем кафе, а для того, чтобы охотиться на газонокосилок.

– Охотиться?.. – только и смог выговорить пораженный Блум.

Выражение лица у него при этом сделалось таким по-детски растерянным, что при одном только взгляде на него Мейла не смогла удержаться от улыбки.

– Не вижу повода для веселья, – обиженно насупился Блум. – Чем смеяться, лучше бы объяснила толком, для чего нужна эта груда железа?!

– Это мои трофеи, – немного обиженно ответила Мейла.

– Ну и что с того?

– Каждый из этих ножей, – это газонокосилка, которую я убила!

– Как это «убила»?

– Вот так! – Мейла порывисто открыла соседнюю секцию шкафа и выложила перед Блумом черное трико, отрезок металлической арматуры с остро заточенным концом и сумку с набором инструментов. – Я убиваю их собственными руками! А в качестве трофеев беру ножи!..

– Подожди, – Блум растерянно поднял руку. – Ты хочешь сказать, что все это?.. – он провел ладонью по ящикам, в которых было уложено не менее трех десятков покрытых смазкой ножей.

– Да, – коротко кивнула Мейла. – Все это ножи убитых мною газонокосилок.

– А это зачем? – Блум вытащил из складок трико полоску алой материи.

– Ею я повязываю голову, – объяснила Мейла. – Видишь ли, вначале охотиться на газонокосилок было совсем не трудно. Они занимались своим делом, не обращая на меня никакого внимания. Чтобы усложнить задачу, я решила ввести некий отличительный знак, который предупреждал бы газонокосилок о подстерегающей их опасности.

– И что, сработало?

– Еще как! – радостно улыбнулась Мейла. – Теперь, завидя меня, газонокосилки бросаются врассыпную!

– И инфор до сих пор тебя не вычислил?

– Отправляясь на охоту, я хорошо маскируюсь. Я выхожу из дома в обычном платье, спрятав охотничью одежду в сумку. В ближайшем кафе я делаю заказ, прошу робота-официанта немного обождать и, спрятавшись среди кустов, переодеваюсь в трико. Теперь я уже другой человек. Не показываясь на глаза официанту, я ухожу к месту, намеченному для засады. Заполучив нож газонокосилки, я снова переодеваюсь и возвращаюсь в кафе, чтобы демонстративно посидеть там какое-то время. Таким образом, мой внешний вид, зафиксированный как официантом, так и привратником дома, в котором я живу, никогда не совпадает с обликом дерзкого охотника на газонокосилок.

– Да уж… – Блум с видом знатока взвесил на руке остро заточенную арматуру. – Солидное оружие, – с уважением произнес он.

– Вначале для того, чтобы пробить панцирь газонокосилки, я пользовалась киркой, – с любовью проведя кончиками пальцев по арматуре, сказала Мейла. – Но тяжелый металлический прут оказался куда эффективнее. Для того, чтобы поразить им газонокосилку требуется больше усилий, чем когда орудуешь киркой, но зато, если удается пробить её насквозь, то прут надежно прикалывает машину к земле и не дает ей возможности убежать, пока я снимаю нож.

– Ничего себе! – с уважением качнул головой Блум. – А с виду – хрупкая женщина.

– Внешность бывает обманчива, – улыбнулась в ответ Мейла. – Ты тоже не очень-то похож на психически неуравновешенного луддита, нападающего на привратников.

– Пожалуй, все же, ты более сумасшедшая, чем я, – серьезно сдвинув брови, вынес свое заключение Блум. – Я калечил автоматы по необходимости, ты же – ради развлечения.

– Кто тебе сказал, что это развлечение?! – возмущенно взмахнула руками перед лицом Блума Мейла.

– Ты же сама сказала, что это твое хобби, – недоумевающе пожал плечами Блум.

– Я называю охоту своим хобби только потому, что не могу официально заявить о том, что моя основная профессия, – охота на газонокосилок! С таким же успехом я могу назвать развлечением твое стремление отыскать границу Города!

– Ну, это совершенно разные вещи! – возмутился Блум.

– И в чем же разница?

– Охота на газонокосилок не несет в себе никакой практической пользы.

– А что толку будет в том, если тебе удастся найти границу Города?

– Если я найду границу Города, – приблизив свое лицо к лицу Мейлы, таинственным полушепотом произнес Блум, – то я смогу уйти отсюда.

– А если я перебью все газонокосилки в Городе, – так же шепотом ответила ему Мейла, – то Город зарастет травой и кустами и превратится в джунгли. Тогда и не нужно будет никуда отсюда бежать.

Какое-то время и Блум, и Мейла сохраняли чрезвычайно серьезные, сосредоточенные выражения лиц. И вдруг одновременно рассмеялись. Да так, что долго не могли остановиться.

– И все же, – отсмеявшись и вытерев слезы, произнес Блум. – Если серьезно. Почему ты охотишься на газонокосилок?

– Откуда я знаю? – пожала плечами Мейла. – Я сама никогда

не задавала себе этот вопрос. Возможно, я делаю это потому, что мне претит стерильное однообразие городских улиц, а газонокосилки тем и занимаются, что поддерживают на них порядок. Или, может быть, мое увлечение – это своеобразная форма протеста против невыносимой скуки бытия. А, может быть, добытые мною трофеи дают мне ощущение реальности окружающего мира. Ты ведь тоже хотел найти этому подтверждение?

– Хотел, – согласился Блум. – Но теперь, когда я получил требуемые доказательства, я стал бояться мира.

– Тебя пугает мир или инфор?

– Инфор я ненавижу. А мир пугает меня потому, что теперь я боюсь, что в мире нет ничего, кроме нашего Города.

– Куда же делось все остальное? – попыталась пошутить Мейла.

Блум пожал плечами и чуть развел руки в стороны.

– А существовал ли он вообще когда-нибудь, мир вне Города?

– А как же история?

– Всего лишь удачный миф.

– Я в это не верю, – убежденно заявила Мейла. – Да и ты сам тоже не веришь тому, что говоришь. Такого просто не может быть!

– Надеюсь, – куда менее уверенно произнес Блум.

Мейла Влит

«Сколько раз, сидя в засаде, в ожидании появления газонокосилок, я вдруг замечала человеческий силуэт, промелькнувший среди кустов на противоположной стороне улицы. Вначале я считала, что это только плод моей фантазии. Но однажды, возвращаясь после удачной охоты, я совершенно отчетливо Увидела человека, перебегающего улицу. Он был облачен в какие-то совершенно бесформенные белые одежды. Я окликнула его, и он оглянулся. До него было чуть более сорока метров, и мне удалось хорошо его рассмотреть. На вид ему было чуть больше тридцати. Длинные рыжеватые волосы, худое, вытянутое лицо, жидкая бородка и глубоко посаженные глаза. Увидев меня, он только взмахнул рукой, словно чертя в воздухе какой-то непонятный знак, и побежал в сторону от меня ещё быстрее, чем прежде. Я бросилась следом за ним, но не смогла догнать. Человек свернул в проулок между домами и исчез. Словно в воздухе растворился. Кто это был и что он делал на улицах Города?.. Не знаю. Больше я его никогда не видела.

Почему так происходит? Почему люди сторонятся друг

друга?

Быть может, они, как и я, считают свои действия противоправными с точки зрения существующих норм поведения? Или же, подобно Блуму, сомневаясь в реальности самого мира, они принимают всех остальных за призраков? А как, должно быть, было бы важно для каждого из них знать, что он не один.»

Глава 14

Жизнь и смерть – одно и то же

(4-й уровень, 63-я улица)

Улицы Города, совершенно определенно, не принадлежат безраздельно газонокосилкам и уборочным машинам. На них происходит какая-то своя, тайная жизнь. Но каждый, кто по той или иной причине выходит на улицу, прячется от остальных.

– И чем ты собираешься заняться теперь? – спросила у Блума Мейла, убирая со стола.

– В каком смысле? – подумав какое-то время, решил все же уточнить Блум.

– Ты намерен продолжить поиски границы Города?

– У меня теперь просто не осталось выбора. Нормальная жизнь в Городе мне заказана.

– Не преувеличивай, – усмехнулась Мейла. – Тоже мне, враг общества номер один. Обзавестись новой личностью ничего не стоит. Немножко изменишь внешний облик и никакой инфор тебя не узнает.

– Ну да? – недоверчиво выгнул губы Блум.

Мейла вскинула голову и с вызовом посмотрела на Блума.

– Какой документ удостоверяет личность жителя Города? – спросила она, оперевшись одной ладонью о стол, а другую положив на бедро.

– Не знаю, – подумав, ответил Блум. – У меня вообще нет никаких документов кроме лицензии на профессиональную деятельность.

– А медицинская карта?

– Но они же находятся в сети инфора. К тому же моя куда-то запропастилась.

– Вот именно, – наклонила голову Мейла, акцентируя внимание на этом моменте. – А вместо потерянной можно завести новую, с другим именем.

– Это может сделать только тот, кто имеет доступ к архиву Медицинского департамента.

– А значит, любой практикующий врач-психокорректор, к которому ты обратишься за профессиональной помощью либо просто за советом, – Мейла развела руками, словно фокусник, демонстрирующий почтенной публике, что у него в рукавах ничего не спрятано. – Ну, что ты на это скажешь?

– Возможно, что такой номер и пройдет, – все ещё проявляя

сомнения, Блум, тем не менее, не мог полностью отмести приведенные Мейлой доводы. – Но, все же, я не стал бы прибегать к нему без крайней необходимости.

– А как ты определяешь эту самую крайнюю необходимость? – поинтересовалась Мейла.

– Ну… – Блум замялся. – Скажем, когда запахнет жареным.

Мейла как-то странно глянула в его сторону.

– При чем тут жареное?

– Это такое идиоматическое выражение, – смущенно объяснил Блум, поскольку и сам толком не понимал, что означает данное сочетание слов, которое ему просто нравилось само по себе, без какой-либо связи со смыслом.

Поднявшись со стула, он надел куртку, не спеша застегнул её и, похлопав по карманам, спросил у Мейлы:

– Ты не видела, куда я положил свои очки?

– А куда ты, собственно, собрался? – удивленно вскинула брови Мейла.

– Надо, наконец, выяснить, отвязался я от инфора или нет, – с чрезвычайно деловым и озабоченным видом ответил ей Блум.

– И как ты собираешься это сделать?

– Попробую вернуться домой.

– Ты что-то забыл там? – в голосе Мейлы едва заметно прозвучала то ли досада, то ли ирония.

– Да вроде как нет, – развел руками Блум.

– Так зачем тебе туда идти? Для того, чтобы узнать следит ли все ещё за тобой инфор, достаточно показаться местному привратнику. Он точно такой же глаз инфора, как и робот, стоящий в подъезде твоего дома.

– Заодно я хочу попытаться выяснить, какие действия предпринимает инфор с тем, чтобы отыскать меня.

– У тебя, определенно, мания величия, – улыбнувшись, качнула головой Мейла. – Как будто инфору больше заняться нечем.

– А, может быть, я именно тот дестабилизирующий фактор, который выведет всю эту систему из равновесия? – улыбнулся в ответ ей Блум.

– Скромнее надо быть, господин Блум, скромнее, – с укором произнесла Мейла и, подойдя к Блуму, похлопала его ладонью по груди. – Как бы там ни было, домой пойдешь завтра. Сейчас я тебя просто не отпущу, – на улице скоро ночь наступит.

– Прости, Мейла, но если инфору известно, где я нахожусь…

– Сходи и поговори с привратником, – указала на дверь Мейла. Она и слушать не желала, что собирался сказать ей Блум. – Только, ради бога, не ломай ему сразу же руку.

– Отлично, – Блум снова хлопнул себя по карманам. – Черт, где мои очки?

Мейла посмотрела на него, как на недоумка.

– Ты что, собираешься предстать перед глазами инфора, одетым в полевую форму и с лицом, спрятанным за солнцезащитными очками?

– А что? – Блум все ещё оглядывался по сторонам, ища взглядом свои запропастившиеся куда-то очки. – Тебе не нравится моя одежда?

– Меня несколько смущает прямолинейность твоего мышления, – ответила Мейла. – В своем экстравагантном костюме ты вчера успел отметиться везде, где только мог. Теперь тебя в таком виде любой робот опознает.

– И что ты предлагаешь? Пойти поздороваться с привратником, не надевая очков? «Привет, меня зовут Стили Блум! Как поживаете?».

– Ты снова забываешь о том, что в лице инфора имеешь дело всего лишь с логической схемой, пусть даже невероятно сложной и умной. Она не может запоминать лица так, как это делаем мы, воспринимая сочетание всех внешних признаков в комплексе. Для идентификации личности обычно используются несколько параметров, которые на протяжении жизни у большинства людей остаются неизменными: цвет глаз и расстояние между ними, длина носа, ширина нижней челюсти и расстояние между скулами. Достаточно изменить хотя бы один из этих показателей, и система автоматической идентификации уже не в состоянии будет тебя опознать.

– Откуда ты все это знаешь? – удивленно посмотрел на Мейлу Блум.

– Ты забыл, что я занимаюсь искусствоведением? Лицо человека это одно из совершеннейших творений природы, без которого редко обходится какое-либо произведение искусства.

– И каким же образом ты собираешься изменить мою внешность? – поинтересовался Блум.

– Прежде всего, переоденься, – Мейла достала из стенного шкафа и кинула Блуму новые джинсы, рубашку в крупную красно-коричневую клетку и синие спортивные туфли. – Размеры мне пришлось определять на глаз, но будем надеяться, что подойдет.

– А как быть с лицом? – прижимая полученные вещи к груди, несколько растерянно спросил Блум. – Как спрятать глаза, если солнцезащитные очки сами по себе слишком заметны?

– Элементарно, Блум, – насмешливо глянула на него Мейла. – Используем цветные контактные линзы.

Это был, если и не нокаут, то уж, по крайней мере, удар,

вызвавший у Блума временную потерю ориентации. Мейла явно перехватила у него инициативу. Он даже и не ожидал с её стороны столь тщательного и всесторонне продуманного подхода к делу. К делу, которое он считал безраздельно своим!.. А он ещё посмеивался про себя над её глупым увлечением. Надо же, – охота на газонокосилок!

Блум сел на стул и механически, не обращая внимание на то, что в комнате находится женщина, начал стягивать с себя одежду.

Он действовал интуитивно, а Мейла – прагматично и рационально. Ей нельзя было отказать в здравомыслии. А ему оставалось только подчиниться ей, стараясь удержать внутри себя рвущееся наружу раздражение.

Почему кто-то постоянно пытается управлять им?!..

Облачившись в одежду, которую заказала для него Мейла, Блум безропотно подставил ей свое лицо, давая возможность вставить контактные линзы, изменившие цвет его глаз с голубых на карие.

– Ну, вот теперь полный порядок, – по-мужски одобряюще похлопала его по плечу Мейла. – С таким кавалером можно и прогуляться.

– Ты собираешься пойти вместе со мной? – едва ли не с испугом посмотрел на неё Блум.

Но Мейла, как будто и не заметила, что в тоне, которым был задан вопрос, явственно прозвучало недовольство принятым ею решением. Или же не пожелала обращать на него внимания.

– А, собственно, в чем проблема? – она кокетливо положила ладонь на бедро, отставив в сторону согнутый локоток. – Для того, чтобы собраться мне потребуется всего пятнадцать минут.

– Нет, – окинув фигуру Мейлы быстрым оценивающим взглядом, непреклонно заявил Блум. – Я пойду один.

Игривое выражение лица Мейлы не изменилось, оно только застыло, как гипсовая маска.

– Почему? Я сделала что-то не так?

– При чем здесь ты? – Блум подхватил за лямки свой рюкзак и быстрой, решительной походкой направился к двери. – Мне нужно самому разобраться в собственных проблемах, – раздраженно бросил он через плечо.

– Зачем ты взял рюкзак? – негромко спросила, глядя ему в спину, Мейла. – Ты ведь собирался только поздороваться с привратником.

– Не знаю, – не оборачиваясь, ответил Блум. – На случай, если вдруг захочется пройтись.

– Ты вернешься, – совсем уже тихо произнесла женщина. И хотя в её голосе не было вопросительных интонаций, Блум

коротко ответил:

– Да, – и вышел за дверь.

Он ненадолго задержался в коридоре за дверью, чтобы хотя бы в первом приближении привести в порядок свои вконец запутавшиеся мысли и чувства. Что с ним происходит, он пока не мог понять. Но едва только дверь, ведущая в квартиру Мейлы, захлопнулась у него за спиной, как он почувствовал себя значительно спокойнее и лучше во всех отношениях.

Поправив на поясе рубашку, Блум закинул рюкзак на плечо и вышел на лестничную площадку.

Едва только он увидел неподвижно замершего у двери робота-привратника, как рука его непроизвольно потянулась к рюкзаку, где был спрятан металлический прут, уже не раз доказавший свою способность открывать запертые двери.

Одернув себя, Блум быстро сбежал по короткой лестнице и уверенно направился в сторону выхода.

– Добрый день, господин! – распахнул дверь при его приближении робот-привратник.

Лицо Блума расплылось в радостной и немного самодовольной улыбке. Остановившись возле робота, он приветливо похлопал его по никелированному боку.

– Как дела, приятель?

– Простите? – не понял его робот.

– Хороший, говорю, сегодня денек! – патетично воскликнул Блум, выглянув на улицу, а затем снова посмотрев на робота.

Яркость освещенности и температура на улице ничем не отличались от тех параметров, что поддерживались в Городе изо дня в день, однако лихая радость переполняла Блума, и ему на полном серьезе казалось, что сегодняшний день, действительно, чем-то отличается от всех остальных.

– Скорее уж вечер, – деликатно и немного смущенно поправил Блума робот. – Простите, господин?..

– Штукни, – подсказал ему Блум. – Мое имя Стан Штукни.

– Простите, господин Штукни, но, насколько я могу судить, вы не являетесь жителем этого дома?

– Ну, это как сказать, – уклончиво ответил Блум.

– В списке жильцов ваше имя не значится.

– Ну так запомни его, – посоветовал Блум. – Я стану бывать здесь довольно-таки часто. А, быть может, со временем и навсегда переберусь. У меня в этом доме много друзей.

– Но я не видел, когда вы пришли.

– Надо быть внимательнее, – снисходительно заметил Блум.

Снова похлопав робота по корпусу, он переступил порог и оказался на улице.

– Вызвать вам автоэл, господин Штукни? – тут же предложил привратник.

– Будь так любезен, – не оборачиваясь, кивнул Блум. Оглядевшись по сторонам и не заметив ничего, что могло бы его насторожить, Блум с наслаждением вдохнул полной грудью стерильный воздух Города. Он снова был свободен. И даже, быть может, свободнее, чем когда бы то ни было прежде. Минимальные изменения, которые по совету Мейлы он внес в свой внешний облик, превратили его в человека-невидимку. Инфор не узнавал его, а потому и не обращал на него ни малейшего внимания.

Блум был благодарен Мейле за то, что она согласилась приютить его на время, но он не собирался сразу же возвращаться к ней. То, что вначале показалось Блуму надежным и спокойным убежищем, всего за несколько часов превратилось в источник постоянной нервозности. Блум был вовсе не против того, чтобы обзавестись понимающим и всегда готовым прийти на помощь партнером, но Мейла слишком уж активно, можно даже сказать агрессивно взялась за дело. Ее натиск и напор совершенно вывели Блума из состояния равновесия Спора нет, она дала ему несколько весьма ценных советов, но это отнюдь не давало ей права указывать Блуму, что и когда он должен делать. Одно дело – насаживать на штырь безмозглых газонокосилок, и совсем другое – вести хитрую и опасную игру с инфором. Хотя Блум и вышел на улицу Города несколько позже Мейлы, но опыт у него, как сам он полагал, был куда более обширный и разносторонний. Она, видишь ли, даже придумала обвязывать голову полоской красной материи, чтобы усложнить себе задачу! Игра, да и только! Баловство детское! Ему бы её проблемы!

Блум был абсолютно уверен, хотя и не мог точно сказать почему именно, что его конфликт с инфором уже перешел в новую фазу. Теперь в этой странной схватке, происходящей на узкой полосе пространства, лежащей на пересечении реально существующего мира и недоступного человеческому пониманию мира, созданного потоками электронов, стремительно курсирующими по сети инфора, уже не было места для компромиссов. Это было смертельное противостояние, в котором каждая из сторон теперь уж стремилась не просто переиграть, а уничтожить своего противника. И самым удивительным было то, что враги не могли даже взглянуть друг другу в глаза. Они существовали в разных измерениях, а потому могли наносить друг другу только опосредованные, косвенные удары. В такой битве преимущество было у того, кто обладал наиболее точной и своевременной информацией. И до сих пор перевес был на стороне инфора. Он использовал активную наступательную

тактику, а Блум был вынужден только уворачиваться от ударов. В отличие от инфора, ему не были известны слабые места противника. За исключением, пожалуй, одного, – условная граница Города, судя по всему, создавала для инфора определенные проблемы. И, тем не менее, она существовала. Следовательно, в этом инфор был бессилен, – он не мог полностью перекрыть границу, сделав её непроницаемой для людей. Оставалось только выяснить причину этого явления и понять, каким образом можно использовать его против инфора.

В конце улицы появилась красная точка, которая быстро приближалась, приобретая обтекаемую каплеобразную форму двухместного автоэла. Подъехав в Блуму, машина резко затормозила и, пронзительно скрипнув новенькими протекторами, развернулась, чтобы припарковаться правым бортом к тротуара. Сухо щелкнул запор дверцы, оказавшейся точно напротив Блума.

– Рад служить вам, господин Штукни! – действительно радостно возвестил голосовой имитатор автоэла.

– Привет! – не менее радостно ответил ему Блум. Забравшись на заднее сиденье, он захлопнул дверцу машины и удобно устроился, облокотившись на дверную ручку.

– Куда прикажете доставить вас, господин Штукни? – спросил автоэл и тут же извиняющимся тоном добавил: – Простите, но мне не удалось найти вашего имени в адресном списке жителей Города.

– Ничего страшного, – успокоил его Блум. – Я и сам пока ещё точно не знаю, где буду жить. Отвези меня для начала к дому номер двадцать четыре по этой же улице.

– Слушаюсь, – машина рванулась с места. – Если вы дадите мне более точный адрес, я смогу заблаговременно оповестить о вашем визите того, к кому вы направляетесь. Это было бы удобно во всех отношениях…

– Не беспокойся, – перебил Блум. – Я уже сделал это.

Дальнейшая поездка происходила в обоюдном молчании. Блум рассеянным взглядом скользил по проносящимся за стеклами машины домам, похожим один на другой, как строительные блоки, из которых они были собраны. Положив левую руку на спинку переднего сиденья, он слегка постукивал по ней всеми пятью пальцами, словно пробуя клавиши какого-то незнакомого, да к тому же ещё и неважно настроенного инструмента. В эти минуты Блум ни о чем не думал. В голове у него не присутствовало ни единой мысли, пусть даже в зачаточном состоянии. Он просто наслаждался тишиной и покоем. А автоэл, которому как будто передалось душевное

состояние его пассажира, не приставал к нему с разговорами, подобно большинству других роботов.

Только сейчас Блум начал в какой-то степени понимать, что заставило его сбежать от Мейлы. Она подавляла его индивидуальность в той же степени, что и инфор, только действовала при этом иными средствами. Хотя и с самыми наилучшими намерениями Мейла, тем не менее, стремилась изменить Блума, приспособить под себя, сделать таким, каким она его себе представляла. А стремление Блума вырваться за пределы Города она, похоже, воспринимала всего лишь, как своего рода причуду, как одно из проявлений его эксцентричной творческой натуры.

Но это было не так. Поиск границы, отделяющей Город от всего остального мира, был для Блума вовсе не причудой и не своеобразным хобби, вроде охоты на газонокосилок, которую придумала для себя Мейла. Блум и сам не смог бы сказать, когда именно впервые возникла у него эта идея и что послужило тому причиной. Теперь ему уже казалось, что он жил с ней всегда. Только прежде она была чем-то неосознанным и едва ли не эфемерным, подобно сну, воспоминание о котором тут же превращается в серый туман, стоит только попытаться перевести его яркие образы в слова.

– Мы на месте, господин Штукни, – сообщил, остановившись у тротуара, автоэл. – Дом номер двадцать четыре.

– Отлично, – Блум открыл дверцу и, подхватив с сиденья рюкзак, вышел из машины. – Ты куда-нибудь торопишься? – обернувшись, спросил он у автоэла.

– Я? – озадаченно переспросил тот.

– Тебе нужно ещё куда-нибудь ехать? – уточнил сбой вопрос Блум.

– Других заказов у меня нет, – ответил автоэл.

– Ну, вот и отлично, – Блум похлопал машину по красной блестящей крыше. – Тогда подожди меня здесь. Скорее всего, долго я не задержусь.

– А куда мы поедем потом? – бодрым голосом поинтересовался автоэл.

Блуму даже показалось, что он услышал в нем неподдельное любопытство.

– Потом и узнаешь, – улыбнулся Блум. – Договорились?

– Конечно! Нет никаких проблем! Все отлично! Просто превосходно!..

– В таком случае, прояви терпение, – прервал Блум стремительный поток восторженных восклицаний, грозящий превратиться в полноводную бурную реку.

Непринужденно помахивая рюкзаком, который он держал за лямки, Блум направился в сторону подъезда.

Еще издали заприметив Блума, робот-привратник ожидал его, заранее распахнув дверь. Руку, сломанную накануне Блумом, ему уже успели починить. И работала она, что с радостью отметил Блум, ничуть не хуже, чем прежде. Сей факт делал значительно легче тяжкий груз воспоминаний о том, как несправедливо обошелся он с несчастным роботом.

– Добрый день… Господин?…

– Штукни, – подсказал роботу Блум, придав при этом своему лицу отстраненно-равнодушное выражение.

– Добрый день, господин Штукни! – бодро произнес всю фразу целиком привратник.

Остановившись на пороге, Блум окинул взглядом холл. Статуэтка, которую он использовал вчера как оружие, тоже стояла на прежнем месте. И, похоже было, что она ни в малейшей степени не пострадала. По крайней мере, никаких внешних повреждений Блум не заметил.

– Если вы сообщите мне, к кому направляетесь…

Придав своему взгляду холодную отрешенность от всего, что происходило и что могло произойти в любое из мгновений, отсчитываемых равномерными ударами пульса, Блум пристально посмотрел в круглый видеосенсор робота.

– Господин Штукни? – прервав свою обычную речь, удивленно произнес робот.

Идея Мейлы насчет изменения цвета глаз работала отменно, – даже в доме, где он прожил большую часть своей сознательной жизни, робот-привратник не узнал его.

– Мне нужен Стили Блум, – медленно произнес Блум. – Сообщи ему о том, что я пришел.

– Мне очень жаль, господин Штукни, – вновь обрел свою былую живость привратник. – Но я не могу этого сделать.

– Что это значит? – слегка повысив голос, Блум добавил в него ещё и интонацию недовольства. – Он живет в этом доме!

– Жил до недавнего времени, – поправил его робот.

– Он переехал? – сгорая от нетерпения, быстро спросил Блум. – Ты можешь сообщить мне его новый адрес?

– Мне очень жаль, господин Штукни, – ничего не выражающим голосом так же быстро произнес робот. – Но Стили Блум умер.

Блум от изумления даже рот открыл.

Прошло не меньше минуты, прежде чем он смог выговорить:

– Когда?

– Прошлой ночью, – ответил робот.

– И что теперь? – задал непонятный даже ему самому вопрос Блум.

– Что вы имеете в виду? – переспросил привратник.

– Ничего…

Блум тряхнул головой и, развернувшись на носках, торопливо, словно боясь, что кто-то может броситься за ним вдогонку, зашагал в ту сторону, где ожидал его автоэл.

Забравшись на заднее сиденье машины, Блум наклонился вперед, прижав горячий лоб к спинке переднего сиденья, обтянутого мягкой, кажущейся чуть прохладной эрзац-кожей.

– Куда едем? – негромко спросил автоэл.

– Дай подумать, – глухо отозвался Блум.

Умер!

Такого поворота событий Блум никак не ожидал.

Инфор решил проблему радикальным путем, попросту объявив Блума мертвым.

Нет человека – нет и проблемы…

Но ведь он есть! Он существует!..

Или же заявление о смерти Блума это только часть коварного плана инфора, поставившего перед собой цель заманить противника в ловушку? Каких ответных действий он ожидает со стороны Блума? Неужели инфор думает, что, получив известие о собственной смерти, Блум начнет орать на каждом перекрестке, доказывая, что он жив? Или обратится к самому инфору, требуя пересмотра заключения о смерти?..

Бред полнейший!

Он ведь может и вообще ничего не предпринимать. Жить, как жил. Ну и бог с тем, что инфор считает его мертвым. Ему-то самому что за дело до этого? Кто сказал, что быть мертвым хуже, чем оставаться живым, влача бессмысленное существование в Городе, контролируемом инфором?

Скорее всего, инфор не строит насчет Блума никаких хитроумных планов. Мейла верно говорила, – даже самая умная машина пользуется принципами элементарной логики и не способна к абстрактному мышлению. Потеряв Блума из виду и не обнаружив его вновь в отведенные для этого сроки, инфор автоматически стал считать его мертвым.

Немного странным казалось Блуму только то, что его медицинская карта исчезла из архива ещё до того, как сам он пересек условную границу Города. Впрочем, стараться постичь логику инфора было делом, заранее обреченным на неудачу. Понять мотивы тех или иных его действий, не имея доступа к программе, было практически невозможно.

Инфор не понимал людей так же, как и люди не могли понять

творение, которое некогда они сами создали. Это был замкнутый круг, вырваться из которого, не разорвав его, было невозможно. Хотя, по логике, должны были существовать какие-то системы управления инфором. Не могли же люди, создавшие его, не предусмотреть при этом никаких форм контроля за своим детищем? Или же они настолько глубоко и безоглядно верили в то, что делали, что, как раз наоборот, проявили заботу о том, чтобы обезопасить инфор от возможности некомпетентного вмешательства в его работу?.. А, собственно, почему бы и нет? Вполне возможный вариант… Кто теперь сможет дать ответы на эти вопросы?..

– Поехали, – подняв голову, приказал автоэлу Блум.

– Куда? – спросил тот.

– Прямо и до начала улицы.

Блум не собирался долго ломать голову над загадкой инфора, поскольку понимал, что решить её собственными силами, не имея к тому же полного объема требующейся для этого информации, был не в состоянии. А, значит, единственное, что ему оставалось, – продолжать начатые поиски границы Города. Пока, как ему казалось, только на этом направлении он имел самые большие шансы на успех.

Автоэл подъехал к тротуару и, резко сбросив скорость, остановился.

На левой стороне улицы стоял, подпирая небо, дом под номером один. Напротив него находился дом под номером два. Между ними возвышалась стена с рядами слепых окон, забранных зеркальными стеклами.

Ни одной двери, ведущей в дом, перекрывший улицу, Блум не увидел. Но, поскольку окна в доме имелись, можно было предположить, что был в него и вход, да только находился он по другую сторону здания. Таким образом, попасть в дом можно было, только переместившись с помощью лифта на другой уровень. На какой именно, Блум не знал, но собирался это выяснить. Ему-то был известен способ, как можно попасть в любое здание, минуя центральный вход.

Блум вышел из машины.

Автоэл ни о чем не спросил его, но при этом не двинулся с места.

Даже если он и вознамерился шпионить за своим пассажиром, Блума это сейчас нисколько не беспокоило. По данным инфора он умер. Ну, а покойнику не пристало волноваться по какому бы то ни было поводу.

Все окна в доме, естественно, были закрыты.

Блум подошел к совершенно случайно выбранному окну,

достал из рюкзака прут и пару раз стукнул железкой по раме.

Дав знать о своем присутствии, Блум сделал два шага назад, чтобы хозяин, благо у него возникнет подобное желание, мог хорошо рассмотреть его.

Подождав с минуту, Блум перешел к соседнему окну и снова стукнул прутом по краю рамы.

К величайшему удивлению Блума, на этот раз ему даже ждать не пришлось. Окно распахнулось настежь и вниз из него свесилась голова, покрытая серыми, отросшими сверх всякой меры волосами, сальными лохмами торчащими во все стороны. Лицо у хозяина окна было оплывшим и сильно помятым, словно его только что вытащили из постели, не дав даже толком проснуться. Подбородок и щеки покрывала густая щетина. Мутный взгляд водянистых глаз с белками, покрытыми частой сеткой красноватых прожилок, проплыл из стороны в сторону.

Наконец, сделав определенное усилие, человек сфокусировал взгляд на своем незваном госте. Он попытался было что-то сказать, но внезапный приступ икоты помешал ему сделать это. Человек выпрямился, постучал себя кулаком в грудь и снова глянул на Блума, с трудом выговорив при этом единственное слово:

– Чего?..

Несмотря на разделяющее их расстояние, на Блума пахнуло кислым запахом недельного перегара.

– Простите, вы не скажете мне номер вашего дома? – сделав шаг назад, спросил Блум.

Человек сосредоточенно поскреб ногтями висок, после чего отрицательно мотнул головой.

– А на какой улице он стоит?.. – предпринял новую попытку что-либо разузнать Блум. – Быть может, вам известен номер уровня?..

Ответом ему всякий раз был непреклонно-уверенный отрицательный взмах нечесаной головы.

Непонятливость тупо глазеющего на него мужика начала раздражать Блума.

– Мне нужно узнать, что за улица находится по другую сторону дома, – тщательно артикулируя слова, в надежде таким образом донести их смысл до хозяина окна, а для доходчивости ещё и жестикулируя обеими руками, медленно произнес Блум.

Конечно, можно было, не тратя времени на вусмерть пьяного дебила, попытать счастья у другого окна, однако у Блума не было никакой уверенности в том, что трезвый человек так запросто откроет окно, просто услышав на улице какой-то стук. Скорее уж, он свяжется с инфором для того, чтобы выяснить, что происходит

у него за окном.

Высунувшийся из окна мужик задумчиво изучал дерево за спиной Блума.

– Ну так что? – проявляя нетерпение, спросил у него Блум.

– Чего?..

Мужик взглянул на него так, словно впервые увидел.

– Я могу войти к вам в квартиру? – спросил Блум. Мужик безразлично пожал плечами.

– Заходи…

– Мне нужен стул, чтобы забраться в окно, – обреченно произнес Блум, заранее настраиваясь на то, что придется повторить эту фразу несколько раз.

Но, как ни странно, на этот раз смысл сказанных им слов дошел до мужика довольно-таки быстро. Он сначала отшатнулся куда-то в сторону, но затем вновь возник в окне, держа за ножку табурет. Наверное, когда-то это был стул, но теперь у него отсутствовала спинка.

Бросив табурет вниз, мужик едва не угодил им в Блума.

Когда Блум поднял табурет и попытался установить его под окном, выяснилось, что у него не было ещё и одной ножки.

Кое-как пристроив табурет у стены и с трудом сохраняя равновесие, Блум взобрался на него и, подпрыгнув, навалился грудью на подоконник.

Ухватив Блума за воротник рубашки, хозяин квартиры втащил его в помещение.

Перевалившись через подоконник, Блум встал на ноги и окинул взглядом своего нового знакомого.

На вид ему можно было дать от сорока до пятидесяти лет. Из одежды на нем были только безразмерные трусы с красными маками и застегнутый на одну пуговицу темно-синий клубный пиджак с лопнувшим по шву рукавом.

Интерьер комнаты полностью соответствовал внешнему виду хозяина. Стены были заляпаны разноцветными пятнами. На полу валялись пустые коробки и кульки. Стол, покрытый грязными и местами прожженными обрывками пластика, был завален объедками и грязной одноразовой посудой. Объедки и посуда были разбросаны и по горизонтальной панели пульта инфора, а на экране, чем-то похожим на засохший соус, была написана парочка отменнейших непристойностей, имевших, по мнению того, кто это сделал, прямое отношение к смыслу жизни. Судя по всему, хозяин не испытывал ни малейшей потребности в общении с инфором.

Быстро оценив окружающую обстановку, Блум даже с тоской подумал, что здесь не грех было бы хотя бы имитаторы

использовать. А помимо них ещё и ароматизатор воздуха, – несмотря на то, что в углу комнаты надсадно гудел кондиционер, в помещении стоял затхлый, отдающий чем-то кисло-тухлым дух.

– Чего?.. – глядя на Блума мутным, абсолютно ничего не понимающим и в такой же степени ничего не выражающим взглядом, тупо произнес хозяин.

– Ничего, – ответил ему Блум.

– Ну, как знаешь…

Мужик отошел в сторону и привалился плечом к стене.

– Давно пьешь? – глянув на него искоса, спросил Блум. Мужик выгнул губы так, что углы их едва не коснулись подбородка. Он ещё попытался было развести руки в стороны, но потерял равновесие и, чтобы не упасть, был вынужден прижать ладони к стене.

– Тебе интенсивную психокоррекцию не предлагала? – поинтересовался Блум.

Не глядя на него, мужик взмахнул рукой. Жест был настолько неопределенно-универсален, что толковать его можно было, как заблагорассудится.

Разговор явно не клеился.

– Ну, ладно… – махнув рукой на бестолковый разговор, Блум, в поисках выхода, направился в глубь тускло освещенного пространства.

Для того, чтобы покинуть квартиру, ему пришлось сначала пройти через грязную, заваленную какой-то рухлядью и хламом прихожую, а затем ещё и изрядно повозиться с замком, который, должно быть, открывался только один раз в жизни, – для того чтобы впустить в квартиру её безалаберного хозяина.

Коридор за дверью был точно такой же, как и в доме Мейлы, – длинный, изогнутый под прямым углом.

– Добрый вечер, господин!..

Блум только недовольно поморщился и рукой махнул на привратника, открывшего ему дверь парадного.

Робот что-то ещё крикнул ему вослед насчет возможности вызова автоэла, но Блуму было не до того. Выбежав за дверь, он быстро огляделся по сторонам.

Улица как улица. Ничем не отличается от тех, что он уже видел.

Пробежав вдоль фасада здания, Блум остановился на углу.

Указатель на стене дома, из которого он только что вышел, гласил следующее: «Дом 120. 63-я улица. Уровень 3.»

– Здорово, – очень спокойно, совершенно невыразительным голосом произнес Блум.

И в ту же секунду свет вокруг него померк. В Городе

наступила ночь.

Пора было возвращаться домой.

Блум снова вошел в подъезд дома, каким-то совершенно непостижимым образом находящегося одновременно на двух уровнях Города, и, миновав услужливо-назойливого, как и все его собратья, робота-привратника поднялся на площадку первого этажа.

Дверь квартиры, которую он покинул несколько минут назад, все ещё была незаперта.

Пройдя через прихожую, Блум вошел в комнату.

Хозяин квартиры сидел за столом, подперев голову рукой, и с неизбывной тоской смотрел в распахнутое окно.

Услышав шаги Блума, он вместе со стулом повернулся в его сторону.

– Чего?..

– Мне нужно обратно, – указал на окно Блум. Всклокоченный мужик посмотрел сначала на него, потом на окно. Наконец в его замутненных алкогольными парами глазах как будто мелькнула искорка разума.

– А ты, собственно?.. – мужик сосредоточенно наморщил лоб. Начав говорить, он едва не потерял нить мысли. Однако, сделав неимоверное усилие, он все же вспомнил, о чем собирался спросить. – Ты кто такой?.. А?..

– Я? – Блум на секунду задумался. – Я Стили Блум, умерший прошлой ночью.

– Серьезно?.. – мужик оглядел Блума едва ли не с восхищением; – Вообще-то… – начал было он, но задумался. – Вообще-то… – повторил он через некоторое время уже с совершенно иной интонацией. – Для покойника ты выглядишь неплохо.

– Рад это слышать, – улыбнулся Блум.

– Ты… туда?.. – мужик махнул рукой в сторону окна.

– Туда, – утвердительно кивнул Блум.

– Ну… Давай…

Блум подошел к окну, сел на подоконник и, перекинув ноги, спрыгнул на газон.

Колченогий табурет, так и оставшийся стоять у стены, Блум поднял и протянул мужику, свесившемуся в окно.

– Оставь, – махнул рукой тот. – Может кому ещё понадобится.

– Ну, ладно, – Блум поставил табурет на прежнее место. Пора было уходить, но мужик, лежа грудью на подоконнике, продолжал смотреть на Блума, словно тот ещё должен был сказать ему нечто чрезвычайно важное. Блум неуверенно потоптался на месте.

– Ты бы навел у себя порядок, что ли, – сказал он, бросив быстрый взгляд на серое, с синюшным оттенком лицо. – Закажи новую мебель…

– Зачем? – недоумевающе повел плечом мужик.

– Ну, чтобы перед гостями не было стыдно.

– Какие ещё гости?.. – мужик хлопнул глазами и утробно икнул. – Кроме тебя у меня никого не было… Да и ты в окно забрался… Говоришь, что покойник… Чудно…

– Ладно, – кивнул Блум. – Будь здоров.

– Заходи… Если что… – вяло ответил мужик.

Он все так же неподвижно лежал грудью на подоконнике, словно у него уже не оставалось сил для того, чтобы двинуться с места.

Блум вышел на тротуар.

Автоэл стоял на том же месте, где он его оставил. Подойдя к машине, Блум открыл дверцу и занял ставшее уже привычным для него место на заднем сиденье.

– Свободен?

– Конечно, господин Штукни.

– Тогда – поехали.

Стили Блум

«Нет, это не поиск, – пустое и бессмысленное блуждание по улицам.

Ну, хорошо, допустим, мне удалось выяснить, что Шестьдесят третья улица Четвертого уровня имеет свое продолжение на Третьем и Пятом уровнях. Какой вывод можно из этого сделать?.. Не знаю… Мне ровным счетом ничего не приходит в голову.

Быть может, уровни Города чередуются не в вертикальной, а в горизонтальной плоскости? Отсюда и условные границы Города, отделяющие один уровень от другого?..

Да, но какой в этом смысл? Для чего нужно через определенные интервалы перегораживать улицы домами?..

И ещё лифты. Они ведь существуют. А, следовательно, осуществляют перемещение по вертикали. Если бы все уровни лежали в одной плоскости, то для перемещения по Городу было бы достаточно автоэлов и монорельса…

Кстати, монорельс я ещё не видел. На карте Города указано, что линия монорельса проходит по Второму уровню. Надо бы выяснить, куда с его помощью можно добраться. Конечно, вероятность того, что линия монорельса выходит за черту Города ничтожно мала, и все же…

И все же, всем моим действиям присущ слишком уж неопределенный и хаотичный характер. Я знаю, что именно хочу найти, но не имею ни малейшего представления о том, как и где это следует искать. Ни единого намека на системный подход к решению задачи. Я, по сути, просто мечусь из стороны в сторону, словно пытаюсь замести следы.

Я даже не знаю, как выглядит то, что я пытаюсь отыскать. Кто бы мог догадаться, что для того, чтобы попасть на другой уровень, достаточно вылезти в окно дома, стоящего в конце улицы? Быть может, и для того, чтобы покинуть Город, нужно всего лишь отыскать нужное окно?.. Но как его узнать? Сколько раз я уже прошел мимо того, что тщетно пытаюсь отыскать?»

Глава 15

При чем здесь Мёбиус?

(4-й уровень, 63-я улица, дом 120)

Дверь открылась после первого же звонка.

– Сегодня ты решил, как и все люди, воспользоваться дверью? – без тени улыбки спросила Мейла, пропуская Блума в квартиру.

– Как все люди? – посмотрел на неё Блум. – У тебя имеются знакомые, которые для того, чтобы нанести визит, выходят на улицу и вызывают автоэл?

– Мне и тебя одного достаточно, – ответила Мейла, проходя следом за Блумом в комнату. – Есть будешь?

– Не откажусь.

Блум положил рюкзак на пол возле стены и устало опустился в кресло.

Мейла быстро сделала заказ и, открыв ячейку доставки, переставила на стол два подноса.

– Печеный картофель и жаркое из индейки со сладкой кукурузой, – сообщила она, снимая крышку с самого большого блюда.

– Пойдет, – Блум подошел к столу и, сев на приготовленный для него стул, наложил себе полную тарелку.

– Где ты был? – сев напротив, спросила его Мейла.

– У себя дома, – коротко ответил Блум и принялся за еду. Мейла пристально смотрела на него, ожидая продолжения. При этом никаких новых вопросов она, похоже, задавать не собиралась.

Блум глянул на неё искоса и, усмехнувшись, наколол на вилку кусок мяса.

– Оказывается, я умер, – сообщил он и, отправив пищу в рот, принялся сосредоточенно пережевывать её.

– В каком смысле? – спросила Мейла.

– Меня больше нет в списке людей, живущих в Городе, – ответил Блум. – Робот-привратник моего дома сообщил, что я умер прошлой ночью. Что ты на это скажешь?

– Скажу, что для покойника у тебя слишком хороший аппетит, – спокойно произнесла Мейла.

– Я серьезно, – Блум отодвинул в сторону пустую тарелку. – Чего рассчитывает добиться инфор, объявив меня мертвым?

– Ты говоришь о нем, как о человеке…

– Я говорю о нем, как о противнике, в планах которого пытаюсь разобраться.

– Быть может, инфор объявил тебя мертвым по причине того, что не может отыскать тебя среди жителей Города? – предположила Мейла.

– Я тоже об этом думал, – кивнул Блум.

– Ну, и что?

– У меня пока ещё слишком мало информации для того, чтобы делать какие-либо выводы, – без особого энтузиазма признался Блум.

Мейла налила в стакан яблочного сока и пододвинула его Блуму.

Блум взял стакан в руку, затем приподнял и посмотрел сквозь его янтарное содержимое на свет лампы.

– Что-то не так? – негромко спросила Мейла.

– Ты не могла бы проявлять чуть меньше заботы обо мне? – все так же глядя на свет сквозь стакан с соком, мягко попросил Блум.

– Если тебе это не нравится…

Мейла порывисто поднялась со своего места и начала суетливо составлять грязную посуду на поднос. Тарелка выскользнула у неё из руки и с сухим пластмассовым треском упала на пол.

– Послушай, Мейла, я ведь не беспомощный младенец! – с досадой произнес Блум.

– Я это заметила, – не поднимая глаз, тихо ответила женщина.

Не зная, что ещё сказать, Блум положил ладонь на стол и согнутыми пальцами принялся выстукивать нервную дробь. Беспричинная, казалось бы, напряженность, возникшая в его отношениях с Мейлой, становилась все сильнее и нестерпимее с каждой минутой, проведенной вместе.

Мейла чувствовала то же самое. Но, в отличие от своего гостя, она прекрасно понимала, что Блум просто боится оказаться в абсолютной зависимости от женщины, чьим гостеприимством он вынужден был пользоваться. Поведение вполне характерное для многих мужчин. Врожденная агрессивность заставляет их видеть покушение на собственную независимость даже в тех действиях, которые, зачастую, не имеют к ним прямого отношения. Это всего лишь игра, в которую играют мужчины. Но относятся они к ней, надо сказать, весьма серьезно.

– Инфор не узнал тебя? – спросила Мейла, закончив убирать со стола.

– Нет, – покачал головой Блум. После небольшой паузы он все же добавил: – Ты здорово придумала с этими контактными линзами.

Мейла только плечо дернула, – ничего, мол, особенного. Блум снова ударил пальцами по крышке стола.

Ему нужно было поделиться с кем-то своим новым открытием. А, поскольку, кроме Мейлы никого рядом не было…

– Я нашел ещё один переход на другой уровень, – глядя на свои пальцы, сказал Блум.

– В начале улицы? – невинным голосом поинтересовалась Мейла.

Именно этого и опасался Блум. Мейла сразу же попала в точку и тем самым украла едва ли не половину его заслуги. Конечно, если знаешь, что в конце улицы находится переход, то не стоит большого труда сообразить, что такой же переход имеется и в её начале. Где же ещё ему быть, как не там! Куда проще сидеть дома и строить различные предположения, нежели носиться по городу и искать им подтверждения!

– Ну, если ты у нас такая догадливая, – довольно-таки желчно произнес Блум, – то, может быть, тебе известно и то, на какой уровень можно попасть через окно дома, стоящего в начале улицы?

Язвительный взгляд Блума встретился со взглядом Мейлы, полным досады и горечи. Взгляд Блума тут же забегал по сторонам, а затем пристыженно опустился.

– Извини, – быстро произнес Блум. – Я не должен был этого говорить.

– Не бойся, – коротко и чуть хрипловато усмехнулась Мейла. – Я не собираюсь выгонять тебя за это на улицу…

– Да при чем здесь это!.. – с досадой взмахнул рукой Блум.

– Хотя, не исключено, что именно этим наши отношения и закончатся, – повысив голос, закончила начатую фразу женщина.

– Я уйду прямо сейчас!

Блум порывисто поднялся на ноги.

– Дом, стоящий в начале улицы, соединяет её с одноименной улицей, находящейся на третьем уровне.

Блум выронил из рук рюкзак и устало опустился на тот же самый стул. Поставив руку локтем на стол, он двумя пальцами помассировал веки поверх закрытых глаз. Ему не хотелось открывать глаза, потому что он знал, что прежде всего он увидит торжествующее лицо Мейлы. Эта женщина удивляла и восхищала Блума, но одновременно с этим она ещё и пугала его. Порою ему начинало казаться, что Мейла знает о нем что-то такое, что неизвестно ему самому. И это тайное знание давало женщине

власть над ним, которая не шла ни в какие сравнения даже с властью инфора над душами жителей Города.

– Я угадала?

Судя по голосу Мейлы, ответа ей не требовалось. Она и без того знала, что не ошиблась. И, все же, она хотела, чтобы об этом ей сказал сам Блум.

– Я угадала? – повторила она уже настойчивее.

– Да, – Блум обреченно кивнул головой, словно в знак признания своего поражения. – Ты права… Права, как всегда.

– Просто удивительно, сколько требуется приложить усилий только для того, чтоб услышать из твоих уст вполне заслуженную похвалу, – чуть капризно произнесла Мейла.

Блум провел ладонью по лицу и зажал в кулаке подбородок.

– Ты молодец, – глядя на Мейлу совершенно безразличным взглядом, бесцветным голосом произнес он. – Да, в самом деле, ты – молодец.

– Ты, наверное, устал? – Мейла посмотрела на Блума с беспокойством. – Выглядишь ты как-то не очень…

– Вполне удовлетворительно для покойника суточной выдержки, – даже не улыбнувшись, ответил Блум. Улыбка тотчас же исчезла и с лица Мейлы.

– Не шути так, – сдвинув брови, строго произнесла она.

– Мои шутки не идут ни в какие сравнения с твоими, – саркастически усмехнулся Блум. – Я потратил несколько часов для того, чтобы узнать то, что тебе и без того, оказывается, было известно.

– Нет, Блум, – взмах руки Мейлы был похож на попытку протереть запотевшее стекло, через которое уже почти ничего не было видно. – Все совсем не так, как ты думаешь. Когда ты уходил, мне ещё ничего не было известно…

– Конечно, – делая вид, что соглашается с ней, неспешно кивнул Блум.

– Послушай, Блум, я собиралась предложить тебе для начала попытаться решить проблему в теоретическом виде, – словно бы оправдываясь, быстро заговорила Мейла. – Но, поскольку ты ушел, даже не сказав мне куда и надолго ли, я решила заняться этим сама… Что в этом плохого? Ты считаешь, что твой сегодняшний поход оказался напрасным? Вовсе нет! Нам, так или иначе, все равно потребовалось бы подтверждение наших чисто умозрительных выводов.

Пока Мейла говорила, Блум смотрел на нее, как на любопытную диковинку. Как только она умолкла, он отвел взгляд в сторону.

– Пытаешься меня утешить? – как-то совершенно отстраненно

поинтересовался Блум, изучая пятно на столе, оставленное разлитым когда-то давно кофе.

Лицо женщины вспыхнуло.

– А ты, как я вижу, всячески стараешься испортить со мной отношения! – голос Мейлы едва не сорвался на крик.

– Впервые вижу тебя раздраженной, – бросив быстрый взгляд на Мейлу, спокойно произнес Блум. – Ты похожа на кошку, которую собака загнала на столб.

– Я не знаю, как выглядит кошка, загнанная на столб! – резко ответила ему Мейла.

– А я видел как-то раз в каком-то фильме, – Блум в задумчивости приложил палец к виску. – Постой, как же он назывался?..

– Блум!!!

Блум медленно поднял на женщину тяжелый взгляд.

– Какой ещё фильм, Блум? – сдавленным полушепотом произнесла Мейла. – Что с тобой происходит?

– Ты думаешь, я это знаю? – улыбнулся ей одними губами Блум. – Но, как мне кажется, я начинаю лучше понимать себя… Мне кажется, что я уже совсем близко подошел к ответу на главный вопрос. Не достает всего лишь какой-то малости…

Наклонив голову, Блум уперся лбом в сдвинутые вместе крепко сжатые кулаки.

– О чем ты говоришь, Блум? – тихо произнесла Мейла. – Я не понимаю тебя.

– Правда? – повернув голову, Блум посмотрел на женщину одним глазом, большим и круглым, как у птицы. – А мне казалось, что ничего нет проще. Что все только тем и занимаются, что ищут ответ на этот вопрос… Ты никогда не задумывалась о своем месте в мире?

– Я не понимаю… – едва слышно, одними губами произнесла Мейла и медленно повела головой из стороны в сторону.

Блуму вдруг сделалось безумно тоскливо и одиноко. Ему было искренне жаль эту красивую и одновременно несчастную женщину, сидевшую через стол от него, но при этом он понимал, что ничем не может ей помочь. Всего лишь пару дней назад он был таким же, как она, потерянным среди серых стен домов, дверей, ведущих в никуда, и прочих обманок, щедро разбросанных по всему Городу вездесущим инфором. Никому ненужный, он тщетно пытался найти понимание и поддержку.

Перемена, произошедшая с ним, была настолько спонтанной и, казалось бы, ничем не подготовленной, что Блум даже не успел заметить, когда именно это случилось. Быть может, в тот момент, когда он узнал, что инфор объявил его мертвым? Или чуть позже,

после встречи с пьяным вдрызг хозяином окна, которым Блум воспользовался для того, чтобы попасть на Третий уровень? А, быть может, только что, когда Мейла сказала, что ей известно, как соединяются между собой улицы, проложенные на разных уровнях?.. Как бы там ни было, в какой-то момент в сознании, а, быть может, что и в душе Блума произошло некое необратимое изменение, в результате которого основные понятия, составляющие основу человеческого мировосприятия, в одно мгновение перевернулись. Все встало на свои места, – то, что прежде балансировало в каком-то неловком и нелепом положении, теперь уверенно держалось на ногах.

Прежде собственная жизнь казалась Блуму совершенно незначительным явлением. Смысл ей придавала только принадлежность к единому огромному организму, именуемому Городом. Он жил для Города и служил ему, как мог, в силу своих способностей. Даже война, которую он объявил инфору, поначалу представлялась ему неким деянием, совершаемым во имя Города, ради его будущего, свободного от паутины инфо-сети. И вдруг, в одно мгновение все изменилось. Блум понял, что какой-либо смысл в окружающем его пространстве имеет только его собственное «Я», наделенное колоссальными потенциальными возможностями. Только он сам является той единственной реальностью, подлинность которой никогда и ни при каких обстоятельствах не может вызвать у него сомнений. И Город, на самом-то деле, существует только потому, что в нем живет некто по имени Стили Блум, и все здесь зависит только от него одного. Он отвечает за всех и за все. В том числе, и за инфор.

Новый взгляд на мир не принес Блуму облегчения, зато придал ему уверенности, которой прежде так не хватало. Теперь он сам мог решать, как строить свою дальнейшую жизнь, вне зависимости от того, какие планы были на этот счет у инфора. И, коли уж ему действительно нужно было покинуть Город, то, в конце концов, он найдет выход, даже если придется потратить на это всю оставшуюся жизнь. Даже если выходом для него станет смерть.

Но как же трудно было объяснить все это женщине, сидевшей за столом, с головой, чуть склоненной к левому плечу и тоской, застывшей в глазах тонкой ледяной корочкой. К осмыслению собственной жизни каждый человек приходит по-своему, в отведенный для этого срок, и опыт предшественников здесь ровным счетом ничего не значит.

Понимая все это, Блум даже и не пытался, разговаривая с Мейлой, обращаться к тем новым понятиям, осмысление которых снизошло на него, подобно некоему эзотерическому откровению.

Смысла в этом не было никакого, зато существовала реальная опасность того, что стена отчуждения между двумя людьми сделается абсолютно непроницаемой.

– Мне тоже трудно понять все, что с нами происходит, – не глядя на Мейлу, произнес Блум. – Постарайся просто поверить мне, Мейла… Я хочу быть искренним с тобой, но у меня не всегда это получается.

– Что же тебе мешает?

Блуму показалось, что голос Мейлы рассыпается беспорядочными звуками, подобно частой дроби просыпанного на пол сухого гороха.

Прежде чем ответить, Блум оперся ладонями о крышку стола и медленно, словно преодолевая невероятное сопротивление, поднялся на ноги. Затем он не спеша прошелся по комнате, касаясь кончиками пальцев всех предметов, какие встречались на пути, и несильно пнул носком ботинка свой верный рюкзак, брат-близнец которого остался навсегда запертым в квартире Шейлиса. Только после этого он повернулся, чтобы посмотреть в глаза женщине.

– Наверное, причина в том, что я умер, – спокойно, не расставляя акцентов, произнес он.

– Ты думаешь, это что-то объясняет? – горько – усмехнулась Мейла. – Или ты веришь инфору больше, чем самому себе?

– Я могу не верить инфору, – как бы прибывая в глубокой задумчивости, медленно произнес Блум, коснувшись при этом указательным пальцем пуговицы куртки у себя на груди. – Ты можешь не верить инфору, – рука Блума описала полукруг и палец его нацелился на Мейлу. – Но весь остальной Город верит инфору безоговорочно, – секунду рука Блума оставалась неподвижной, затем, словно потеряв опору, упала вниз. – А, значит, если инфор говорит, что я мертв, – приподняв обе руки, Блум повернул их ладонями вверх и медленно развел в стороны. – Следовательно, так оно и есть.

– Бред! – раздраженно воскликнула Мейла. – Что за бред у тебя в голове?!

– Успокойся, Мейла, – мягко улыбнулся Блум. – С моей головой все в порядке. Я вовсе не считаю себя мертвым.

– Ну, хотя бы это несколько успокаивает, – губы Мейлы изогнулись в саркастической ухмылке.

– Я мертв только здесь, в этом Городе, – не обращая внимания на её замечание, продолжал Блум. – И вовсе не потому, что так считает инфор, а потому что я уже не принадлежу этому миру.

Одарив Блума надменным взглядом человека, которому

известно нечто такое, о чем даже не догадывается его собеседник, Мейла поднялась из-за стола.

– Ты ошибаешься, Блум, – она подошла к монитору, установленному слева от гостевого экрана, и включила пульт инфора. – Ты принадлежишь Городу, так же, как любой другой его житель…

– Зачем ты включила инфор? – настороженно спросил Блум.

– Чтобы объяснить тебе, каким образом я узнала о том, где ты сегодня побывал, – интонации голоса Мейлы не давали повода предположить, что она говорит несерьезно. – И чтобы ты понял, почему Город никогда не отпустит нас.

– Мейла…

– Подожди, Блум! – женщина вскинула руку, направив в сторону Блума открытую ладонь. – Давай я сначала расскажу тебе о том, что мне удалось разузнать. А после, если у тебя возникнет такое желание, мы сможем снова затеять какой-нибудь бессмысленный и бесполезный спор.

Похоже, ответ Блума не слишком-то её интересовал. Не дожидаясь его реакции на свои слова, Мейла быстро набрала код уже подготовленной команды и легко коснулась клавиши ввода, как будто даже не надавила её, а просто погладила.

– Для того, чтобы разобраться в пространственной структуре Города, всего-то и нужно было, что обратиться за помощью к инфору, – глядя на экран, на котором пока что было видно только тусклое отражение силуэта стоявшего у неё за спиной Блума, начала объяснять Мейла. – Я знаю, что ты считаешь инфор чем-то вроде наделенного самосознанием злого гения, подобравшего под себя весь Город. Даже, если это и так, – а я сейчас не хочу обсуждать эту тему, – то, как бы там ни было, инфор ни при каких условиях не способен причинить умышленный вред человеку и выдать заведомо ложную информацию. Сделав это, он тем самым разрушил бы собственную базисную программу, что для логической системы типа инфора равнозначно самоуничтожению. Я запросила у инфора данные о пространственной структуре Города и получила стандартный пакет информации: семь уровней, пять линий, девяносто две улицы. Когда же я попросила план Города, то получила семь листов, на каждом из которых был изображен один из уровней.

Мейла снова нажала на клавишу, и на экране появилась хорошо знакомая Блуму схема. Мейла сделала ещё одно движение пальцем, и ещё шесть точно таких же схем, только вычерченных разными цветами, наложились сверху на первый.

– Я попросила обозначить на схемах условные границы Города и получила то, что и следовало ожидать, – в качестве

границ были указаны начала и концы всех улиц. Предположив, что, если Шестьдесят третья улица Четвертого уровня состыкуется с Шестьдесят третьей улицей Пятого уровня, то и все остальные улицы этих двух уровней связаны с одноименными, я попыталась смоделировать пространственную структуру, которая позволяла бы двум плоскостям, одна из которых расположена над другой, быть связанными между собой подобным образом. Учитывая огромные размеры Города, я решила, что внутренними объемами уровней при моделировании можно пренебречь. И вот, что у меня получилось.

Два плана уровней, красный и зеленый, на мгновение слились вместе, а затем раскрылись, подобно крыльям большой и сильной птицы. То, что получилось на экране, напоминало по форме застывшую волну, развернутую на 45 градусов в горизонтальной плоскости, – красный уровень нависал над зеленым, прилепившись к нему краем.

– Но это всего лишь плоскостная модель! – едва ли не с возмущением ткнул пальцем в экран Блум. – В реальности же получится, что уровень, находящийся сверху, висит кверху ногами!

– Именно так и получается, – наклонив голову, согласилась с ним Мейла. – Но, тем не менее, я решила довести работу до конца. Используя программу экстраполяции, я попыталась определить, каким образом к образовавшейся пространственной конструкции могут быть присоединены другие уровни. Принцип был тот же самый, – соединение одноименных улиц, – Мейла нажала клавишу, чтобы сменить картинку на экране и с гордостью, глянув краешком глаза на Блума, произнесла: – По-моему, получилось неплохо.

– Во всяком случае, красиво, – заметил Блум и, озадаченно прикусив губу, склонился к экрану.

Семь разноцветных плоскостей переплетались друг с другом, образуя правильный цилиндр, состоящий из разноцветных секторов.

– Лучше будет видно, если убрать окраску плоскостей, оставив только линии улиц, – сказала Мейла и быстро ввела требуемую команду.

Теперь картинка на экране сделалась похожей на жгут, скрученный из разноцветных нитей. Переплетение цветов было не слишком плотным, так что между ними оставалось свободное пространство.

– Что-то мне это напоминает, – задумчиво провел пальцами по подбородку Блум.

– А так? – щелкнув клавишами, Мейла оставила на экране

только две разноцветные нити.

– Схематичное изображение двухцепочечной ДНК! – радостно воскликнул Блум.

– Совершенно верно, – подтвердила его догадку Мейла. – Только в нашем случае цепочек не две, а семь. При этом каждая связана с двумя соседними. В результате получается максимально устойчивое пространственное образование.

– Да, но как быть с тем, что на этой схеме каждая вторая улица перевернута кверху ногами? – Блум глянул на Мейлу. Лицо женщины было сосредоточено и напряжено, словно в ожидании удара. И все же Блум не удержался от язвительного замечания: – Или кто-то уже отменил закон гравитации?

Сделав над собой усилие, Мейла едва заметно приподняла уголки губ.

– Дальше одни загадки. Однако, твоя сегодняшняя прогулка… – Мейла бросила быстрый взгляд на Блума, чтобы оценить его реакцию на эти слова. Не заметив ничего необычного, она почувствовала некоторое облегчение. – То, что удалось разузнать тебе, подтверждает, как мне кажется, справедливость сделанных мною предположений.

Мейла сделала паузу, словно собираясь с духом перед тем, как сказать заранее приготовленные слова.

Блум не проявлял ни малейших признаков нетерпения. Он просто стоял и ждал, положив руку на спинку стоявшего перед пультом стула. Сейчас он был похож на врача-психокорректора, который прежде, чем поставить диагноз, обязан был внимательно выслушать все, что хотел сказать ему пациент, даже если это был полнейший бред.

– Возможно, тебе это покажется странным… – неуверенно начала женщина.

– Я в жизни не встречал вещи более странной, чем наш Город, – попытался шуткой подбодрить её Блум. – Еще одна дополнительная странность вряд ли сильно повлияет на уже сложившийся у меня образ.

– Тебе знакомо имя Август Мёбиус? – взглянув на Блума через плечо, спросила Мейла.

– Мёбиус? – Блум в задумчивости поскреб ногтем подбородок. – Кажется, где-то слышал… Вот только где?.. А, собственно, при чем здесь Мёбиус?

– Если моя теория верна, то выходит, что наш Город был спланирован ещё в XIX веке профессором Лейпцигского университета Августом Фердинандом Мёбиусом.

– Постой, – озадаченно тряхнул головой Блум. – По-моему, мы куда-то не туда забрались. XIX век, профессор Мёбиус… Это

же за три столетия до Войны городов. Каким образом этот твой Мёбиус мог быть причастен к созданию Города?

– Он создал лист Мёбиуса.

– Теперь я вспомнил! – хлестко ударил ладонью о ладонь Блум. – Ну, конечно! Лист Мёбиуса! Перекрученное кольцо, получающееся в результате склеивания бумажной ленты, когда один из её концов перевернут на 180 градусов! Нам показывали это в школе на уроках стереометрии!

– Именно его мы и видим на воссозданной мною пространственной схеме Города, – указала на экран Мейла.

– По-моему, это не совсем то, что я себе представляю, – Блум сдвинул брови, сосредоточенно вглядываясь в медленно вращающееся вокруг своей поперечной оси изображение на экране. – Мне казалось, что лист Мёбиуса состоит из одной полосы.

– На экране тоже одна полоса, только она несколько раз перекручена. Если её распрямить, – Мейла ударила средним пальцем по клавише ввода. – То мы получим классический лист Мёбиуса.

– Да, – после трансформации, произошедшей с изображением на экране, Блум не мог не согласиться, что перед ним ни что иное, как лист Мёбиуса. – Но это не объясняет…

– Как раз это все и объясняет, – уверенно перебила его Мейла. – Лист Мёбиуса является односторонней поверхностью. Это своего рода модель второго измерения. Поэтому и закон гравитации действует здесь иначе, чем в третьем измерении.

– Здесь?! – Блум грубо схватил Мейлу за плечи и рывком развернул её к себе лицом. – Ты хочешь сказать, что Город представляет собой гигантский лист Мёбиуса и все мы существуем во втором измерении?!

Мейла даже не сделала попытку освободиться.

– Я ничего не утверждаю, – глядя Блуму в глаза, произнесла она сквозь стиснутые зубы. – Я просто сделала предположение, которое лично мне кажется весьма близким к истине.

– Ничего себе!..

– У тебя имеются другие соображения по поводу пространственной структуры Города?

– Нет, но…

– А как ты объяснишь то, что между Городом и внешним миром не существует никакой связи? И, насколько можно судить по архивным материалам, её никогда и не существовало. Допустим, человечество уничтожило себя в Войне городов, но не в одночасье же это произошло. Если предположить, что в свое время кто-то нашел способ построить город, спроектированный

по принципу листа Мёбиуса, то после завершения строительства такая пространственная структура вполне могла перейти в иное измерение.

– Но кому такое могло прийти в голову?! – отпустив плечи Мейлы, Блум одновременно коснулся обоих висков собранными в щепоть пальцами. – Какой в этом смысл?!

– Первое: распределение жилых кварталов по поверхности офомного листа Мёбиуса делит Город, как минимум, вдвое компактнее любого другого типа поселения, рассчитанного на то же число жителей. Второе: если Город находится во втором измерении в то время, как весь остальной мир прибывает в третьем, возможность проникновения в него каких-либо видов материи или энергии извне абсолютно исключена, – трудно придумать лучшую защиту.

– Идиотизм, – совсем тихо произнес Блум. Сделав шаг назад, он вдруг развернулся на пятке правой ноги и с силой топнул другой ногой по полу.

– Черта лысого! – взмахнув руками, заорал он во весь голос.

В следующую секунду, взъерошив обеими руками волосы на голове, Блум метнулся к пульту и устремил пылающий, почета безумный взгляд на экран монитора, на котором по-прежнему закручивал свой немыслимый виток лист Мёбиуса.

Минуту или чуть больше Блум стоял неподвижно. Затем он выставил руку вперед, ткнул указательным пальцем в экран и, запрокинув голову, захохотал.

Мейла в испуге отпрыгнула в сторону.

Не в силах остановить истерический смех, Блум только махнул на неё рукой, после чего, обхватив живот руками, словно у него вдруг начались страшные рези, согнулся в поясе.

Мейла сделала ещё один шаг назад, прижала к стене ладони с раздвинутыми пальцами и замерла, глядя широко раскрытыми глазами на корчащегося в пароксизме смеха Блума. Ей было страшно, потому что она не могла понять причину происходящего. Мейла была готова к тому, что Блум бурно отреагирует на её слова, но то, что она сейчас видела перед собой, не соответствовало никаким её представлениям об адекватности человеческого поведения. Обхватив себя руками поперек живота и едва не валясь с ног, Блум уже даже не смеялся, а самым настоящим образом захлебывался истерическими всхлипами, вырывающимися из легких вместе с остатками воздуха. Для нового вдоха у него просто не оставалось сил.

Сколько ещё это могло продолжаться?..

Мейла так и не поняла, сделал ли Блум это намеренно или же все произошло случайно, когда он пошатнулся и, пытаясь

Удержать равновесие, задел локтем включенный монитор.

Слетев с легкой подставки, монитор упал на пол. С громким хлопком лопнул и разлетелся на мелкие осколки плоский экран.

Мейла коротко вскрикнула и прижала ладонь к щеке, по которой царапнул один из отлетевших в сторону осколков.

Блум замер на месте, согнувшись в поясе и опираясь рукой о пульт инфора. Истерический смех оборвался внезапно, словно треснул диск, на который он был записан.

Блум медленно выпрямился, приподнял голову и посмотрел на женщину. Глаза его были красными, воспаленными и полными слез.

– Тебе разве не смешно? – сиплым, севшим от громкого, смеха голосом, поинтересовался он.

– Мне больно, – тихо ответила Мейла и показала Блуму вымазанную кровью ладонь.

Блум молча кивнул.

Так же молча он сходил в ванную, принес антисептик и обработал порез на щеке Мейлы.

Только после этого он в изнеможении упал в кресло и закрыл глаза.

– Сейчас я бы выпил водки, – громко и внятно произнес он. – И я не обижусь, если ты поднесешь мне стакан.

– Чистой? – спросила Мейла.

– Да, – устало выдохнул Блум.

Мейла принесла два высоких стакана – один для Блума, другой для себя.

Блум залпом выпил водку, поморщился и, наклонившись вперед, поставил пустой стакан на стол.

– Лучше? – спросила Мейла, чуть пригубив из своего стакана.

– Что? – рассеянно взглянул на неё Блум.

– Лучше стало?

– Пока ещё нет, – Блум положил голову на спинку кресла и снова закрыл глаза.

– Странно, – присев на краешек стула, Мейла поставила свой недопитый стакан рядом с пустым стаканом Блума. – Меня мое открытие удивило, но не потрясло в такой степени, как тебя.

– Ну и что ты хочешь этим сказать? – не открывая глаз, спросил Блум.

Мейла молча пожала плечами.

– Тебе, наверное, просто нет никакого дела до того, что мы всю свою жизнь обречены торчать здесь, в этом проклятом Городе, запертом во втором измерении, – тяжело и медленно, словно приговор, произнес Блум.

– Насчет второго измерения – это ведь только

предположение, – напомнила Мейла.

– Но очень похожее на правду, – заметил Блум. – Иначе, действительно, трудно объяснить то, что между Городом и внешним миром не существует никакой связи. Для всего остального мира нас попросту не существует!

– Если только существует мир вне Города. Блум приоткрыл глаза и повернул голову, чтобы взглянуть на Мейлу.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил он.

– Я небольшой специалист в области многомерности пространства, но, тем не менее, мне известно, что существует гипотеза, в соответствии с которой время в разных измерениях также течет по-разному.

– И что?

– Не знаю, – пожала плечами Мейла. – Возможно, мы убежали во времени далеко вперед. А мир вокруг остался таким же, как и при строительстве Города. А, может быть, и наоборот – время вне Города обогнало нас. В этом случае трудно даже предположить, что сейчас находится за несуществующими стенами Города. Быть может, и самой Земли давно уж нет, а пространственно-временной кокон, каковым является наш Город, висит где-то в межзвездной пустоте?

– Нет! – решительным взмахом руки Блум отмел подобное предположение.

– Почему? – спросила Мейла.

– Потому что такой вариант меня не устраивает!

– Ты бы хотел выйти за пределы Города и увидеть свою земляничную поляну? – грустно улыбнулась Мейла.

– Я согласен и на кукурузное поле, – вполне серьезно ответил ей Блум.

Стили Блум

«Представления человека о реальности окружающего его мира вырастают из понятия повседневности. Если нужно найти корни, искать их следует именно там. Что наиболее реально для человека? То, к чему он привык, с чем сталкивается ежедневно и ежечасно. Садясь за стол, человек автоматически берет в руку вилку, даже не задумываясь о том, как её следует держать и соответствует ли она своим предназначением той цели, для которой он собирается её использовать. Электрическая лампочка для человека куда более реальна, чем направленный поток электронов, возникающий в электрической цепи прежде, чем она зажжется. Ему известен закон Ома, но он остается для него некой

абстракцией до тех пор, пока однажды ему не придет в голову дурацкая идея сунуть пальцы в розетку. Вот тогда-то он и убедится в том, что закон Ома реален точно в такой же степени, как и камень, падающий ему на голову.

Человеку гораздо проще поверить в объективную реальность мира, существующего помимо его сознания, нежели воспринять, как единственную реальность самого себя. А ведь это так просто. Не нужно ставить никаких сложных экспериментов или выстраивать длинную цепь логических выводов. Достаточно только закрыть глаза…»

Глава 16

Хаос как первооснова жизни

(4-й уровень, 63-я улица)

Блум проснулся внезапно, словно кто-то толкнул его кулаком в спину.

Какое-то время он лежал неподвижно на боку, всматриваясь в окружающую его темноту и стараясь не упустить мысль, пришедшую во сне. Вначале он видел только фрагменты каких-то галлюциногенных образов, всплывающие из обрывков сна. Блум старательно разгонял их в стороны, чтобы они не поглотили пока ещё не оформленную в слова мысль. Бесформенные образы отчаянно боролись за свое существование, но спустя какое-то время Блуму все же удалось очистить свое сознание от аморфных остатков сна. Теперь при нем осталась только мысль, заставившая проснуться среди ночи.

Среди ночи?.. А, собственно, который сейчас час?

Блум приподнялся на локте и повернул голову, ища взглядом светящийся циферблат настенных часов.

6: 35.

Уже почти утро…

Хотя, возможно, будить Мейлу было ещё слишком рано, Блум не мог больше ждать. Ему нужно было срочно обсудить с ней возникшие у него во сне догадки.

Блум включил в комнате свет и быстро оделся.

Подойдя к двери комнаты, в которой спала Мейла, Блум негромко постучался.

– Мейла, – полушепотом позвал он, чуть приоткрыв дверь.

В комнате было темно, но каким-то шестым чувством Блум почувствовал, что она пуста.

Протянув руку, он нащупал на стене выключатель и включил свет.

Кровать Мейлы была аккуратно застелена.

Блум растерянно посмотрел по сторонам, словно надеясь, что Мейла сейчас вылезет из-под стола или из стенного шкафа. Но ничего не произошло.

Блум осмотрел коридор, после чего заглянул в ванную, чтобы уже не оставалось ни малейшего сомнения в том, что никого, кроме него самого, в квартире нет.

Не зная, что и думать, Блум сделал ещё один круг по квартире. Теперь его уже волновала не столько та мысль, с

которой он проснулся, а вопрос, куда подевалась Мейла? Что за дело могло выгнать женщину на улицу в такую рань? Да ещё настолько внезапно, что она убежала, не предупредив своего гостя?

Все ещё пребывая в полнейшем недоумении и растерянности, Блум умылся и заказал себе завтрак. Он старался делать все размеренно и неторопливо, втайне надеясь на то, что когда с рутинными утренними делами будет покончено, все, словно по волшебству, само-собой встанет на привычные места. Однако чудо, явно, запаздывало.

Взяв из ячейки доставки поднос с завтраком, Блум поставил его на стол. Опустившись на стул, он тяжело вздохнул и подтянул к себе тарелку с морковным салатом. Аппетита не было ни малейшего. Оттягивая необходимость принятия решения по поводу того, как долго ещё можно оставаться в чужой квартире, хозяйка которой бесследно исчезла, Блум подумал, что вначале все же следует позавтракать. Он взял в руку вилку и…

И в этот момент щелкнул дверной замок.

Блум, как подброшенный, вскочил со стула, сжимая в кулаке вилку, словно это был нож, которым он собирался защищать свою жизнь.

В комнату вошла Мейла, одетая в легкий полуспортивный костюм. Выглядела она несколько уставшей, но при этом вполне довольной собой.

– Ты уже встал? – как ни в чем ни бывало улыбнулась она.

Блуму и кинула на кровать большую, но, похоже, не особенно тяжелую сумку из коричневой эрзац-кожи.

Блум с немым раздражением кинул вилку на стол. Вилка звякнула, ударившись о край подноса.

– Как видишь, – пытаясь сдержать себя, негромко произнес Блум.

– Я думала, ты снова, как и вчера, проспишь до вечера, – сказала Мейла.

– С чего бы вдруг?

– Вчера ты поздно лег, да и выглядел усталым… Ты мне завтрак не заказал?

– Где ты была? – игнорируя вопрос Мейлы, спросил Блум.

– Это похоже на внезапный приступ ревности, – игриво приподняла бровь Мейла. – Я кажется не давала повода…

– Не пытайся уйти от ответа, – прервал её Блум. – Куда ты ходила, думая, что я сплю?.. Мне черт знает какие мысли в голову лезли!

– Ты волновался за меня или за себя? – как бы между прочим поинтересовалась Мейла.

– Мейла!..

– Успокойся, – с явной обидой усмехнулась женщина. – Я не на свидание с инфором бегала.

Она подошла к кровати, расстегнула брошенную на неё сумку и кинула на стол две металлические полосы с матово отсвечивающими зубьями-ножами.

Блум недоумевающе уставился на принесенные Мейлой предметы. Затем медленно перевел взгляд на саму женщину.

– Ты ходила на охоту? – отказываясь верить очевидному, Блум откинулся на спинку стула и чуть прищурил левый глаз.

– Ну и что? – с независимым видом дернула плечом Мейла.

– В шесть часов утра? – по-прежнему недоверчиво задал новый вопрос Блум.

– Газонокосилки выезжают на улицы в начале седьмого. А мне ещё нужно было успеть переодеться и выбрать место для засады.

– Но почему ты меня не предупредила?

– Я же уже сказала, что не думала, что ты проснешься так рано.

Мейла подошла к пульту и повторила заказ Блума. Взяв поднос с мгновенно выполненным заказом из ячейки доставки, она поставила его на стол, отодвинув в сторону покрытые смазкой ножи, и села напротив Блума.

– У тебя есть ко мне ещё какие-то вопросы? – спросила она, прежде чем приступить к еде. Блум мрачно промолчал.

– В таком случае, если ты не против, я позавтракаю, – сказала Мейла и, сняв с тарелок крышки, принялась за еду.

Через пару минут она отложила вилку в сторону.

– Послушай, – обратилась она к Блуму. – Ты не мог бы смотреть в другую сторону, пока я ем.

– И на что именно я должен смотреть? – спросил Блум, не отводя взгляда.

– Если бы ты не расколотил вчера монитор, я бы могла посоветовать тебе посмотреть на него, – со скрытым раздражением произнесла Мейла.

– Увы, – Блум даже не попытался улыбнуться.

– Черт! – вилка, которую Мейла держала в руке, стукнула по краю тарелки. – Дай же мне спокойно поесть, Блум!

– Разве я тебе мешаю?

– Конечно!

– Хорошо.

Блум положил ногу на ногу и принялся внимательно изучать носок своего правого ботинка.

Мейла быстро доела свой завтрак и запила его стаканом

апельсинового сока.

– Ну? – отодвинув поднос с посудой в сторону, вопросительно посмотрела она на Блума.

– Что «ну»? – старательно изображая непонимание, переспросил тот.

– Что заставило меня подняться до рассвета, я уже объяснила. Может быть, теперь ты расскажешь мне, что помешало тебе спокойно спать до обеда?

– Тебе это действительно интересно? – с деланным безразличием спросил Блум.

– Кончай, Блум, – устало облокотившись на стол, слегка поморщилась Мейла. – Рассказывай.

Широким взмахом руки Блум сдвинул все, что находилось на столе, на самый его край. При этом один из ножей, принесенных Мейлой, упал на пол. Мейла посмотрела на него, но поднимать не стала.

Достав из кармана, Блум расстелил на освободившемся пространстве план Четвертого уровня Города.

– Вся твоя теория насчет листа Мёбиуса строится на том, как соединены между собой одноименные улицы разных уровней Города, – сказал он, взглянув на Мейлу из-под бровей. – Но, поскольку мы имеем дело не с плоскостью, а с пространственной структурой, она должна быть замкнута на себе не по двум, а, как минимум, по четырем направлениям. На каждом уровне Город пересекают пять линий, – указывая направление, Блум провел пальцем по листу целлулоида, расстеленному на столе. – Для того, чтобы с уверенностью сказать, что выхода из Города не существует, мы должны выяснить, что находится в начале и в конце каждой линии!

– Мы? – удивленно взглянула на Блума Мейла.

– Не придирайся к словам, – недовольно поморщился тот. – Исследовать Город буду я. Тебе же нужно будет только обобщить то, что мне удастся разузнать.

– Видишь ли, Блум, я уже построила пространственную модель Города и с учетом расположения линий, – сказала Мейла. – Я не стала говорить об этом вчера, потому что ты и без того был перевозбужден сверх всякой меры. Для того, чтобы Город был полностью заперт во втором измерении, достаточно, чтобы каждая из линий просто замыкалась в кольцо сама на себе.

– Но на плане Города линии не замкнуты?

– Что ровным счетом ни о чем не говорит. Пространственные переходы, связывающие уровни через улицы, тоже не указаны на плане.

– Это совсем другое дело!

– Вовсе нет, – положив руку на края листа целлулоида, Мейла прижала их к столу. – Смотри, всего в Городе девяносто две улицы. Логично было бы предположить, что улица, с которой начинается Город, должна иметь номер один, а самая последняя – девяносто два. Но на плане первая улица обозначена номером пять. Далее, как и положено, улицы следуют одна за другой по возрастанию номеров: шесть, семь, восемь, – и так далее до улицы под номером девяносто два. И только после неё на плане обозначены улицы, которых недостает в начале: один, два, три и четыре. Что ты об этом думаешь?

Не найдя убедительного ответа на поставленный вопрос, Блум попытался отшутиться:

– Должно быть, тот, кому было поручено пронумеровать улицы, в какой-то момент сбился со счета.

– Что ж, вполне возможен и такой вариант, – одними губами улыбнулась Мейла.

– А, главное, он полностью соответствует принципу «Лезвия Оккама»! – назидательно приподняв указательный палец, заметил Блум.

– Моя гипотеза тоже проходит этот тест. Просто я изначально исхожу из того, что Город замкнут в кольцо. На плане же дана развертка этого кольца. Причем, разрез произведен в произвольно выбранном месте.

– Почему бы, в таком случае, не провести этот разрез так, чтобы в начале Города оказалась, как полагается, улица под номером один?

– Потому что этот условный разрез был произведен инфором, – положив руки на стол, многозначительно произнесла Мейла. – Его логика не соответствует человеческой. И какими принципами руководствовался инфор, проводя условную границу Города-кольца между Четвертой и Пятой улицами, мы, скорее всего, никогда не узнаем, а, если и узнаем, то не поймем. Одно могу сказать с уверенностью, – человек так никогда бы не поступил. Хотя бы из соображений чистой эстетики.

– Значит, если я двинусь вдоль одной из линий, то в конце пути окажусь в том же месте, откуда он и был начат? – задумчиво произнес Блум.

– Я думаю, что так оно и будет, – согласилась с ним Мейла.

Блум взял Мейлу за запястья и, чтобы взглянуть на расстеленный на столе план, развел её руки в стороны. Пододвинув план к себе, он какое-то время сосредоточенно изучал его, после чего быстрым движением смял в комок и кинул в дальний угол комнаты.

– Что ж, в случае, если мне не удастся найти выход из Города,

я, уж непременно стану первым человеком, совершившим кругосветное путешествие в масштабах нашего двухмерного мира. Какое-никакое, а все утешение.

Блум ожидал возражений со стороны Мейлы, но она только спросила:

– По какому уровню ты собираешься двигаться?

– По второму уровню проходит линия монорельса, – размышляя вслух, произнес Блум. – Ею я и воспользуюсь для того, чтобы попытаться связать концы с концами. Думаю, что много времени такое путешествие не займет.

– Как знать, – задумчиво произнесла Мейла.

– Не хочешь составить мне компанию? – спросил Блум после недолгого молчания.

– Нет, Блум, – уверенно покачала головой Мейла. – Я бы не пошла с тобой, даже если бы и хотела этого. По-моему, у нас с тобой психологическая несовместимость. Не знаю, как чувствуешь себя ты, но я в твоем присутствии явственно ощущаю повышенную нервозность, которую мне с трудом удается держать под контролем. И это при том, что, как человек, ты мне в высшей степени интересен. Мне было бы любопытно провести сравнительный искусствоведческий анализ твоих произведений параллельно с сопоставлением личностных качеств авторов.

– Ну, спасибо тебе на добром слове, – с легким сарказмом усмехнулся Блум.

Мейлу даже как будто обидела реакция Блума на её слова.

– Напрасно иронизируешь, – я совершенно серьезно. – Если я над кем-то и подсмеиваюсь, так только над самим собой, – ответил ей Блум. Коротко взмахнув руками, он звучно хлопнул себя по коленям. – Если ты не возражаешь, я отправлюсь прямо сейчас.

То, что фраза была построена в форме вопроса, само по себе являлось чистой формальностью. На деле в словах Блума не было слышно даже намека на нерешительность или сомнение. В противном случае Мейла непременно предложила бы ему остаться. А так она только спросила:

– Когда тебя ждать обратно?

– Не знаю, – пожал плечами Блум. И с легкой усмешкой добавил: – Неисповедимы пути идущего по линии Города. Одному лишь инфору известно, куда могут завести они странника.

– Не забудь рюкзак, – улыбнулась в ответ Мейла.

– Ни в коем случае, – Блум поднялся на ноги и, наклонившись, вытянул рюкзак из-под стола. – Я, так или иначе, собирался уходить после завтрака, – ответил он на немой вопрос

Мейлы.

– Ты бы даже меня не дождался? – немного растерянно, как показалось Блуму, спросила Мейла.

– Я не знал, когда ты вернешься, – ответил он и шагнул в сторону двери.

На пороге Блум остановился.

Мейла неподвижно сидела возле стола. Взгляд её был устремлен не вслед уходящему Блуму, а на окно, которое снова, как и прежде, закрывало изображение Мадонны с ребенком на руках.

– Ты испытываешь какие-нибудь чувства, когда убиваешь газонокосилку? – спросил Блум.

– А иначе зачем бы мне это было нужно? – не поворачивая головы, вопросом на вопрос ответила ему Мейла.

Блум молча кивнул и вышел за дверь.

Не задерживаясь и не замедляя шага, он почти пробежал мимо распахнувшего перед ним дверь и что-то жизнерадостно прокричавшего робота-привратника. И лишь отойдя на два квартала от дома Мейлы, Блум ненадолго остановился.

Сначала он хотел было зайти в ближайшее кафе, чтобы присесть там и спокойно все обдумать. Но, вспомнив о назойливой предупредительности роботов-официантов, с которыми он уже имел возможность познакомиться, Блум, в конце концов, решил никуда не ходить, а просто присел на бордюр там же, где и стоял.

Только сейчас, оказавшись на улице, Блум в полной мере понял, насколько сильно утомило его пребывание в квартире Мейлы. И самым странным был то, что при этом он продолжал испытывать искреннюю симпатию к этой необыкновенно красивой и умной женщине… В такой же степени, что и к несчастному, потерявшему память Шейлису…

Или это была всего лишь жалость, которую сам он принимал за симпатию? Быть может, он просто жалел их всех? Мейлу, Шейлиса, Лизу… И того пьяницу, что, не задумываясь, распахнул окно перед совершенно незнакомым ему человеком. Всех жителей этого свернувшегося, подобно змее, в клубок Города.

Испытывать жалость и при этом сознавать, что изменить что-либо не в твоих силах, – если постоянно думать об этом, то недолго и в депрессию погрузиться, утонуть в собственных страхах и комплексах.

Где выход?

Выход в разработанной инфором программе интенсивной психокоррекции.

А что ещё можно сделать? И, что самое главное, нужно ли

вообще что-то делать? Быть может, странствия по Городу, которым не видно конца, стали для Блума своего рода епитимьей, которую он сам на себя наложил? Но за что?… В чем состояла его вина и перед кем? Он просто жил, как все…

Как все.

Выходит, что вокруг него Город нераскаявшихся грешников? А он призван им помочь?..

На что способен один человек, который и сам, к тому же, плохо понимает, что происходит вокруг?..

Ад – это кольцо, из которого нет выхода…

Незаметно для себя самого, Блум погрузился в некое полудремотное состояние, когда сознание существует помимо тела. Мысли текли сами собой, легко и плавно, не задевая и не мешая друг другу. И если бы только можно было полностью отдаться этому ласковому потоку…

Но даже это стало бы для Блума всего лишь временным отдохновением. Блум знал, что ещё не скоро обретет покой. Где-то ему уже встречалась история про усталого странника, обреченного на вечные скитания.

Хотя, что такое покой? Остановка в движении?.. Или в развитии?.. Смерть?.. Небытие?.. Дерьмо!

Блум рывком поднялся на ноги.

Что-то хрустнуло в левом колене. Зашипев сквозь зубы одновременно от боли, раздражения и злости, Блум согнулся и обхватил ногу руками.

Только этого ещё и недоставало…

Превозмогая резкую колющую боль в коленном суставе, Блум чуть передвинул ногу вперед. Затем быстро вынес вперед здоровую ногу, перенес на неё вес всего тела и снова потащил за собой больную.

Первые десять шагов дались Блуму с невероятным трудом. Ему мешала не столько сама боль, сколько то, что из-за неё он почти не чувствовал левую ногу ниже колена.

Но понемногу боль в колене стала притупляться. К ноге вернулась чувствительность, и Блум, выпрямившись, уверенно, хотя все ещё и с некоторой опаской наступая на левую ногу, зашагал вперед.

Боль прошла, – остались раздражение и злость, выплеснувшиеся из души Блума в тот момент, когда раскаленная спица пронзила колено.

Да пропади они все пропадом!.. Все!.. Ни до кого ему нет дела! Да и быть не должно… Что он о себе возомнил? Тоже мне, спаситель человечества, хромой на левую ногу… Человечеству в лице жителей Города нет никакого дела ни до тебя лично, ни до

твоей больной ноги… Никому!.. Хоть упади сейчас посреди улицы и заори во всю глотку, думаешь выйдут и помогут?.. Да никто даже в окно не выглянет! От человечества уже ничего не осталось, кроме разрозненных осколков. Каждый сам за себя – вот завет новейшего времени. И самое удивительное заключается в том, что в этом взаимном отчуждении нет никакого глубинного смысла. Если бы речь шла об индивидуальном выживании, – эпидемия, голод, или что там ещё можно припомнить? – тогда это ещё как-то можно было бы понять. А просто так запереться в своих квартирах, только потому…

А, собственно, почему?.. Отпала необходимость за чем-либо выходить на улицу?.. Верно. Житель Города может удовлетворить все свои запросы и потребности как физические, так и духовные, по мере их возникновения, не покидая своей квартиры, просто нажав на клавишу инфора. Но ведь должно же быть в человеке ещё что-то, помимо запросов! Ведь не одна же только потребность в лучших условиях жизни срывала в былые времена людей с насиженных мест. Стремление познать непознанное, – вот что заставляло их отправляться в странствия, строить корабли, поднимать к облакам свои убогие летательные аппараты… А как насчет стремления доказать свое превосходство? Тоже неплохой стимул для любого вида деятельности! Хотя… не с этого ли начинались войны?..

Еще раз, все заново.

Люди в Городе вовсе не сделались похожими на бесчувственные, безразличные ко всему овощи. И, тем не менее, они, несомненно, утратили что-то присущее поколениям предков.

Что это, – очередной скачок вверх по эволюционной лестнице, дающий возможность приспособиться к новым условиям жизни, или же искусственная селекция, проводимая неким сторонним наблюдателем?

Люди, по крайней мере те, с которыми Блуму доводилось общаться, по-прежнему способны испытывать чувства. Даже страсть! Но при этом единственным каналом для сброса чрезмерного эмоционального напряжения для них остается сеть инфора. А инфор, отмечая перегруз по определенным, интересующим его параметрам, прописывает человеку сеанс-другой интенсивной психокоррекции для того, чтобы привести его психо-эмоциональное состояние в норму, соответствующую усредненным показателям, являющимся, по мнению инфора, оптимальными для нормальной жизнедеятельности организма…

Стоп!

Блум внезапно остановился, словно налетев на невидимую стену. И даже лоб ладонью потер.

Вот оно… Главное сейчас – мысль не упустить…

Итак, в результате своих рассуждений он пришел к такому понятию, как оптимальные условия для нормальной жизнедеятельности организма. Теперь остается только понять, о каком именно организме идет речь? Об организме отдельно взятого человека? Вот уж нет! Неусыпным заботам инфора вверен целый Город, где уж тут обращать внимание на личности! Инфор органически не способен воспринимать каждого жителя Города как самостоятельную единицу. В противном случае, ему только тем и пришлось бы заниматься, что постоянно менять условия окружающей среды, приспосабливая её к индивидуальным запросам и требованиям каждого из своих подопечных. Если попытаться взглянуть на подобную задачку с позиции инфора, то она покажется не то что непосильной, а попросту лишенной какого бы то ни было смысла, результатом же титанических усилий по её воплощению в жизнь могло бы стать разве что только воцарение всеобщего хаоса.

А что представляет собой жизнь во всех своих проявлениях, если не торжество хаоса, постоянно стремящегося каким-то образом самоорганизоваться и с неменьшим постоянством терпящего одну неудачу за другой?.. Это способен понять человек, привыкший соотносить логические выкладки с эмоциональными порывами и интуитивными предвидениями, но не холодный, расчетливый, искусственный разум инфора, самой природой в лице своих создателей поставленный перед ежесекундной необходимостью до последнего ангстрема выверять каждое свое действие по заданным алгоритмам. Так что же, в таком случае, остается несчастной логической машине, поставленной перед требованием найти компромисс между необходимостью выполнить задачу и невозможностью её выполнения?.. Что?.. Что?

Похоже инфору удалось найти единственно возможное решение этой схоластической задачи. Он продолжал свято заботиться об оптимальных условиях жизнедеятельности организма, всего лишь несколько по иному расставив акценты. Он стал воспринимать весь Город как единый живой организм!

А почему бы и нет? Как и любой другой живой организм, Город обособлен от окружающей среды. Что ещё требуется для того, чтобы хотя бы по чисто формальным признакам подходить под определение живого? Обмен веществ, рост, развитие и размножение?.. Ну, с последним можно и подождать. Тот, кто считает себя достаточно разумным, не станет спешить обзаводиться потомками, не будучи уверенным в том, что сможет обеспечить им надлежащие условия существования. А с обменом

веществ и развитием у Города все должно быть в порядке. Что касается роста… Ну, не всю же жизнь беспредельно расти.

Почему бы не предположить, что Город уже достиг своих оптимальных размеров.

Но, если инфор воспринимает Город, как живое тело, то себя самого он должен считать не иначе, как разумом, владеющим этой гигантской формой… Или это уже слишком?.. Инфор он и есть инфор. Машина, умеющая мыслить, но не способная воспринимать себя, как личность. Или, все же, он способен на большее?

Скорее всего, что и сами создатели Города до конца не знали, на что способен инфор. Они просто смонтировали охватывающую весь Город систему, которая должна была отслеживать ситуацию и… Черт возьми, в конечном итоге инфор должен был обеспечить жизнеспособность Города! Любой ценой! Чем он и занимается по сей день. Но одному лишь властелину Ада известно, сколько раз за это время горели провода в сети инфора, сколько раз происходили короткие замыкания в его электрических цепях, сколько раз ремонтные роботы заменяли поврежденные микрочипы, сколько раз инфору приходилось перенастраивать те или иные свои системы… Человек на его месте давно бы уже свихнулся. Инфор же, в полном соответствии с идеей о самозарождении жизни, в результате этого вполне мог приобрести способность воспринимать себя как самостоятельную личность. Что, с точки зрения человека, вполне адекватно старческому сексуальному маразму.

Человек же, потерявший свою первоначальную значимость, стал восприниматься инфором всего лишь как часть собственного организма. Чем-то вроде кишечной палочки, которая при нормальных условиях способствует процессу пищеварения, но в критической ситуации может стать причиной тяжелой инфекции. Поэтому-то инфор и заботится о жителях, чтобы не давать повода для ненужных волнений, которые могут дурно сказаться на общем самочувствии Города. Ну, а в случае крайней необходимости, одного или нескольких из них можно и в жертву принести. Исключительно ради общего блага.

Блум хмыкнул, покачал головой и зашагал дальше, слегка прихрамывая на левую ногу.

Теория любопытная и даже, можно сказать, изящная. Вот только доказать её, скорее всего, абсолютно невозможно. Впрочем, так же, как и опровергнуть. Для того, чтобы сделать это, нужно побеседовать с самим инфором. Ну, а какой индивид, считающий, что находится в здравом уме, согласится на диалог с обитателями собственного кишечника? В лучшем случае,

лекарство примет, чтобы в животе не урчало.

Блум не собирался опровергать или доказывать какие-либо теории. Он просто хотел составить свое собственное законченное представление о мире, в котором он жил. Ну, а уж после этого…

О том, что произойдет потом, у него ещё будет время подумать.

Стили Блум

«Итак, какие бы цели ни ставил перед собой инфор, он обязан заботиться о наиболее полном удовлетворении всех потребностей жителей Города. Примем это за аксиому. То, что он лишил Шейлиса части памяти, – тоже своего рода забота. И даже к тому, что инфор пытался проделать со мной, я могу отнестись с пониманием, хотя сами методы считаю неприемлемыми. Объясните мне, для чего это нужно, убедите, что цели благие, – и, кто знает, быть может я сам положу голову на плаху. И все же…

И все же.

Тщательно отработанная методика обращения с людьми, которую использует инфор, в массе своей приводит к требуемым результатам. Однако в отдельных случаях она почему-то дает сбои. Взять, к примеру, меня… Да и Шейлис едва было не сорвался с крючка. Если бы я только мог заранее рассказать ему, что представляют собой сеансы психокоррекции… Значит, в чем-то инфор, все же, не в силах переломить человеческую натуру. Что-то есть в нас такое, что, как ни дави, все равно выживет, а то и наружу вылезет.

Мейле-то, казалось бы, чего дома не сидится? Занимайся спокойно своим сравнительным искусствоведением, – все архивы, все библиотеки, все банки данных в твоем распоряжении, только кнопку нажми. Так нет же… Мне бы такое и в голову не пришло, – взять в руки лом и сесть за кусты, чтобы подстеречь газонокосилку. И все ради чего, – чтобы завладеть парой ножей?.. Видел я эти ножи, – на сувениры мало похожи. Уж лучше статуэтки из холлов воровать… Кстати, не удивлюсь, если узнаю, что в Городе имеются любители и такого вида спорта… Нет, Мейле нужны не ножи. Она убивает газонокосилки ради тех эмоций, которые она при этом испытывает. А боевые трофеи, – это только воспоминания, дающие возможность переживать их снова и снова, пусть и в значительно более слабой, полустертой форме… Мейла не прибегает к сеансам интенсивной психокоррекции, поэтому испытывает потребность эмоционально разряжаться каким-то иным способом… Точно так же, как и я…

Даже в характере Шейлиса произошли некоторые изменения после того, как я вытащил его на улицу. Он сделался более решительным и, я бы даже сказал, более жестким. Не на много, но все же… И ничего из этого уже не было заметно, когда я видел его в последний раз. Все как рукой сняло всего лишь после одного сеанса интенсивной психокоррекции.

Так, все же, от чего именно, заботясь о нас самих, пытается избавить нас инфор? Быть может, именно то качество, с которым он столь настойчиво борется, как раз и делает нас людьми?»

Глава 17

Истории можно рассказывать по-разному

(2-й уровень, 63-я улица)

Блуму почему-то казалось, что раз уж по Второму уровню проходит линия монорельса, то и выглядеть он должен как-то иначе. Однако улица Второго уровня, носившая номер 63, оказалась точной копий тех 63-х улиц, которые Блуму уже довелось повидать. По крайней мере, в том месте, где он вышел из межуровневого лифта.

Пожалуй, за время своих странствий по Городу, Блум впервые не чувствовал сковывающего напряжения. Напротив, сейчас он испытывал тихую, спокойную радость. Или даже, скорее, предвкушение удовольствия, сродни тому, что ощущает человек, только ещё присаживаясь в кресло и беря в руку чашку крепкого, отменно приготовленного чая.

Блум знал Город и поэтому больше не боялся его. Он знал или, во всяком случае, полагал, что знает в нем все входы и выходы. Ему было известно, как уйти от слежки, как заставить автоэл ехать в нужном направлении, не называя точного адреса. Он мог получить необходимую ему информацию, не прибегая к помощи кабин инфора, которые, как он помнил ещё по прогулке с Шейлисом, могли таить в себе скрытую опасность. Он чувствовал себя почти хозяином Города. Казалось, ещё немного, – и он откроет все его секреты. В Городе для него больше не останется тайн. И тогда он сделает шаг за его пределы.

А, собственно, почему бы и нет? По логике развития событий все именно к тому и шло. На его пути стоял только инфор. Но теперь он знал, – и знания эти базировались не на чьих-то там словах, а на собственном опыте, – что инфор это не та преграда, которую невозможно преодолеть. Блум обладал главным, что требовалось для этого, – желанием и волей. Опыт же и умение, – дело наживное. Каждый новый шаг по улицам Города добавлял в копилку что-то новое.

Блум вышел на главную улицу, огляделся по сторонам и уверенно направился к парадному подъезду ближайшего дома.

– Я тоже рад тебя видеть, дорогой, – быстро произнес он, предупреждая традиционное приветствие открывшего перед ним дверь робота-привратника. – Я не собираюсь наносить визит никому из живущих в этом доме. Просто хочу узнать, как мне

добраться до ближайшей станции монорельса?

– Станция монорельса находится на третьей линии, – ответил робот. – Это в пяти кварталах отсюда.

– Можешь изобразить план?

– Конечно, – на груди робота открылась узкая щель из которой выползла полоска целлулоида. – Если вы пожелаете, я вызову для вас автоэл.

– Секундочку. Мы находимся здесь? – Блум ткнул пальцем в точку на плане.

– Да, – подтвердил робот.

– В таком случае, я пешком доберусь до станции примерно за полчаса.

– Для этого вам придется двигаться со средней скоростью…

– Не утруждай себя бессмысленными вычислениями, – Блум сложил лист целлулоида вчетверо и сунул его в нагрудный карман рубашки. – Лучше вызови автоэл и скажи мне, по какому расписанию движутся поезда монорельса?

– Поезда следуют в обоих направлениях с интервалом в пять минут. Если вас интересует точное время прибытия поезда…

– Не интересует. Все, что мне было нужно, я уже выяснил. Благодарю за службу! – Блум отсалютовал роботу правой рукой и шагнул за порог. Там он остановился и вновь повернулся в сторону привратника. – Послушай-ка, я никогда не бывал на Первом уровне. Там есть что посмотреть?

– Что вы имеете в виду? – не понял вопроса робот.

– Ну, что-нибудь такое, чего нет здесь, – Блум махнул рукой в сторону улицы.

– Я затрудняюсь ответить на ваш вопрос, – несколько растерянно произнес робот. – Если вы уточните, что именно вас интересует… На Первом уровне нет жилых кварталов. Там расположена производственная зона: заводские цеха, ремонтные мастерские, пищевые производства, биореакторы, очистные сооружения…

– И все это работает в автоматическом режиме?

– Практически все. Постоянный контроль инфора осуществляется только за несколькими особо ответственными участками производственной цепи.

– Люди там есть?

– Где?

– На Первом уровне.

– В этом нет необходимости.

– Так все же есть или нет?

– В данный момент – нет.

– Это все, что я хотел узнать, – Блум кивнул на прощание

роботу. – Не скучай.

У края тротуара его уже дожидался новенький зеленый автоэл. Двигатель машины негромко урчал. Казалось, автоэл, точно застоявшийся в стойле скакун, только и ждал приказа, чтобы сорваться с места и унести своего седока в бесконечную даль.

– Привет, – сказал Блум, забираясь на заднее сиденье. – К ближайшей станции монорельса.

– Я уже получил маршрутное предписание… господин?..

Блум проигнорировал вопросительные интонации голосового модулятора автоэла. Сейчас у него не было настроения играть в дурацкие игры с придуманными именами.

Откинувшись на спинку, Блум лениво поглядывал в окно. Ничего интересного там не было. Все те же одинаковые жилые дома, обнесенные живыми изгородями из ровно обрезанного на высоте полутора метров кустарника, и тянущиеся вдоль дороги газоны с травой, похожей на густое ковровое покрытие.

– Господин собирается совершить дальнюю поездку? – деликатно поинтересовался автоэл. Вопрос Блуму не понравился.

– Собираюсь, – настороженно ответил он и, на всякий случай, взялся за дверную ручку.

Вполне вероятно, что вопрос, заданный автоэлом, был вполне невинным, – управляющий машиной робот просто заботился, чтобы пассажир не заскучал. Но с таким же успехом можно было предположить, что голосовым модулятором автоэла решил воспользоваться инфор, которого заинтересовал человек, собравшийся прокатиться куда-то по монорельсу.

– Скажи, когда мы проедем половину пути, – приказал Блум автоэлу.

– Мы уже проехали…

– Останови!

Резко взвизгнув тормозами, автоэл круто свернул вправо и, едва не зацепив передним крылом бордюрный камень, остановился.

Блум распахнул дверцу и, подхватив с сидения рюкзак, выпрыгнул из машины.

– Господин…

– Дальше я пойду пешком, – не поворачиваясь к машине спиной, Блум сделал шаг назад.

– Но мы ещё не достигли конечного пункта нашей поездки, – обиженно произнес автоэл.

– Я сказал, что пойду пешком! – повысил голос Блум. – Все! Убирайся! – ударив ногой, он захлопнул остававшуюся открытой дверцу. – Ты мне больше не нужен!

Автоэл как будто даже с обидой фыркнул двигателем, немного сдал назад и, выехав на середину улицы, покатил в ту же сторону, куда направлялся Блум. Вскоре он превратился в едва заметную зеленую крапинку на сером дорожном покрытии улицы.

Блум по привычке глянул по сторонам, закинул рюкзак на плечо и размеренной походкой направился в сторону, где, в соответствии с планом, должна была находиться станция монорельса. Если большую часть пути он уже проехал, то идти оставалось не более пятнадцати минут. Колено Блума больше не беспокоило, так что можно было и прогуляться.

Блум посмотрел на нарисованное небо. Несомненным достоинством путешествия по Городу являлось то, что можно было не беспокоиться относительно внезапной непогоды. Дождь в Городе шел только рано утром, строго по расписанию, а о иных проявлениях природных стихий можно было и вовсе забыть.

Блум провел рукой по верхнему краю живой изгороди. Впечатление было такое, словно ладонь слегка царапали концы перепутанных проводов. Затем ладонь скользнула по гладкой, словно покрытой слоем пластика, коре дерева с аккуратной, идеально ровной пирамидальной кроной. Ничего иного, кроме тактильных ощущений, Блум не почувствовал. Загадка, каким образом от общения с природой следовало получать удовольствие, так и оставалась неразгаданной.

Мысли Блума переключились с полуискусственной городской природы на производственную зону, занимающую, по словам робота-привратника, весь Первый уровень Города.

Прежде Блуму как-то даже и в голову не приходило, что Город не может состоять из одних только жилых кварталов. Где-то ведь должно было производиться все то, что каждый житель Города мог без труда получить через ячейку доставки, всего лишь набрав нужный код на пульте инфора.

Блуму почти ничего не было известно о том, что представляет собой современное производство. Но даже того, что он помнил из общеобразовательного курса нормальной школы было достаточно, чтобы подумать о том, что организация любого производства предполагает доставку сырья и вывоз отработанных материалов. Даже в условиях безотходного производства должно осуществляться определенное перемещение объектов труда и расходных материалов. Поскольку никаких крупных транспортных артерий в Городе не было, можно было предположить, что необходимые жителям товары изготовляются мелкими производственными единицами, обслуживающими две-три улицы на верхних уровнях.

Блум уже начал было подумывать, не стоит ли изменить

намеченный маршрут и вместо поездки на монорельсе, которая, по всей видимости, не преподнесет ничего особенно интересного и принципиально нового, спуститься на Первый уровень? Помимо того, что просто любопытно было бы взглянуть, что собой представляет и как функционирует городская инфраструктура, посещение Первого уровня могло быть полезным и с точки зрения той основной задачи, которую ставил перед собой Блум. Почему бы не поискать выход из Города в местах, непредназначенных для посещения людьми?..

– Идущий!

Блум вздрогнул, словно в него попал брошенный кем-то камень.

– Идущий!

Блум судорожно дернул шеей, оглядываясь по сторонам.

– Идущий!

С противоположной стороны улицы в его сторону двигался человек.

Наверное, можно было даже сказать, что человек бежал, только бег его носил весьма странный характер. Создавалось впечатление, что все части его тела двигаются, как у сломанной куклы, совершенно произвольно и независимо друг от друга. Ноги незнакомца подгибались в коленях, а тело при каждом шаге откидывалось назад. При этом он то и дело всполошенно взмахивал руками над головой. Со стороны казалось, что человек вот-вот должен упасть, и только каким-то чудом ему удается сохранить равновесие.

– Идущий…

Добежав до Блума, человек раскинул руки в стороны и, по-прежнему двигаясь своей странной вихляющей походкой, описал вокруг него неровный круг.

– Идущий… – произнес он на выдохе одними губами и, пошатнувшись, едва не упал.

Его спасла от падения только расторопность Блума, успевшего подхватить незнакомца под локти. Силы совершенно оставили странного человека, и он как куль повис у Блума на руках.

Блум растерянно огляделся по сторонам. Улица была пуста, если не считать его самого и человека, которого он держал.

Блум сверху посмотрел на его голову. На ней почти не было волос, а сухую, морщинистую кожу, обтягивающую череп, покрывали фиолетово-коричневые пигментные пятна.

Блум приподнял человека и, оттащив его чуть в сторону от дороги, усадил на газон.

С неимоверным трудом человек приподнял голову. На Блума

глянули тусклые слезящиеся глаза с белками, покрытыми частой сеткой красноватых прожилок.

– Идущий, – едва ли не с благоговением произнес человек.

Блум помог незнакомцу подвинуться так, чтобы он мог сидеть, прислонившись спиной к стволу дерева.

Только сейчас Блум понял, что немощь человека объяснялась тем, что он был необычайно стар. Таких глубоких стариков Блуму прежде доводилось видеть разве что только в видеофильмах и кинохрониках. Все его знакомые были примерно одного с ним возраста. И, что самое странное, так было всегда. С тех самых пор, что Блум помнил себя, – сначала в подготовительных классах, затем в нормальной и высшей школах, – его постоянно окружали только его сверстники. И ему казалось, что так и должно быть. Так откуда же теперь появился этот старик?

Старик приподнял сухую жилистую руку и похлопал Блума по предплечью. Ладонь его почти ничего не весила. Похлопывание оказалось не на много сильнее, чем мимолетное касание крыльев пролетевшего мотылька.

– Идущий… – тонкие, потрескавшиеся губы старика растянулись в блаженной улыбке. – Я знал, что дождусь тебя…

Речь его была едва слышна. Он словно бы не говорил, а выдыхал слова из груди вместе с воздухом. Блум даже удивился, как ему удалось несколько раз довольно-таки громко выкрикнуть слово «идущий», которое до сих пор старик употреблял чаще любых других слов.

– Чем я могу вам помочь? – наклонившись к старику, спросил Блум. – Где вы живете?

– Там, – старик вяло махнул рукой в сторону дома на противоположной стороне улицы. – Но это не имеет никакого значения…

– Я могу проводить вас домой, – предложил Блум. Старик протестующе взмахнул рукой.

– Идущий, – снова произнес он, восторженно глядя на Блума.

– Меня зовут…

Блум замялся, не зная, назвать ли старику свое настоящее имя или же и на этот раз придумать себе псевдоним.

– Имя не имеет значения, – произнес старик, чуть приподняв согнутую в запястье руку. – Ты – Идущий!

– Меня зовут Стили Блум, – решительно объявил Блум. – Просто идущим меня никто пока не называл.

– Не просто идущим, – покачал головой старик. – Ты – Идущий!.. Один на весь Город!..

Старик тяжело закашлялся. Последние фразы, которые он произнес с подъемом, стоили ему немалого труда.

– Послушайте, как вас зовут? – не зная, о чем ещё говорить со стариком, который, похоже, совершенно выжил из ума и не понимает, где он находится и с кем разговаривает, спросил Блум.

– Тюн… – тяжело произнес старик. – Тюн Газим…

– Давайте-ка, господин Газим, я помогу вам добраться до дома, – ещё раз, более настойчиво, предложил Блум.

– Мой дом… – старик устало кивнул. – Его уже нет… Его давно уже нет…

– Но вы ведь где-то живете?

– Вот именно, что «где-то», – снова кивнул старик. – Но того дома, в котором я впервые услышал об Идущем, уже нет.

Блум посмотрел на подъезд дома, из которого, как он предполагал, вышел его странный собеседник. Быть может, просто дойти до него и рассказать о старике роботу-привратнику?

Он-то, наверное, должен знать, что полагается делать в подобных случаях.

– Я, должно быть, единственный, кто пережил Разлом…

– Что? – машинально переспросил Блум.

– Да… Наверное, к тому времени на Девяносто второй улице уже почти никого и не осталось… – старик, похоже, даже не услышал вопрос Блума. Взгляд его был устремлен уже не на собеседника, а в даль прожитых лет. – В последний день на мой вызов ответил только Стимон… Когда-то мы вместе ходили в высшую школу. Стимон мечтал стать математиком… И стал-таки им…

Газим сделал паузу, чтобы перевести дыхание. Выглядел старик уже несколько лучше, чем когда Блум только усадил его на траву. Вынужденная пробежка отняла у него слишком много сил. Но постепенно он приходил в норму, если, конечно, так можно сказать о старике, которому, судя по всему, уже не так много дней осталось провести на этом свете.

– Да… Стимон умел мыслить… Как это называется?.. Абстрактно! Да, именно абстрактно… И он рассчитал время, когда произойдет Разлом… Он просмотрел горы литературы и нигде не нашел никаких упоминаний о явлении, которое сам он называл Разломом. Это его весьма удивило… Мне он по секрету сказал, что не верит, будто никто до него не смог вычислить цикличность Разлома. По его мнению в этом была скрыта некая сокровенная тайна… Поэтому он никому кроме меня и не рассказывал о своем открытии… Боялся… – старик хрипло хохотнул. – Стимон все время чего-то боялся… Ему казалось, что за ним кто-то следит… – Газим хотел было снова усмехнуться, но из горла его вырвался только сдавленный хрип. – Стимон рассказал мне о Разломе только потому, что ему нужно было с

кем-то поделиться своим открытием… Он знал, что я ему не верю… Но после он, все же, сказал: «Забудь, Тюн, обо всем, что я тебе рассказывал. И я тоже забуду. Вряд ли мы доживем до очередного Разлома. А, коли так, то и думать об этом нечего»… Да… Так сказал мне тогда Стимон… И я забыл. У Стимона то и дело возникали какие-нибудь новые идеи, которые он спустя пару недель сам же называл безумными… Так какой смысл мне было помнить о том?..

Нельзя сказать, что бессвязная речь старика вызывала у Блума огромный интерес. Но, тем не менее, он слушал Газима, не перебивая. Он решил, что все же стоит послушать человека, прожившего в Городе всю свою жизнь, да к тому же ещё и не боящегося выходить на улицу. Кто знает, а вдруг в его речи промелькнет что-то такое… Ведь не для того же бедолага из последних сил бросился следом за незнакомым прохожим, чтобы только поделиться с ним своими склеротическими воспоминаниями о друге далекой молодости? Но пока что Блум никак не мог взять в толк, что именно пытается объяснить ему старик.

– А потом… Да, это произошло как раз в день моего рождения… Мне в тот день исполнилось девяносто два года, – старик горько усмехнулся. – В том году нам всем исполнилось девяносто два. И это был предел… Теперь я, наверное, самый старый человек в Городе…

– Сколько же вам лет, уважаемый? – не смог удержаться от вопроса Блум.

– Девяносто шесть, – печально взглянул на Блума старик. – Я уже на четыре года пережил всех своих ровесников…

– Всех? – удивленный уверенностью, с какой произнес последнюю фразу Газим, переспросил Блум.

– Всех, – с неменьшей уверенностью, чем в первый раз, повторил старик. – Остальных поглотил Разлом.

Сказав это, он устало прикрыл глаз морщинистыми веками.

– Что такое Разлом? – Блум положил руку Газиму на плечо и легонько тряхнул его. – О чем вы говорите?

– Что? – открыв глаза, испуганно посмотрел на Блума старик. – Кто ты?

Нескольких секунд, проведенных не то во сне, не то в забытье, оказалось достаточно для того, чтобы он напрочь забыл о своем собеседнике.

– Я… – Блум вспомнил, как его называл старик. – Я – Идущий. Мы говорили о Разломе.

– Да! – по-детски радостно заулыбался Газим. – Идущий!.. Я все же дождался тебя!.. Признаться, я не слишком-то верил

Стимону, когда он уверял меня, что ты обязательно придешь… Но, все же, я ждал… А что мне ещё оставалось делать?.. Только ждать…

– Стимон назвал вам мое имя? – спросил Блум, хотя и понимал всю абсурдность этого вопроса.

– Нет, – едва заметно качнул головой старик. – Он просто сказал: «Жди, и однажды ты увидишь человека, идущего по улице. И тогда ты передашь ему то, о чем я тебя прошу. Он сам все поймет»… Да… Так он и сказал… Он знал, что ты обязательно придешь…

– А что случилось с самим Стимоном?

– Он остался… Разлом поглотил его так же, как и всех остальных…

– Что такое Разлом? – Блум повторил вопрос, который уже был однажды задан.

– Я не знаю, – беспомощно развел руками старик. – И даже Стимон этого не знал… Он только сумел предсказать, когда это случится…

– Ты сказал, что Разлом поглотил Стимона…

– Да… Его… и всех остальных… К тому времени на Девяносто второй улице оставалось уже не так много жителей…

– И все, кто остались, исчезли в Разломе?

– Да… Все…

– А остальные?.. Те, кто не остались?

– Остальные… – уголки губ старика с прилипшими к ним пузырьками слюны опустились вниз. Да и сам он весь как-то сразу вдруг поник, словно марионетка, оставленная кукловодом без внимания. – Как ты думаешь, – обратился он к Блуму с вопросом. – Многие ли в Городе доживают до девяноста двух лет?

Блум сосредоточенно наморщил лоб.

92-я улица… 92 года… Существовала ли здесь какая-то связь?.. Или же просто случайное совпадение? Статистикой продолжительности жизни жителей Города Блум никогда не интересовался. А вот что касается 92-й улицы…

Блум достал из кармана план Города и расстелил его на траве.

92-я улица, которая, по логике вещей, должна быть последней… Однако на плане она пересекает Город едва ли не в самом его начале… Хотя все в этом Городе носит условный, а, значит, нереальный характер…

– У тебя тоже есть такой…

– Что? – поднял на старика непонимающий взгляд Блум.

– План, – старик взглядом указал на лист целлулоида, прижатый рукой Блума к траве. – Когда Стимон сказал мне, что

пора уходить, он велел распечатать и взять с собой план Города…

Старик запустил руку далеко под отворот легкой курточки игриво-желтого цвета, которая, к тому же, была ему заметно велика, и, покопавшись где-то в глубине складок одежды, извлек сложенный в несколько раз лист.

– Вот, – не разворачивая, Газим протянул листок Блуму. – Стимон велел передать это тебе… Теперь я выполнил то, что обещал…

Морщинистые веки старика снова начали медленно, но неудержимо наползать на глаза.

Блум одной рукой схватил протянутый ему листок, а другой тряхнул старика за плечо.

– Подожди, Газим, ты ещё не все мне рассказал!

– Стимон сказал, что Идущий сам все поймет, – устало, почти без сил произнес старик.

– Что произошло на Девяносто второй улице?.. Что такое Разлом?.. Да, черт возьми, ответь же, наконец!..

Блум встряхнул легкое тело старика так, что голова Газима мотнулась из стороны в сторону. Но желаемого результата это не принесло. Губы старика едва заметно шевельнулись, но Блум не смог разобрать ни одно из произнесенных им слов.

Оставив Газима в покое, Блум с суетливой поспешностью развернул лист целлулоида, который тот ему дал, и замер в недоумении, глядя на план Города, в точности такой же, как и тот, что лежал рядом с ним на траве.

В чем же был секрет? Почему старик так переживал из-за этого листа целлулоида?

Блум наложил один лист на другой и, приподняв их, посмотрел на просвет. Все линии на обоих планах совпадали, до самой мельчайшей черточки, до последнего штриха. Да и как им было не совпасть, если оба плана были начерчены по единому образцу, хранящемуся в памяти инфора. Вся разница между ними заключалась лишь в том, что тот чертеж, который дал Блуму Газим, был выполнен четырьмя годами раньше.

Руки Блума безвольно опустились, и оба листа целлулоида снова оказались на траве.

Блум посмотрел на Газима.

Старик сидел, завалившись на бок, и только ствол дерева, к которому он прижимался спиной, не позволял ему совсем упасть. Голова Газима, свесившись на тонкой шее, покрытой обвисшими складками дряблой синеватой кожи, почти касалась щекой плеча. Глаза его были закрыты. К уголкам полуоткрытого рта прилипли пузырьки желтоватой слюны.

Взгляд Блума снова скользнул по расстеленным на траве

листам. Почему для старика было так важно передать ему план Города четырехлетней давности?.. Похоже, Тюн Газим и сам этого не знал. Он просто выполнял обещание, данное когда-то своему другу Стимону. А сам Стимон не мог уже ответить на этот вопрос. Но он был уверен, что тот, в чьи руки попадет этот лист целлулоида, сумеет сам отыскать разгадку.

А крылась ли во всем этом какая-то тайна?.. Быть может, старый Газим просто выдумал странную историю про некий Разлом, в которую сам же свято уверовал? Старик, проживший 96 лет, – в его сознании реальная жизнь давно уже перемешалась с лохмотьями воспоминаний и обрывками видений. Какой ещё Разлом мог поглотить 92-ю улицу, если вот она?…

Блум машинально глянул на план Города, чтобы взглядом отметить на нем 92-ю улицу. И в ту же секунду все тело его напряглось, как у охотничьего пса, почуявшего дичь. Он быстро выдернул из-под плана Газима, который лежал сверху, свой план и положил оба листа рядом.

Разница в картах Города, разделенных четырьмя годами, все же существовала. И заключалась она в расположении улиц. Порядок нумерации улиц был соблюден на обоих планах. Но, если на той, что принадлежала Блуму, 92-я улица стояла 5-й от начала, то на карте Газима Город начинался с 92-й улицы! За ней следовали улицы 91, 90, 89 – и далее в убывающем порядке. За четыре года все улицы сместились на четыре позиции вниз по карте! А улицы с Первой по Четвертую, которые прежде находились в самом конце, спустя четыре года оказались в начале Города!

Блум в задумчивости провел ладонью по волосам.

Сам по себе факт был любопытный, но, что из него следовало, Блум понять не мог. И ещё какой-то Разлом, о котором говорил старик…

– Газим, – Блум тронул старика за плечо. Тело Газима упало на бок. Правая рука неловко завернулась за спину. Старик даже не сделал попытки подняться. Он так и остался лежать… Неподвижно… Как мертвый…

– Газим!

Блум перевернул старика на спину и прижал ладонь к его впалой груди. Ударов сердца он не почувствовал.

– Газим…

Блум приподнял веко на глазе старика, но смог увидеть только глазное яблоко, – белое с красноватыми прожилками.

Блум в ужасе отшатнулся в сторону. Секунд десять он тупо смотрел на тело старика, затем рывком поднялся на ноги и беспомощно огляделся по сторонам. Помощи или совета спросить

было не у кого. А что он мог сделать сам?… Если только…

Блум кинулся через дорогу к дому, в котором, как он думал, жил Газим. С полпути он вернулся, подхватил с газона оба листа с планами Города, быстро и неловко свернул их, сунул в карман и снова побежал на другую сторону улицы.

Влетев в распахнутую привратником дверь, Блум, чтобы остановиться, ухватился рукой за дверную ручку.

– Добрый день, господин…

– Там на газоне лежит старик! – крикнул Блум, указывая рукой в сторону, откуда прибежал. – Его имя Тюн Газим! Он, наверное, живет в этом доме…

– Совершенно верно, господин, Тюн Газим проживает в апартаментах…

– Ему плохо! – заорал на робота Блум. – Очень плохо! Он потерял сознание!.. Да сделай же что-нибудь, дьявол тебя раздери!

– К сожалению, я ничем не могу помочь, – ответил после непродолжительной паузы робот. – Любая медицинская помощь оказывается жителям Города только на дому…

– Старик умирает на улице! – Блум был вне себя от негодования. Он готов был наброситься на робота с кулаками. И не делал этого только потому, что понимал, – действуя таким образом, он не только не добьется никакого результата, но к тому же ещё и рискует оказаться запертым в холле парадного, как психически неуравновешенная личность, чье агрессивное поведение угрожает безопасности жителей Города. – Вызови какую-нибудь службу помощи!.. Что положено делать в таких случаях?!

– Сожалею, господин, но я впервые сталкиваюсь с подобной ситуацией.

– Проклятие! – Блум в отчаянии ударил раскрытой ладонью по полированному боку привратника. – Быстро соображай, что делать, ящик железный!

– А вы уверены, что господин Газим все ещё жив? – вкрадчиво поинтересовался робот.

– Откуда мне знать! – заорал на него Блум. – Я не врач!

– В нашем доме проживают пятеро практикующих врачей-психокорректоров, – с гордостью сообщил привратник.

– К черту психокорректоров! Нам нужен обычный врач, что-то вроде медицинского автомата, к которому обращаются за помощью, когда чувствуют физическое, а не психическое, недомогание!

– Лечение болезней осуществляет медицинская программа инфора.

– И что дальше?

– Для того, чтобы больному была оказана квалифицированная медицинская помощь, его следует доставить в помещение, где находится терминал инфора и активировать программу медицинского обследования.

– Да чтоб тебя!..

Блум бросил на пол рюкзак и выбежал из подъезда. Газим лежал на траве в той же позе, в какой он его оставил. Опустившись на одно колено, Блум обхватил тело старика поперек пояса и приподнял. Оно оказалось легким, словно тельце ребенка. Без особых усилий взвалив тело Газима на плечо, Блум поднялся на ноги и торопливо зашагал к дому.

– Это и есть Тюн Газим? – поинтересовался привратник, когда Блум с телом старика на плече переступил порог.

– Где он живет? – хриплым голосом спросил Блум.

– Пятый этаж, апартаменты номер 42, – сообщил привратник.

– Открывай дверь, – кинул Блум роботу, направляясь к лифту.

– Боюсь, что я не смогу этого сделать, – произнес у него за спиной привратник. – Я затрудняюсь идентифицировать личность Тюна Газима в том человеке, которого вы несете на плече.

– И что? – не оборачиваясь спросил Блум.

– Я не имею права впускать вас в чужую квартиру без ведома хозяина.

– Слушай, ты!..

Блум медленно и угрожающе повернулся в сторону привратника.

– Но на первом этаже имеются незанятые апартаменты, – быстро произнес тот. – Именно там я и предлагаю вам воспользоваться терминалом инфора.

Блум молча повернул в сторону лестницы. Нужная дверь на площадке первого этажа была уже открыта. Блум вошел в нее, даже не подумав о том, что эта квартира могла оказаться для него ловушкой. Миновав прихожую, он ногой распахнул дверь комнаты, в которой находился терминал инфора.

Трудно было определить, как долго квартира пустовала. Вся необходимая мебель была в наличии. А вот пыли не было вовсе. Что, впрочем, можно было отнести к заслугам миниатюрных роботов-чистильщиков, которых в своей квартире Блум к уборке не допускал.

Блум опустил тело Газима в глубокое вращающееся кресло и пододвинул его к большому гостевому экрану инфора.

На мгновение, – только на одно неуловимо короткое мгновение, – рука его замерла, когда он протянул её к большой плоской клавише включения терминала. Знакомый страх,

поднявшийся из темных глубин подсознания, усилием воли был снова превращен в серую тень, на которую при желании можно было почти не обращать внимания. Двумя сложенными вместе пальцами Блум ударил по клавишам.

Он даже как будто с любопытством ожидал результата. Впервые после своей условной смерти Блум должен был лично предстать перед инфором. И ситуация, следует признать, была довольно-таки скользкой.

Не дожидаясь, когда на экране появится знакомая заставка, Блум переключился на основное меню и активировал программу общего медицинского обследования.

На экране возникла фигура врача. В том, что это был не живой человек, а всего-лишь виртуальный образ, Блум не усомнился ни на секунду. Идеально подогнанный по фигуре голубой халат без единой складочки мог воспроизвести обычный имитатор. Но при этом одежда не выглядела так, словно её вырезали из плотной бумаги и просто наложили сверху на фигуру человека. Ну, а маленькая круглая шапочка, насаженная сверху на голову врача, смотрелась просто смехотворно. Блум даже удивился тому, что прежде он почему-то не обращал внимания на столь явно бросающиеся в глаза огрехи.

– Добрый день, – улыбнулся с экрана виртуальный образ врача. – Чем я могу вам помочь?

Он обращался к Блуму, хотя временами и бросал украдкой быстрый взгляд на скорчившуюся в кресле неподвижную фигуру.

– Ты что, сам не видишь! – взорвался Блум. – Помощь нужна не мне, а ему! – он указал рукой на безжизненное тело Газима.

Выражение лица врача сделалось чуть более сосредоточенным.

– Насколько я понимаю, ни один из вас не проживает в квартире, из которой сделан вызов, – сказал он.

– И что с того? Газим живет в этом доме. Ему стало плохо на улице, а дебильный робот у входа отказался открыть его комнату!

– Мне все понятно, – быстро кивнул врач. – Сейчас мы займемся вашей проблемой.

Под горизонтальной панелью пульта управления едва слышно щелкнул внутренний запор. Квадратная пластина облицовки стены сдвинулась в сторону, и из открывшейся ниши выполз гибкий щуп, на конце которого, словно уродливый плод на лиане, болтался шар, размером с человеческую голову, покрытый многочисленными выпуклостями и цилиндрическими наростами.

Блуму уже приходилось видеть подобное приспособление, осуществляющее регулярное медицинское обследование и

стоматологическую помощь на дому.

Шар описал круг над головой Газима, запрокинутой на спинку кресла, и остановился в сантиметре от его лба. С десяток тонких нитей с дискообразными присосками на концах выскользнули из открывшихся на поверхности шара отверстий и, словно щупальца паразита, прилепились к определенным для каждой из них точкам на черепе пациента.

Блум ждал, переводя взгляд с мертвенно-бледного лица Газима на невозмутимый лик врача на экране.

Не прошло и десяти секунд, как шар вновь втянул в себя нити с датчиками-присосками и, отстранившись от лица Газима, замер в неподвижности на уровне горизонтальной панели пульта инфора.

– Генетический анализ подтверждает, что перед нами действительно Тюн Газим, – взглянув на Блума, сообщил врач.

– Это мне и без тебя известно, – резко ответил Блум. – Что с ним?

– Он мертв, – с невозмутимой полуулыбкой на губах ответил врач. – Использование средств реанимации признано нецелесообразным, поскольку возраст больного значительно превышает среднестатистический срок жизни жителя Города.

Блум с ужасом посмотрел на тело Газима. Он впервые воочию видел перед собой мертвого человека. К тому же, он разговаривал с ним всего лишь несколько минут назад…

– И его уже нельзя спасти? – не глядя на экран, негромко спросил Блум.

– Теоретически – можно, – ответил врач. И уверенно встретив мотнувшийся в его сторону гневный взгляд Блума, добавил: – Но, как я уже сказал, использование средств реанимации в данном случае признано нецелесообразным. За последние четыре года этот человек ни разу не проходил обязательное для всех жителей Города медицинское обследование. Судя по результатам сегодняшних исследований, мозг его претерпел необратимые изменения ещё до того, как он умер.

Не сводя взгляда с мертвого тела, Блум медленно попятился к двери. Два шага, – и он уже видел только затылок, покрытый редкими седыми волосками и пигментными пятнами.

– Быть может, вам тоже требуется моя помощь? – с экрана обратился к Блуму врач. – Простите, но я затрудняюсь идентифицировать вашу личность. – Я не вхожу в число ваших пациентов, – деревянным голосом произнес Блум.

– И все же…

– Что будет с ним теперь? – Блум взглядом указал на кресло, в котором полулежал мертвый человек.

– Ничего, – безразлично пожал плечами врач. – Он мертв…

– Я знаю… Но тело?..

– Тело будет утилизировано, – спокойно ответил врач. – Этим займутся чистильщики.

Теперь Блум понял, почему не доверял роботам-чистильщикам уборку своей квартиры.

Развернувшись, он кинулся через прихожую к выходу. Подобно наркотическому кошмару, перед которым бессильны потуги разума, пытающегося вернуться в реальность, стояло у него перед глазами видение двери, запертой на замок.

Блум с разбега навалился грудью на дверь и до предела вдавил большой палец в кнопку замка. Отшатнувшись назад, он дернул дверную ручку. Дверь распахнулась, и Блум рванулся вон из квартиры. Носок левой ноги зацепился за порожек, и Блум во весь рост растянулся на холодном каменном полу. Согнув колени, он одним сильным толчком поднял себя на ноги и послал свое тело вперед, по направлению к лестнице. Руки сами ухватились за перила, спасая Блума от падения.

Скатившись вниз по лестнице, Блум замер.

Быстрый, ставший уже привычным, настороженный взгляд по сторонам. Колени чуть подсогнуты. Спина напряжена. Руки слегка разведены в стороны. Поза дикого зверя, готового, в зависимости от обстоятельств, спасаться бегством или драться насмерть. Инстинкт диких предков или вновь приобретенный навык?

Все спокойно.

Блум выпрямился, расслабился и быстро провел ладонью по лицу. Он уже находился в поле зрения робота-привратника, и нужно было сделать вид, что ничего не произошло. Все как всегда… Обычный денек…

– Все в порядке? – спросил робот.

– Да, – едва заметно дрогнувшим голосом ответил Блум, наклоняясь, чтобы поднять с пола брошенный в спешке рюкзак.

– А как господин Газим?

– С ним тоже все хорошо, – Блум покосился на дверь, которую, вопреки установленным правилам, робот-привратник не торопился открывать.

– Почему он не вернулся в свои апартаменты?

– Ну… – Блум неопределенно взмахнул в воздухе кистью руки. – Ему ещё нужно проконсультироваться с инфором по поводу проблем со здоровьем… Ты откроешь мне дверь?

– Конечно, – рука робота согнулась в суставе, открывая дверь. – Я подумал, что вы намерены задержаться.

– Нет, я ухожу, – Блум шагнул к порогу, но вдруг

остановился, придерживая рукой открытую дверь. – Кстати, как давно Тюн Газим живет в этом доме.

– Четыре года и сто сорок два дня, – ответил робот.

– Он часто выходит на улицу?

– Почти весь день просиживает у подъезда.

– А где он жил прежде?

– Девяносто вторая улица, дом сорок пять, апартаменты номер тридцать четыре.

– Тебе случайно не известно, почему он вдруг решил сменить место жительства?

– Нет, господин.

– А что ты можешь сообщить мне по поводу продолжительности жизни жителей Города?

– Вас интересует среднестатистическая или максимальная продолжительность жизни?

– Максимальная.

– Девяносто два года.

Снова это загадочное число – 92…

– А каков возраст Газима? Пауза длилась секунд пять.

– Только что мне стало известно, что Тюн Газим умер, – сообщил робот.

– Не отвлекайся, – одернул его Блум. – Сколько лет было Газиму?

– Девяносто шесть лет, – робот как будто и сам удивился сему факту, не укладывающемуся в рамки городской статистики. – По-видимому, это какая-то ошибка, – быстро нашел он выход из затруднительного положения. – Я пошлю дополнительный запрос в информационный центр…

– Не стоит, – махнул рукой Блум. – Не знаю, что ответит тебе центр, но Газиму, действительно, было девяносто шесть лет.

– Я думаю, господин, что после уточнения и сопоставления фактов…

– Меня совершенно не интересует, что ты там думаешь, – не дал договорить роботу Блум. – Скажи мне лучше, имеется ли в сети инфора какая-либо информация, касающаяся явления, именуемого «Разлом»?

– Нет, господин, – ответил после непродолжительной паузы робот. – Есть только языковое понятие «разлом», характеризующее место, где предмет был разломлен. Еще имеется ссылка на роман с таким же названием.

– Романы сочинять я и сам умею, – махнул рукой Блум. Подумав секунду, Блум показал роботу язык и вышел на улицу.

«Что должен чувствовать человек, проживший девяносто шесть лет?… Бог ты мой! На моих руках умер самый старый человек в Городе! О чем он думал перед смертью?.. Вспоминал свою жизнь?.. Друзей, которых уже нет рядом?.. Рядом… Рядом со мной тоже никого нет… Странные люди… Выживший из ума старик… О чем он пытался рассказать мне перед смертью? Что имел в виду, когда говорил о Разломе, якобы поглотившем Девяносто вторую улицу четыре года назад?.. Косвенным свидетельством того, что нечто странное в Городе все же происходит, является план улицы, который он мне вручил… Хотя, с другой стороны, нет никаких доказательств того, что он является подлинным. Быть может, старик сам его начертил?.. Но зачем ему это было нужно?.. Только для того, чтобы придать видимость достоверности своим старческим бредням?.. Что за процессы происходят в мозгу человека, когда он начинает угасать? Понимает ли сам человек, что уже не способен адекватно воспринимать окружающий мир?.. А что, если и инфор подвержен точно таким же возрастным изменениям? Износ отдельных деталей, перегрев контактов, случайные повреждения… И в результате мы имеем гигантский склеротирующий мозг, продуцирующий маразматическое сознание… А миллионы людей даже и не подозревают о том, что их жизни находятся в полной зависимости от действий автоматов, направляемых разумом, который не способен отвечать за последствия своих решений…

Смешно?

Как сказать…»

Глава 18

Увязывая концы с концами

(2-й уровень, 63-я улица)

Блум понял, что достиг цели, когда дорожное полотно впереди изогнулось дугой, словно под напором некой неведомой силы, давившей на него снизу. И домов по обеим сторонам улицы в этом месте тоже не было. Блум свернул налево и вскоре оказался перед широкой аркой, свод которой пересекала длинная полоса светового табло с надписью в одну строку: «Станция 63-я улица»

Блум в нерешительности остановился. У него не было сомнений в том, что перед ним ни что иное, как вход на станцию монорельса, но вот так сразу войти под своды арки он не решался. Коридор, началом которого являлась арка, был ярко освещен, но метров через пять он резко сворачивал в сторону, так что, куда именно он ведет, Блум видеть не мог. Немного фантазии, – и можно было представить, что стоишь перед входом в преисподнюю. Тот факт, что из коридора тянуло не смрадным жаром, а всего лишь легкой прохладой, ровным счетом ничего не менял.

Потоптавшись какое-то время перед входом, Блум все же рискнул сделать пару шагов вперед. Потолок не упал ему на голову, и он уже гораздо увереннее зашагал дальше.

Не успел он дойти до поворота, как оттуда раздался какой-то странный гул, который с каждой секундой делался все пронзительнее и громче. От него даже пол под ногами как будто начал дрожать. Создавалось впечатление, что нечто устрашающе огромное с невероятной скоростью несется по коридору навстречу незванному гостю.

Инстинкт самосохранения сработал значительно быстрее разума, – Блум в ужасе кинулся к выходу из ужасного подземелья. И лишь выбежав на улицу, он сообразил, что источником напугавших его звуков был, по всей вероятности, поезд монорельса, подошедший к станции.

Блум остановился и досадливо тряхнул головой, прогоняя напугавшие его фантазии.

Гул давно уже стих, хотя отдаленные отголоски его все ещё звучали у Блума в ушах.

Усмехнувшись, Блум вновь решительно направился под своды арки. Теперь ему казалось, что его уже никто и ничто не сможет

остановить.

А никому, похоже, и не было никакого дела до того, что Стил Блум решил проехаться по линии монорельса. По крайней мере, никто и ничто не собирались вставать у него на пути.

Миновав поворот коридора, Блум вышел на середину платформы, шириной метра в три. На серой стене, к которой прилегала платформа, через равные интервалы повторялась надпись с названием станции: «63-я улица». Нависая над платформой, стена плавно перетекала в довольно-таки низкий потолок, – подпрыгнув, Блум смог бы коснуться его рукой. Точно такая же платформа тянулась по другой стороне монорельсовых путей, двумя широкими сверкающими полосами выползающих из темной глубины туннеля, а затем ныряющих в точно такой же туннель на другом конце станции.

Естественно, ни одной живой души на станции не было.

Блум с серьезным видом прошелся по платформе из стороны в сторону, словно желая убедиться в её надежности. Затем окинул взглядом голые стены. Оставалось непонятным, каким образом, при полном отсутствии каких-либо указателей, пассажир мог выбрать нужное для него направление. Что являлось как бы косвенным подтверждением гипотезы Мейлы о том, что Город замкнут в кольцо, – в какую сторону ни поедешь, рано или поздно доберешься до нужной улицы. Но, с другой стороны, в таком случае незачем было бы пускать поезда в двух противоположных направлениях…

Блум не успел прийти к какому-нибудь определенному решению. Из глубины находящегося слева от него туннеля повеяло вначале легким ветерком, а затем послышался быстро приближающийся и становящийся все более громким гул, ужасно похожий на тот, что напугал Блума при входе на станцию.

Отшатнувшись от края платформы, Блум прижался спиной к стене. Упругая волна воздуха, вырвавшаяся из туннеля, ударила ему в лицо. А следом за ней из темноты вылетел поезд. Пронзительно взвизгнули тормозные колодки, и два серебристых вагончика цилиндрической формы остановились у противоположной платформы. Сквозь широкие боковые окна Блум мог видеть ряды сдвоенных кресел, тянущихся по обеим сторонам пустого вагона.

Подошедший поезд занял не более трети всей протяженности платформы, из чего можно было сделать вывод, что прежде, когда люди чаще покидали свои дома, по линии монорельса ходили более длинные составы.

Одновременно с шипением пневмопривода, открывшего двери поезда, в вагоне прозвучал ровный, напевный голос,

непонятно к кому обращающийся. О чем шла речь, Блум не расслышал. Он уловил только окончание короткой фразы, в которой был назван номер улицы, где находилась станция.

Примерно через полминуты двери вагона снова закрылись и, покинув станцию, поезд исчез в туннеле.

Не успел ещё затихнуть шум удаляющегося поезда, как из того же туннеля послышался встречный гул.

Окна и двери вынырнувшего из туннеля поезда промелькнули перед глазами Блума смазанной полосой яркого света.

Сообразив, что поезд остановится у начала платформы, Блум побежал следом за ним.

Он догнал последний вагон как раз в тот момент, когда поезд полностью остановился и створки дверей с легким шипением разошлись в стороны.

– Внимание! Станция «Шестьдесят третья улица»!

Голос, прозвучавший в вагоне, был ровный и, в отличие от голосов тех роботов и автоматов, с которыми Блуму доводилось общаться прежде, абсолютно невыразительный.

Придержав створку двери рукой, Блум опасливо заглянул в вагон. Он посмотрел налево, направо, затем поднял взгляд к потолку.

– В каком направлении следует поезд? – спросил он в пустоту, так и не сумев определить, где находится голосовой модулятор управляющего вагонами автомата.

Никакого ответа не последовало.

В процессе повседневной жизни Блум привык к тому, что каждый, даже самый примитивный автомат, имеет речевую систему обратной связи с пользователем. И то, что такая сложная машина, как поезд монорельса, обходится без нее, было в высшей степени странно и необычно.

Резкий отрывистый сигнал зуммера сообщил о том, что поезд собирается покинуть станцию.

– Будьте добры, освободите дверной проем, – попросил все тот же тусклый и несколько искаженный помехами голос из вагона.

Поскольку других людей ни на платформе, ни в вагоне не было, Блум понял, что слова эти обращены к нему.

– Куда следует поезд? – снова спросил он. На этот раз ответ последовал незамедлительно:

– Будьте добры, освободите дверной проем.

Блум догадался, что его присутствие засекла система безопасности. И теперь поезд не сможет тронуться с места до тех пор, пока в опасной зоне находится человек.

Блум усмехнулся не без злорадства, наслаждаясь своей

безграничной властью над всей системой движения поездов по линии монорельса в черте Города. Интересно, как долго поезд будет стоять на месте, ожидая, какое решение он примет? Эдак можно сбить весь график движения…

– Будьте добры, освободите дверной проем!

Услышав негромкий щелчок за спиной, Блум обернулся. У основания прилегающей к платформе стены открылось узкое прямоугольное отверстие, из которого в одно мгновение высыпали мириады крошечных, похожих на трудолюбивых муравьев, роботов-чистильщиков. Движение всей стаи было сориентировано в направлении заблокированной Блумом двери вагона, – система безопасности движения монорельса приняла решение задействовать миниатюрных уборщиков для того, чтобы освободить дверной проем.

Возможно, чистильщики сумели бы разобраться, что перед ними находится не куча мусора, а живой человек. Но Блум вовсе не испытывал желания проверять на себе возможности их интеллекта. Оказаться утилизированным, подобно объедкам со стола, – не самая радужная перспектива. Не дожидаясь дальнейшего развития событий, Блум быстро запрыгнул в вагон.

– Внимание! Следующая станция – «Шестьдесят вторая улица»!

Створки вагонных дверей с тихим стуком сомкнулись.

Блум обеими руками ухватился за вертикальную металлическую стойку.

Поезд дернулся и, быстро набирая скорость, рванулся в сторону разверстого зева туннеля, готового принять его в себя.

За миг до того, как поезд нырнул под темные своды, Блум сделал глубокий вдох и задержал дыхание, как перед прыжком в воду. Глаза он не закрыл, лишь только быстро моргнул, когда за окнами промелькнула серая стена, освещаемая редкими всполохами света. По стене туннеля ползли связки толстых кабелей, закрепленных на коротких, загнутых на концах кронштейнах. Должно быть, движение поезда сопровождалось оглушительным грохотом, многократно усиливающимся замкнутым пространством, однако в вагоне была хорошая звукоизоляция, и Блум слышал только приглушенный неровный рокот, похожий на звук производимый камнями, перекатывающимися в закрытой картонной коробке.

Робкая улыбка появилась на губах Блума. Он вдруг почувствовал, что стремительное движение вперед вместе с несущимся сквозь тьму вагоном доставляет ему удовольствие. Удивительно, но это было так.

Блум только-только начал входить во вкус, а поезд уже

вылетел из туннеля и остановился у платформы следующей станции.

– Внимание! Станция – «Шестьдесят вторая улица»! Блум выглянул в открывшуюся дверь. Станция была такой же серой, безликой и пустой как и та, которую он покинул.

– Внимание! Следующая станция – «Шестьдесят первая улица»!

Поезд снова нырнул в туннель.

Блум огляделся по сторонам и сел на крайнее сиденье в левом ряду по направлению движения. Достав из кармана план уровня, он расстелил его на соседнем сиденье.

Он ехал в сторону уменьшения номеров улиц. А, следовательно, все более удалялся от 92-й улицы, на которую после истории, услышанной от Газима, он непременно хотел взглянуть. Направление движения не имело принципиального значения, если поезд двигался по кольцу. Но, если все же у Города есть границы, то, доехав до 5-й улицы, поезд должен будет развернуться и двинуться в обратном направлении. Это в том случае, если верна карта, полученная Блумом сегодня от робота-привратника. Если же верить карте Газима, то конечной станцией линии монорельса в том направлении, куда он ехал, должна была стать 92-я улица.

Блум сложил карту и снова спрятал её в карман. В зависимости от того, до какой станции доедет поезд, можно будет понять, стоит ли придавать истории, которую пытался поведать ему умирающий старик, какое-то значение или же лучше попросту выкинуть её из головы. А карту… Блум усмехнулся. Карту Газима можно будет отдать Мейле, чтобы она могла продолжить свои теоретические изыскания, опираясь на опыт предыдущих поколений.

Станции следовали одна за другой. Прогоны между ними занимали 2–3 минуты. Блум сидел, вытянув ноги под расположенное впереди сиденье и сложив руки на груди. Он уже почти не прислушивался к названиям станций, которые то и дело хрипло выкрикивал голос откуда-то из-под самой крыши вагона. Взгляд Блума был устремлен за окно. Хотя там тоже не было абсолютно ничего интересного, – бесконечное чередование похожих одна на другую станций, перемежающихся темными промежутками, когда поезд шел по туннелю.

И вдруг на одной из станций Блум увидел человека.

Вскочив на ноги, Блум метнулся к окну. Прижав ладони к прохладному стеклу, он навалился на него с такой силой, словно намеревался выдавить окно и выброситься наружу.

Мужчина плотного телосложения, возрастом чуть постарше

Блума, неподвижно стоял в глубине платформы, привалившись плечом к стене. Он был одет в серые широкие брюки и в такого же цвета френч, застегнутый на все пуговицы. Стоячий воротник френча плотно облегал широкую, плотную шею мужчины. На ногах у него были надеты крепкие тупоносые ботинки с широким рантом и на высокой шнуровке. Под мышкой мужчина держал какой-то продолговатый предмет, длиной около метра, помещенный в чехол из эрзац-кожи.

Поезд остановился у начала платформы. Голос под потолком невнятно пробубнил номер улицы, и двери вагонов открылись.

Незнакомец не спеша отлепил плечо от стены и уверенной, неторопливой походкой, не глядя по сторонам, направился к первому вагону. Войдя в вагон, он опустился на сиденье, подтянул брюки и положил сверток на колени. Поездка на поезде, похоже, была для него привычным занятием.

Блум кинулся к двери, собираясь перебежать в соседний вагон.

– Внимание! Следующая станция – «Сорок седьмая улица»!

Створки двери сомкнулись перед самым носом у Блума.

– Открой, черт возьми! – Блум с досадой хлопнул ладонью по толстому стеклу.

Естественно, никакой реакции на его слова не последовало. Автоматика, управляющая движением поездов монорельса, потому, должно быть, и не имела системы обратной связи с пассажирами, что, в противном случае, прихоти людей постоянно сбивали бы график движения поездов.

Поезд нырнул в темный туннель.

Схватившись обеими руками за стойку, Блум сполз по ней вниз и опустился на крайнее от двери сиденье.

Человек в соседнем вагоне сидел лицом вперед. Блуму было видно только его выставленное в проход колено и коротко остриженный квадратный затылок, по которому незнакомец то и дело проводил широкой ладонью с толстыми, словно бы укороченными на один сустав, пальцами.

Сказать, что Блум пребывал в растерянности и недоумении, – все равно, что ничего не сказать. Ну и денек выдался сегодня! Сначала на руках у Блума умирает самый старый житель Города, твердящий перед смертью о каком-то Разломе. А всего лишь час спустя Блум встречает человека, для которого поездка по линии монорельса, судя по всему, самое что ни на есть обычное дело… Что за тип такой?! Сидит себе спокойно и даже по сторонам не смотрит! Как будто каждый день этой же дорогой до места службы добирается!..

– Внимание! Станция – «Сорок седьмая улица»!

Блум рванулся к выходу.

Выпрыгнув на платформу, он оступился и едва не потерял равновесие. Взмахнув руками, словно пингвин крыльями, он все же устоял на ногах и, развернувшись на пятках, побежал к первому вагону, чтобы успеть запрыгнуть в него до того, как закроются двери.

– Внимание! Следующая станция – «Сорок шестая улица»!

Блум поймал руками скользнувшую в дверной проем створку и, придержав её, заскочил в вагон. Отпущенная створка с грохотом встала на свое место.

Сидевший в начале вагона человек чуть привстал и не спеша повернул голову.

– Добрый день, – Блум попытался сделать свою улыбку как можно более приветливой.

Но в этот момент поезд дернулся и, дабы не упасть, Блум вынужден был схватиться за стойку. Он чуть ни прикусил себе язык, и лицо его при этом исказила напряженно-уродливая гримаса, что явно не способствовало установлению непринужденно-дружеских отношений с незнакомцем.

Ни слова не произнося и не двигаясь с места, мужчина следил за тем, как, изворачиваясь, словно угорь на крючке, Блум отчаянно пытался вернуть свое тело в вертикальное положение.

Наконец Блуму удалось уверенно встать на ноги и, придерживаясь за поручни, он двинулся в сторону незнакомца, который по-прежнему никак не реагировал на его приближение. На лице мужчины, которому на вид можно было дать лет 45, застыло выражение холодной отрешенности от всего происходящего вокруг.

– Добрый день, – ещё раз поздоровался Блум, упав на сиденье напротив незнакомца. – Меня зовут Стили Блум.

Мужчина медленно окинул Блума тяжелым свинцовым взглядом, после чего его широкие губы едва заметно раздвинулись.

– Ну и что?

Голос у мужчины был низкий и глухой, идущий словно бы из самой глубины его широкой бочкообразной груди.

– Простите, – несколько смутился Блум. – Я просто решил, что, раз уж мы едем в одном направлении…

Пристальный немигающий взгляд случайного попутчика окончательно сбил Блума с толку, и он замолчал, отведя глаза в сторону.

– Тебе чего нужно, парень? – не очень-то приветливо пробасил незнакомец.

Ладонь его правой руки при этом скользнула по глянцевой

искусственной коже чехла с непонятным предметом, который лежал у него на коленях.

– Ничего, – Блум порывисто поднялся на ноги, собираясь уйти.

Какого черта!.. Бежал, радуясь как мальчишка тому, что встретил человека… А тут тебе сразу: «Чего нужно?»… О чем можно разговаривать после этого?..

Вылетев из туннеля, поезд начал резко тормозить. Блум, не устояв на ногах, снова упал на сиденье. Левый угол губ незнакомца едва заметно дернулся вверх.

– Внимание! Станция – «Сорок шестая улица»!

– Куда едешь? – тяжелый взгляд незнакомца буквально придавил Блума к спинке сиденья.

В нем не было ни капли гипнотизма, только мощная, непоколебимая уверенность в себе.

– Да так… – неопределенно дернул плечом Блум. – Собственно, никуда… Просто хочу посмотреть Город.

– Так не бывает, – уверенно качнул головой из стороны в сторону мужчина.

– Что значит «не бывает»? – удивленно приподнял брови Блум.

– Если бы люди ездили из одного конца Города в другой просто так, от нечего делать, то весь поезд был бы набит пассажирами, – усмехнувшись, пояснил свою мысль собеседник Блума. – Для того, чтобы отправиться в путь, нужна очень веская причина.

– Но вы-то ведь тоже куда-то едете, – заметил Блум.

– Я – другое дело, – веско произнес мужчина и снова погладил предмет, лежавший у него на коленях.

Без лишних слов было понятно, что задавать дополнительные вопросы было бы пустой тратой времени, – он скажет только то, что сам сочтет нужным.

Однако в сознании Блума, как крючок, засели сказанные незнакомцем слова: «…из одного конца Города в другой».

– Вы, должно быть, часто ездите по линии монорельса?

– Ну, допустим.

Ответ был уклончивый, но Блуму показалось, что в прищуренных глазах попутчика мелькнула искорка интереса. Пользуясь моментом, Блум быстро достал из кармана лист с планом Города и развернул его перед собеседником.

– Как вам кажется, этот чертеж соответствует действительности?

Мужчина внимательно посмотрел на лист в руках Блума и утвердительно кивнул.

– Значит, конечной остановкой поезда будет Пятая улица? – спросил Блум.

– Шестая, – уточнил мужчина.

– Но на плане последней обозначена Пятая улица.

– Пятая улица сейчас закрыта.

– Закрыта?

– Там идет строительство.

– Строительство?

– Ты так и будешь все время повторять за мной последнее слово? – мужчина, сидевший напротив Блума, гулко хохотнул, по-видимому, сочтя свою незатейливую подначку верхом остроумия.

– Извините… Я просто никак не могу понять, что вы хотите сказать.

– По-моему, я довольно-таки ясно изъясняюсь. Конечная остановка поезда будет на Шестой улице. Пятая закрыта, потому что там сейчас идет строительство. Улица отстраивается заново. Теперь понимаешь?

– А что произошло? Почему приходится строить Пятую улицу заново?

Мужчина откинулся на спинку сиденья и посмотрел на Блума долгим внимательным взглядом. Руки его при этом по-прежнему придерживали продолговатый предмет, лежавший у него на коленях.

– Как, ты сказал, тебя зовут? – спросил он через минуту.

– Блум… Стили Блум.

– Что ты ищешь, Блум? – без обиняков спросил мужчина.

– Границу Города, – так же прямо ответил ему Блум. Какое-то время человек молча смотрел на Блума. Затем он широко улыбнулся и сказал:

– Зови меня Хантер, – и с гордостью добавил: – Это прозвище я сам придумал.

– Очень приятно, господин Хантер…

– Просто Хантер!

– Отлично… Хантер.

– Вот так, – удовлетворенно улыбнулся попутчик.

– Так что вы мне скажете, Хантер?

– Насчет чего?

– Насчет границы Города.

– А что именно ты хочешь знать?

– Вы знаете, где она проходит?

Хантер задумчиво посмотрел на Блума.

– Послушай, Блум, а ты, часом, не сумасшедший? – вполне серьезно поинтересовался он.

– Почему вы так решили? – обиженно сдвинул брови Блум.

– Да все нормальные люди ведь по домам сидят.

– А вы сами.

– Я тебе же сказал, что обо мне разговор особый, – сказал, как отрубил, Хантер.

Но Блум и не думал сдаваться.

– Ну, так давайте и поговорим об этом, – с вызовом произнес он. – Вы-то сами куда едете?

– Больно ты прыток, парень, – осадил его Хантер. – Когда придет время, тогда и узнаешь.

– Этого я тоже не понимаю, – огрызнулся Блум.

– Ты хочешь знать, где находится граница Города?

– Да.

– Я могу тебе её показать.

– Ну да?! – Блум от изумления даже рот приоткрыл.

– Вот тебе и «ну да», – усмехнулся Хантер.

– Так вы уже видели границу? – весь подался вперед Блум.

– Конечно, – солидно кивнул Хантер.

– И что там, за ней? – от нетерпения Блум с такой силой сжал кулаки, что ногти впились в ладони.

– Да как тебе сказать… – ногтем большого пальца Хантер задумчиво поскреб левую скулу. – .В общем-то, ничего особенного.

– Но вы были там?

– Где?

– За чертой Города?

Блуму показалось, что Хантер на мгновение растерялся.

– Нет…

– Ну, как же так! – с отчаянием всплеснул руками Блум. – Нет, это просто выше моего понимания! Быть у самой черты и не переступить ее!..

Хантер посмотрел на Блума едва ли не с сожалением.

– Горячишься, Блум, – сказал он, покусывая нижнюю губу. – Быть может, высшая мудрость как раз в том и заключается, чтобы заметить черту и остановиться перед ней.

– Ну, уж нет! – тряхнул головой Блум. – Я на границе не остановлюсь! Только покажите мне ее!

– Посмотрим.

Хантер, похоже, не имел ни малейшего желания вступать в спор на эту тему. Он снова принялся жевать свою нижнюю губу, время от времени посматривая в окно, словно ожидал увидеть там нечто новое.

– Но, в принципе, Город можно покинуть? – не пожелал оставить его в покое Блум.

– Не знаю, – недовольно буркнул Хантер.

– Но вы ведь видели границу…

– Я никогда не пытался выйти за нее. Я наоборот постоянно слежу за тем, чтобы граница не отрезала меня от Города.

– Разве такое возможно? – удивленно вскинул брови Блум.

– Все возможно, – уклончиво ответил Хантер.

– Так что же, выходит, граница Города не имеет постоянного местоположения?

– До поры до времени она находится на одном месте, а потом…

Хантер показал Блуму раскрытую ладонь левой руки, и дважды рубанул по ней ребром правой ладони, – сначала возле кончиков пальцев, а затем ближе к запястью.

– Граница перемещается скачком? – переведя взгляд с руки Хантера на его лицо, с откровенным недоверием спросил Блум.

– Точно, – кивнул Хантер.

– А спустя какое-то время она возвращается в прежнее положение?

– Нет. Продвигается дальше.

– Значит, Город все время уменьшается в размерах.

– Снова не угадал. Размеры Города все время остаются неизменными. Просто в то время, когда с одной стороны, – ладонью, поставленной вертикально, Хантер сделал указующий жест по направлению движения поезда, – граница откусывает от Города кусок, с другой стороны, – взмах ладонью в обратную сторону, к хвосту поезда, – появляется новая улица.

Слушая Хантера, Блум в задумчивости прикусил зубами ноготь на большом пальце левой руки.

Левая щека Хантера дернулась, словно от нервного тика. На самом же деле подобное сокращение мышц на его лице должно было изображать саркастическую усмешку.

– Что, парень, сложная задачка?.. Признаться, я тоже не сразу во всем этом разобрался.

– Напротив, – медленно покачал головой Блум. – Теперь я, кажется, кое-что начинаю понимать… Скачкообразное перемещение границы, это, должно быть, и есть Разлом.

– Что ещё за разлом? – широкие брови Хантера сошлись у переносицы, образовав глубокую вертикальную складку, пересекающую лоб.

– Так называл это явление один человек… Он уже умер… Но ему удалось каким-то образом вычислить периодичность такого события.

– Я тоже обратил внимание на определенную периодичность, – кивнул Хантер. – Граница ежегодно меняет свое местоположение.

– Раз в год?.. – Блум достал план Города, переданный ему Газимом, и наложил его поверх своего. – Так оно и есть! – он повернулся к Хантеру. – Этот план был выполнен четыре года назад. И положение всех улиц на нем сдвинуто на четыре позиции по сравнению с нынешним.

– Я никогда не пользуюсь картами, – покачал головой Хантер. – Очень уж они неточные. Все карты у меня здесь, – указательным пальцем Хантер коснулся виска. – Так куда надежнее.

– Так, все же, куда мы едем? – придерживая рукой листы на сиденье, спросил Блум.

– Мы? – удивленно глянул на него попутчик. – Мне показалось, что каждый из нас едет сам по себе, каждый по своему собственному делу.

– Но вы ведь обещали показать мне границу! – почти с обидой воскликнул Блум.

– Обещал, – не стал отказываться от своих слов Хантер. – И покажу, если ты все ещё не передумал.

– Я хочу увидеть границу! – горячо заверил его Блум.

– Вот и ладно, – коротко кивнул Хантер. – Придет время, – увидишь.

Он водрузил свой квадратный затылок на подголовник сиденья. Взгляд его скользил поверх головы Блума, словно попутчик, случайно оказавшийся вместе с ним в одном вагоне, в одно мгновение превратился в бесплотного призрака.

Блум недовольно поджал губы, но приставать к Хантеру с дальнейшими расспросами не стал, решив, что, и в самом деле, лучше будет увидеть все собственными глазами. Характер у Хантера был не самый легкий, поэтому от него вполне можно было ожидать внезапной перемены решения в случае, если спутник не будет соответствовать всем тем требованиям, что он к нему предъявлял. Знать бы еще, как нужно выглядеть в глазах Хантера, чтобы завоевать его доверие?..

– Внимание! Станция «Тринадцатая улица».

– Не грусти, парень, – неожиданно подмигнул Блуму Хантер. – Скоро уже будем на месте.

Не зная, что ответить, Блум только молча пожал плечами и снова уставился в окно, за которым яркий свет станционной платформы вновь с запланированным раз и навсегда однообразием сменил безысходно-серый полумрак тускло освещенного туннеля.

Стили Блум

«Странный, все же, человек этот Хантер. Не сказать, чтобы он внушал какое-то опасение или недоверие, и все же… Одним словом – странный. Не похожий на других, живущих в Городе. Ведь у него тоже есть какая-то своя цель. Ни за что не поверю в то, что он просто так катается по линии монорельса… У каждого должна быть своя цель. Жизнь прожить, – это не фунт изюма съесть… Странная какая-то пословица. Знать бы еще, что понимал под этими словами тот, кто её придумал… Древние вообще часто задавались вопросом о смысле жизни. И к чему их это привело? К войнам?.. К тотальному самоистреблению?.. К созданию городов-крепостей, обособленных от всего остального мира и готовых стоять насмерть?.. Ради чего? Что за идеалы защищали наши предки, взяв в руки оружие?.. Сейчас этот вопрос уже никого не волнует. Солдаты былых войн давно уже превратились в дорожную пыль. А мы… Мы сами давно уже утратили интерес к чему бы то ни было… Почти все. Исключение составляют только чудаки вроде Хантера…

Что за сверток у него в руках? Гладит он его едва ли не с нежностью… За последние два-три дня я, кажется, совсем разучился удивляться. Что бы ни произошло, – все воспринимаю, как должное. Все новое, необычное, кажущееся на первый взгляд полнейшим безумием, я внимательно изучаю, рассматриваю со всех сторон… Любуюсь, как энтомолог, насадивший на булавку жука с необычным расположением щетинок на задних лапках… А после, прикрепив аккуратную бирку, присоединяю к своей коллекции… Быть может, все мои поиски и метания представляют собой не более чем стремление к максимальной полноте и завершенности начатого собрания курьезов и несуразиц, присущих Городу?..

Странные, все же, люди живут в Городе… Более, чем странные… Откуда только такие берутся?.. Или сам Город превращает людей в живые экспонаты для кунсткамеры?..»

Глава 19

Каждый ищет свою нору

(2-й уровень, 6-я улица)

Хантер поднялся с сиденья, взял под мышку свой сверток и, даже не взглянув в сторону Блума, направился к двери. Подхватив с пола рюкзак, Блум поспешил следом за ним. Поезд вылетел из туннеля. Взвизгнули тормозные колодки.

– Внимание! Станция «Шестая улица»! Хантер и Блум вышли из вагона.

– Куда теперь? – не смог скрыть своего нетерпения Блум.

– Подождем, когда поезд отойдет от станции, – негромко, выталкивая слова сквозь плотно стиснутые зубы, ответил Хантер.

Двери вагонов закрылись, и поезд двинулся в обратном направлении, туда, откуда только что приехал.

Подойдя к краю платформы, Блум недоумевающе заглянул в темный провал туннеля, где только что скрылся поезд.

– А как же поезд, идущий следом? – перевел он удивленный взгляд на своего спутника. Хантер усмехнулся.

– Никогда не слышал о таком устройстве, как путевая стрелка?.. В туннеле поезд перейдет на параллельный путь.

Блум посмотрел в противоположную сторону, туда, где две сверкающие металлические полосы уходили в туннель, ведущий в направлении 5-й улицы.

– А там что? – спросил он у Хантера.

– Там и находится граница, – ответил тот. – Через пару сотен метров туннель закрывает стальная плита.

– И нет никакого прохода?

– В туннеле – нет.

Подойдя к краю платформы, Хантер ловко спрыгнул вниз.

– Давай сюда, – махнул он рукой Блуму. – Только будь осторожен. Вот это – контактный рельс, – он провел рукой над тянущейся почти у самого пола тонкой металлической рейкой. – Не знаю, какое на нем напряжение, но, думаю, что лучше не проверять.

Блум спустился на монорельсовые пути рядом с Хантером и с опаской посмотрел в туннель, куда умчался поезд.

Проследив за его взглядом, Хантер с пониманием хмыкнул.

– Не тревожься, Блум, мы успеем убраться отсюда до прихода следующего поезда, – сказал он и, перехватив поудобнее свой сверток, зашагал в сторону перекрытого, по его словам, туннеля.

У конца платформы он остановился и, присев на корточки, откинул в сторону металлическую створку у основания стены. Достав из кармана маленький цилиндрический фонарик, он посветил им в открывшееся квадратное отверстие.

– Ну, клаустрофобией в Городе, наверное, никто не страдает, – сказал он, скосив взгляд на Блума.

– Вы что, собираетесь забраться туда? – взглядом указал на отверстие Блум.

– А что? – прищурился Хантер.

– Мне кажется, я там застряну.

– Ну, если я пролезу, то ты просто-таки пролетишь, – усмехнулся Хантер. – Не трусь, Блум, сам лаз несколько шире отверстия.

– Лаз? – удивленно переспросил Блум.

– А ты думал, что под платформой банкетный зал находится? – снова усмехнулся Хантер. – Думай быстрее, Блум, а то скоро поезд придет.

Услышав такое, Блум машинально обернулся, чтобы взглянуть в сторону темнеющего за спиной провала, из которого вскоре должен был появиться поезд. Когда же он снова посмотрел на отверстие под платформой, то успел заметить только исчезающие в нем тяжелые ботинки своего провожатого.

– Да, и вот ещё что, Блум, – раздался из дыры рокочущий и отдающийся эхом голос Хантера. – Когда заберешься, не забудь закрыть заслонку.

Блум озадаченно посмотрел на железную створку. Как её закрывать, забравшись внутрь? Ногами, что ли?..

Из туннеля послышался отдаленный гул приближающегося поезда.

Не раздумывая более, Блум опустился на четвереньки и сунул голову в квадратное отверстие. Он увидел только тусклые отсветы фонаря Хантера, мелькающие на стенах лаза, по которому тот быстро полз. Блум перегнулся через край отверстия. Ладони его гулко бухнули по какому-то металлическому листу, находящемуся несколько ниже уровня монорельсовых путей. Стараясь, чтобы плечи прошли по диагонали квадрата, Блум начал быстро протискиваться в отверстие.

Сделать это оказалось совсем не так трудно, как казалось. А пространства внутри было гораздо больше, чем можно было подумать, глядя на лаз снаружи. Блум смог относительно свободно развернуться, чтобы выставить из отверстия руку и прикрыть заслонку.

Едва он успел сделать это, как по ушам больно ударил грохот подкатившего к платформе поезда, раскатывающийся гулким

эхом в замкнутом пространстве лаза. Блум зажмурился и зажал уши ладонями.

Когда он отнял ладони от ушей, вокруг царила тишина. Блум посмотрел в сторону, куда уполз Хантер. Свет его фонарика был уже едва различим.

– Хантер! – испуганно закричал вслед ему Блум. – Подождите меня!

– Догоняй, Блум, – ответил ему невозмутимо-спокойный голос проводника.

Блум встал на четвереньки и, не дожидаясь, когда его снова оглушит грохот отходящего от платформы поезда, суетливо пополз вдогонку за Хантером.

Очень скоро он совершенно выбился из сил. Ему не хватало воздуха. Саднили сбитые колени. Кровоточили суставы пальцев рук, на которых местами оказалась содрана кожа. От необходимости все время держать голову в неудобном, чуть приподнятом положении, затекла и нестерпимо ныла шея. Блум полностью утратил чувство времени и не мог даже приблизительно сказать, какое расстояние он прополз. Продолжать ползти вперед его заставлял только страх потерять Хантера и остаться одному в темном подземном ходе, неизвестно кем и для кого проложенном, и ведущим, скорее всего, в бесконечность.

Внезапно в глаза ему ударил луч света.

– Все, Блум, пришли, – услышал он голос Хантера. – Давай сюда.

Свет снова потух, и Блум двинулся в ту сторону, откуда слышал голос. Зацепившись руками за какой-то металлический порожек, он упал и проехался щекой по бетонному полу.

Под потолком вспыхнул тусклый желтоватый свет.

Блум поднял голову и огляделся.

В первую очередь он убедился, что Хантер находится рядом. Затем он осмотрел место, в котором они оказались. Это был тесный бетонный бункер почти правильной кубической формы. Под потолком на двужильном проводе висела обыкновенная лампа накаливания, ввернутая в голый патрон. По стенам тянулись черные пластиковые трубы и связки кабелей, уложенные на кронштейны.

– Где мы? – прохрипел пересохшим горлом Блум.

– Дома, – коротко и непонятно ответил Хантер, протягивая Блуму флягу с водой. – Много не пей, – предупредил он. – Хуже будет. Только горло промочи.

Блум сделал три небольших глотка и с благодарностью вернул флягу Хантеру.

– Ну-ка, покажи.

Взяв Блума за подбородок, Хантер повернул его голову, чтобы взглянуть на щеку, которой тот приложился к полу.

– Заживет, – заверил он Блума.

Отодвинувшись чуть в сторону, Хантер достал откуда-то небольшую коробочку, в которой были аккуратно уложены мелкие пузырьки и баночки. Взяв один из пузырьков, он смочил в его содержимом ватный тампон.

– Подставляй-ка свою щеку, – велел он Блуму.

– Что это? – недоверчиво спросил тот.

– Дезинфекция, – коротко ответил Хантер и провел влажным тампоном по щеке Блума.

Резкая боль обожгла кожу. От неожиданности Блум вскрикнул и отшатнулся назад.

– Да что ты, прямо, как женщина, – недовольно проворчал Хантер.

– Неплохо бы было для начала анастезию сделать, – обиженно ответил Блум.

– Анастезию, – насмешливо передразнил его Хантер. – Обойдешься. Я же тебя не режу, а лечу.

Стиснув зубы, Блум снова подставил Хантеру ободранную щеку. Проведя по ней тампоном ещё пару раз, Хантер принялся за пораненные руки Блума. Обработав ссадины на руках тем же жгучим составом, он покрыл их сверху слоем мгновенно схватывающегося медицинского биоклея.

– Ну, все, – с чувством выполненного долга произнес Хантер, убирая свою аптечку. – Теперь ты, можно сказать, в полном порядке.

– В таком случае, вы, может быть, объясните мне, куда мы забрались? – спросил Блум, все ещё морщась от саднящей боли. – Что это за помещение?

– Представления не имею, – безразлично пожал плечами Хантер. – Я обнаружил его случайно несколько месяцев назад. И с тех пор использую в качестве базы. К сожалению, скоро придется её оставить… Для чего сделан лаз, по которому мы ползли, и что за коммуникации по нему проложены, я тоже не знаю.

– А кто же провел сюда свет? – взглядом указал на горящую под потолком лампу Блум.

– Это уже моя работа, – с гордостью улыбнулся Хантер. – Я подсоединил провод к одному из кабелей. Вот только напряжение оказалось маловато, потому и свет тусклый.

– Я так понимаю, вы здесь регулярно бываете?

– Раз, а то и два в неделю.

Сказав это, Хантер умолк. Он смотрел на Блума, делая вид,

что не понимает, какого именно ответа тот от него ждет.

Внезапно Блум взорвался. Игра в полуправду с постоянными недоговорками надоела ему.

– Да кто вы такой, черт возьми?! – закричал он чуть ли не во весь голос. – Чем вы занимаетесь здесь, в этих… подвалах?!.. Отвечайте или!..

– Что «или»? – негромко, но с явным любопытством поинтересовался Хантер.

– Ничего, – мрачно буркнул Блум, кураж которого прошел так же внезапно, как и накатил.

– Ну вот, – разочарованно протянул Хантер. – А ведь так хорошо начал.

Он помолчал, по-видимому, ожидая, не скажет ли Блум ещё что-нибудь. Но Блум теперь уже чувствовал только усталость. Ни малейшего желания вновь выплескивать свои эмоции он не испытывал.

– Странный ты человек, Блум, – склонив голову к правому плечу, внимательно посмотрел на него Хантер. – С чего ты вдруг полез за мной? Ты ведь меня совершенно не знаешь.

– Мне нужно найти границу Города, – глядя в сторону, сумрачно ответил Блум.

– А что, если я псих какой? Ну, то есть, совсем ненормальный? Заманиваю сюда таких доверчивых глупцов вроде тебя, а потом… Ну, сам понимаешь, что потом.

– Да бросьте вы, – презрительно поморщился Блум. – Можно подумать, в Городе полно праздношатающихся по улицам людей. Да если бы не я, вы так и ехали бы на поезде в полном одиночестве!.. К тому же, какой ещё дурак полез бы за вами в эту дыру?

– И то верно, – довольно усмехнулся Хантер. – Ну, что ж, Блум, раз уж нас в Городе только двое таких чудаков, бродящих в поисках того, до чего другим и дела нет… На крыс я здесь охочусь, Блум.

Хоть и давал себе Блум зарок больше ничему не удивляться, все же не смог удержаться. Глаза его округлились сами собой.

– На крыс? – недоверчиво переспросил он. – Разве в Городе водятся крысы?

– Я и сам этого не знал, пока случайно не увидел одну, бегающую по путям монорельса, – ответил Хантер. – На поверхности они не показываются, а вот в перекрытиях между уровнями, вроде того, в котором мы сейчас находимся, их полным-полно. Смотри, – Хантер кинул на колени Блуму кусок многожильного кабеля, обернутого в толстый слой черного пластика. – Все сгрызли – и пластик, и металл.

Блум с недоумением осмотрел кусок кабеля, на котором были явно видны следы острых зубов, и пожал плечами.

– Но ведь не синтетикой же они питаются?

– Откуда мне знать, что они едят? – повторил его жест Хантер. – Видно, находят что-то… Должно быть, нет в мире такого места, куда не смогли бы пробраться эти твари.

– Но, если крысы пробрались в Город, значит существует и обратный путь, – с затаенной надеждой высказал предположение Блум.

– Не знаю, – покачал головой Хантер. – Возможно, они попали в Город ещё во время его строительства.

Блум ещё раз осмотрел кусок кабеля и отложил его в сторону.

– Охота на крыс – это ваша работа? – осторожно поинтересовался он.

– Какая там работа, – хохотнул Хантер. – Я так отдыхаю.

– Да?.. У меня есть одна знакомая, которая охотится на газонокосилок…

– Газонокосилки! – Хантер не просто произнес, а словно бы с презрением выплюнул это слово. – Барахло полнейшее. Я тоже в свое время начинал с охоты на газонокосилок. Никакого спортивного интереса, скажу я тебе, Блум! Они же невероятно тупы! Справиться с ними смог бы даже младенец!

– А крысы?

– Крысы – это совсем другое дело, – в голосе Хантера явственно прозвучали уважительные нотки. – Это достойный противник. Крыса – зверь умный. С ней нужно ухо держать востро, иначе недолго и самому на корм крысам пойти.

– Неужели крысы настолько опасны?

– Еще как! Их же здесь несметные полчища!

– И чем же вы этих крыс… бьете? – напустив на себя серьезный вид знатока, поинтересовался Блум.

– Бью? – Хантер посмотрел на Блума едва ли не с умилением, как на младенца неразумного. – Хотел бы я посмотреть на того, кто рискнул бы выйти против крыс с палкой в руке. Я их отстреливаю, Блум.

Ну вот и давай себе после этого зарок ничему не удивляться!

– То есть, как?.. – растерянно произнес Блум. Единственным запретом, ограничивающим свободу жителей Города, был запрет на огнестрельное оружие. Достать его было невозможно ни под каким видом и ни при каких условиях.

– Смотри, Блум! – с гордостью произнес Хантер, расстегивая чехол из эрзац-кожи, который все время с того момента, как Блум его впервые увидел, он не выпускал из рук.

Хантер осторожно развел края чехла в стороны, и взору

Блума предстал набор из металлических трубок, крючков и пластин из прочного армированного пластика темно-коричневого цвета. Хантер быстро и ловко принялся соединять детали одну с другой, и через пару минут в руках у него была короткоствольная винтовка с узким откидным прикладом.

Прежде подобные вещи Блуму доводилось видеть разве что только в исторических кинохрониках да видеофильмах. Он протянул руку и осторожно провел кончиками пальцев по холодной вороненой стали ствола.

– Можно мне её подержать? – не отводя зачарованного взгляда от винтовки, сдавленным шепотом спросил Блум.

Хантер молча кивнул.

Блум принял из его рук винтовку осторожно и нежно, как будто это был младенец. От оружия словно бы исходил поток некой таинственной энергии. Блум сначала ощутил легкую дрожь, а затем покалывание в кончиках пальцев. Прикосновение к оружию внушало не страх, как, наверное, следовало бы ожидать, а уверенность в собственных силах.

– Где вы её достали? – спросил Блум, не в силах отвести от винтовки зачарованного взгляда.

– Сам сделал, – с гордостью ответил Хантер и ревниво забрал винтовку из рук Блума.

– Но ведь на изготовление оружия… – неуверенно начал Блум.

– Знаю, – перебил его Хантер, – наложен запрет. – И спокойно, без злости и раздражения, добавил: – Плевать я на него хотел. Ты можешь мне сказать, кто этот запрет придумал? – Блум молча покачал головой. – Вот и я тоже не знаю. А, следовательно, и отвечать за его нарушение не перед кем.

– Но за соблюдением запрета должен следить инфор.

– Ну и что с того?

– Вы же не вручную выточили все детали винтовки.

– Конечно нет, я заказал их по каталогу.

– И инфор никак не отреагировал на то, что вы заказали детали для винтовки?

– Ты что, за идиота меня считаешь, парень? – с показной суровостью Хантер сдвинул брови к переносице. На самом же деле он, похоже, остался доволен тем, что Блум не смог догадаться, каким образом ему удалось провести инфор. – Конечно же, я не стал напрямую заказывать по каталогу детали для винтовки. Я нашел в архиве полный комплект технической документации по армейской винтовке не самого последнего образца. Там были чертежи всех её деталей, а так же характеристики материалов, из которых они должны быть

сделаны. Для начала я перекопал все каталоги и выбрал изделия, которые были похожи на детали, нужные мне и, как мне казалось, после небольшой доводки, могли бы их заменить. Кое-что из этого мне, и в самом деле, пригодилось, но полностью собрать винтовку из набора совершенно посторонних изделий мне, естественно, не удалось. На недостающие детали нужно было оформить индивидуальный заказ. Но как это сделать, чтобы инфор не догадался, что именно я намереваюсь из них собрать?..

Глядя на Блума из-под чуть прищуренных век, Хантер сделал интригующую паузу.

– Я бы изменил отдельные, не слишком существенные характеристики материалов, из которых должны быть сделаны требуемые детали, – решил ответить на его вопрос Блум. – Или же использовал какие-нибудь иные материалы с аналогичными характеристиками.

– Откуда тебе это известно? – совершенно обескураженно спросил Хантер.

Выражение лица у него было, как у фокусника, чей трюк, который сам он считал наиболее эффектным и сложным, на глазах у всей публики повторил семилетний мальчишка.

– Экстраполяция, – непринужденно ответил Блум.

– Чего? – не понял Хантер. – Догадался что ли?

– Видите ли, я сам скрываюсь от инфора, – начал подробно объяснять причину своей чрезмерной догадливости Блум. – И для того, чтобы он меня не узнал, оказалось достаточно с помощью контактных линз изменить цвет глаз. Вот я и подумал, что, если изменить некоторые характеристики материалов, то инфор ни за что не догадается, для чего они предназначаются. Он ведь может судить об устройстве винтовки только на основании той же архивной документации, которой воспользовались вы.

– Послушай, Блум, – цепкий ум Хантера сразу же выделил из слов собеседника главное. – А с чего это ты вдруг прячешься от инфора?

– Я отказался пройти процедуру интенсивной психокоррекции. Ну а потом… – подумав, Блум решил, что не стоит напрягать воображение Хантера, рассказывая ему о непространственных переходах между уровнями. – Я ушел из своей квартиры, и вскоре после этого инфор объявил меня мертвым.

– Ну да?! – в глазах Хантера сверкнул восторг. – И как же ты после этого жил?

– У знакомых, – коротко, не вдаваясь в подробности, ответил Блум.

– Ну, парень! А ты, оказывается, совсем не так прост, как

кажешься на первый взгляд!

Хантер одобрительно хлопнул Блума по колену, заставив того болезненно поморщиться.

– Извини, – быстро убрал руку Хантер. – Я забыл, что ты сегодня в первый раз забрался в этот лаз. У меня-то самого давно уже мозоли на коленях.

– Боеприпасы вы тоже сами изготовляете? – поинтересовался Блум.

– А то как же. Это куда проще, чем собрать винтовку. Состав пороха можно найти в любой учебной программе по химии. – Хантер усмехнулся. – Наборы химических реактивов для домашних заданий доставляются обучающемуся без промедления… Правда, следует признаться, не сразу у меня все получилось. И с составом пороха пришлось повозиться, да и с самим оружием тоже… Выстрелила только пятая собранная мною винтовка. Да и то так, что все лицо мне опалило и чуть глаза не выжгло.

– А это какая по счету? – спросил Блум и, пользуясь возможностью, ещё раз коснулся винтовки, которую держал на коленях Хантер.

– Тринадцатая, – ответил Хантер и нежно провел ладонью по прикладу. – Предыдущая тоже неплохой вышла. Но эта просто выше любых похвал. Обойма на десять патронов. Автоматическая перезарядка. Скорострельность. А точность боя такая, что с расстояния ста метров я в кнопку дверного звонка попасть могу.

Не зная, что ответить, Блум только уважительно головой качнул.

– Слушай, Блум, а почему ты не захотел пройти процедуру интенсивной психокоррекции? – спросил, переводя разговор на интересующую его тему, Хантер.

– Я не считаю себя идиотом, – ответил Блум.

– Но ведь это стандартная процедура…

– И становиться идиотом я тоже не желаю!

– Понятно, – подумав, кивнул Хантер.

– А вы испытывали на себе интенсивную психокоррекцию? – спросил Блум.

– Нет, – отрицательно качнул головой Хантер.

– И как вам удается её избежать?

– Во время обязательных встреч с врачом-психокорректором я настолько старательно изображаю из себя идиота, что он всякий раз приходит к заключению, что в его помощи я не нуждаюсь, – с серьезным видом ответил Хантер. И, улыбнувшись, добавил: – Наверное, из всех идиотов, живущих в Городе, я самый нормальный.

– А я – самый главный, – в тон ему ответил Блум.

– Это почему еще? – ревниво поинтересовался Хантер.

– Потому что я, к тому же, ещё и мертвый, – ответил Блум и, запрокинув голову, захохотал во весь голос.

Через пару секунд к его смеху присоединился и басовитый гогот Хантера.

В небольшом замкнутом помещении звуки отскакивали от стен и раскатывались гулким эхом, вновь и вновь накладываясь на смех, издаваемый людьми. Через минуту наполнявшие бункер звуки напоминали уже не столько смех, сколько сатанинские завывания, призывающие духов зла ступить на землю, а мертвецов – вновь подняться на ноги.

– Ну, все, хватит…

Хантер первым понял, что пора остановиться и прийти в себя.

– Хватит!

Тяжелая рука Хантера легла сверху на ладонь Блума со сбитыми суставами пальцев.

Вскрикнув от внезапной резкой боли, Блум выдернул руку и прижал её к груди.

Смех, оборвавшись, затих.

– Хватит, – уже спокойно и тихо произнес Хантер. – Посмеялись – и будет. Нечего идиотов из себя изображать, – не у врача на приеме.

– Отлично расслабились, – тыльной стороной ладони Блум вытер слезы, текущие по щекам, и нервно хихикнул.

Хантер достал флягу и, резко выдохнув, сделал из неё приличный глоток. Лицо его исказила гримаса не то экстатического блаженства, не то крайнего отвращения.

Сделав вдох, Хантер протянул флягу Блуму:

– На, хлебни.

– Я не хочу пить, – отрицательно махнул рукой Блум.

– Это не вода.

Блум взял флягу и осторожно понюхал её содержимое. В нос ударил резкий спиртовой дух.

– Черт!.. – Блум едва не задохнулся. – Что это?

– Спирт, – ухмыльнувшись, ответил Хантер. – Медицинский.

– И что, это можно пить? – с сомнением спросил Блум.

– Можно, – кивнул Хантер. – Если знать как. Задержи дыхание и сделай один большой глоток.

Больше одного глотка Блум не смог бы сделать даже если бы и захотел. Как только обжигающая жидкость попала в пищевод, у него сразу же перехватило дыхание, а на глазах выступили слезы размером со спелую землянику. Не в силах что-либо произнести, Блум беспомощно взмахнул руками. Хантер быстро сунул ему в

свободную руку флягу с водой. Блум припал к горлышку фляги и, обливаясь, сделал три больших, торопливых глотка. Вода попала в дыхательное горло, и Блум зашелся в кашле. Хантер участливо постучал его кулаком по спине.

– Ты убить меня хотел? – с трудом распрямив спину, зло глянул на Хантера Блум.

– От глотка спирта ещё никто не умирал, – с непоколебимой уверенностью заявил Хантер.

– Я не о спирте говорю, – огрызнулся Блум. – Ты же мне по спине колотил с такой силой, словно позвоночник хотел сломать.

– Извини, – развел руками Хантер. – Не рассчитал…

Блуму наконец-то удалось сесть ровно. В животе разливалось приятное тепло, а в голове постепенно образовывалась легкая пустота.

– А почему ты нормальное спиртное не пьешь? – спросил Блум у Хантера.

– Что ты называешь «нормальным спиртным»? – уточнил тот.

– Ну, вино, водка…

– Вот единственное настоящее спиртное! – Хантер встряхнул флягу со спиртом. – Все остальное – суррогаты!.. Уж ты мне поверь…

– Верю, – блаженно улыбнувшись, с готовностью согласился Блум.

– Да ты, парень, вроде как захмелел? – с легкой тревогой глянул на него Хантер.

– Есть немного, – не стал отпираться Блум.

– Идти-то сможешь?

– Конечно!

Дабы делом подтвердить свои слова, Блум тут же попытался встать на ноги, но, ударившись затылком о низкий потолок, снова сел на пол.

– Не горячись, – усмехнулся Хантер. – Здесь вряд ли кому удастся встать в полный рост.

– Жаль, – с искренней тоской заметил Блум. Хантер отодвинул узкую заслонку, – не ту, через которую они забрались в бункер, а у противоположной стены, – и, встав на четвереньки, стал выбираться наружу. Блум, заняв исходную позицию, ожидал своей очереди.

За пределами бункера проходила круглая жестяная труба, по которой нужно было ползти не на четвереньках, а на животе. К счастью, продолжалось это не долго. Метров через тридцать Хантер сказал: «Осторожно!» – и скользнул куда-то вниз.

В нормальном состоянии Блум, наверное, все же задумался бы, стоит ли бросаться головой вниз в отверстие, ведущее

неизвестно куда. Но остатки спиртовых паров все ещё бродили среди извилин его головного мозга, а потому он, не задумываясь, нырнул в колодец, где незадолго перед этим исчез его провожатый.

Скользить на животе по гладкой металлической поверхности было не только легко, но даже приятно. Тем более, что вокруг царила полная темнота, отчего падение казалось бесконечным. Однако, вопреки иллюзиям, спуск вскоре сделался пологим и падение вниз несколько замедлилось.

Когда труба закончилась, Блум вылетел из нее, выставив руки вперед, пролетел пару метров, несильно ударился о стену и упал на груду каких-то мягких пластиковых обрезков.

Тут же в лицо ему ударил свет фонарика Хантера.

Блум инстинктивно вскинул руку, прикрывая глаза.

– А ты не думал о том, – услышал он язвительный голос своего проводника, – что, прыгая неизвестно куда ногами вперед, ты, в худшем случае, рискуешь только ноги сломать, в то время, как бросившись вниз головой, можешь и шею себе свернуть?

– Подумал, – потирая ушибленное плечо, ответил Блум. – Только слишком поздно.

– Тебе повезло…

Блум так и остался в неведении, в чем именно заключалось его везение, потому что Хантер не закончил начатую фразу. Луч фонаря метнулся в сторону, и в ту же секунду громыхнул выстрел.

Яркая вспышка ослепила Блума. А грохот был такой, что в первое мгновение Блуму показалось, что он оглох.

– Хантер! – испуганно вскрикнул Блум.

– Ты чего орешь? – услышал он совсем рядом с собой спокойный голос Хантера.

– Что случилось? – все ещё с тревогой спросил Блум.

– Ничего, – спокойно ответил ему Хантер. – Крыса.

– Да чтоб тебя!.. – раздраженно выругался Блум. – Предупреждать надо!

– Пока я тебя предупреждать буду, крыса убежит, – невозмутимо возразил Хантер. – Так что, привыкай, парень.

– Подстрелил? – успокоившись, спросил Блум. Хантер разочарованно цокнул языком.

– Ты что, в темноте видишь? – поинтересовался Блум.

– Я их чувствую, – ответил Хантер.

Протянув руку, он помог Блуму подняться на ноги. В том месте, где они находились, можно было стоять, чуть пригнув голову.

Придерживаясь рукой за стену, Блум двинулся следом за

Хантером, указывающим фонариком дорогу.

Пройдя метров сто, они свернули направо. Еще через какое-то время пришлось повернуть налево.

Затем Хантер остановился и, подсвечивая себе фонариком, принялся громыхать какими-то железками.

– Что там? – пытаясь заглянуть ему через плечо, спросил Блум.

– Дверь, – коротко ответил Хантер.

– Заперта?

– Точно…

– Кто же её здесь запирает? – недоумевающе спросил Блум.

Ответить на этот вопрос более конкретно, чем сделал это Хантер, наверное, было попросту невозможно.

– А черт его знает, – сказал он. – Должно быть, автоматика какая-нибудь… Каждый раз… Готово! – радостно возвестил он, так и не завершив своих комментариев по поводу запертой двери.

Миновав таинственную дверь, они оказались в кажущимся бесконечно длинным коридоре с овальным сечением прохода. Раскинув руки в стороны, можно было одновременно коснуться пальцами противоположных стен. Через равные интервалы сверху падали узкие пучки тусклого света, которого, впрочем, было вполне достаточно для того, чтобы Хантер выключил фонарик.

– Только не спрашивай меня, где мы находимся, – сказал он, упреждая неизбежный вопрос Блума. – Что находится наверху и откуда идет этот свет, я тоже не знаю. Мне известно только одно, – здесь полно крыс. Так что не вздрагивай, когда я стану стрелять.

– А когда же граница? – спросил Блум.

– К ней мы и идем, – ответил Хантер. – Но почему бы по дороге ещё и крыс не пострелять?

– Не вижу никаких причин, почему нужно отказывать себе в удовольствии, – пожал плечами Блум.

– Не умничай, – сказал Хантер и, взяв винтовку наизготовку, двинулся вперед по коридору.

Они шли довольно-таки долго, не меньше часа. Временами шедший впереди Хантер внезапно замирал, а пару раз он даже вскинул винтовку к плечу, но так ни разу и не выстрелил.

– А говорил, что здесь крыс полно, – буркнул у него за спиной Блум, которому уже изрядно наскучил путь по нескончаемому коридору.

Здесь даже посмотреть-то было не на что, поэтому-то Блум и ожидал обещанного появления крыс как развлечения, которое все время почему-то откладывалось.

– Раньше было много, – не оборачиваясь, ответил ему Хантер.

– Всех, что ли, уже перестрелял? – с ехидцей поинтересовался Блум.

– Их всех никогда не перестреляешь, – серьезно ответил Хантер, – Крыса это такая тварь, с которой никто и никогда не сможет покончить. А человек и подавно.

– Это почему же? – с обидой за человека спросил Блум.

– У крысы приспособляемость выше. Она выживет и начнет размножаться в таких условиях, в которых человек и недели не протянет.

– Слушай! – тронул Хантера за плечо Блум. – А сеть инфора крысы могли погрызть?

– Я, лично, не вижу к этому никаких препятствий, – подумав, ответил охотник на крыс.

– Так, может быть, инфор как раз из-за крыс и свихнулся! – как будто даже с радостью воскликнул Блум.

– А с чего ты взял, что инфор свихнулся? – не останавливаясь, посмотрел на него через плечо Хантер.

– Теперь для меня это уже очевидно, – махнул рукой. Блум. – Только полный идиот может организовать жизнь в Городе так, как это делает инфор.

– А что, собственно, тебе не нравится? – пожал плечами Хантер. – Тепло, сухо, чисто… Еды навалом. Что тебе ещё нужно для жизни?

– Что? – Блум на секунду задумался. – Чтобы никто не лез мне в мозги, пытаясь их переделать!

– А ты думаешь, за пределами Города такого не происходит?

– Откуда ты знаешь, что там то же самое? – опешил Блум.

– Я только предположил, – ответил Хантер. – А, может быть, инфор с самого момента своего создания имеет твердую установку на решительное искоренение тех самых пороков, носителями которых являемся мы с тобой?.. Ну, вроде как Господь Бог, карающий людей за грехи.

– Нет, – решительно тряхнул головой Блум. – Инфор попросту сошел с ума… По-своему, как машина.

– Почему ты в этом так уверен?

– В противном случае, у него была бы не только сама цель искоренения тех человеческих свойств, которые он считает пороками, но и средства к её достижению.

– А у него их нет?

– Если бы они у него были, то ни тебе, ни мне не удалось бы так легко и просто уйти из-под наблюдения инфора.

– Короче, инфор отлавливает своей сетью только мелкую рыбешку, – подвел итог Хантер. – Настоящие профи ему не по зубам.

– Скорее всего, он даже и не подозревает об их существовании, – внес свое уточнение Блум. – На тебя он не обращает внимания, поскольку ты, вроде как, вполне лояльный житель Города, а интерес к химии, судя по всему, не входит в число пороков, подлежащих решительному искоренению. Ну, а меня, чтобы успокоиться, он попросту записал в покойники.

– Лучше быть мертвым, чем придурком, – вынес свое заключение Хантер.

Какое-то время они шли молча.

– Ну, а куда, все же, крысы подевались? – снова завел тот же разговор Блум.

– Ушли, – в свойственной для него односложной манере ответил Хантер.

– Что значит «ушли»? – не понял Блум. – Куда ушли?

– А то и значит, что ушли. Крысы заранее чувствуют, когда граница смещаться будет и, не дожидаясь, мигрируют на соседние улицы. Три дня назад я неподалеку отсюда столкнулся с волной мигрирующих крыс, так еле отбился…

Хантер хотел было ещё что-то сказать, но Блум перебил его.

– Постой! Ты хочешь сказать, что скоро 6-я улица окажется за чертой Города?

– Ну да, – кивнул Хантер. – Если ориентироваться по крысам, – а меня они ещё ни разу не подводили, – то смещение границы произойдет не позднее чем через неделю.

– А как именно это произойдет?

– Просто в один прекрасный день поезда станут ходить в этом направлении только до Седьмой улицы. А все пешеходные переходы, ведущие на Шестую улицу, будут закрыты.

– А люди? Те, что живут на Шестой улице? С ними что?

– Откуда мне знать, – дернул плечом Хантер. – Может быть, там и нет уже никого, – указал он стволом винтовки на потолок. – Я наверх-то никогда не поднимаюсь… Сюда. Хантер свернул налево, в узкий проход. Это был, скорее, даже не проход, а непонятно для какой цели оставленная щель в стене, в которую пришлось протискиваться боком. Через несколько метров щель расширилась и плавно перетекла в полукруглую камеру, часть стены которой была собрана из квадратных металлических пластин.

– Вон там, – Хантер пальцем указал на неровное коричневое пятно на полу, – на прошлой неделе трех крыс подстрелил.

– А что ты с ними потом делаешь? – спросил Блум.

– С кем? – не понял, о чем идет речь, Хантер.

– С крысами.

– А что с ними можно делать? – пожал плечами Хантер. – У

тебя есть какие-нибудь идеи?

– Нет, но…

– Понял, – кивнул Хантер. – Мертвых крыс убирают их же сородичи, – съедают без остатка… На-ка, подержи…

Хантер отдал винтовку Блуму, а сам достал из кармана небольшой складной ножик. Открыв лезвие, он подошел к металлической стене и, присев на корточки, стал острием ножа проверять соединения между пластинами. Вскоре он нашел то, что искал. Подцепив кончиком острого лезвия, Хантер извлек из стены – длинный тонкий стержень с округлой шляпкой. Спрятав стержень и нож в карман, он оперся ладонями о стену и приблизил глаз к почти не заметному отверстию.

– Иди сюда, – махнул он рукой Блуму.

Забрав у Блума винтовку, Хантер сделал шаг в сторону и сел на пол, прислонившись спиной к стене. Винтовку он пристроил между согнутых колен.

Блум, присев на корточки, припал правым глазом к отверстию в стене. Трудно сказать, что он рассчитывал там увидеть, но явно не то, что было на самом деле. Разочарование Блума оказалось столь велико, что он даже не сразу нашел, что сказать Хантеру в ответ на его столь глупую шутку. Отстранившись от отверстия в стене, он просто выразительно, – так, по крайней мере, ему самому показалось, – посмотрел на этого новоявленного Моисея.

– Ну, как? – едва заметно ухмыльнувшись, спросил Хантер. – Увидел, что хотел?

– Там же Город, – тихо, но с напряжением в голосе ответил Блум. – Самая обычная улица.

– Ну, допустим, самой обычной она станет только тогда, когда присоединится к остальному Городу, – серьезно ответил Хантер. – А пока это некая территория, отгороженная от Города со всех сторон и со всей возможной тщательностью. Вот она! – Хантер звучно хлопнул ладонью по металлической стене. – Граница Города, которую ты искал!

– Так! – Блум решительно и резко вскинул вверх обе руки. – Давай повторим все сначала и медленно!

– Ну, что ж, давай, – благосклонно согласился Хантер.

– Ты хочешь убедить меня в том, что там, – Блум указал рукой на металлическую стену, – находится территория, которая не является частью Города?

– В данный момент не является, – уточнил Хантер.

– Что значит «в данный момент»? – потребовал объяснений Блум.

– А то и значит, – ответил Хантер. – То, что ты видел за

стеной, – это Пятая улица, которую примерно год назад отрезала от всего остального Города сместившаяся граница. Сейчас там никто не живет и попасть туда невозможно… По крайней мере, я дорогу не нашел.

– А ты искал?

– Конечно… Но не здесь, и не сейчас, а пять лет назад, когда впервые увидел, как граница отрезала от Города Девяносто первую улицу.

– Девяносто первую? – удивленно переспросил Блум. – Но ведь Девяносто первая улица сейчас является частью Города.

– Само собой, – согласился с ним Хантер. – Точно так же, как и Девяносто вторая, Первая, Вторая, Третья и Четвертая, свидетелем отсечения которых от Города я тоже был. Точно так же и Пятая улица скоро снова станет частью Города.

– А Шестая?

– Шестая вначале пойдет под снос, а затем будет заново отстроена.

– А где именно Пятая улица присоединится к Городу? – спросил Блум, уже догадываясь, каким будет ответ.

– Если ориентироваться по движению поездов монорельса, то на противоположном конце Города, – ответил Хантер. – Так всегда происходит. После смещения границы, улица на одном конце Города исчезает, чтобы спустя примерно год вновь появиться на другом его конце. – После небольшой паузы Хантер добавил: – Я называю это Городским круговоротом.

Стили Блум

«Мейла оказалась права – Город замкнут в кольцо. С методичностью безумца он откусывает от себя кусок за куском, чтобы, переработав полученные материалы, вновь воссоздать утраченное… Боже мой! Да это же просто кошмар какой-то!.. Безумие, возведенное в норму жизни!.. Люди, живущие в Городе, для инфора, по сути, такой же расходный материал, как пластик, металл и бетон. Он растит нас только для того, чтобы потом пустить в переработку. Мы для него всего лишь часть того огромного организма, каковым он считает Город, который для того, чтобы жить, нуждается в постоянном обновлении… Возрождение через самоубийство… Все это отдает какими-то древними языческими обрядами… Кольцо Жизни… Не помню, кто это придумал… Город-Вселенная совершает оборот, чтобы вернуться к началу цикла… Любопытно было бы взглянуть, как это выглядит снаружи? Если кто-то за нами наблюдает, он,

должно быть, считает, что подобное самоедство имеет некий глубинный, недоступный его пониманию смысл. Что ж, возможно, вначале он и был. Только теперь о нем никто не имеет ни малейшего представления. А инфор, окончательно сбрендив, замкнулся в себе… Или он просто не может найти себе подходящего собеседника?»

Глава 20

Границы расплывающейся реальности

(4-й уровень, 63-я улица, дом 88)

Тот факт, что Город имеет замкнутую кольцевую структуру, не произвел на Хантера абсолютно никакого впечатления.

– А мне-то что до этого, – сказал он, выслушав Блума. – Хоть круглый, хоть квадратный. Главное, что здесь жить можно. Ну и что с того, что мы здесь заперты?.. Кто сказал, что снаружи лучше?.. Ты там был?.. Нет. Я тоже. И никто не был.

Как бы там ни было, у Хантера отпало желание продолжать выслеживать крыс. Причиной тому послужили, скорее всего, не удручающие разговоры с Блумом, а то, что охотничий инстинкт подсказал Хантеру, что сегодня удача ему уже не улыбнется.

Новым, куда более коротким путем Хантер вывел Блума к платформе монорельса.

– Ну, будь здоров, – протянул он ему свою широкую сильную ладонь. – Кто знает, может быть, когда ещё и свидимся.

– А ты разве не едешь? – спросил Блум.

– У меня здесь ещё дела, – солидно ответил Хантер. – Нужно вещи собирать, да место под новую базу искать на Седьмой улице. Не хотелось бы перебираться, да ничего не поделаешь… Сам видел, – сегодня только одну крысу встретили. А, значит, до смещения границы дней пять осталось, не больше.

В поезде Блум погрузился в размышления. Объем информации, полученной им сегодня сразу из нескольких источников, был колоссален. И, что самое главное, в результате этого у Блума сложилась целостная, почти законченная картина мира, в котором существовал Город и в котором жил он сам. Неясными оставались только моменты, связанные с периодическим смещением границы Города, которое Газим называл Разломом. Скорее всего, действующая и поныне схема перестройки улиц, была отлажена давно. Если инфор и внес в этот процесс какие-то изменения и новшества, то вряд ли они имели основополагающий характер. В гораздо большей степени Блума интересовал вопрос о том, как именно происходит и что конкретно включает в себя плановый ремонт улиц? Почему во время перестройки доступ на улицу закрыт? Вполне возможно, что это связано с заботой о безопасности людей. Но разве для

того, чтобы просто закрыть посторонним вход в зону строительства, необходимо возводить стены из листовой брони, подобно той, что перекрывала туннель линии монорельса? Сам собой напрашивался вывод, что кому-то было крайне важно не просто перекрыть доступ посторонним в зону строительства, а полностью исключить любую возможность появления там людей. Ни при каких обстоятельствах ни один из жителей Города не должен был оказаться в зоне перестраиваемой улицы.

А как же сами жители улицы, отведенной под снос? Хантер говорил о миграции крыс, но ни единым словом не обмолвился – по поводу переселения людей, предшествующем смещению границы. В то время, как Газим упоминал о людях, погибших в Разломе. Хотя на память Газима полагаться рискованно… И все же… Возможно, что инфор и рассылает жителям улиц, намеченных под снос, заблаговременные уведомления об этом. Но на таких улицах живут по большей части старики, которым уже за девяносто. Кто-то из них не может покинуть свой дом по причине физической немощи, не говоря уж о внутренних психических барьерах, не позволяющих людям выйти на улицу. О их судьбе страшно даже подумать… Хотя, возможно, что это только фантазии… Но ведь именно такие комплексы, – паническую боязнь сделать шаг за порог собственного дома, апатию и безразличие ко всему, что происходит рядом, за стеной, страх перед всем, что не вписывается в привычные рамки повседневного существования, – сознательно культивирует в жителях Города инфор! Что это, простая случайность, или между кажущимися на первый взгляд разрозненными фактами существует определенная, – страшная! – взаимосвязь?

Нет, одному разобраться во всем этом было, определенно, невозможно!

С одной стороны, все казалось невероятно простым и понятным. Но, как известно, самое простое решение далеко не всегда бывает самым правильным. В ситуации, когда проверить вполне, казалось бы, очевидные выводы не представлялось возможным, легко было угодить в ловушку ригидности собственного мышления. Следовательно, для того, чтобы найти истину, необходимо было подключить к процессу кого-то еще, но возможности, человека, чьи взгляды по данному вопросу отличались бы диаметральной противоположностью. Если даже его убедят приведенные доводы, тогда уже можно будет говорить о том, что найденное решение допустимо считать соответствующим истине с большой степенью вероятности.

Нужен был оппонент. А список кандидатур, из которого можно сделать выбор, был, увы, совсем невелик. Да, что там

скрывать, кроме Мейлы Блуму не с кем было поговорить на эту тему. Но кандидатура Мейлы сразу же получала отвод по двум причинам. Во-первых, вряд ли следовало ожидать от Мейлы объективности. Теория о замкнутой кольцевой структуре Города, выталкивающей его во второе измерение, была её детищем. Поэтому она с готовностью примет все, что скажет в подтверждение этой теории Блум, и будет упорно отвергать то, что ей противоречит. А во-вторых… Ну, что ж, следует и в этом себе признаться, – Мейла подавляла Блума своей инициативностью. Беседуя с ней, он из одного только чувства противоречия стал бы выдвигать десятки самых что ни на есть бредовых гипотез, которые, в конце концов, похоронили бы под собой единственно верное решение. А, не дай бог, верный ответ пришел бы в голову Мейле, Блум бы в лепешку разбился, стараясь доказать ей, что она не права… Нет, Мейла, совершенно определенно, не подходила на роль объективного оппонента в столь серьезном и ответственном обсуждении.

Блум задумчиво смотрел на носок своего ботинка, который слегка покачивался в такт движению поезда. Хуже всего, когда попадаешь в режим синхронности мышления со своим собеседником, и тебе начинает казаться, будто мысль, высказанная визави, секунду назад тебе самому пришла в голову. Это уже не проверка прочности аргументов, на которые должна опереться обсуждаемая теория, а подгонка одной конкретной идеи под общие требования.

В принципе, Блум знал человека, наилучшим образом соответствующего роли, которую он хотел бы ему предложить. Вопрос заключался лишь в том, как отреагирует Шейлис на очередное внезапное появление Блума на пороге своего дома. Звонить заранее Блум не решался, – у него все ещё оставались опасения, что инфор может среагировать на его имя, скользнувшее по каналам инфо-сети. Поэтому оставалось только попытаться нанести неожиданный визит и надеяться на то, что Шейлис не упадет в обморок и не ударится в истерику, увидев перед собой друга, которого, в соответствии с установкой инфора, полагалось считать мертвым.

Блум усмехнулся, правда, не очень весело, подумав о том, что встреча с Шейлисом может получиться даже забавной.

Он посмотрел на часы. День близился к концу. Пора было подумать и о ночлеге. Конечно, можно было вернуться к Мейле, но ему почему-то страшно не хотелось это делать. Он так же не испытывал ни малейшего желания копаться в собственном подсознании, пытаясь понять, почему именно он не хочет идти к Мейле, при том, что она отнюдь не была ему неприятна, скорее

даже наоборот…

В конце концов, Блум решил, что, если у Шейлисов все сложится благополучно, то можно будет и у них попроситься переночевать. Ну, а потом… Будет день, – будет и время на размышления.

На станции «63-я улица» Блум вышел из поезда. Он ещё немного постоял на платформе, чтобы посмотреть, как серебристые вагончики, сверкнув последний раз на свету, скроются во мраке туннеля, после чего вышел на улицу.

Блум с самого утра ничего не ел, да к тому же ещё и чувствовал себя невероятно уставшим. На то, чтобы снова затевать хитроумную игру с инфором, у него уже не оставалось сил. Поэтому он просто зашел в подъезд ближайшего дома и попросил робота-привратника вызвать автоэл, который и доставил его по названному адресу прямиком к дому, в котором жил Шейлис.

Привратника Блум так же миновал без затруднений. Тот попытался было предложить ему свои услуги, но Блум, лишь рукой на него махнув, проследовал без остановки мимо.

Но у двери квартиры Шейлиса, уже поднеся палец к кнопке звонка, Блум вдруг опустил руку. В голове у него промелькнула мысль, имеет ли он право вновь вовлекать Шейлиса в неприятности, особенно после того, что уже произошло?.. А, впрочем, Люц все равно ничего об этом не помнит. Блум решительно надавил пальцем на кнопку звонка и, подержав её секунд десять, опустил руку.

Только сейчас он вдруг подумал о том, что после ползания на корточках по темным и грязным переходам межуровневых – перекрытий вид его далеко не соответствовал тому, какой следовало бы принять, направляясь в гости. Изрядно помятые джинсы пузырились на коленях, а на правом, к тому же, ещё и зияла дыра, – Блум и сам не помнил, где и за что зацепился.

Пестрая рубашка так же имела не лучший вид. Хотя дыр на ней и не было, но пятен, главным образом черного и темно-коричневого цвета, имелось предостаточно. Да вдобавок ко всему, ещё и рюкзак в руке, из которого торчал конец металлического прута. Оставалось только надеяться на то, что хозяева проявят снисходительность к его костюму.

Закончив изучать свою одежду, Блум поднял взгляд на глазок видеосенсора, ожидая его движения и недоумевающего возгласа Шейлиса, который должен был непременно прозвучать следом.

Но вместо этого сразу же широко распахнулась дверь.

– Блум!

Черт возьми, в возгласе Шейлиса вовсе не прозвучало

недоверия, приличествующего при встрече с живым мертвецом. Всего лишь радость, как при встрече с другом, с которым не виделся пару дней. Да и вид у Шейлиса был не совсем обычный. Блум не мог припомнить, когда в последний раз видел его таким возбужденным. Глаза Люца за стеклами очков лучились радостью, щеки раскраснелись, счастливая улыбка не сходила с полных губ. Даже обычная его сутулость исчезла, – он весь был устремлен вперед и вверх.

Блум от неожиданности даже растерялся. Для встречи с Шейлисом он подготовил иную модель поведения, совершенно не соответствующую реальной ситуации.

– Здравствуй, Люц, – не очень уверенно произнес он, переминаясь с ноги на ногу. – Вот, решил зайти…

– Ну так заходи! – Шейлис схватил приятеля за локоть и буквально втащил его в квартиру. – Лиза! – крикнул он, хлопнув дверью. – К нам в гости пришел Блум!

– Очень хорошо! – ответил ему голос из глубины квартиры. – Я скоро освобожусь!

– Проходи, Блум, проходи! – ободряюще похлопал его между лопаток Шейлис.

Войдя в комнату, Блум по привычке бросил настороженный взгляд в сторону экрана инфора.

– Без проблем, Сти! Без проблем! – взмахнул руками Шейлис и, подбежав к терминалу, решительно отключил его. – Садись! – пододвинул он Блуму кресло.

Все ещё не понимая, что происходит с Шейлисом, Блум положил рюкзак на пол и опустился в кресло. В животе раздалось предательское урчание.

– Я бы не отказался перекусить, – произнес он с извиняющимся выражением на лице.

– Секунду! – радостно воскликнул Шейлис и стремительно выбежал из комнаты.

Блум внимательно осмотрелся по сторонам, так, словно сомневался, туда ли он попал. Он не мог найти никакого рационального объяснения странному поведению Шейлиса.

– Все будет готово через несколько минут! – возвестил Люц, вернувшись в комнату. – Лиза все принесет и сама присоединится к нам.

Шейлис взял стул и сел напротив Блума.

Блум смущенно отвел глаза в сторону, – Люц смотрел на него взором, который иначе, как влюбленным, и не назовешь.

– Я так рад за тебя, Сти! – с придыханием аффекта произнес Шейлис.

– Да?.. – удивленно посмотрел на приятеля Блум. – Честно

признаться, я особого повода для радости в своем нынешнем состоянии не нахожу. Хотя, конечно же, в нем имеются определенные преимущества…

– Сти, я рад тому, что ты, наконец-то, решился выйти на улицу!

– Да?.. – ещё более удивленно, чем в первый раз, произнес Блум.

– Конечно! – словно не замечая состояния Блума, восторженно вскинул руки Шейлис. – Я даже не могу передать словами, что за чувство я испытал вчера, впервые выйдя из дома!

– Впервые?..

Руки Шейлиса, описав две широкие дуги, расползлись по сторонам.

– Блум, ты теперь разговариваешь только одними вопросами?

– Нет, – Блум быстро провел рукой по лицу и с невероятно усталым видом посмотрел на Шейлиса. – Но, должен признаться, вопросов у меня много… Гораздо больше, чем было, когда я шел к тебе…

– Все в порядке, Блум! – Шейлис радостно улыбнулся и, наклонившись вперед, ободряюще потрепал Блума по коленке. – Это скоро пройдет. После первой прогулки мне тоже было несколько не по себе.

– Слушай, Люц, давай-ка расставим все по местам!..

Блум не успел закончить начатую фразу. Дверь распахнулась, и в комнату, катя перед собой сервировочный столик, вошла Лиза.

– Привет, Сти! – улыбнулась она, взглянув на Блума. – Где ты откопал рубашку такой жуткой расцветки?

– Здравствуй, Лиза, – через силу улыбнулся в ответ ей Блум. – Я тоже рад тебя видеть.

Его алчущий взгляд уже блуждал по расставленным на сервировочном столике тарелкам.

– Такое впечатление, что ты неделю не ел, – проследив за взглядом Блума, усмехнулась Лиза.

– Не неделю, а всего лишь с утра, – ответил ей Блум. – Но и этого вполне достаточно, чтобы разгулялся зверский аппетит.

– Ну так действуй!

Подкатив столик поближе к Блуму, Лиза отошла в сторону и села на стул, положив ногу на ногу.

Блум не стал заставлять просить себя дважды. Первым делом он принялся за тушеное мясо с овощами.

Шейлисы молча наблюдали за ним: Люц – все с тем же восторженным выражением на лице, Лиза – с некоторой долей иронии.

Утолив первый голод, Блум ещё положил себе на тарелку шарик рисовой лапши и полил его чесночным соусом.

– Значит, вчера ты впервые вышел на улицу? – посмотрев на Шейлиса, спросил Блум.

Люц прикрыл глаза, словно гурман, положивший в рот кусочек изысканнейшего яства, и медленно повел подбородком сверху вниз.

– Он со вчерашнего дня ни о чем другом, кроме своей прогулки, говорить не может, – напустив на себя совершенно несерьезное недовольство, заметила Лиза. – А вышел-то всего на десять минут. Теперь и меня с собой зовет.

– Говорю тебе, не пожалеешь! – вскинув вверх указательный палец, сообщил Шейлис жене.

– Теперь у тебя есть партнер для прогулок, – указала на Блума Лиза.

– Я, кажется, уже говорил тебе, что собираюсь использовать прогулки по улице в качестве методики, назначаемой пациентам в комплексе с другими процедурами общей психокоррекции, – придав лицу глубокомысленное выражение, принялся объяснять Шейлис. – Но для апробации метода мне потребуется наблюдение за несколькими добровольцами. Теперь их у меня двое.

Слушая их шутливую перепалку, Блум не забывал и о еде. Быстро уничтожив лапшу, он принялся за рыбный салат.

– Ты просто молодчина, Блум! – снова обратив все свое внимание на приятеля, радостно возвестил Шейлис.

Блум, занятый пережевыванием пищи, только коротко кивнул в ответ, вроде как соглашаясь с лестным эпитетом, которым одарил его Люц.

– Честно признаться, я не верил, что ты на это решишься, – чуть смущенно добавил Шейлис.

– На что именно? – уточнил Блум.

– Выйти на улицу, – улыбнувшись, сказал Люц. – Признайся, Сти, ведь это было совсем не просто?

Отодвинув в сторону пустую тарелку, Блум блаженно откинулся на спинку кресла.

– Это я вытащил тебя на улицу, Люц, – сказал он улыбающемуся и страшно довольному собой Шейлису. – И не вчера, а несколькими днями раньше.

Улыбка застыла на лице Шейлиса, словно приклеенная. Он смотрел на Блума, надеясь, что тот сейчас рассмеется, из чего сразу же станет ясно, что все, сказанное им, не более, чем шутка. Но Блум продолжал смотреть на приятеля, сохраняя абсолютно серьезное выражение лица.

– Я не понял этой шутки, Сти, – первым нарушил молчание

Шейлис.

– Это не шутка, – покачал головой Блум. – Инициатива исходила от меня.

– Ах, вот что ты имеешь в виду! – судорожное напряжение отпустило Шейлиса. Он снова улыбался легко и непринужденно. И руки его скользили по воздуху плавно, словно птичьи крылья. – Согласен, инициатива, действительно, принадлежала тебе. Ты первым заговорил о том, что неплохо было бы ходить друг к другу в гости просто так, без посредства гостевого экрана инфора. Но первый шаг за порог своего дома сделал, все же, я!

– Люц, я едва ли не силой выволок тебя на улицу! Ты упирался, как баран, которого ведут на заклание!

– Успокойся, Блум…

– Какое, к черту, «успокойся»!..

Блум сам чувствовал, как поднимается в нем волна раздражения и неистовой злобы. Не на Шейлиса персонально, а вообще на всех и все вокруг. Должно быть, это было следствие физического и нервного переутомления. Блум прекрасно понимал это, но ничего не мог с собой поделать. Для того, чтобы успокоиться и прийти в себя, ему нужно было на ком-то сорваться.

– У тебя память напрочь отшибло! – все повышая голос, продолжал орать он на Шейлиса. – А ты хочешь меня выставить идиотом?! Я-то прекрасно помню, что со мной произошло за последние дни!.. Ну, что ты смотришь на меня, Люц, хлопая глазами? Напряги извилины! Попытайся вспомнить хоть что-нибудь, кроме того, что вбил тебе в голову чертов инфор!..

– Блум! – это была уже Лиза.

Она произнесла его имя чуть громче обычного только для того, чтобы Блум услышал её.

– Да?!..

Блум стремительно повернулся в сторону Лизы. Правую руку он при этом, согнув в локте, положил на подлокотник кресла. В его напряженной позе было что-то от дикого зверя, готового атаковать немедленно, как только жертва проявит слабину.

– Будь добр, Сти, налей мне кофе, – указав взглядом на сервировочный столик, спокойно и предельно мягко попросила Лиза.

Блум недоумевающе глянул на блестящий кофейник, в котором отражалось его искаженное лицо.

Лиза утвердительно кивнула.

Блум взял чашку. Рука его слегка подрагивала, и чашка, тонко звякнула, когда он ставил её на блюдце.

– Спасибо, – сказала Лиза, принимая чашку из рук Блума. –

Налей и себе… Люц, ты не хочешь кофе? – посмотрела она на обескураженного мужа.

– Да?.. – Шейлис вздрогнул и в первый момент дернулся куда-то в сторону, словно собираясь бежать. – Да, конечно…

Блум налил кофе себе и Шейлису.

– А теперь скажи спокойно все, что ты хотел, – сказала Лиза, обращаясь к Блуму.

Блум сделал глоток кофе и начал рассказывать. О том, как он в первый раз вышел на улицу и, случайно оказавшись неподалеку от дома, в котором живет Шейлис, зашел к нему в гости. О том, как после этого Люц сам захотел прогуляться вместе с ним по Городу. Как они оказались на другом уровне, выбравшись в окно квартиры Мейлы Влат. Как дома разум Блума попытался атаковать инфор, прикрывшись виртуальным образом некоего доктора Приита. И то, как ему удалось спастись, но вот предупредить об опасности Люца он не успел…

Шейлисы слушали его внимательно, не перебивая и не задавая никаких уточняющих вопросов. Выражение лица Лизы было невозмутимо спокойным. Чуть подавшись вперед, она поставила локоть на колено и, положив подбородок на ладонь, неотрывно смотрела на Блума. По всему было видно, что она не помнит ничего из того, о чем он рассказывал. Что ж, оно и понятно. Судя по тому, какой покой и согласие царят в семье Шейлисов, оба они пользуются услугами отделения интенсивной психокоррекции с такой же регулярностью, как другие люди зубы чистят.

В отличие от жены, Шейлису, казалось, с трудом удавалось усидеть на месте. Дергаясь из стороны в сторону, он то закидывал ногу на ногу, то поджимал их под себя. То и дело он пытался найти подлокотник, словно забывал, что предложил свое кресло Блуму, а сам сидит на стуле, и, не найдя, на что опереться, откидывался на спинку. Выражение его лица менялось столь стремительно, что Блуму, когда он глядел на Шейлиса, казалось, что он смотрит не очень удачный компьютерный мультфильм. И, тем не менее, как обратил внимание Блум, Шейлис за весь вечер даже не попытался нацепить на себя маску заботливого, всепонимающего и всегда готового прийти на помощь доктора, к помощи которой он обычно прибегал, когда слышал нечто, выходящее за рамки его представлений об окружающем мире.

Блум закончил свой рассказ на том, как он ушел от Шейлиса, когда понял, что уже ничем не может ему помочь. Прежде чем говорить о том, что произошло после, он хотел увидеть, какова будет реакция слушателей на первую часть его истории.

Какое-то время в комнате царило молчание, которое никто не

решался нарушить. Лиза сидела все так же неподвижно. Шейлис суетливо перебирал ногами и тяжело дышал. На лбу у него выступила испарина, словно он только что пробежал марафонскую дистанцию. Он как будто хотел, но не решался что-то сказать, – набирал полную грудь воздуха, на мгновение задерживал вдох, а затем медленно выпускал его сквозь приоткрытые губы. Лицо его выражало нерешительность и растерянность. Взгляд нервно бегал по сторонам. Шейлис словно чего-то боялся.

У Блума было два варианта объяснения странному состоянию Шейлиса. Возможно, в подсознании Люциуса все ещё сохранились какие-то обрывки воспоминаний, и он чувствовал, что Блум прав. Но признать это означало бы для него смириться с тем, что вся его жизнь представляет собой набор картинок, которые счел возможным оставить в его памяти инфор. Второй вариант был более прозаичным: Шейлис не знал, как поступить, опасаясь того, что в случае, если он попытается переубедить Блума, тот может впасть в буйство. Если так, то нужно было попытаться как-то его успокоить.

Инициативу снова взяла на себя Лиза.

– Сейчас мне известны две версии событий, – произнесла она неторопливо, как будто размышляя вслух. – Но предпочтение я не могу отдать ни одной из них. Обо всем, что произошло за последние несколько дней, мне известно только с ваших слов, – она указала рукой сначала на Блума, а затем на своего мужа. – Так что, мои дорогие, вам предстоит самим разобраться, кто из вас прав.

– Как же так, Лиза! – возмущенно воскликнул Шейлис. – Я же сказал тебе вчера, что собираюсь выйти на улицу!.. А потом, вернувшись, я сразу же поделился с тобой впечатлениями!..

– Слова, слова, слова, – покачала головой Лиза. – Сама я ничего не видела: ни как ты выходил за дверь, ни как возвращался. Я не исключаю того, что вчера ты и в самом деле выходил на улицу. Но… Быть может, Блум прав, и в компании с ним ты и прежде проделывал то же самое?

– Конечно! – протестующе всплеснул руками Люц. – Я просто об этом забыл!

– Вечером того дня, когда, по словам Блума, вы с ним выходили в Город, ты был странно подавлен, ни о чем не хотел со мной говорить. Когда я попыталась выяснить, в чем дело, ты просто выставил меня за дверь, раздраженно сказав, что тебе нужно побыть одному и поработать. Ты помнишь это?

Шейлис медленно провел тыльной стороной ладони по лбу.

– Нет, – глядя в пол, негромко произнес он. – Но это ровным

счетом ничего не значит! Я не могу помнить каждый прожитый день!

– Конечно, – спокойно произнесла Лиза. – От тебя этого никто и не требует.

– Вчера я был на улице, – медленно произнес Шейлис, подчеркивая каждое свое слово движением руки. – Сей факт не вызывает у меня ни малейшего сомнения.

– Ну, и как впечатление? – спросил Блум.

– Что? – вскинув голову, Шейлис глянул на него едва ли не с испугом.

– Я просто спросил, что ты почувствовал, когда вышел из дома? – словно извиняясь за что-то, развел руками Блум. – В самый первый момент.

Шейлис ответил не сразу. Прикрыв ладонью глаза, он сосредоточился на собственных воспоминаниях. Сегодня весь день его распирал восторг… Восторг и гордость. Ему было хорошо и радостно. Он готов был обнять весь Город. Но, когда раздался звонок в дверь и, открыв её, он увидел на пороге Блума… Что он почувствовал в тот момент?.. Несомненно, он был рад видеть друга, с которым ему хотелось поделиться своей радостью… Но к этому чувству примешивалось что-то еще… Легкое разочарование?.. Или раздражение?.. Нет, это не главное!..

И вдруг Шейлис понял. Важным было то, что увидев на пороге своего дома Блума, он ничуть не удивился тому, что Сти пришел к нему в гости лично, а не с помощью гостевого экрана. Выходит, тот факт, что Блум в одиночку совершает дальние прогулки по улицам Города, вовсе не явился для Шейлиса неожиданным открытием…

– Облегчение, – уверенно ответил на заданный Блумом вопрос Шейлис. – Выйдя на улицу, я в первую очередь испытал облегчение от того, что наконец-то сделал это.

– Разве? – недоверчиво прищурил глаза Блум.

– Да! – с вызовом ответил Шейлис. – Я был счастлив! До того момента, пока ты не появился в этом доме и не начал нести какую-то несусветную чушь!

Последние слова Шейлис выкрикивал уже едва ли не с раздражением. Он с трудом сдерживал себя, чтобы более открыто не проявить острейшую неприязнь, которую вызывал у него в данный момент Блум. Внутренние силы придавала ему только мысль о том, что Блум его попросту провоцирует и с интересом ждет, когда же его, наконец, прорвет… Черт бы его побрал!.. Так, нет же! Не дождешься!..

– Если я пришел не вовремя, то могу уйти, – сухо произнес Блум.

Губы его растянулись в резиновой, абсолютно ничего не выражающей улыбке. Вообще-то, идти ему было некуда. Да и не хотелось никуда идти. После сытного ужина его начала морить дрема. Ему было уже почти все равно, что думают о нем Шейлисы, он просто хотел лечь где-нибудь в углу, уткнуться лбом в стену и уснуть.

– Никто никуда не пойдет, – решительно заявила Лиза. – По крайней мере, пока мы… – она бросила быстрый взгляд на каждого из мужчин. – Пока я во всем не разберусь.

Улыбка Блума сделалась чуть мягче, когда он посмотрел на Лизу.

– В чем именно ты хочешь разобраться?

– Хочу понять, кто из вас выдает свои фантазии за действительность?

Шейлис многозначительно хмыкнул. У него ответ на данный вопрос не вызывал ни малейших сомнений. Он просто не хотел произносить вслух то, что и без того должно быть понятно любому здравомыслящему человеку. По крайней мере до сегодняшнего дня он причислял к этой категории и свою жену.

– Сделать это будет нелегко, – Блум сделал вид, что не заметил реакции Шейлиса на вопрос Лизы. – Проблема в том, что ни один из нас не лжет.

– Так в чем же дело?

– В памяти. Инфор стер из мозга Люца воспоминания о…

– Бред! – не смог удержаться от возмущенного восклицания Шейлис. – Полнейшая ахинея!

Он вскочил на ноги и, пробежавшись по комнате, остановился напротив Блума.

– Ты сам-то понимаешь, что говоришь? – спросил он, наклонившись, чтобы лучше видеть лицо Блума. – Какое отношение имеет инфор к моей памяти?

– Во время сеансов интенсивной психокоррекции инфор не только оказывает определенное воздействие на психику людей, изменяя их поведенческие реакции, но и корректирует память, – спокойно, глядя на верхнюю расстегнутую пуговицу рубашки Шейлиса, ответил Блум.

– У тебя паранойя, Блум! – взмахнул у него перед лицом ладонью с широко расставленными пальцами Шейлис. – Инфор превратился для тебя в навязчивую идею! Ты свихнулся! Тебя нужно лечить!..

– Успокойся, Люц! – чуть повысив голос, одернула мужа Лиза.

Шейлис стремительно развернулся в её сторону.

– Блум сошел с ума! – раскинув руки в стороны, сообщил он жене. – Ты понимаешь это, Лиза?! Блум!..

– Приди в себя, Люц! – решительно прервала его Лиза. – Сейчас на сумасшедшего похож не Блум, а ты сам!

Шейлис отшатнулся назад, словно его ударили в грудь.

– Лиза!..

– Сколько тебе лет, Люц?

– Что?

– Тебе 32 года, а такое впечатление, что ты сейчас, как мальчишка, начнешь кидаться в Блума печеньем. Во всем ведь можно разобраться спокойно и без эмоций, – Лиза посмотрела сначала на Блума, а затем перевела взгляд на мужа. – Сядь, Шейлис. – Люциус молча повиновался. – Я считаю равновозможными два варианта, – Лиза подняла вверх два пальца так, чтобы каждый из мужчин мог убедиться, что их ровно столько, сколько и вариантов, которые она собиралась предложить. – Либо ты, Люц, потерял память о событиях последних дней. Либо ты, Блум, принимаешь за действительность свои фантазии. – Лиза сделала небольшую паузу, давая мужчинам возможность осмыслить услышанное. – Надеюсь, последний прием в этом доме вы оба помните?

– Да, – с выражением оскорбленной добродетели на лице отозвался Шейлис. Блум молча кивнул.

– Что произошло на следующий день?

– То, о чем я уже рассказывал, – сказал Блум. – Я вышел на улицу, перекусил в кафе, после чего зашел в гости к Люцу… Ты, Лиза, в это время была со своими подругами в клубе, и мы решили тебя не беспокоить…

– Я разговаривал с Блумом через инфор! – агрессивно вмешался в речь Блума Шейлис. – Он ещё отказался пользоваться экраном и говорил в телефонную трубку! Речь, насколько я помню, шла о том, стоит ли выходить на улицу. В смысле того, как это скажется на психике человека. Я высказал свои сомнения на этот счет, после чего Блум в шутку, как мне показалось, заявил, что скоро сам придет ко мне в гости. Все. Точка! Домой ко мне он не приходил! Ни в тот день, ни после!

– А что было ещё через день?

– То же самое, что и всегда! – не давая Блуму возможности опередить себя, решительно заявил Шейлис. – К чему этот глупый допрос, Лиза?! Таким образом ты не узнаешь истину!

– В том случае, если ставить истину в зависимость от вопроса веры, – заметил Блум.

– Что ты хочешь этим сказать? – неприязненно покосился на него Шейлис.

– Ты считаешь истиной только то, во что способен поверить.

– Разве я не прав?

– Ты адекватно воспринимаешь истину только до тех пор, пока реальность соответствует твоим представлениям о ней.

– До сих пор реальность и мои представления о ней не вступали в противоборство.

– Потому что известная и понятная тебе реальность заключалась в пределах твоей квартиры.

– Вчера я выходил на улицу! – голос Шейлиса вибрировал на нервных интонациях.

– Что ж, возможно, именно поэтому ты, несмотря на все свое раздражение, до сих пор не выставил меня за дверь, – Блум взял в руку кофейник и плеснул себе в чашку остывшего кофе. – За последние три дня тебе доводилось беседовать со мной через инфор?

– Нет, – секунду подумав, уверенно ответил Шейлис. – Я звонил, но у тебя все время отвечал автоответчик.

Рука Блума, которой он поднял чашку, собираясь сделать глоток, замерла в воздухе.

Надо же! Оказывается, инфор не отказался от попыток отыскать его! Если бы он и в самом деле считал Блума мертвым, то не стал бы оставлять в его квартире включенный автоответчик. Интересно, расставил ли он ещё какие-нибудь ловушки?..

– И что же сообщил тебе автоответчик?

– Что ты страшно занят и поэтому не можешь сейчас ответить на вызов. – Шейлис посмотрел на жену. – Помнишь, Лиза, я еще сказал тебе: «Блум заперся дома и не желает никого видеть. Должно быть, засел за новый роман»?

– Верно, – кивнула Лиза. – И прежде случалось, Сти, что ты неделями не отвечал на звонки.

– На этот раз я не отвечал, потому что меня не было дома, – сделав глоток холодного кофе, Блум поморщился и поставил чашку на стол.

– Все три дня?

– Да.

Шейлис нервно хохотнул.

– Что тебе не нравится? – устало спросил Блум.

– Неужели ты сам не понимаешь, какой бред несешь? – Шейлис коснулся кончиками пальцев своих висков с глубокими залысинами и тут же развел руки в стороны. – Ты провел три дня вне дома? Где же ты, в таком случае, находился?

– У Мейлы.

– У Мейлы?.. Блум, я ещё на приеме заметил, что ты обратил на неё внимание. Но я даже не подозревал, что Мейла произвела на тебя столь глубокое впечатление, что ты даже решил отвести ей персональное место в своих фантазиях.

– Ты можешь спросить у неё сам.

– Ну зачем же тревожить женщину по пустякам, – снисходительно махнул рукой Шейлис. – Мы ведь и сами можем со всем разобраться, не так ли?

К Шейлису снова вернулась его былая самоуверенность. Причиной тому послужило то, что он обнаружил, как ему показалось, слабину в позиции Блума. Теперь он, как врач, хотел, чтобы Блум сам убедился в абсурдности своих фантазий.

– Скажи, Блум, с какой целью ты покинул дом?

– Я уже говорил об этом. Инфор попытался влезть в мой разум. Иного способа избавиться от этого, как только уйти из дома, не было.

– И после этого ты не возвращался в свою квартиру?

– Нет.

– Почему?

– Я не видел в этом смысла. Дело в том… Я даже не знаю, как это лучше объяснить…

– Говори, как есть, Сти, – благосклонно кивнул Люциус. – Мы попытаемся понять.

– Короче, инфор объявил меня мертвым. В списках жителей Города больше нет человека по имени Стили Блум.

Люц и Лиза быстро переглянулись и поняли, что сделали один и тот же вывод.

– Послушайте-ка, друзья, – тяжело вздохнул Блум. – Вы, должно быть, считаете меня сумасшедшим…

– Ну, что ты, Сти, – по-врачебному мягко попытался возразить ему Шейлис.

– Оставь, Люц, – недовольно поморщившись, махнул на него рукой Блум. – Ты сам не так давно буквально кричал об этом. – Шейлис сделал извиняющий жест и попытался что-то сказать. – Но, не о том речь, – не обращая на него внимания, продолжил Блум. – Сами-то вы, надеюсь, пребываете в здравом уме?

Шейлис озадаченно поджал губы. Он не мог понять, в какую сторону клонит Блум? К чему он вдруг задал этот вопрос?

И снова выход из затруднительного положения нашла Лиза.

– Давайте будем считать, что все мы здесь здравомыслящие люди, – мило улыбнувшись, предложила она. – А после, если возникнет такая необходимость, разберемся, кто из нас псих.

– Отлично! – с радостью согласился с ней Шейлис. – Тебе, дорогая, следует подумать о карьере врача-психокорректора. Ты весьма успешно контролируешь ситуацию.

– Ну, хорошо, здравомыслящие люди, – устало улыбнулся Блум. – Давайте обратимся за помощью к инфору. Узнаем, что он может сообщить по поводу состояния моего здоровья.

– Ты уже не боишься находиться перед включенным экраном инфора? – осторожно поинтересовался Шейлис.

– Смотреть на экран придется тебе, – ответил Блум, разворачивая кресло так, чтобы сидеть спиной к терминалу инфора. – Я останусь в кресле. Мне заранее известен результат.

– Ну, что ж…

Шейлис поднялся на ноги и, прихватив с собой стул, подошел к пульту.

– Что ты собираешься делать? – спросила его Лиза.

– Запрошу в архиве медицинскую карту Блума, – сказал Шейлис, в автоматическом режиме нажимая нужные кнопки на клавиатуре. – Если, как пытается убедить нас сам Блум, он и в самом деле умер…

Люциус умолк, не закончив начатую фразу. Лицо его застыло, словно гипсовая маска. Нижняя челюсть безвольно отвалились вниз.

– В чем дело, Люц? – с тревогой спросила его Лиза.

– Он не может найти мою медицинскую карту, – не оборачиваясь, ответил за Шейлиса Блум.

– Люц?.. – Лиза осторожно коснулась пальцами руки мужа.

– Это просто какая-то ошибка, – сдавленно произнес Шейлис. – Я попробую ещё раз.

– Ну-ну, – услышал он у себя за спиной короткий саркастический смешок Блума.

Вторая попытка так же не принесла никаких результатов.

– Попробуем иной путь, – прикусив губу, произнес Шейлис.

– Что ты ещё придумал? – поинтересовался, выглянув из-за спинки кресла, Блум.

– Хочу запросить твою писательскую карточку. У тебя имеются опубликованные книги, а это значит, что краткая информация о тебе должна храниться в архиве общего пользования, и…

Умолкнув на полуслове, Шейлис резким движением сорвал с себя очки и плотно прижал обе ладони к лицу.

– Люц! – испуганно вскрикнула Лиза.

– Все в порядке, дорогая, – ответил Шейлис, посмотрев на жену сквозь раздвинутые пальцы. – Это я сошел с ума. А он, – Люциус взглядом указал на кресло, в котором сидел Блум, и глупо хохотнул. – Он, как выяснилось, просто мертв. Умер три дня назад!

– Может быть я и мертв, но при этом ещё и спать хочу.

Блум поднялся из кресла и, подойдя к Шейлисам, отключил терминал инфора.

– Сейчас я не в состоянии что-либо обсуждать, – сказал он,

обращаясь главным образом к Лизе. – Я просто валюсь с ног от усталости. Если вы хотите продолжить разговор завтра, то не включайте инфор до утра. Иначе у вас снова может возникнуть желание вернуть все к привычной точке отсчета с помощью виртуального наркотика интенсивной психокоррекции. И, боюсь, вам не удастся побороть искушение.

Люциус Шейлис

«Если я и дальше буду думать об этом, то, точно, сойду с ума. Я вижу перед собой живого и здорового Блума в то время, как инфор упорно пытается убедить меня в том, что он умер три дня назад. Спрашивается, кому я должен верить? Себе или инфору?.. Или, может быть, Блуму, который утверждает, что с ума сошел сам инфор?.. Чушь! Пусть Блум думает все, что ему угодно, но мне следует оставаться на тропе разума. Инфор не может сойти с ума уже хотя бы потому, что он не человек, а машина. Невероятно сложная и очень умная, но, тем не менее, всего лишь машина, созданная людьми. В работе машины могут происходить сбои, но выжить из ума и начать делать нечто, противоречащее заложенной в ней программе, она не в состоянии. Так что же кроется за сообщением инфора о смерти Блума? Всего лишь незначительный сбой в программе! Не будь Блум параноиком, он вернулся бы домой, связался с инфором и за пару минут восстановил бы прежнее положение. Но, нет, столь простое решение не для Блума! Зачем?! Он ведь получает колоссальное, ни с чем не сравнимое удовольствие, находясь в роли незаконно преследуемого и всеми гонимого борца за правду! Но только эта игра может плохо закончиться. Чем глубже погружается Блум в мир своих иллюзий, чем больше подтверждений своим фантазиям он находит вокруг себя, тем труднее будет для него путь назад… Как врач, я обязан помочь ему, но я не могу сделать это вопреки его желанию и воле. Единственный выход для него – это пройти процедуру интенсивной психокоррекции, перед которой он испытывает панический ужас. Как убедить его сделать это, если он считает, что таким образом инфор исподволь покушается на его рассудок и память? Мой собственный опыт его, похоже, ни в чем не убеждает. Напротив, он нашел прекрасное и, следует признать, весьма оригинальное оправдание тому, что никто кроме него не помнит о том, что якобы с ним произошло. Инфор регулярно стирает жителям Города память! Единственные достоверные воспоминания хранятся только в голове у Стили Блума, который спасается от инфора бегством!.. Бред… Но, черт

возьми, до чего же убедительный!.. И, что самое главное, червячок сомнений все же заползает в душу. Блум сумел-таки найти реальное подтверждение тому, что инфор способен совершать ошибки. Незначительные, но все же… Если инфор ошибся раз, почему он не может ошибиться и в другой, и в третий?.. А что, если череда сбоев и ошибок, следуя одна за другой, приобретет необратимый лавинообразный характер?.. Инфор является структурой, над которой, насколько мне известно, никто и ничто более не стоит. Кто же сможет указать ему на ошибку?.. Или, в конце концов, просто дернуть за рубильник, чтобы отключить инфор?.. Нет, это уже слишком! Без контроля со стороны инфора столь огромная и многоплановая структура, как Город, попросту окажется обречена на гибель!..

Но почему, когда я слушаю Блума, мне все время кажется, что то, о чем он рассказывает, я уже видел когда-то собственными глазами?»

Глава 21

Поговорим о счастье!

(4-й уровень, 63-я улица, дом 88)

Блум открыл глаза и увидел стену, покрытую облицовочными листами ярко-желтого цвета с объемным геометрическим узором. Вытянув руку из-под одеяла, он провел пальцем по выпуклой линии, – сначала вверх, после крутого излома – вниз, затем – снова вверх… Вверх, вниз… Вниз, вверх…

– Блум…

Услышав голос Шейлиса, Блум неохотно обернулся. Куда приятнее было оставаться в плену своих геометрических снов и фантазий, нежели снова возвращаться к необходимости что-то кому-то объяснять и доказывать, а после думать и решать, продираясь сквозь паутину неуверенности и сомнений. Самому!.. В одиночку!..

– Проблема, не требующая немедленного разрешения, это не та проблема, которой следует заниматься, – глубокомысленно изрек Блум, глядя на носки домашних туфель Шейлиса.

– Очень ценное умозаключение, – саркастически усмехнулся Шейлис.

Взгляд Блума скользнул по ногам Шейлиса, поднялся по его телу и остановился на лице, умытом и свежем.

– Мне необходимо привести себя в порядок, – сказал Блум, проведя рукой по заросшему щетиной подбородку.

– Нет проблем, – ответил Шейлис. – Ванная свободна.

– Ванная свободна, – задумчиво повторил следом за ним Блум. – Ты помнишь, о чем мы говорили вчера?

– Программу интенсивной психокоррекции я не включал, если именно это тебя беспокоит, – со сдержанным достоинством ответил Шейлис.

– Хотелось бы в это верить, – вздохнул Блум, поднимаясь с постели.

– Но вовсе не по твоему настоянию, – тут же желчно добавил Шейлис. – А потому что не испытываю в этом необходимости.

– Лишних мыслей пока ещё не накопилось? – усмехнулся Блум и взглядом поискал свою одежду.

– Программа интенсивной психокоррекции имеет своей целью оптимизировать систему знаний, которыми обладает человек, интенсифицировать его мозговую деятельность путем

использования четкой системы приоритетов, и снять лишнее психическое напряжение, ведущее к эмоциональной неустойчивости, – академическим тоном процитировал фразу из учебника Шейлис.

– Где моя одежда? – спросил Блум.

– Лиза приготовила тебе новую, – Шейлис взглядом указал на стул, на котором лежали прямые серые брюки и в тон им рубашка с короткими рукавами. – Старую, она сказала, нужно выбросить.

– Спорить с женщиной бесполезно, – улыбнулся Блум и начал облачаться в приготовленную для него одежду.

За завтраком, где присутствовала и Лиза, Блум и Шейлисы обменивались только общими репликами, не имеющими никакого отношения к теме вчерашней беседы.

После того, как стол был накрыт для чая, Лиза сообщила, что позвонила утром Мейле.

– Ну, и как она? – с некоторым напряжением спросил Блум.

– Она беспокоится за тебя, – с укором произнесла Лиза. – Ты не пришел ночевать и даже не позвонил.

– Верно, я виноват, – повинно склонил голову Блум. – Но вы сами видели, в каком состоянии я был вчера.

– Это не оправдание, – сурово и строго произнесла Лиза. – Нет ничего сложного в том, чтобы просто набрать номер и сказать пару слов, чтобы человек не волновался.

– А, может быть, ты нарочно сеешь вокруг себя панику? – не глядя на Блума, спросил Шейлис.

– В каком смысле? – непонимающе посмотрел на него Блум.

– Быть может, ты специально не стал вчера звонить Мейле, решив стать мертвым и в её глазах, – говоря это, Шейлис положил локоть на спинку стула и стал эдак непринужденно поигрывать зажатой между пальцами чайной ложечкой. – Я не говорю, что ты умышленно хотел причинить Мейле боль. Это могло быть неосознанное, подсознательное желание…

– Хватит! – Блум со звоном поставил чашку, которую держал в руке, на блюдце, расплескав при этом остававшийся в ней чай. – Я пришел к тебе не за тем, чтобы слушать, как ты упражняешься в психоанализе!

– Блум, Люц старается помочь тебе, – попыталась высказать свое мнение Лиза.

– Мне нужна не такая помощь! – резко оборвал её Блум.

– Чего же ты хочешь? – спокойно, не обращая внимание на вызов, с которым бросил свою реплику Блум, спросила Лиза.

– Я хочу, чтобы вы просто выслушали меня, – отведя взгляд в сторону, сказал Блум.

– Вчера ты уже все рассказал.

– И вы не поверили ни единому моему слову.

– Ну, я бы не стал утверждать столь однозначно, – с задумчивым видом врача, пока ещё не готового поставить окончательный диагноз, произнес Шейлис. – Поразмыслив над твоими словами, я пришел к выводу, что в них, несомненно, кроется некое рациональное зерно. Вот только отыскать его под напластованиями фантазий и образов, созданных твоим воображением, не так-то просто.

– И что же привело тебя к такому выводу? – с почти искренним интересом спросил Блум.

– Ну, например то, что в твоих фантазиях присутствуют и реальные детали, – ответил Шейлис.

– Ты имеешь в виду тот факт, что я умер? – с невинным видом поинтересовался Блум.

– Прекрати, Ста, – недовольно поморщился Шейлис. – Ты зацепился за единственную ошибку инфора…

– Ничего себе ошибочка! – воскликнул, перебив его Блум. – Интересно, как бы ты сам отреагировал на сообщение о собственной смерти?

– Сам по себе факт, конечно же, неприятный…

– Неприятный?.. И только-то?

– Ты, естественно, считаешь, что за всем этим кроются некие злобные козни, – кисло улыбнулся Шейлис.

– Считаю, – подавшись вперед, негромко произнес Блум. – И не без оснований.

– И какие же ты можешь привести доказательства?

– Почему в моей квартире до сих пор работает автоответчик?

– Почему? – Шейлис попросту вернул Блуму его вопрос.

– Потому что инфор знает, что я жив и пытается отыскать меня! – взмахнул над столом рукой Блум.

– А откуда тогда взялось сообщение о смерти?

– Это тоже ловушка. Ведь для того, чтобы восстановить себя в правах живого человека, мне, как ни крути, придется обратиться к инфору.

– А давай сделаем это прямо сейчас, – предложил неожиданно Шейлис. – Мы с Лизой будем контролировать ситуацию, и, если произойдет что-нибудь необычное…

– Если что-нибудь произойдет, вы уже ничем не сможете помочь не только мне, но даже и себе, – возразил Блум. – Я не настолько глуп, чтобы самому сунуть голову в открытую пасть хищника.

– Знаешь, почему ты не хочешь этого сделать? – спросил после паузы Шейлис.

– Знаю, – искоса глянул на него Блум. – Но хотел бы

услышать, что думаешь по этому поводу ты.

– Ты просто боишься расстаться со своими фантазиями, – сказал Шейлис. – Они захватили тебя настолько, что среди них ты чувствуешь гораздо себя спокойнее и уютнее, нежели в реальном мире. Произошло всего лишь какое-то глупое недоразумение, а ты на его основе уже успел создать целую теорию о неком заговоре против человечества.

– Люц, – с ледяным спокойствием начал Блум. – Твое представление о мире сводится к тому кусочку улицы, которую ты увидел, выглянув однажды за порог своего дома. Ты ведь даже не помнишь, как мы с тобой побывали на другом уровне Города!.. Я знаю о Городе в тысячу раз больше тебя! А ты не хочешь меня слушать, потому что боишься узнать правду! И это не я, а ты прячешься от собственных страхов в раковину показного здравомыслия!.. – звучавший с каждой фразой все громче и весомее голос Блума внезапно словно сломался. – А, собственно, какой в этом смысл? – устало закончил он.

Шейлис подтянул к щеке угол рта, пытаясь изобразить ироническую усмешку, но получилось у него это очень уж неестественно. Блум, сам того не подозревая, случайно зацепил в душе Шейлиса струну, которая отозвалась весьма болезненной вибрацией.

– Действительно, какая разница, кто от чего прячется? – чуть севшим, по причине тщательно скрываемого напряжения голосом произнес Шейлис. – Свобода человека заключается, в первую очередь, в праве сделать свой выбор. И, если ты, Блум, сознательно решил уйти в безумие…

– Люц! – строго глянула на мужа Лиза.

– Не волнуйся, Лиза, – успокоил её Блум. – С некоторых пор я стал иначе относиться к понятию безумия. Безумец, – это тот, кто одним только своим существованием мешает людям жить той тихой, спокойной и неинтересной жизнью, к которой они привыкли.

– Какое самомнение! – пафосно всплеснул руками Шейлис.

– У тебя в жизни было много радостей? – посмотрев на мужа долгим и невыразимо печальным взглядом, спросила Лиза.

– Радость ты моя! – улыбнулся ей в ответ Шейлис.

– Я серьезно, Люц…

– У тебя есть какие-то проблемы, Лиза? – в тон ей задал встречный вопрос Шейлис.

– Счастье это не отсутствие проблем, – покачала головой Лиза.

– Ага! – запрокинув голову далеко назад, Шейлис медленно и картинно кивнул. – Теперь мы уже о счастье заговорили. Пройдет

ещё немного времени, и мы втроем, посовещавшись, решим, как осчастливить все человечество.

– Речь пока что идет не обо всем человечестве, а всего лишь о жителях Города, – не принимая насмешливого тона, сказал Блум.

– Всего-то, – с показным разочарованием Шейлис скривил губы. – Будем спасать их от инфора?

– Нет, – едва заметно раздвинув губы в улыбке, Блум покачал головой. – В первую очередь, от самих себя… Ты хочешь быть спасенным, Люц?

– Нет! – не задумываясь, решительно ответил Шейлис.

– Ну, в таком случае, наверное, и говорить не о чем.

– А я хочу! – неожиданно заявили Лиза. – Я серьезно, – добавила она, поймав на себе недоверчивый взгляд Блума. – Мне надоела такая жизнь!

– Лиза!

– Отстань, Люц! Ты сделал свой выбор, так позволь и мне сделать свой!

– Лиза, я тебя просто не понимаю! – безнадежно всплеснул руками Шейлис.

– А ты когда-нибудь пытался меня понять?

– Но не сейчас же!..

– Нет, именно сейчас!

– Простите, друзья, – чуть приподнял левую руку Блум. – Но свои семейные проблемы вы сможете решить и без меня.

Сказав это, Блум сделал движение, собираясь подняться.

– Останься, Блум! – резким, совершенно нехарактерным для неё движением, Лиза выбросила руку с открытой ладонью в сторону гостя. – Я хочу услышать все, что ты собирался нам рассказать.

– Не думаю, что сейчас подходящий для этого момент.

– Давай, Блум, – голосом, полным яда и желчи, подбодрил гостя Шейлис. – Заканчивай то, что начал.

Люциус сидел на стуле, развалившись, продолжая вертеть между пальцами чайную ложечку, всем своим видом априорно отвергая все, что будет сказано Блумом.

То ли сам вид Шейлиса, то ли интонации его голоса, с которыми была произнесена последняя фраза, всколыхнули в душе Блума некую глубинную, инстинктивную злость, о существовании которой он до сих пор даже и не подозревал. Она была направлена не на какого-то конкретного человека, и, уж во всяком случае, не на Шейлиса, к которому Блум мог испытывать только жалость. Объектом природной злости, источник которой совершенно неожиданно открыл в себе Блум, являлся тот мир, который отвергал его, всеми силами пытаясь вытолкнуть из себя,

словно инородное тело, случайно проникшее в единый здоровый организм. Вот чего боялся инфор! Вот что пытался выжечь он в душах людей! Его пугала природная агрессивность людей, способная, будучи однажды выпущенной из-под контроля, уничтожить все вокруг, включая и его детище, его гордость, его тело, – его Город!

– Хорошо, Люц, – с ледяным спокойствием, которое теперь уже ничто не могло растопить, произнес Блум. – Я расскажу тебе все, что мне известно о Городе. Но после этого тебе самому придется решать, как жить дальше…

И Блум начал рассказывать.

Сначала он поведал Шейлисам о пространственной структуре Города, прообразом которой послужил лист Мёбиуса. Потом рассказал о встрече с умирающим стариком, весь остаток своей жизни ждавшем идущего мимо человека, чтобы передать ему крупицы имеющихся у него знаний, которыми сам он не мог распорядиться. Ну, а потом речь зашла о путешествии по линии монорельса, о встрече с Хантером, открывшим Блуму мир под мостовыми Города и поставившим последнюю точку в вопросе об эволюции управляемого инфором мегаполиса.

– Я не знаю, удалось ли мне хоть в какой-то степени убедить вас, – подвел итог своему долгому и несколько сумбурному рассказу Блум. – Но сам я не просто понял, а всей кожей ощутил безумие вывернутого наизнанку мира, в котором мы обречены жить. Инфор давно уже превратился в выжившего из ума маразматика, единственной задачей которого является забота о собственном теле. Он разводит людей, как овощи на грядках, только потому, что привык считать нас неотъемлемой частью Города. По сути же, ему нет до нас абсолютно никакого дела. Если инфор когда-нибудь вдруг решит, что Город будет неплохо смотреться и без людей, он, ни на секунду не усомнившись, уничтожит все население до последнего человека. Для него не существует таких понятий, как мораль и этика, в своих действиях он руководствуется только принципом целесообразности. Первостепенное значение для него имеет благополучие Города в целом, а вовсе не интересы живущих в нем людей. Инфор и Город слились в единое и неразделимое целое. Город – это тело, инфор – управляющий им разум. А мы… Черт возьми, если бы хоть кто-то знал, что мы собой представляем в этом мире! Лиза посмотрела на Шейлиса, тем самым предоставляя ему право первым высказать свое мнение по поводу всего услышанного.

Но Шейлис не спешил воспользоваться предложенной ему возможностью. Однако, скептицизм, с которым он начинал слушать рассказ Блума, уступил на его лице место выражению

заинтересованности.

Лиза так просто была настолько захвачена историей Блума, что, казалось, сама находилась там, рядом с ним, в темном лабиринте ходов, проложенных неизвестными строителями под мостовыми Города. Теперь она медленно приходила в себя, и, судя по всему, возвращение в реальность не доставляло ей большой радости.

– Блум, – с тоской вздохнула она. – Это было так… – Лиза взмахнула в воздухе пальцами, словно пытаясь поймать ускользающее слово. – Необыкновенно! – произнесла она с придыханием. – Тебе непременно нужно это записать!

– Если будет время, – с отсутствующим выражением на лице рассеянно улыбнулся Блум.

Наклонившись к столу, он налил себе полчашки остывшего чая, чтобы промочить пересохшее горло.

– Признаюсь, и на меня история произвела впечатление, которого я совершенно не ожидал, – сказал, качнув головой, Шейлис. – Рассказ изобилует деталями и подробностями, придающими ему необычайную достоверность.

– Ты считаешь, что все это я просто выдумал? – прямо задал вопрос Блум.

– Ну, может быть, и не все, – несколько смутился Шейлис. – Но, по большей части… Как мне кажется… Это, несомненно, вымысел. Хотя, следует признать, для того, чтобы придумать такое, нужно обладать незаурядной фантазией и талантом. Ты знаешь, Сти, Лиза, по-моему, права, – тебе непременно стоит сделать из этой истории книгу. Занимаясь этой работой, ты сам сумеешь разделить правду и вымысел.

– А ты мне в этом поможешь, – саркастически усмехнулся Блум.

– Напрасно иронизируешь, – покачал головой Шейлис. – Без помощи опытного врача-психокорректора тебе со своими проблемами не справиться.

– В таком случае, ты, может быть, подскажешь мне, что делать с этим?..

Блум сунул руку в карман рубашки и только после этого сообразил, что на нем новая одежда.

– Где моя старая рубашка, Лиза?! – стремительно развернулся он в сторону жены Шейлиса.

– Я выбросила твою одежду в мусороприемник, – растерянно развела руками Лиза. – Она была рваная и такая грязная…

– Черт! – Блум с отчаянной злостью саданул кулаком по краю стола, так, что, звякнув, подпрыгнула вся находившаяся на нем посуда.

– Что случилось, Блум?

– Там был план!

– План?..

– Да, – Блум быстро взял себя в руки и даже попытался улыбнуться женщине. – Все в порядке, Лиза… Не о чем беспокоиться.

– Что за план, Блум?

– Это был план Города, который дал мне Газим. Он был снят с инфора четыре года назад… Теперь это уже не имеет никакого значения.

– Обрати внимание, Блум, – не преминул заметить Шейлис. – С какой легкостью из твоих рук ускользают все доказательства достоверности твоей истории. План уничтожен вместе с рубашкой, сам Газим умер…

– Можно сделать запрос о Газиме через инфор. Он подтвердит мои слова: самый старый человек в Городе умер в возрасте девяноста шести лет.

– Ну и что? – Шейлис поставил руки локтями на стол и положил подбородок в чашу сложенных ладоней. – Допустим, вчера, действительно, умер человек по имени Тюн Газим, которому было девяносто шесть лет. Что из этого следует?

– Но ведь о Газиме рассказал вам я.

– Ты мог точно так же узнать о нем через инфор.

– Ты хочешь сказать, что я вру?

– Нет, Блум, – Шейлис откинулся назад и тяжело облокотился на спинку стула. – Ты просто не можешь провести четкую границу между реальностью и фантазиями. Вчера через инфор ты узнал, что в Городе умер самый старый житель по имени Тюн Газим, и в твоем подсознании мгновенно родилась история о том, что этот старец умер у тебя на руках, передав перед смертью тебе некий план, который ты, к сожалению, не смог уберечь. Твою историю никто не может подтвердить. Смирись с очевидными фактами, Блум.

– А Хантер? Что ты скажешь о Хантере?

– Ничего, – покачал головой Шейлис. – Это тоже образ, порожденный твоей фантазией. Реального прототипа этого загадочного Хантера я назвать затрудняюсь.

– Хантер реален сам по себе.

– Пусть так, – Шейлис сделал широкий жест рукой в сторону инфора. – В таком случае, будь любезен, свяжись с ним и дай мне с ним поговорить.

– Я не знаю, где он живет, – мрачно процедил сквозь зубы Блум.

Шейлис красноречивым жестом развел руки в стороны.

– О чем тогда говорить?

– Я не стал спрашивать у Хантера адрес, потому что и без того знаю, где можно его найти. – Блум рывком поднялся на ноги. – Ты хочешь познакомиться с Хантером? Что ж, идем! Я отведу тебя к нему!

– Постой, Блум, – Шейлис как-то сразу потерял всю свою уверенность. – Не нужно пороть горячку.

– Ну, почему же? Давай, наконец, выясним, кто из нас двоих прав!

– Блум, – окликнула его Лиза. И, когда он повернулся к ней, негромко, но веско произнесла: – Люц никуда не пойдет. По крайней мере, сейчас.

– Понятно, – так же спокойно ответил ей Блум. – Но дело в том, что времени на размышление у нас почти не осталось. Если мы никуда не пойдем сейчас, то следующего раза ждать придется слишком долго.

– О чем ты говоришь? Что за спешка?

– В ближайшие три-четыре дня произойдет смещение границы Города. Шестая улица будет отдана под перестройку. В течение года она будет находиться за пределами Города. Единственная возможность покинуть Город, это оказаться на территории Шестой улицы до смещения границы.

– И ты хочешь сделать это? – серьезно спросила его Лиза.

– Да.

Шейлис тихо, сдавленно хохотнул, – будто мышь, раздавленная башмаком, пискнула.

– Поймите, – Блум оперся ладонями на стол. – Настоящая жизнь – вне Города. То, чем мы занимаемся здесь… Охота на газонокосилок, отстрел крыс, интенсивная психокоррекция… Черт, я даже представить себе не могу, чем занимаются другие жители Города!

– Другие жители Города, в отличие от тебя, просто живут! – взвизгнул Шейлис. – Можешь ты это понять, наконец, или нет?! Я хочу просто жить! Мне не нужна ни граница Города, ни то, что находится за ней! Меня вполне устраивает то, что я здесь имею!..

Блум только посмотрел на Шейлиса. Но было в его взгляде что-то такое, от чего Шейлис тут же затих, успокоился, осел на стуле, уронив руки вниз.

– Инфор ошибся, – негромко произнес Блум. – Умер не я, а ты. – Он посмотрел на Лизу. – Ты тоже остаешься, – это был не вопрос, а утверждение.

– Конечно, – негромко ответила Лиза. – Хотя мне было бы любопытно взглянуть на то, о чем ты рассказываешь. Но… Ты сам понимаешь…

– Понимаю, – натянуто улыбнулся Блум. – Я пришлю тебе сообщение.

– Ты даже не попытаешься уговорить нас? – немного удивленно спросила Лиза.

– Нет, – покачал головой Блум. – Для того, чтобы отправиться туда, куда иду я, одного любопытства недостаточно.

– Ты ведь знал заранее, что я не смогу составить тебе компанию, – угрюмо произнес Шейлис. – Для чего тогда ты пришел?

– Мне нужно было убедиться в том, что я смогу сделать то, что задумал, – ответил Блум.

– Но, если ты прав… – Лиза посмотрела сначала на Блума, затем перевела взгляд на мужа. – Мы ведь можем забыть обо всем после очередного сеанса интенсивной психокоррекции… И что тогда?.. Для чего все это было нужно?

– Тут уж вам самим нужно думать, – развел руками Блум. – Я высказал свое мнение на этот счет. А уж принимать решение…

– Интенсивная психокоррекция – абсолютно безопасная процедура, – ни к кому конкретно не обращаясь, с тупой упертостью произнес Шейлис.

Блум в ответ на это только плечами повел.

Он посмотрел сначала на Лизу, затем на Шейлиса. Несмотря ни на что, они были его друзьями. Быть может, единственными. И ему было искренне жаль их. Жаль расставаться с ними. И ещё обидно, что так и не удалось ни в чем их убедить.

Глядя в стол, Блум севшим от волнения голосом произнес фразу, которая пугала его самого, но которую нужно было, наконец, произнести:

– Я, пожалуй, пойду… Где мой рюкзак?

– В прихожей, – тихо ответила ему Лиза. – Ты уходишь прямо сейчас?

– Да, – решительно кивнул Блум.

– Тебе что-нибудь нужно? Блум на секунду задумался.

– Нет, – сказал он. – Все необходимое лежит у меня в рюкзаке… И не нужно меня провожать.

Он быстро взглянул на Шейлиса, коротко кивнул и, не сказав больше ни слова, быстро вышел из комнаты.

В прихожей хлопнула входная дверь.

Какое-то время Люциус и Лиза сидели молча.

– Ты все ещё хочешь поговорить о счастье? – спросил вдруг Шейлис жену.

– Что? – удивленно посмотрела на него Лиза.

– Я только сейчас понял, что такое счастье, – сказал Люциус Шейлис. И с блаженным выражением на лице, закинув руки за

голову, изрек: – Счастье, это когда рядом нет Блумов!

Стили Блум

«Что я буду там делать?.. Не знаю… Я не знаю даже, что сделаю в ближайшие пять-десять минут. Быть может, доберусь до станции монорельса, сяду в вагон и поеду в сторону границы Города, а, может быть, прямо сейчас поверну назад, вернусь в свою квартиру… И разобью, к чертовой матери, экран инфора!

Прежде, чем уйти от Шейлисов, нужно было позвонить Мейле. Хотя бы для того, чтобы сказать ей, что её гипотеза оказалась верной…

Впрочем, для этого у меня ещё будет время… У меня впереди ещё масса времени… Дня два, а то и три… Уйма времени! Можно все ещё раз десять обдумать и примерно столько же раз поменять принятое решение… Только тогда ничто уже не будет иметь смысла… Ничто…

Что пугает меня больше всего?.. Во всяком случае, не то, что оказавшись за пределами Города, я могу увидеть мертвую пустыню, покрытую радиоактивным пеплом. Я не верю в то, что люди оказались настолько безрассудны, что уничтожили сами себя. Да, в нас глубоко сидит природная агрессивность, но и инстинкт самосохранения тоже не дает о себе забыть. Подойдя к краю бездны, каждый, наверное, хотя бы на мгновение остановится, чтобы взглянуть на противоположный край и оценить собственные силы, прежде чем решится на отчаянный и безрассудный прыжок…

Черт возьми, глупая мысль пришла сейчас в голову. Если рассматривать Город с точки зрения инфора, как живой организм, то зона строительства должна быть ни чем иным, как органом выделения продуктов жизнедеятельности в окружающую среду. Интересным образом собрался я выбраться из Города… Если, конечно, мне это удастся…

А, если нет?.. Если семиполосный лист Мёбиуса не расплетается даже в том месте, где идет новое строительство?.. Тогда мне предстоит пережить самый трудный год в моей жизни. Судя по тому, что никакие слухи о Разломе по Городу не циркулируют, пройти через него и остаться живым ещё никому не удавалось. Хотя, с другой стороны, население улиц, идущих под слом, составляют глубокие старцы. А то, что не под силу старику, вполне может выдержать молодой, здоровый, полный сил мужчина… Вроде меня… Нужно только заранее позаботиться о запасах воды и пищи… Хотя, скорее всего, главная проблема

будет иная, – одиночество… Но даже в нем можно найти положительные стороны, – будет, наконец-то, время спокойно обо всем подумать!»

Глава 22

Перед тем, как погаснет свет

(2-й уровень, 6-я улица)

Пройдя по переходу, похожему на сегмент кишечника некоего невиданного и не имеющего названия монстра, Блум вышел в Город. Перед ним простиралась 6-я улица.

Абсолютно никаких различий с тем, что он уже видел. Прямая автострада, чуть приподнятые над ней тротуары, стандартные дома, ровная зеленая изгородь кустарника, ядовито-зеленые газоны с жесткой, торчащей вверх, как проволока, травой. Тишина и покой. Как в семье Шейлисов. Ни малейших признаков того, что через пару дней эта улица должна погрузиться в Разлом.

На мгновение у Блума возникло сомнение, туда ли он попал? Не сбился ли по дороге с пути? Или, быть может, коварный инфор повернул поезд, на котором он ехал, назад, чтобы снова вернуть его к исходной точке? Если уж он способен объявить живого человека покойником…

Блум тряхнул головой, прогоняя наваждение.

А что, собственно, он собирался увидеть? Красочное световое табло с надписью: «Через два дня эта улица будет снесена!»? Или толпы людей, в панике бегущих к станции монорельса?.. Все именно так и должно быть, тихо и спокойно, до того самого момента, пока не произойдет смещение границы, пока не упадут в проходы стальные заслонки, отгораживающие улицу от всего остального Города.

Блум сделал шаг вперед.

И снова остановился.

Он все ещё не был готов к тому, чтобы окончательно порвать всякую связь с Городом.

Черт возьми, в конце концов, самому-то себе он мог в этом признаться?.. Ему было страшно… Чертовски страшно!..

Это был неосознанный и необъяснимый страх, поднимающийся с самого дна души, передающийся из поколения в поколение даже тогда, когда дети не знают своих родителей; он живет в теле человека наравне с инстинктами, и так же, как чувство боли заставляет отдернуть руку от раскаленного предмета, этот подсознательный страх вынуждает человека сломя голову бежать прочь ещё до того, как он увидит и сумеет опознать источник опасности; он способен сам убить человека, подобно

изощренному убийце, лишив его способности мыслить и двигаться; он живет собственной жизнью, по большей части пребывая в глубокой летаргии, но стоит только его разбудить…

Блум выронил из руки рюкзак и в ужасе сдавил ладонями виски. Колени его подогнулись, тело надломилось в поясе. Широко расставив ноги, он то запрокидывал голову назад, вскидывая лицо к иллюзорному небу, то прижимал подбородок к груди, обращая глаза к серому однородному покрытию мостовой. И все это время из его перекошенного рта рвался беззвучный крик, не вписывающийся в границы звукового диапазона, воспринимаемого человеческим ухом.

Для того, чтобы прекратить это мучение, нужно было всего лишь сделать шаг назад. Но тогда бы вся оставшаяся жизнь превратилась в нескончаемую пытку.

– А-а-а-ах!!!

Блум резким движением широко раскинул руки в стороны.

Он стоял, покачиваясь, словно балансируя на канате, натянутом над пропастью.

Затем он медленно наклонился и негнущимися пальцами подцепил лямку рюкзака.

Теперь ему было ясно, для чего Хантер носил с собой фляжку со спиртом… Нужно было тоже с собой прихватить… Глоток спирта, вышибающий слезу, заодно и дурь с мозгов смывает…

А ведь примерно то же самое он испытал, когда впервые вышел из дома…

Неизведанное… Нечто, выходящее за пределы имеющегося в наличии опыта. Разум не в силах отыскать в своих архивах аналогов и потому теряется, не может выстроить адекватную обстоятельствам схему поведения. Вот в чем причина! Не страх, как таковой, а порожденная им неспособность принять какое-то окончательное решение приковывает к месту. Пытаться что-то сделать в таком состоянии, – все равно, что рискнуть прокатиться на автоэле, все колеса у которого разного диаметра. Умный – не двинется с места, дурак – разобьется.

Блум упал на колени. Откинув клапан рюкзака, он выхватил из него металлический прут и ухватился за него обеими руками. На мгновение Блум замер, держа железку в чуть отведенных в сторону руках, словно ритуальный кинжал для харакири. Затем последовал короткий замах, – и конец металлического прута ударил в дорожное покрытие. Мелкая каменная крошка полетела по сторонам. А Блум замахивался и бил снова и снова, – исступленно, изо всех сил, словно стремясь прикончить ненавистного врага. На мгновение он замирал со вскинутыми над головой руками, затем делал судорожный глоток воздуха и

наносил новый удар.

Дорожное покрытие было прочным и с трудом поддавалось ударам металлического прута. Но времени у Блума было достаточно, а усердия и злости ему было не занимать.

Блум работал до тех пор, пока прут не выпал из его ослабевших рук. Тогда он всем телом откинулся назад, оперевшись на гудящие от усталости руки. Так, в полнейшей неподвижности, он сидел минуты две. Затем он облизнул пересохшие губы, медленно поднял правую руку и согнутым локтем растер по лицу пот с налипшей на него каменной пылью. Тяжело оперевшись на левую руку, Блум поднялся на ноги и сделал шаг назад, чтобы окинуть взглядом результат своего труда.

Пустую автостраду пересекали два слова, вырубленные в дорожном покрытии аршинными буквами: «СТИЛИ БЛУМ». Буквы были кривыми и выглядела вся надпись не очень красиво. Зато она сразу же бросалась в глаза на выходе со станции монорельса. Пройти мимо нее, не заметив, мог только слепой.

Блум удовлетворенно хмыкнул. Он и сам не понимал, для чего это было нужно, но, как ни странно, бессмысленная на первый взгляд работа принесла ему не только облегчение, но и доставила удовольствие своим законченным видом. Мостовые были лицом Города, и Блум нахально изуродовал его физиономию, нацарапав на нем свое имя. Если бы Блум знал, что инфор при этом испытывал ещё и физические страдания, то наслаждение, полученное им, было бы ещё острее и изысканнее. Но, впрочем, и того, что он испытал, было вполне достаточно для того, чтобы он полностью оправился от первоначального шока, сразившего его в тот момент, когда он с полной ясностью осознал, что в месте, в котором он оказался, любая минута может оказаться для него последней. Теперь он уже не боялся стать вместе с разрушенными стенами домов одной из составляющих частей груд строительного мусора. Нет! Теперь он знал, что не позволит закопать себя в этой куче, а вскарабкается на самую её верхотуру и станет орать там, колотя себя кулаком в грудь!

За спиной оставался Город, впереди расстилалась дорога. Блум подобрал с мостовой металлический прут, послуживший ему уже как оружием, так и пером, и сунул его в рюкзак, – кто знает, может быть ещё пригодится. Повесив рюкзак на плечо, он переступил через оставленный на дороге автограф и зашагал вперед, все дальше уходя от возможности вернуться.

Сделав не более сотни шагов, Блум уже и думать забыл о возвращении. Все его мысли были заняты теперь только тем, как за оставшееся время наилучшим образом подготовиться к

предстоящему смещению границы. Чтобы не забыть о самом необходимом, он на ходу достал из рюкзака блокнот и авторучку и начал делать пометки.

Но прежде всего, конечно же, следовало позаботиться о жилье. Хантер не называл точной даты предстоящего смещения, поэтому, вполне возможно, что прожить здесь придется около недели. В принципе, в каждом доме, мимо которого проходил Блум, имелись свободные квартиры, и не было никакой принципиальной разницы, в каком из них остановиться. Но Блум упорно шел к дому, который выбрал ещё когда ехал на поезде. Пусть даже на совсем короткий срок, он все же хотел поселиться по тому же адресу, по которому прожил большую часть своей жизни на 63-й улице. Для себя он загадал, что если квартира, которую он собирался занять, окажется свободной, то это непременно принесет ему удачу.

Думая о жилье, Блум решил, что по тому, сколько свободных квартир имеется в Городе, можно было бы оценить насколько сократилось его население. Если, конечно, Город не возводился с расчетом на прирост населения в будущем, которого так и не произошло.

Робот-привратник, распахнувший дверь парадного, выглядел ничуть не хуже всех тех своих собратьев, которых видел Блум на других улицах, хотя и значительно превосходил их по возрасту.

– Добрый день, господин!

Отличная машина! Не скрипит, не заикается. Какой смысл отправлять её на слом?..

– Здравствуй, дорогой. Мое имя Джойс. Я хочу какое-то «время пожить здесь. Надеюсь, в доме имеются свободные апартаменты?

Робот имеет прямую связь с сетью инфора. Сам-то он хотя бы знает, что жить ему осталось считанные дни?..

– Конечно, господин Джойс! Могу порекомендовать вам апартаменты из пяти комнат с душем и…

– Дай список свободных квартир, – потребовал Блум. За пару секунд робот выдал аккуратную распечатку списка жильцов, которых в доме оказалось всего-то 11 человек. Остальные квартиры, в том числе и та, которую хотел занять Блум, оказались свободны.

– Вот эту, – Блум ткнул пальцем в нужный номер. – Зарезервируй её за мной.

– На какой срок? – поинтересовался привратник.

– А как ты думаешь? – не без умысла спросил у него Блум. Если роботу была известна точная дата смещения…

– Не могу знать, господин Джойс, – ответил привратник в

своей обычной манере.

– В таком случае, на две недели, – улыбнулся Блум. – Если за это время ничего не произойдет, я съеду.

– Вы ожидаете какого-то сообщения? – вежливо поинтересовался робот.

– Угадал, – ответил Блум, направляясь к лифту.

В квартире имелся стандартный набор мебели, с которой только нужно было удалить защитное пластиковое покрытие. В принципе, это дело можно было поручить и роботам-чистильщикам, но Блум решил все сделать сам. Во-первых, он терпеть не мог маленьких уборщиков, похожих на мелких паразитов, а, во-вторых, ему просто нужно было чем-то заняться, чтобы привыкнуть к новому жилью.

Но, прежде, чем заняться распаковкой мебели, Блум сделал то, чего никогда прежде не делал, – он настежь распахнул все имевшиеся в квартире окна. Для чего он это сделал, Блум и сам не мог объяснить. Это был мгновенный порыв, которому он не мог, да и не хотел противиться. За окнами была все та же улица, воздух на улице был ничуть не свежее и не прохладнее, чем в квартире, и, тем не менее, Блуму показалось, что после этого в доме сразу же стало светлее и просторнее.

Работа, при том, что делал он все не спеша и тщательно, заняла у Блума около двух часов. Покончив с ней, он заказал обед и отправился принять душ.

Пообедав, Блум увязал остатки еды и грязную посуду в тонкую, как паутина, одноразовую скатерть и затолкнул сверток в мусороприемник.

Подойдя к пульту инфора, Блум вывел на большой экран цифровой таймер и запустил его с нуля. Его вовсе не интересовало, сколько часов он проведет в этой квартире. Но он решил, что после того, как произойдет смещение границы, первым делом во всех домах будут отключены терминалы инфора, – в отторгаемой части тела сначала отмирают нервные окончания.

Блум открыл блокнот, в котором ещё на улице начал составлять список вещей, которые необходимо было заказать, и занялся его уточнением. Однако через пару минут он бросил блокнот на стол и снова подошел к инфору. Включив маленький переносной экран, он набрал на клавиатуре код отдела заказов и отметил в появившемся на экране каталоге простейшую модель компакт-телефона.

Не прошло и минуты, как негромко пискнул зуммер ячейки доставки. Блум вынул из ячейки трубку компакт-телефона, сел в кресло и медленно, как будто все ещё раздумывая над тем,

правильно ли он поступает, набрал на клавиатуре домашний адрес Мейлы.

Мейла ответила сразу же после первого сигнала. Как будто все то время, что Блум пропадал, так и просидела возле терминала, ожидая, когда он позвонит.

– Блум, – она даже не удивилась, узнав, что это, действительно, он. – Где ты находишься? Я звонила Шейнисам, но Лиза сказала мне, что ты ушел от них несколько часов назад.

– Что она тебе ещё сказала? – спросил Блум.

– Я мало что поняла из того, что она говорила, – ответила Мейла и снова повторила свой вопрос: – Где ты сейчас, Блум?.. С тобой все в порядке?

– Я в полном порядке, – улыбнулся Блум. – Включи определитель адреса, и он подскажет тебе, где я нахожусь.

– Шестая улица? – удивленно произнесла Мейла спустя несколько секунд. – Что ты там делаешь?

– То же, что и всегда. Ищу выход.

– Ну, и как, нашел что-нибудь?

– Пока только подтверждение твоей теории о пространственной структуре Города…

В нескольких словах Блум обрисовал Мейле ставшую известной ему картину. Мейла задала только пару уточняющих вопросов, в основном же ей все было понятно. Но известие о том, что её теоретические изыскания получили фактическое подтверждение, как показалось Блуму, вовсе не обрадовало Мейлу. Она отнеслась к сему факту, как к должному, словно и не ожидала ничего иного.

– Если все это было известно тебе ещё вчера, зачем ты снова туда вернулся? – спросила Мейла.

– Я ещё не сказал тебе самого главного. Скоро произойдет смещение границы Города, и Шестая улица окажется за его чертой…

Блуму не пришлось долго объяснять Мейле, что именно он задумал. Она поняла все с первых слов.

– Блум, это может оказаться опаснее, чем ты думаешь, – голос Мейлы звучал на удивление спокойно. Так спокойно, что это выглядело ненатурально. – Прежде, чем совершать такой шаг, нужно все тщательно обдумать и взвесить. Возможно существует какой-то иной, менее рискованный способ выяснить, что происходит с улицей, попавшей в Разлом.

– Именно поэтому я не стал даже предлагать тебе присоединиться ко мне, – невинно улыбнулся Блум. – Ты ищешь решение задачи, а я… Я хочу вырваться из этого опостылевшего мне Города.

– Но нет никаких доказательств тому, что через зону строительств можно покинуть Город, – рассудительно, как всегда, заметила Мейла. – То, что реконструируемая улица временно находится за чертой Города само по себе ровным счетом ничего не значит. Сносом зданий и последующими восстановительными работами должен кто-то руководить. И функции эти, скорее всего, выполняет все тот же инфор.

– В таком случае, мы снова увидимся через год, – ответил Блум.

– Тебе ещё нужно будет прожить этот год.

– Я очень постараюсь.

– Ты напрасно шутишь, Блум.

– Я отношусь к подобной перспективе с юмором только потому, что ни секунды не сомневаюсь в том, что мне удастся покинуть Город.

– Слепая вера ничего не стоит.

– Когда как.

Блуму вдруг стало невыносимо скучно разговаривать с Мейлой. Он чувствовал, что она пытается, но не может понять, что же заставляет его совершать столь безрассудный, с её точки зрения, поступок. Быть может, причиной было то, что она растрачивала свою природную агрессивность, охотясь на газонокосилок?..

– Я позвоню тебе позже, – сказал Блум. – Прости, но у меня куча дел.

– Хорошо, – не стала возражать Мейла. – Я подумаю и составлю список того, что может тебе пригодиться.

– Я уже занимаюсь этим.

– Ну вот и отлично. Вдвоем мы уж точно ничего не упустим.

Спорить было бесполезно. Да и ни к чему. Два последующих дня у Блума, и в самом деле, оказались занятыми до предела. Дел было невпроворот. Квартира, которую он занял, постепенно заполнялась запасами консервированных продуктов длительного хранения, концентратов, одежды и всевозможного инвентаря, начиная от спальных мешков и заканчивая странными приспособлениями для ловли рыбы в открытых водоемах, которые были включены в общий список по настоянию Мейлы. Все это нужно было рассортировать, разложить по местам и включить в опись, чтобы не забыть, что уже имеется в наличии, а что ещё только предстоит заказать. Три двадцатилитровые канистры алого цвета, заполненные под завязку медицинским спиртом, занимали почетное место в груде остального провианта. Мейла выразила сомнение, не много ли будет 60 литров 96 процентного алкоголя для одного человека, на что Блум резонно

ответил, что спиртного никогда не бывает слишком много. Если судить по книгам классиков, на которые главным образом и опирались как Блум, так и Мейла, при составлении списка продовольствия и вещей, необходимых для выживания в экстремальных условиях, исследователи непознанного и первопроходцы диких земель, лежащих где-то на западе, легче переносили отсутствие пищи, нежели недостаток спиртного.

Разговаривая с Мейлой по несколько раз на дню, Блум чувствовал, что она начинает принимать его авантюру все ближе к сердцу. Она так внимательно следила за всеми его приготовлениями, словно от этого зависела её собственная жизнь. У Блума даже начали появляться опасения, не решится ли Мейла в последний момент присоединиться к нему? Он, конечно, морально готовил себя к самому худшему, но, что, если выход из Города, и в самом деле, не удастся найти? Провести год вдвоем с женщиной, которая все обо всем знала, – Блум вполне обоснованно опасался, что для этого всех его запасов спирта окажется недостаточно. А, поскольку в суррогатах и заменителях, которые придется подыскивать спустя пару месяцев такой жизни, он ровным счетом ничего не понимал, то резонно полагал, что даже в эксперименте на выживание лучше бы обойтись без дополнительного фактора риска.

Вечером того же дня, когда он вселился в новую квартиру, Блум спустился в холл. Его интересовала судьба тех жителей, которые все ещё оставались в зоне грядущего Разлома, не подозревая о нависшей над ними угрозе.

В холле Блум завел долгий беспредметный разговор с роботом-привратником, который после долгих лет одиночества готов был говорить о чем угодно. В результате Блум почти поверил в то, что о смещении границы привратник не имеет ни малейшего представления, и окончательно убедился в том, что никакого организованного переселения престарелых жителей 6-й улицы в ближайшем будущем не предвидится

На следующий день, взяв в руки полученный от робота-привратника список, Блум отправился обходить жителей своего дома, рассчитывая хоть кого-то предупредить о грядущей беде.

В пяти из одиннадцати указанных в списке квартир ему просто никто не открыл дверь. Привратник, за помощью к которому, ожидая самого худшего, обратился Блум, ответил, что жильцы указанных квартир живы и чувствуют себя вполне нормально для своего возраста, но при этом решительно заявляют, что не желают никого видеть. В четырех квартирах Блум встретил стариков и старух, полностью выживших из ума. В ответ на его слова они радостно улыбались и кивали седыми

головами, но при этом их прозрачные водянистые глаза не были замутнены ни единой мыслью. Они не понимали абсолютно ничего из того, что пытался втолковать им странный пришелец. При этом двое из них даже не могли подняться с постелей, – все естественные функции организма им помогали отправлять управляемые инфором медицинские роботы. Инфор проявлял заботу о жителях Города до самого последнего дня.

В квартире на пятом этаже Блуму все же повезло встретить бодрого и вполне здравомыслящего старика, который сам открыл ему дверь, предложил войти и даже угостил пивом. Но когда Блум рассказал ему о близящемся Разломе и посоветовал, как можно скорее перебраться на другую улицу, старик только грустно улыбнулся и покачал лысой головой.

– Молодой человек, – тихо произнес он. – Я прожил долгую жизнь. Но в ней не было ничего такого, ради чего я стал бы мечтать ещё об одном лишнем дне жизни. Я искренне благодарен вам за заботу, но, тем не менее, я останусь здесь, – он сделал глоток темного пива из высокого стакана и, улыбнувшись, добавил: – Кто знает, быть может, смещение границы, о котором вы рассказываете, окажется самым интересным событием в моей долгой и скучной жизни.

Положить конец попыткам установления контактов с престарелыми жителями 6-й улицы убедила Блума встреча, ожидавшая его в последней оставшейся в списке квартире.

Она находилась на седьмом этаже, в дальнем углу площадки.

Блум нажал на кнопку звонка. Ответа не последовало. Блум позвонил ещё раз, после чего решил стукнуть в дверь кулаком, – он уже имел некоторый опыт и знал, хотя и не мог объяснить тому причину, что старики гораздо лучше реагируют на решительный стук в дверь, нежели на мелодичную трель дверного звонка.

Дверь легко распахнулась от первого же толчка.

В ноздри Блуму ударил странный и неприятный, незнакомый ему сладковатый запах.

– Эй! – достаточно громко, чтобы быть услышанным человеком, у которого, возможно, проблемы со слухом, позвал Блум.

Еще пару раз стукнув костяшками пальцев по дверному косяку, Блум вошел в прихожую. Ему по-прежнему никто не отвечал. Но из глубины квартиры доносились негромкие, но отчетливые звуки, словно кто-то старательно скреб ногтями по шероховатой поверхности.

Блуму почему-то сделалось не по себе. Пожалев, что в руке у него нет верного металлического прута, он все же медленно

двинулся вперед.

В первой комнате, в которой находилась спальня, никого не было. Постель была разбросана. На полу посреди комнаты одиноко валялся тапочек без задника безумно-зеленого цвета.

– Кто дома?! – снова позвал Блум и, не получив ответа, двинулся дальше.

То, что он увидел в следующей комнате, заставило его в первый момент в недоумении замереть на месте. Он не сразу понял, что перед ним. Кресло перед огромным экраном инфора занимала некая бесформенная, медленно шевелящаяся масса.

Блум обвел комнату взглядом, – стены, потолок, пол…

Пол был усеян мириадами мелких роботов-чистильщиков, которые, подобно трудолюбивым муравьям, несколькими четко обозначенными потоками перемещались от своих ячеек в основании стен к креслу и параллельно двигались обратно.

Блум сделал шаг вперед и присмотрелся к тому, что находилось в кресле.

Это были останки человеческого тела, облепленные тысячами усердных чистильщиков.

Блум в ужасе отшатнулся назад, больно ударился спиной об открытую дверь и, развернувшись, кинулся вон из квартиры.

На лестничной площадке его вырвало.

Немного придя в себя, он первым делом осмотрел ботинки и брюки. Убедившись, что за них не зацепился ни один чистильщик, он побежал вниз по лестнице.

Робот-привратник, естественно, находился на своем месте.

– Я только что с седьмого этажа… – задыхаясь от быстрого бега, с трудом выговорил Блум. – Там покойник… Мертвец…

– Да, мне об этом известно, – невозмутимо ответил ему привратник. – Жилец из апартаментов номер 103, если вы именно его имеете в виду, умер сегодня утром в восемь часов тридцать две минуты, – заметив распечатку, которую сжимал в руке Блум, робот счел нужным добавить: – Документация, которой вы располагаете, устарела почти на сутки. Если вы желаете, я могу заново распечатать для вас весь список.

– К черту список! – Блум скомкал целлулоидный лист и отшвырнул его в сторону. – Там творится черт знает что!.. Чистильщики!.. Они поедают тело!..

– Не поедают, а утилизируют, – деликатно поправил его привратник. – Это обычная процедура…

Блум пришел в себя только после того, как поднялся в свою квартиру и выпил стакан водки.

В другие дома Блум уже не пошел.

Он продолжал запасаться продуктами и инвентарем, то и

дело обсуждая что-то по телефону с Мейлой, а вечерами отправлялся к старику с пятого этажа, чтобы выпить пива и просто так, ни о чем поболтать с ним.

Спустя три дня Блуму уже стало казаться, что жизнь, сделав неожиданный зигзаг, вновь вошла в привычную колею, и ничего необычного уже не произойдет. Его это вовсе не радовало, но, в то же самое время, он как будто испытывал некое облегчение, – он сделал все от него зависящее, чтобы добраться до намеченной цели, и не его вина в том, что смещение границы не произошло.

А, может быть, оно и неплохо, – время от времени перебираться на новое место и при этом как бы начинать жизнь заново, – с новыми заботами и новыми соседями? Чем не психологическая компенсация повседневной однообразности? Ничем не хуже дурацкого оплывания перед экраном инфора под воздействием программы интенсивной психокоррекции… Или выслеживания газонокосилок на улицах Города.

Таймер, выведенный на экран инфора отсчитал уже 84 часа с той минуты, как Блум начал обживать свою новую квартиру. Было время обеда.

Блум сидел за столом, вкушая сочные куриные котлеты, фаршированные грибами. Отломив кусочек, он положил его на язык и взял в руки бокал красного вина.

В прихожей, ударившись о стену, стукнула входная дверь, которую Блум никогда не запирал. Рука Блума дрогнула. Вино пролилось на скатерть.

– Эй, парень! – раздался из прихожей знакомый уверенный бас.

Блум суетливо вскочил из-за стола и метнулся в сторону прихожей.

Но Хантер уже входил в комнату.

На нем был длинный плащ болотного цвета и черная широкополая шляпа. На плече висел объемистый баул. В руке Хантер держал большую клеенчатую сумку.

Войдя в комнату, гость кинул всю свою поклажу на пол и окинул взглядом превращенное в склад помещение.

– Основательно устроился, – с одобрением произнес он и, сняв с головы шляпу, кинул её на сверток с одеялами.

– Ты что здесь делаешь? – недоумевающе глядя на гостя, спросил Блум.

– Тебя навестить пришел, – ухмыльнулся Хантер. Пододвинув стул, он сел за стол и, взяв вилку Блума, подцепил с его тарелки оставшуюся половину котлеты.

– Неплохо, – одобрительно кивнул он, прожевав пишу.

– Так что же, – недоумевающе развел руками Блум. –

Смещения не будет?

– Будет, – уверенно кивнул Хантер. – И очень скоро.

– Но, ты…

Блум умолк, не зная что сказать.

– А что я? – посмотрел на него Хантер. – Чем я хуже тебя?

– Да не в том дело!

– А в чем тогда? Объясни.

– Я не уверен, что в результате смещения границы откроется выход из Города.

– Так, – Хантер кивнул, ожидая продолжения.

– Ты хочешь провести год на развалинах?

– А почему бы и нет, – пожал плечами Хантер. – В Городе я уже все равно ничего интересного для себя не найду.

– Почему ты вообще решил покинуть Город? – недоумевающе раскинул руки в стороны Блум.

Хантер задумчиво поскреб ногтями щетину на щеке.

– Видишь ли, – не спеша произнес он. – Мне кажется, что снаружи охота лучше.

Блум кинул быстрый взгляд на сумку, которую принес с собой Хантер.

Хантер усмехнулся и, наклонившись, подтянул сумку к себе.

– Я и для тебя винтовку прихватил, – сказал он, доставая из сумки продолговатый сверток.

Хантер положил сверток на стол и медленно развернул его. В свете ламп тускло блеснула вороненная сталь ствола, лежащего рядом с прикладом из черного полированного пластика.

– Ну что, берешь меня в свою компанию? – хитро посмотрел на Блума Хантер.

– Да о чем речь, – Блум нежно провел рукой по стволу винтовки. – Конечно! – с воодушевлением воскликнул он, взглянув на Хантера.

– Ну и отлично, – кивнул тот и приподнял крышку со стоящего на столе блюда. – Слушай, ты все уже съел!..

– Повтори заказ, – предложил Блум.

– А, ладно, – махнул рукой Хантер. – Потом.

– Как ты меня нашел?

– Ты думаешь, это было сложно? – Хантер усмехнулся. – Я только вышел на Шестой улице, как сразу же увидел на проезжей части твой автограф.

– А дом?

– Я узнал через инфор твой прежний адресуй почему-то решил, что на новом месте ты, скорее всего, выберешь тот же самый дом.

– Логично.

– Еще бы… Кроме того, ещё и это, – Хантер указал вилкой на распахнутое окно. – Немногие в Городе держат окна раскрытыми… Ты хорошо подготовился, – сказал он, окидывая оценивающим взглядом запасы Блума. – Я тоже кое-что с собой прихватил, но так, по мелочи…

– Ничего, – улыбнулся Блум. – Еще успеем пополнить запасы.

– Боюсь, что уже нет, – серьезно посмотрев на него, покачал головой Хантер.

И словно только эти его слова и должны были быть произнесены, – в доме и на улице погас свет.

Через пару секунд узкий лучик от фонарика, который держал в руке Хантер, прорезал тьму и осветил фигуру Блума, замершего с прижатой к груди несобранной винтовкой, которую он, повинуясь инстинкту, схватил со стола.

– Ну вот и началось, – абсолютно спокойно произнес Хантер. И, лукаво подмигнув Блуму, добавил: – Не грех было бы по этому поводу выпить.

Эпилог

Каждый день в урочное время, неизменно одно и то же, на улицах Города гаснет свет и включается ночное освещение. Ночь длится ровно 8 часов, – с 11 вечера до 7 утра. В 7.05 прекращается утренний дождь, поливающий газоны и смывающий пыль с мостовых, и на улицы Города выезжают большие, плоские, как будто придавленные к земле оранжевые прямоугольники уборочных машин, а на газоны, стрекоча ножами, выбегают похожие на гигантских серых жуков газонокосилки.

Строго установленный порядок нерушим. Одно и то же, с точностью великолепно отлаженного механизма, происходит по всему Городу, на всех семи его уровнях, каждый из которых разделен на пять линий, пересеченных 92 улицами. Вывозится на переработку мусор, стеллажи магазинов пополняются пользующимися спросом товарами, вдоль линий, строго в соответствии с расписанием, бегают сдвоенные серебристые вагончики монорельса, пассажирские лифты и грузовые подъемники осуществляют связь между уровнями.

Связь, управление и контроль обеспечиваются системой инфора, охватывающей своей сетью весь Город.

Город подобен огромному организму, который жив до тех пор, пока все его органы исправно осуществляют свои функции…

* * *

Люциус Шейлис сидит в кресле перед погашенным экраном инфора. Его скрюченные, словно одеревеневшие пальцы судорожно цепляются за подлокотники.

Шейлис близок к состоянию прострации. Он страдает и знает только одно средство, которое могло бы облегчить его муки. Но то, что прежде казалось простым и обычным, теперь пугает его.

С невероятным усилием Шейлис отрывает правую руку от подлокотника. Ладонь потная, и Люциус вытирает её о рубашку на груди. Протянув руку к пульту, он резко ударяет пальцем по клавише включения. Экран перед ним загорается. Быстро, боясь передумать, Шейлис начинает набирать на клавиатуре код, который знает на память. Через полминуты на экране появляется изображение виртуального доктора.

– Чем могу быть вам полезен? – улыбается Шейлису врач с экрана.

Шейлис замирает, словно загипнотизированный

приветливым взглядом врача.

– Я слушаю вас, господин Шейлис…

Шейлис судорожно сглатывает, дергая покрытым щетиной подбородком.

– Интенсивная психокоррекция…

* * *

Крыса обнюхивает толстый черный кабель в пластиковой обмотке. Усы её презрительно шевелятся. На морде появляется выражение резкого неодобрения. То, что находится перед крысой, мало соответствует её представлениям о еде. Но, как бы там ни было, эту вещь, несомненно, стоит попробовать на вкус.

Крыса обнажает два широких желтых резца и, секунду помедлив, вонзает их в пластиковую обмотку кабеля.

Вкус пластика не нравится крысе, но зато он мягок и грызть его легко. Крыса даже не думает остановиться, когда пластик оказывается прогрызен насквозь, и резцы её скользят по медным жилам кабеля. Она только сильнее сжимает челюсти.

Сноп искр вылетает из-под зубов крысы, – лопаются одновременно три провода. Удар тока отбрасывает животное в сторону. Злобно пискнув, крыса вновь вскакивает на все четыре лапы и с утроенной злостью набрасывается на кабель.